СЛОВА И РѢЧИ

СѵНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА

ФИЛАРЕТА,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

СЛОВА И РѢЧИ

СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА

ФИЛАРЕТА,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. *Матѳ. XXVIII.* 20.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА.
1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ Генваря 13-го дня, 1844 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Виванской Семинаріи Ректоръ
Архимандритъ Филоѳей

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКО
АКАДЕМИИ
212248

А҃ще бо благовѣствую, нѣсть мѝ
похвалы, нужда бо мѝ належи́тъ:
го́ре же мнѣ є́сть, а҃ще не благо-
вѣствую. а҃. Кор. ѳ҃. ѕ҃і.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

СЛОВА

НА ЦАРСКІЕ ДНИ.

Богъ *не оставилъ человѣка обидѣти ихъ*; Онъ отверзаетъ небо, и дастъ услышать оттолѣ Творческое слово, созидающее ихъ безопасность: *не прикасайтеся помазанныимъ Моимъ.*

Подъ именемъ *помазанныихъ* въ семъ изреченіи первоначально разумѣются нѣкоторые начальники избраннаго Богомъ племени. Но поелику тоже имя помазанныхъ, тѣмъ же Словомъ Божіимъ, усвоено предержащимъ властямъ, отъ Бога поставленнымъ: то мы не погрѣшимъ теперь, если, возведя умъ свой на небо, представимъ себѣ, что Царь царей и Господь господей, съ Высочайшаго Престола Своего, указуетъ на всѣхъ помазанныхъ отъ Него властителей, и заповѣдуетъ всѣмъ подвластнымъ: *не прикасайтеся помазанныимъ Моимъ!*

Не удивительно, что громовымъ гласомъ нужно было возвѣщать сію заповѣдь народамъ языческимъ, глухимъ для кроткаго слова Божія. Кто бы подумалъ, что для Христіанскихъ народовъ нужно будетъ вновь написать ее, кровію Христіанскихъ народовъ? Но она написана кровію и огнемъ на жесткой скрижали Европы; и въ просвѣщенномъ вѣкѣ есть мудрецы, которые донынѣ еще не умѣютъ прочитать сихъ грозныхъ и вмѣстѣ спасительныхъ письменъ!

Благочестивые Россіяне! кто, какъ вы нынѣ, *творитъ молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за Помазаннаго Царя и за всѣхъ, иже во власти суть* (1 Тим. II. 1. 2.): тотъ, если дѣлаетъ сіе искренно и усердно, являетъ дѣломъ, что на сердцѣ его написанъ законъ благоговѣнія и любви къ пома-

занным Божиим. Посему можно быть увѣрену, что здѣсь нѣтъ никого, для кого бы нужно было заповѣдь о неприкосновенности помазанных Божіихъ проповѣдывать, какъ новую заповѣдь. Но какъ во время заразы желающіе предохранить себя умножаютъ очистительный огнь и куреніе: такъ во времена, когда зараженный духъ вѣка распространяетъ мнѣнія тлетворныя, не безполезно и намъ, размышленіемъ воздувать хранящуюся у насъ искру истины, дабы чистыми и неповрежденными сохранить чувствованія сердечныя.

Если бы слово Божіе не провозглашало неприкосновенности помазанных Божіихъ: тѣмъ не менѣе надлежало бы обществу человѣческому закономъ постановить и освятить неприкосновенность власти Государственной. Правительство, не огражденное свято почитаемою отъ всего народа неприкосновенностію, не можетъ дѣйствовать ни всею полнотою силы, ни всею свободою ревности, потребной для устроенія и охраненія общественнаго блага и безопасности. Какъ можетъ оно развить всю свою силу въ самомъ благодѣтельномъ ея направленіи, когда его сила непрестанно находится въ непадежной борьбѣ съ другими силами, пресѣкающими ея дѣйствіе въ столь многоразличныхъ направленіяхъ, сколько есть мнѣній, предубѣжденій и страстей, болѣе или менѣе господствующихъ въ обществѣ? Какъ можетъ оно предаться всей своей ревности, когда оно по необходимости должно дѣлить свое вниманіе, между попеченіемъ о благосостояніи общества, и между заботою о собственной своей без-

опасности ? Но если такъ нетвердо Правительство: нетвердо также и Государство. Такое Государство подобно городу, построенному на огнедышущей горѣ: что значатъ его твердыни, когда подъ ними кроется сила, которая можетъ каждую минуту все превратить въ развалины? Подвластные, которые не признаютъ Священной неприкосновенности владычествующихъ, надеждою своеволія побуждаются домогаться свосволія; власть, которая не увѣрена въ своей неприкосновенности, заботою о своей безопасности побуждается домогаться преобладанія: въ такомъ положеніи Государство колеблется между крайностями своеволія и преобладанія, между ужасами безначалія и угнѣтенія, и не можетъ утвердить въ себѣ послушной свободы, которая есть средоточіе и душа жизни общественной.

Но не простираясь далѣе въ сихъ гражданскихъ соображеніяхъ, обратимъ вниманіе къ Слову Божію, которому внимать мы призваны, и которое немногими чертами, или звуками, открываетъ великій свѣтъ.

Не прикасайтеся помазанныхъ Моихъ. Краткая заповѣдь, но премудро соединяющая въ себѣ съ требованіемъ повиновенія глубокое изъясненіе сего требованія и убѣжденіе къ послушанію! *Не прикасайтеся* властямъ предержащимъ, глаголетъ Вседержитель, ибо онѣ суть *Мои*; не прикасайтеся, ибо онѣ суть *помазанные* отъ Меня.

И такъ одно изъ глубокихъ основаній неприкосновенности предержащихъ властей есть то, что онѣ суть Божіи. *Нѣсть бо власть*, какъ говоритъ

Апостолъ, *аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. XIII. 1.).

При сей мысли, опять удивляюсь и сѣтую, воспоминая, какъ нѣкоторые, вопреки столь ясному ученію первыхъ, истинныхъ, Богодухновенныхъ учителей Христіанскихъ, что *власть отъ Бога*, среди Христіанства вздумали учить, что власть отъ народа. Спросилъ бы я сихъ людей, которые сами себя провозглашали мудрецами за то, что по обдуманному плану были совершенными невѣждами въ Христіанствѣ, и учили сему невѣжеству другихъ;—спросилъ бы я ихъ: гдѣ же видѣли вы народъ, который бы сперва не имѣлъ надъ собою власти, и потомъ сотворилъ ее для себя? Въ какихъ мѣстахъ? Въ какія времена? Не думаю, чтобы вы рѣшились указать на скопища бѣглецовъ или разбойниковъ, какъ на первоначальный и совершеннѣйшій образецъ общества человѣческаго. Можете ли вы хотя въ другомъ родѣ вещей показать намъ образъ того, какъ, по вашему понятію, происходитъ власть въ обществѣ? Если, на примѣръ, уподобимъ общество зданію, а власть сравнимъ съ основаніемъ, которымъ все поддерживается, или со сводомъ, который все покрываетъ: зданіе ли полагаетъ свои основанія, или возноситъ надъ собою сводъ? Не художникъ ли устрояетъ все сіе? Или, если представимъ себѣ общество въ видѣ членовнаго тѣла; и власть, какъ орудіе управленія и охраненія, какъ возбудительную силу общественной жизни и дѣятельности, назовемъ главою или сердцемъ: глава и сердце рукамъ ли и ногамъ обязаны своимъ происхож-

деніемъ и достоинствомъ? Не основательнѣе ли признать общее и высшее начало образованія для всего состава членовъ? — Но поспѣшимъ опять, по совѣту Апостола, *уклониться отъ прекословій лжеименнаго разума* (1 Тим. VI. 20.), *и внимать ученію* (1 Тим. IV. 16.).

Изыскателю безпристрастному нетрудно уразумѣть, какимъ образомъ власть, по ученію Христіанскому, происходитъ отъ Бога. Откуда сіе множество людей, соединенныхъ языкомъ и обычаями, которое называютъ *народомъ*? Очевидно, что сіе множество *народилось* отъ нѣкоего меньшаго племени, а сіе произошло отъ семейства. И такъ въ семействѣ, собственно такъ называемомъ, лежатъ сѣмена всего, что потомъ раскрылось и возросло въ великомъ семействѣ, которое называютъ Государствомъ. Слѣдственно тамъ должно искать начатковъ и перваго образа власти и подчиненія, видимыхъ нынѣ въ обществѣ Отецъ, который естественно имѣетъ власть дать жизнь сыну, и образовать его способности, есть первый властитель; сынъ, который ни способностей своихъ образовать, ни самой жизни сохранить не можетъ безъ повиновенія родителямъ и воспитателямъ, есть природно подвластный. Но какъ власть отца не сотворена самимъ отцемъ, и не дарована ему сыномъ, а произошла вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ Того, Кто сотворилъ человѣка: то и открывается, что глубочайшій источникъ и высочайшее начало первой, а слѣдственно и всякой послѣдующей между человѣками власти, есть въ Богѣ. *Изъ Него* во-первыхъ, какъ изъясняется Апостолъ,

всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется (Ефес. III. 15.); потомъ, когда сыны сыновъ разраждаются въ народъ, и изъ семейства возрастаетъ Государство, необъятное для естественной власти отеческой, Богъ даетъ сей власти новый искусственный образъ и новое имя, и такимъ образомъ Его Премудростію *царіе царствуютъ* (Прит. VIII. 15.); и далѣе, сколько бы ни продолжались народы, какъ бы ни измѣнялись Государства, всегда посредствомъ вседѣйствующаго Промысла *владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ* (Дан. IV. 22.). Поелику во времена невѣдѣнія, какъ человѣки забыли Творца своего, такъ и общества человѣческія не познавали верховнаго своего Владыки: то Богъ, вмѣстѣ съ другими тайнами Своими, и тайну происхожденія предержащихъ властей, даже чувственнымъ образомъ представилъ предъ очи міра въ избранномъ для сего народѣ Еврейскомъ. Въ Авраамѣ чудесно вновь сотворилъ Онъ качество отца, и постепенно произвелъ отъ него племя, народъ и царство; Самъ руководствовалъ Патріарховъ сего племени; Самъ воздвигалъ вождей и судей сему народу; Самъ *царствовалъ* (1 Цар. VIII. 7.) надъ симъ царствомъ; Самъ воцарилъ надъ нимъ царей, и долго являлъ надъ ними чудесныя знаменія Своей верховной власти.

Если такимъ образомъ всякая предержащая власть открыто, или сокровенно, исходитъ отъ Бога, и Ему принадлежитъ: то какъ дерзнуть прикасаться къ ней? Если мы требуемъ, чтобы наше произведеніе неприкосновенно было для другихъ, и наша соб-

ственность ненарушима: кто можетъ ненаказанно нарушить устроеніе и собственность Вседержителя?

Другое священное основаніе неприкосновенности предержащихъ властей есть то, что они суть *помазанные* отъ Бога.

Имя *помазанныхъ* Слово Божіе нерѣдко дастъ Царямъ, по отношенію къ Священному и торжественному помазанію, которое они пріемлютъ, по Божественному установленію, при вступленіи на Царство. Какъ бы мы ни разсуждали о семъ дѣйствіи, значитъ ли оно посвященіе помазуемаго Богу, или его освященіе отъ Бога, созерцаемъ ли мы въ семъ дѣйствіи таинство, приносящее помазуемому Божественный Духъ и силу духовную, или только видимъ дѣйствіе торжественное, предъ очами народа, полагающее на Царя несокрушимую печать Вышняго избранія; если только имя помазанника Божія не есть слово безъ значенія, то оно представляетъ лице, запечатлѣнное Богомъ, священное, превознесенное, достойное благоговѣнія, и потому неприкосновенное.

Но достойно особеннаго примѣчанія, что Слово Божіе именуетъ помазанными и такихъ земныхъ владыкъ, которые никогда не были освящены видимымъ помазаніемъ. Такъ Исаія, возвѣщая волю Божію о царѣ Персидскомъ, говоритъ: *сице глаголетъ Господь помазанному Своему Киру* (Иса. XLV. 1.); тогда какъ сей царь языческій еще и не родился, и родясь, не познаетъ Бога Израилева, въ чемъ и обличается отъ Него предварительно. *Укрѣпихъ тя, и не позналь еси Мене* (5.). Какимъ

же образомъ сей самый Киръ, въ тоже время, наречень помазаннымъ Божіимъ? Самъ Богъ изъясняетъ сіе, когда предрекаетъ о немъ чрезъ того же Пророка: *Азъ возставихъ его; сей созиждетъ градъ Мой, и пленіе людей Моихъ возвратитъ* (13.). Приникни здѣсь, Христіанинъ, въ глубокую тайну предержащей власти! Киръ есть царь языческій; Киръ не знаетъ истиннаго Бога: однако Киръ есть помазанникъ истиннаго Бога. Почему? Потому что Богъ, *сотворивый грядущая* (11), назначилъ его для исполненія судьбы Своей о возстановленіи избраннаго народа Израильскаго; сею Божественною мыслію, такъ сказать, помазалъ Духъ его еще прежде, нежели произвелъ его на свѣтъ: и Киръ, хотя не знаетъ, кѣмъ, и для чего помазанъ, движимый сокровеннымъ помазаніемъ, въ царствѣ языческомъ совершаетъ дѣло Царствія Божія. Какъ могущественно помазаніе Божіе! Какъ величественъ помазанникъ Божій! Если только не изглаждаетъ онъ въ себѣ помазанія Божія упорнымъ противленіемъ помазавшему его Богу: то онъ есть живое орудіе Божіе; сила Божія исходитъ чрезъ Него во вселенную, и движетъ большую или меньшую часть рода человѣческаго, къ великой цѣли всеобщаго совершенія. Если таковъ можетъ быть даже невѣдущій Бога: не много ли паче священно величіе тѣхъ помазанниковъ, которые познали Помазавшаго ихъ, и даръ помазанія не только пріяли для другихъ, но и для себя объяли вѣрою и благочестіемъ, какъ Давидъ, Іосія, Константинъ Великій, помазанные для того, чтобы съ собою воцарять благочестіе, и — не

усумнимся присовокупить — какъ Александръ Благословенный, помазанный разрушить мятежное могущество нечестія въ сіи послѣднія времена?

О таковыхъ сугубо священныхъ помазанникахъ, если бы грозная заповѣдь не возвѣщала, благоговѣйная любовь сама собою чувствуетъ, что *касаяйся ихъ, яко касаяйся въ зѣницу ока Господня* (Зах. II. 8.).

Храните же внимательно зѣницу ока Господня; *не прикасайтеся Помазанныимъ Его.* Заповѣдь Господня не говоритъ: не возставайте противу предержащихъ властей. Ибо подвластные и сами могутъ понимать, что, разрушая власть, разрушаютъ весь составъ общества, и слѣдственно разрушаютъ сами себя. Заповѣдь говоритъ: *не прикасайтеся* даже такъ, какъ прикасаются къ чему либо безъ усилія, безъ намѣренія, по легкомыслію, по неосторожности; ибо случается нерѣдко, что въ семъ неприметно погрѣшаютъ. Когда власть налагаетъ на подвластныхъ нѣкое бремя, хотя и легкое и необходимое: какъ легко возбуждается ропотъ! Когда подвластные видятъ дѣю власти, несогласное съ ихъ образомъ понятія: какъ стремительно исторгаются изъ устъ ихъ слова осужденія! Какъ часто необученная послушанію мысль подчиненнаго, нечистымъ прикосновеніемъ, касается самыхъ намѣреній власти, и полагаетъ на нихъ собственную свою нечистоту! Клеветъ мой! кто далъ тебѣ власть надъ твоими владыками? Кто поставилъ тебя судіею твоихъ судей? Христіанская душа! ты призвана *пови-*

новатися за совѣсть (Рим. XIII. 5.): елико можно, не прикасайся власти, ниже словомъ ропота, ниже мыслію осужденія; и вѣруй, что *якоже возвеличися душа Помазанныхъ во очію твоею, тако возвеличишься ты предъ Господемъ, и покрыетъ тя, и изметъ тя отъ всякія печали* (1 Цар. XXVI. 24.). Аминь.

2. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВѢНЧАНІЯ НА ЦАРСТВО, И МУРОПОМАЗАНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, ГОВОРЕННОЕ 1823 ГОДА

Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. 1 Тим. 2, 1. 2.

О чемъ такъ настоятельно проситъ Апостолъ ученика своего Тимоѳея, Епископа Ефесскаго; или лучше сказать, что̀ такъ непремѣнно заповѣдуетъ чрезъ Епископа и всей церкви: то самое, Христіане, съ особенною торжественностію исполняемъ мы нынѣ въ семъ домѣ молитвы. *Совершая молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ*, особенно мы приносимъ оныя за помазаннаго нынѣ Богомъ Царя нашего, который не только скипетромъ и мечемъ ограждаетъ нашу жизнь и безопасность, но духомъ и всею жизнію

своею подвизается, *дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ.*

Не благодарно было бы предъ Богомъ и предъ нимъ, не вспомнить теперь, какой недавно примѣръ подалъ онъ намъ въ дѣлѣ молитвы, когда, не смотря ни на утомленіе отъ пути, ни на многоразличныя занятія кратковременнаго пребыванія въ обширномъ городѣ, въ шесть дней четырекратно посѣтилъ здѣшніе храмы въ часы возношенія безкровной жертвы.

Какъ пріятно должно быть подданнымъ молиться за Царя, который такъ прилѣжно молится за подданныхъ!

Но между тѣмъ, какъ дѣло сіе совершается усердіемъ всѣхъ и каждаго, Церковь не почитаетъ излишнимъ, часто среди самаго дѣла молитвы, повторять намъ заповѣдь Апостола о молитвѣ: *молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.*

Посему неизлишнимъ почелъ и я, не только повторить сію заповѣдь, но и разрѣшить ее на содержащіяся въ ней особенныя наставленія о молитвѣ.

Первое наставленіе въ изреченіи Апостола о молитвѣ есть то, что онъ поставляетъ дѣло молитвы прежде всего: *молю прежде всѣхъ творити молитвы.*

Много дѣлъ благихъ, которыхъ требуетъ отъ

Христіанина Христіанство, и которыя оно въ немъ совершаетъ: но дѣло молитвы должно быть прежде всѣхъ; потому что безъ него не можетъ совершиться никакое другое дѣло благое. Найти и самымъ дѣломъ пройти путь Господень, уразумѣть истину, увидѣть жизнь, или иначе сказать, покаяніемъ распять плоть со страстями и похотями, чтобы очистить себя отъ всякія скверны плоти и духа, посредствомъ вѣры воскреснуть и просвѣтиться въ сердцѣ свѣтомъ Христовымъ, наконецъ Божественною любовію быть вознесену къ соединенію съ Божествомъ и къ обоженію посредствомъ сего соединенія: вотъ въ немногихъ словахъ сокращеніе великихъ дѣлъ, которыя должны совершиться въ Христіанинѣ; и какъ можно имъ совершиться, когда низшее изъ оныхъ не можетъ быть совершено безъ высшихъ; а высшее, обыкновенно, недостижимо для того, кто не могъ еще вступить на низшій степень? Какъ можетъ найти путь тотъ, кто не видитъ истины? Или, какъ можетъ идти путемъ тотъ, въ комъ нѣтъ жизни? А истиною и жизнію не прежде можетъ для насъ содѣлаться Іисусъ Христосъ, развѣ когда содѣлается путемъ: ибо въ семъ точно порядкѣ обѣщалъ Онъ намъ открыться, когда сказалъ: *Азъ есмь путь и истина и животъ* (Іоан. XIV. 6.). Какъ же разрѣшить сей многосплетенный узелъ, котораго всѣ концы скрываются внутри его? Какъ отверзть сію заключенную сокровищницу, которая съ перваго взгляда не представляетъ ни ключа, ни отверзтія, гдѣ бы оный влагался? Главная нить, которою разрѣшается весь

узелъ духовныхъ таинъ, и ключъ, которымъ отверзаются всѣ сокровища благодати, есть молитва. Молись съ Давидомъ: *скажи мнѣ, Господи, путь, въ оньже пойду, яко къ Тебѣ взяхъ душу мою* (Псал. CXLII 8.): – и откроется тебѣ истинный путь Господень. *Аще кто отъ васъ лишенъ есть премудрости*, или, что тоже, познанія спасительной истины: *да проситъ отъ дающаго Бога всѣмъ щедролицепріемлетъ, и не поношающаго, и дастся ему* (Іак. I. 5.). Если кто и *живота просилъ есть у Тебѣ*, Господи, молитвою крѣпкою и чистою: *далъ еси ему* (Пс. XX. 5.), и даруешь всегда, *исполняя во благихъ желанія* любящихъ Тебя (Псал. CII. 5.). И что есть самая молитва въ сущности своей, какъ не дыханіе Божественной жизни въ человѣкѣ, по реченному: *самъ Духъ воздыхаетъ въ насъ воздыханіи неизглаголанными* (Рим. VIII. 26.)? Гдѣ есть хотя слабые начатки дыханія, тамъ есть признаки жизни: а гдѣ нѣтъ дыханія, тамъ нѣтъ и жизни. Такъ, въ комъ есть хотя начатки молитвы, въ томъ есть признаки жизни духовной: состояніе человѣка безъ духа молитвы есть состояніе бездыханнаго по внутреннему человѣку. Посему, какъ для жизни естественной прежде всего нужно возбудить дыханіе: такъ для жизни духовной прежде всего нужно возбуждать духъ молитвы.

Второе наставленіе въ разсматриваемомъ теперь изреченіи Апостола заключается то, что онъ даетъ понятіе о разныхъ видахъ молитвы. *Молю*, говоритъ онъ, *творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія.*

Молитвы должны мы приносить Богу, яко Богу, моленія, какъ Судіи, прошенія, какъ Царю, благодаренія, какъ Творцу и Подателю благъ. Прошеніями можемъ просить отъ Него благъ, преимущественно вѣчныхъ, а частію и временныхъ; моленіями нужду имѣемъ умолять Его, да избавитъ насъ отъ золъ, отъ грѣха и отъ наказанія за грѣхъ; за исполненіемъ прошеній и моленій естественно слѣдуютъ благодаренія; молитва въ собственномъ и высшемъ ея знаменованіи забываетъ нѣкоторымъ образомъ и зло и собственное благо, и устремляется къ созерцанію верховнаго и всеобщаго блага въ Богѣ, такъ что въ ней душа человѣка, по выраженію таинственнаго Пѣснопѣвца, *восходитъ* къ Богу, *аки стебло дыма кадильнаго* (Пѣсн. Пѣсн. III. 6.). Моленія сѣтуютъ предъ Богомъ и утѣшаются; прошенія дерзаютъ и смиряются предъ Нимъ; благодаренія веселятся и торжествуютъ; молитва благоговѣетъ предъ Нимъ, и горитъ въ любви, какъ жертва всегда живая и всесожигаемая. Молитва вообще есть душа всѣхъ особенныхъ моленій, прошеній и благодареній: впрочемъ и сіи, смотря по состоянію Христіанина, соединять съ молитвою не только позволительно для него, но полезно и даже необходимо.—Кто не приноситъ моленій о прощеніи грѣховъ, тотъ или по невѣжеству не знаетъ ихъ, или закрываетъ ихъ отъ себя гордостію, какъ Фарисей, и, въ томъ и другомъ случаѣ, не принадлежитъ къ царствію Божію, которое, съ тѣхъ поръ, какъ *вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Рим. III. 23.), не пріемлетъ никого, кромѣ

умоляющихъ и помилованныхъ. — Кто никогда не приноситъ Богу прошеній, тотъ мало вѣруетъ въ Его благость и силу, или совсѣмъ не вѣруетъ. *Доселѣ* — такъ обличаетъ въ семъ недостаткѣ молитвы самихъ Апостоловъ Іисусъ Христосъ — доселѣ *не просисте ничесоже во имя Мое: просите и пріимите, да радость ваша исполнена будетъ* (Іоан. XVI. 24.). Кто не приноситъ благодареній, тотъ оказываетъ небесному Подателю всѣхъ благъ такую несправедливость, которая и между человѣками, въ отношеніи къ земнымъ благодѣтелямъ, осуждается и наказуется общимъ презрѣніемъ.

Третіе наставленіе разсматриваемаго изреченія Апостольскаго состоитъ въ томъ, что онъ опредѣляетъ, за кого и въ какомъ порядкѣ должно совершать молитвы. *Молю*, говоритъ онъ, *творити молитвы за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть.*

Слыхалъ я нѣкоторыхъ, которые говорятъ: «гдѣ уже намъ за другихъ молиться, когда мы за себя умолить не можемъ?» Такіе люди, конечно, думаютъ, что за себя должно молиться прежде всего, а за другихъ можно и не молиться. Что должны они подумать, что должны думать и всѣ мы, когда слышимъ, что Боговдохновенный наставникъ въ молитвѣ заповѣдуетъ молиться за всѣхъ другихъ безъ изъятія: *за вся человѣки;* заповѣдуетъ молиться за нѣкоторыхъ преимущественно: *за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть;* а о молитвѣ за себя самихъ совсѣмъ не упоминаетъ? Что сіе значитъ? То, что молитва о себѣ самихъ, взятая отдѣльно отъ мо-

литвы за другихъ, какъ плодъ духовнаго своекорыстія, не можетъ составить чистой Христіанской добродѣтели, а потому и не стоитъ особенной заповѣди; между тѣмъ какъ молящійся о всѣхъ молится въ тоже время и о себѣ, и тѣмъ съ большею чистотою и безкорыстіемъ, чѣмъ менѣе отдѣляетъ свое особенное благо и спасеніе отъ всеобщаго блага и спасенія всѣхъ человѣковъ. Посему и Самъ Іисусъ Христосъ далъ всѣмъ намъ одну молитву, не каждому за себя, но всѣмъ и каждому за всѣхъ, повелѣвъ просить у *Отца нашего* небеснаго *воли Его* для всей *земли*, и *насущнаго хлѣба*, *прощенія долговъ*, *избавленія отъ искушеній* для всѣхъ *насъ* (Лук. XI. 2. 3. 4.). Даже въ частныхъ нашихъ случаяхъ Онъ желалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, *два или тріе совѣщались просить о всякой вещи Отца небеснаго* (Матѳ. XVIII. 19.). И такъ, не отрекайся отъ молитвы за другихъ подъ предлогомъ опасенія, что за себя умолить не можешь: но въ самомъ дѣлѣ опасайся, что не умолишь о себѣ, если за другихъ молиться не будешь. Если каждый о себѣ только молиться будетъ; то каждый останется только съ своею молитвою, хладный съ хладною, немощный съ немощною: но если каждый будетъ молиться за всѣхъ; то каждый вспомоществуемъ будетъ многомощною молитвою всея Церкви Христовы и всѣхъ Святыхъ Божіихъ. *Молю убо творити молитвы за вся человѣки.*

Что касается до молитвъ, предписанныхъ въ особенности *за царя*, *и за всѣхъ*, *иже во власти суть:* не безполезно въ настоящее время обратить

вниманіе на то, что когда писалъ Апостолъ сію заповѣдь къ Церкви Ефесской, тогда цари и власти, отъ которыхъ могло зависѣть ея внѣшнее благосостояніе, были не христіане, а язычники, не защитники, а большею частію гонители Церкви. Если за таковыхъ молиться есть обязанность Христіанская: то сколь противно было бы Христіанству нерадѣть о молитвѣ за Царя, который есть Хрістовъ помазанникъ, и который властію и примѣромъ утверждаетъ и распространяетъ благочестіе! Нерадѣніе сіе не можетъ остаться ненаказаннымъ по той сокровенной связи, которою Провидѣніе Божіе въ судьбѣ царей и народовъ не всегда близко, но всегда дивнымъ образомъ точно соединяетъ благочестіе съ благоденствіемъ, и пороки съ бѣдствіями. Почему столь благочестивые и благодѣтельные цари, какъ Езекія и Іосія, не могли отвратить погибели царства Іудейскаго? — Потому, что недостойный народъ не хотѣлъ вмѣстить духа благочестія, который они въ немъ возбудить столь усильно старались.

Четвертое наставленіе въ разсматриваемомъ изреченіи Апостола есть то, что онъ постановляетъ для дѣла молитвы правильную цѣль: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.*

Послѣдствія молитвы, съ неправильною цѣлію приносимой, изображаетъ другой Апостолъ, когда говоритъ: *просите и не пріемлете, зане зль просите, да въ сластехъ вашихъ иждивете* (Іак. IV.

3.) Онъ показываетъ молитву безплодную: *просите, и не пріемлете.* Но почему она безплодна? — Потому что не имѣетъ потребной доброты и достоинства: *зане зль просите.* А почему она недостойна? — Потому что молящіеся имѣютъ неправильную цѣль, дабы удовлетворить собственнымъ вожделѣніямъ: *да въ сластехъ вашихъ ождивете.* Предупреждая сіе злоупотребленіе и, можно сказать, осквернение святыни, какова есть молитва, святый Павелъ предписываетъ, чтобы мы при молитвахъ и прошеніяхъ нашихъ имѣли въ виду не собственныя вожделѣнія, но общее всѣхъ Христіанъ житіе, благосостояніе Церкви и отечества; чтобы предметомъ желаній нашихъ была не жизнь пріятная, для угожденія грубому или тонкому сластолюбію, не жизнь изобильная, для удовлетворенія корыстолюбію, не жизнь блистательная и славная, которая питала бы нашу гордость и честолюбіе; но жизнь тихая и безмятежная; чтобы наконецъ и сія самая не была послѣднею цѣлію желаній, такъ какъ мы, не имѣя въ сей временной, внѣшней жизни *пребывающаго града* (Евр. XIII 14.), не можемъ здѣсь поставить послѣдней меты для нашего стремленія, но чтобы мы, достигая тихаго и безмятежнаго состоянія временной и внѣшней жизни, тѣмъ безпрепятственнѣе простирались къ достиженію дальнѣйшихъ успѣховъ въ жизни внутренней, для пріобрѣтенія права на жизнь вѣчную въ грядущемъ небесномъ градѣ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.*

Воспользуемся, братія, сими Апостольскими на-

ставленіями, если кто до сихъ поръ не довольно ими пользовался.

Не попустимъ, чтобы праздность или суетныя увеселенія удаляли насъ отъ священнаго дѣла молитвы общественной и частной, церковной и домашней; не допустимъ самыя дѣла мірскія разрушать въ насъ сіе дѣло Божіе. Есть *время всякой вещи подъ небесемъ* (Еккл. III. 1.): какъ не быть времени для молитвы, которая есть первая вещь подъ небесемъ? Есть время для зрѣлищъ: какъ не быть времени для храма? Если поспѣшаешь и на добрыя и на законныя дѣла: поспѣши еще паче предварить ихъ молитвою, чтобы доброе и законное содѣлалось святымъ; ибо *все освящается молитвою* (1 Тим. IV. 5.). *Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы.*

Будемъ, сколько можно, внимательны къ разнымъ случаямъ, къ которымъ благоразумно примѣняемое дѣло молитвы становится полнымъ и совершеннымъ. Чувствуя себя повинными предъ правосудіемъ Божіимъ, принесемъ Ему моленія, да проститъ намъ долги наши; а если бы и все повелѣнное сотворили, не престанемъ и тогда умолять о милости, признавая себя рабами неключимыми, которые ничего еще не заслужили, исполнивъ только должное. Мысль, что небесный Отецъ знаетъ наши нужды, сія сладкая пища Христіанской надежды, да не превращается у насъ въ пищу лѣности или невѣрія; то, что Отецъ всевѣдущъ, да не препятствуетъ чадамъ быть искренними; будемъ приносить Ему дѣтскія прошенія наши, дабы Тотъ, Ко-

торый по своему всевѣдѣнію предвидѣлъ оныя, могъ исполнить оныя сообразно съ правдою Своею. Но какъ чада послушанія, получимъ ли просимое въ полную мѣру прошенія, или совсѣмъ не получимъ онаго, или даже лишимся и того, что имѣли, во всѣхъ сихъ случаяхъ не престанемъ приносить наши благодаренія Отцу, Который сколько щедръ тогда, когда подаетъ хлѣбъ, столько же благъ и тогда, когда не дастъ горящаго угля несмысленному дѣтищу, или отъемлетъ у него смертоносное орудіе. Дерзнемъ приступать ближе и ближе къ сему всеблагому Отцу, даже безъ посредства нашихъ нуждъ и Его даровъ: довольно услышать одно слово Его, или одно имя Его, *да изыдетъ душа наша въ слово Его* (Пѣсн. Пѣсн. V. 6.), и вся излѣется предъ Нимъ въ молитвѣ любви и радости. Тако *молю творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія.*

Разширимъ сердце наше молитвою, и объимемъ ею всѣхъ человѣковъ. Въ ней и отдаленное да содѣлается близкимъ, и чуждое собственнымъ, высокое и низкое равнымъ предъ лицемъ Всевышняго; въ ней да угаснетъ вражда, и любовь да воспламенится болѣе сильнымъ и чистымъ пламенемъ. Особенно взыщемъ чрезъ молитву блага тѣмъ, которыхъ Богъ поставилъ особенными подвигами созидать наше благо. Кто знаетъ, сколько можетъ молитва вѣры за Царя и отечество? Нѣкогда молитва одного Елиссея для царя и царства Израильскаго была сильнѣе войска; ибо привела цѣлое непріятельское войско плѣннымъ въ столицу Израиля. *Молю убо*

творити молитвы за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть.

Наконецъ, будемъ остерегаться, чтобы нечистое намѣреніе, какъ червь, не повредило плода молитвы въ самой его внутренности. Какъ недостойна была бы, напримѣръ, молитва за Царя, если бы кто предсталъ въ ней съ прочими только для того, чтобы исполнить обычай и гражданскую обязанность! Нѣтъ! Не того требуетъ Христіанство; не того достоинъ Царь. Искреннимъ сердцемъ, и всею душею да приносимъ *молитвы за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть*, съ чистымъ намѣреніемъ, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ* (1 Тим. II. 1—4.), Которому да воздается молитва непрестанно, благодареніе за все, и слава во вѣки. Аминь.

5. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ВСЕЯ РОССІИ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ, ІЮНЯ ВЪ 25 ДЕНЬ, 1826 ГОДА.

Правда возвышаетъ языкъ: умаляютъ же племена грѣси. Притч. XIV. 34.

Священная обязанность собрала насъ нынѣ во святый храмъ, дабы Виновнику всѣхъ благъ Богу торжественно принести благодареніе и молитву: благодареніе за даръ, ниспосланный отечеству нашему въ рожденіи Государя, праведно нынѣ царствующаго надъ нами; молитву о продолженіи сего благодѣянія Божія, то есть, о благополучномъ продолженіи настоящаго царствованія. Сынамъ отечества, которые не младенчествуютъ умомъ, не трудно уразумѣть, справедливо ли называю даромъ Божіимъ рожденіе Государя, законно и праведно царствующаго, и благодѣяніемъ Божіимъ въ особенности такое царствованіе, коего первый день

содѣлался днемъ спасенія царственнаго благоустройства, отъ разрушительнаго вихря злобы, который внезапно изторгся было изъ пропастей безумія. Поелику даръ для всѣхъ и каждаго: то да будетъ и благодареніе за оный отъ всѣхъ и каждаго. Чѣмъ спасительнѣе благодѣяніе; тѣмъ пламеннѣе да будетъ молитва о продолженіи онаго.

Но какъ и добрая по своему видимому предмету молитва не всегда равно бываетъ благопріятна Богу, Который *даетъ* просящимъ *по сердцу* ихъ (Псал. XIX. 5.), и *воздаетъ каждому по дѣламъ его* (Рим. II. 6): то надлежитъ знать, что тогда только можетъ имѣть вѣрный доступъ къ престолу Благодати молитва о царѣ и царствѣ земномъ, когда ей предшествуетъ или сопутствуетъ дѣятельная любовь къ Царю и Царствію небесному.

Давидъ, передая царство сыну своему Соломону, сказалъ между прочимъ: *да утвердитъ Господь слово Свое, еже рече о мнѣ, глаголя: аще сохранятъ сынове твои пути своя, еже ходити предо Мною во истинѣ всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, не искоренится тебѣ мужъ съ престола Израилева* (3 Цар. II. 4.). Вотъ судьба Царя и царскаго племени, которыя въ Словѣ Божіемъ представляются образцемъ царей и племенъ царскихъ!

Соломонъ въ свою чреду написалъ: *правда возвышаетъ языкъ, умаляютъ же племена грѣси.* Вотъ общая судьба царствъ и народовъ!

Въ увѣреніи, что Благочестивѣйшій Государь хранитъ и сохранитъ завѣщаваемое Словомъ Божі-

имъ Ему для насъ, помыслимъ и попечемся о томъ, что заповѣдуетъ намъ тоже Слово Божіе для Него и для насъ вмѣстѣ.

Кто не совсѣмъ омраченъ грубымъ невѣдѣніемъ о Богѣ: того не нужно доказательствами руководствовать къ сей очевидной истинѣ, что Богъ есть верховный Царь царей и царствъ. Будучи Богъ всеблагій, всеправедный, премудрый, всемогущій, безъ сомнѣнія, Онъ есть и Царь Всеблагій, Всеправедный, Премудрый, Всемогущій. Какъ Царь Всеблагій и Всеправедный, не можетъ Онъ попустить, чтобы въ Его Царствіи правда была унижена предъ грѣхомъ, чтобы добродѣтель была несчастнѣе порока и беззаконія; какъ Царь Премудрый, не можетъ Онъ имѣть недостатка въ средствахъ, для удовлетворенія Своему правосудію и благости; какъ Царь Всемогущій, не можетъ быть остановленъ никакими препятствіями въ дѣлахъ Своего царствія. И какъ царь земный поступилъ бы противно справедливости, порядку и благосостоянію царства, если бы, награждая вѣрность и заслуги въ нѣкоторыхъ лицахъ, не оказалъ особеннаго благоволенія цѣлой области, отличившейся вѣрностію; или, если бы, наказывая преступниковъ за частныя преступленія, не употребилъ средствъ укротить цѣлую область, возмутившуюся противъ законовъ царства: такъ не льзя подумать и о Царѣ Небесномъ, чтобы Онъ, воздая каждому человѣку по дѣламъ его, не воздавалъ цѣлымъ царствамъ и народамъ, по дѣламъ правды или грѣха, по господствующему въ нихъ благочестію или злочестію, по

добродѣтелямъ или порокамъ, ознаменовывающимъ свойство того или другаго народа, состояніе того или другаго царства. Даже удобнѣе представить человѣка безъ воздаянія по дѣламъ его въ настоящей жизни, поелику для него есть другая жизнь, въ которой воздаяніе сіе совершится, нежели представить царство и народъ, безъ воздаянія по правдѣ или грѣхамъ царства и народа: ибо какъ для земныхъ царствъ и народовъ нѣтъ другаго царственнаго и народнаго бытія, кромѣ земнаго; то не иначе, какъ въ семъ ихъ бытіи, должно совершиться надъ ними все дѣло правды Божіей. Такимъ образомъ по свойствамъ Божіимъ, дѣйствующимъ въ Божественномъ правленіи міра, и по коренным законамъ царствія Божія, необходимо то, чтобы добро или зло въ нравственной жизни царства и народа вело за собою добро или зло въ бытіи Государственномъ, чтобы *правда*, или добродѣтель, *возвышала языкъ*, то есть, доставляла благоденствіе народу; чтобы *умаляли*, то есть, въ низкое и бѣдственное состояніе приводили, *племена грѣси*.

Что такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ, сіе можно видѣть въ дѣйствительномъ бытіи царствъ и народовъ, особенно тѣхъ, и въ тѣ времена, въ которыхъ, и въ которыя, правда или грѣхи, достигаютъ высокой степени силы и дѣйствія.

Народъ Египетскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ въ древности, что могло умалить или унизить предъ малочисленнымъ и порабощеннымъ племенемъ Еврейскимъ, если не грѣхи вопіющаго на небо угнѣтенія невинныхъ и ожесточенія противъ Бога?

Семь народовъ Хананейскихъ, отличавшихся исполинскою породою, свѣдущихъ въ войнѣ, обитавшихъ на землѣ обильной и защищаемой природою, что могло умалить и низложить предъ изпуреннымъ трудностями и бѣдствіями четыредесятилѣтняго странствованія народомъ Еврейскимъ, если не грѣхи, надъ которыми еще за нѣсколько столѣтій видѣлъ Авраамъ вознесенную руку Божію, готовую низвести карательный ударъ, но удерживаемую долготерпѣніемъ до предопредѣленной минуты правосудія; *не бо,* какъ сказано ему въ то время, *исполнишася грѣси Аморреовъ до нынѣ* (Быт. XV. 16.).

Малый, и многими многократно покаряемый, народъ Іудейскій, что сдѣлало сильнымъ при Давидѣ, счастливымъ при Соломонѣ, непобѣдимымъ для побѣдоносныхъ Ассиріянъ при Езекіи, — что, какъ не благочестіе и правда Царей, которые и въ народѣ примѣромъ и властію правду возращали, а грѣхи искореняли? Напротивъ того сей же избранный Богомъ народъ, сіе священное царство, чѣмъ раздѣлено, ослаблено, умалено, унижено, разрушено, и почти безъ остатка свержено съ священной земли въ языческій плѣнъ, — чѣмъ, если не многими грѣхами, въ подражаніе язычникамъ содѣваемыми? Сіе такъ вѣрно, что Пророкъ Іеремія, предвѣщая Іерусалиму и Израилю наказаніе за грѣхи, не представляетъ сего нѣкимъ особеннымъ дѣйствіемъ карающаго Бога, но какъ-бы естественнымъ только дѣйствіемъ самыхъ грѣховъ; не говоритъ: накажетъ тебя Богъ; но говоритъ: грѣхи тебя

накажутъ. *Накажетъ тя отступленіе твое, и злоба твоя обличитъ тя* (Іер. II. 19.).

Нужно ли умножать примѣры? Спросимъ вообще: какъ изъ малыхъ племенъ возникаютъ и возрастаютъ народы, не подавляются сильнѣйшими сосѣдами, но и сильнѣйшихъ по временамъ преодолѣваютъ, или себѣ подчиняютъ? Какъ напротивъ того великіе народы, которыхъ естественная сила увеличивается искусствами, ей служащими, не всегда возвышаются, но въ свою чреду падаютъ и разсыпаются? — И не посвященная въ таинства судебъ Божіихъ исторія на сіе отвѣтствуетъ, что благочестіе, хотя иногда недовольно просвѣщенное, но искреннее, правота и доброта правовъ возвышаютъ и облекаютъ побѣдоносною силою духъ народа; что напротивъ того уменьшеніе въ народѣ благочестія, поврежденіе нравовъ, преобладаніе пороковъ, разрушаютъ единодушіе, ослабляютъ вѣрность и мужество, похищаютъ у законовъ силу, и, почитаемыя средствами общественнаго благоустройства, образованность и просвѣщеніе обращаютъ въ орудія дерзости, безпорядка и разрушенія.

И такъ, Россіяне ! ожидая блага Россіи отъ Царя — справедливо, и прося отъ Бога — благочестно, помыслимъ и о томъ, — безпристрастно, — какимъ образомъ достиженіе сего блага и отъ насъ самихъ зависѣть можетъ.

Если молящіеся за Царя и царство, и наипаче предшествующіе прочимъ въ молитвѣ служители олтаря, болѣе устами, нежели сердцемъ и Богоугоднымъ житіемъ приближаются къ Богу: въ та-

комъ случаѣ царство земное не тѣсно соединяется съ Царствіемъ небеснымъ, слѣдственно тлѣнному и несовершенному земному не довольно сообщается совершенства и твердости небеснаго.

Если невнимательность и холодность къ вѣрѣ уменьшаетъ благоговѣніе къ священной клятвѣ; и такимъ образомъ ослабляетъ союзъ вѣрности, соединяющій подданныхъ съ Царемъ и царствомъ: а хитрость, еще къ большему ослабленію сего союза, не страшится употреблять клятву, чтобы связать сію въ общемъ составѣ Государства особенные узлы своевольныхъ соумышленій и беззаконныхъ скопищъ: великая утрата общественной силы, которая состоитъ въ соединеніи!

Если склонность къ роскоши, праздности, забавамъ, разстроиваетъ порядокъ въ семействахъ, истощаетъ богатства ихъ, дѣлаетъ то, что дѣти, забытые родителями во время воспитанія взаимно забываютъ ихъ послѣ воспитанія: не простретсяли сіе разстройство и на семейство семействъ? Гдѣ будетъ богатство Государства, которое изъ богатствъ подданныхъ слагается? Гдѣ будутъ сыны отечества, когда дѣтей семействъ не будетъ?

Если различныя состоянія общества, отъ неправильнаго движенія страстей, подобно вывихнутію членовъ тѣла, выходятъ изъ свойственныхъ имъ мѣстъ и предѣловъ, не столько занимаются своими обязанностями, сколько чужими, втѣсняются въ дѣла, совсѣмъ до нихъ не принадлежащія, на примѣръ, воинъ хочетъ законодательствовать; не призванный Церковію поставляетъ себя учителемъ вѣры; поселя-

нинъ прилагаетъ ухо къ молвѣ о вольности, которой не понимаетъ, и которою не умѣетъ пользоваться; гражданинъ мечтаетъ о благородствѣ имени, не принадлежащемъ его званію, не поставляя въ справедливую цѣну благородства духа, въ пріобрѣтеніи котораго никто ему не препятствуетъ: что можетъ отъ сего послѣдовать, какъ не то, что и весь составъ тѣла Государственнаго производить будетъ нестройныя и нездравыя движенія?

Если въ служеніи Царю и царству явно поставляютъ цѣлію личную честь и выгоду: къ чему такое стремленіе приведетъ удобнѣе, къ пожертвованію ли собою отечеству, или, напротивъ, къ пожертвованію себѣ отечествомъ?

Имѣяй уши слышати, да слышитъ. У кого внутренній слухъ сердца не загражденъ духовнымъ нечувствіемъ; тотъ да слышитъ, что при сихъ размышленіяхъ говоритъ ему внутренній свидѣтель и судія правды и грѣха,—совѣсть: и если она обличаетъ въ недостаткѣ подвиговъ для *правды, возвышающей языкъ*, или въ недостаткѣ осторожности противъ *грѣховъ, умаляющихъ племена;* то присоединимъ къ молитвѣ покаяніе, къ покаянію подвиги исправленія, да пріимемъ или благое воздаяніе отъ правды Божіей, или помилованіе отъ милосердія Божія.

Благословенъ Богъ, Который до нынѣ *правдою созвышалъ языкъ* нашъ! Сила благодати Его да умалитъ въ насъ *умаляющіе племена грѣхи!* Аминь.

4. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ, ІЮНЯ 25 ДНЯ, 1834 ГОДА.

Вѣмъ бо, яко заповѣсть сыномъ своимъ, и дому своему по себѣ: и сохранятъ пути Господни творити правду и судъ. Быт. XVIII. 19.

Послику годъ Царя принадлежа Ему, какъ годъ жизни, принадлежитъ вмѣстѣ и царству, какъ годъ царствованія: то не удивительно, что въ настоящій день, граничный между окончившимся и начинающимся годомъ Благочестивѣйшаго Самодержца нашего, возстаетъ вся Россія, и устремляетъ изощренное око на прошедшее, на будущее, на небо, съ благодареніемъ, съ надеждою, съ молитвою.

Одна изъ особенностей совершившагося года Царева состоитъ въ томъ, что рядомъ съ симъ годомъ, какъ юная луна при солнцѣ на ясномъ небѣ,

явился начальный годъ совершеннолѣтія Наслѣдника Престола.

Какъ теперь еще вижу я сей прекрасный вечеръ, по истинѣ достойный дня Хрістова.

Среди величественнаго храма, среди пѣснопѣній и молитвъ предъ открытымъ олтаремъ Воскресшаго, на минуту прерванныхъ, къ открытому Слову жизни, къ спасительному Кресту Хрістову Царь настоящій ведетъ юнаго Царя будущаго, между тѣмъ какъ вѣнецъ, и скипетръ и держава, какъ знаменія будущаго царствованія, покоятся о страну. Сколько важныхъ мыслей можно прочитать въ семъ зрѣлищѣ, когда оно еще безмолвствуетъ! Итакъ вступленіе Порфиророднаго на путь къ Престолу должно быть на пути къ олтарю. Итакъ заповѣдь, обѣтъ, молитва, суть предобрученіе вѣнца, скипетра, державы. Итакъ крестъ есть предварительный вѣнецъ вѣнца, и силу будущей власти Царской надлежитъ извлечь изъ лобзаемаго Евангелія. Итакъ, чтобы благонадежно завѣщавать Царство, для сего, видно, надлежитъ прежде крѣпко завѣщать благочестіе,

Слышу священный обѣтъ Сына Царева, и вдругъ открывается, что совершеннолѣтіе, которое Самъ вступающій въ оное съ толикою скромностію назвалъ *раннимъ*, есть напротивъ того вполнѣ зрѣлое: потому что Онъ возвышенно понялъ высокіе помыслы Своего Родителя, и глубоко почувствовалъ важность настоящаго мгновенія. Онъ стоитъ предъ Богомъ, какъ живая жертва, приносимая Царемъ-Отцемъ за будущее благостояніе царства,

и, согласно съ волею Родителя, и Самъ представляетъ Себя въ жертву, и облакъ слезъ, восходящій въ очахъ Его, дастъ примѣтить, что ѳиміамъ непорочнаго сердца Его восходитъ горѣ.

Мнѣ кажется, что и вы были при семъ царственномъ жертвоприношеніи, поелику въ тоже время приносили ту же молитву: такъ хотѣлъ Благочестивѣйшій Государь, Который любитъ, поколику возможно, быть съ вами во всемъ едино. Но я былъ при ономъ ближе, и могу вамъ свидѣтельствовать, что сколь поразительно нѣкогда чудна была жертва, орошенная удвоеннымъ и утроеннымъ возліяніемъ воды, чтобы потомъ пришелъ на нее небесный огнь, столь сладостно чудною явилась наша безцѣнная живая жертва, орошенная всеобщими слезами любви, радости и молитвы, дабы пришелъ на нее животворный огнь благословенія свыше.

Ты призрѣлъ на сіе мгновеніе, Царю небесъ и вѣчности, предъ Которымъ и ни одно земное мгновеніе нѣсть забвено. Тебѣ принесены сіи слезы, столь искреннія, столь единодушныя, столь чистыя, какія только можетъ проливать Отецъ Отечества вмѣстѣ съ сынами царства. Когда жребій нашъ пріидетъ предъ лице Твое; когда судьбы Твои вопросятъ у Тебя, открыть ли на насъ сокровища гнѣва по грѣхамъ нашимъ, или сокровища щедротъ, по вѣрѣ въ Тебя: тогда, Господи, помяни вновь сіе мгновеніе, призри еще на сіи слезы; и еще изреки на насъ судъ милосердія; еще изпеси намъ державный жребій спасенія и мира. Благочестивѣйшему же Царю нашему, Который царствуетъ

не только для современниковъ, но и для потомства, Который такъ же печется о царствованіи будущемъ, какъ о настоящемъ, и попеченія Свои о будущемъ предъ Тобою, вѣчный Царю, полагаетъ, и Тобою обезпечиваетъ, — умножи и лѣта Его царствованія, и благословенія Твои на нихъ, тѣмъ обильнѣе, чѣмъ благоизвольнѣе ввѣряетъ Онъ Себя, и Своего Наслѣдника, и Свое царство державѣ Твоего Провидѣнія.

Братія! Случай, который такъ пріятно намъ разсматривать, заключаетъ въ себѣ истину, которую желательно видѣть болѣе и болѣе открытою для нашего вниманія, для нашего убѣжденія, для нашей дѣятельности: благо Царю и народу, царству и дому, родоначальнику и роду, которые благонадежную будущность упрочиваютъ себѣ Богомъ и благочестіемъ.

Почти одинокъ былъ Авраамъ, и при томъ былъ странникъ, безъ отечества, безъ дома, когда Богъ сказалъ при немъ, какъ будто безъ него: *Авраамъ же бывая будетъ въ языкъ великъ и многъ, и благословятся о немъ вси языцы земніи.* То есть: одинокій, кочующій Авраамъ сдѣлается Еврейскимъ народомъ, сильнымъ царствомъ, прострется отъ Египта до Ливана, потомъ разсыплется отъ Вавилона до Египта, до Антіохіи, до Рима; вновь сосредоточится въ новомъ, духовномъ, Божественномъ *Сынѣ Авраамли* (Матѳ. 1. 1.), — въ Іисусѣ Христѣ; и вновь паче прежняго распространится въ новомъ, духовномъ Израилѣ, — въ Христіанствѣ, и въ семъ благословятся высочайшимъ и обширнѣйшимъ благо-

словеніемъ точно всѣ народы земные. Какое величественное древо, вселенную нынѣ осѣняющее, въ какомъ маломъ зернѣ обѣтованія скрыто было! И какъ чудно изрекаетъ Богъ сіе обѣтованіе! *Авраамъ же бывая будетъ*, то есть, вѣрно и непремѣнно будетъ, *въ языкъ великъ*. Не глаголетъ: *ты будешь*, хотя говоритъ въ лицѣ Аврааму, но: *Авраамъ будетъ*, какъ-бы его тутъ не было, давая симъ разумѣть, что дѣло обѣтованія сдѣлается, какъ-бы безъ него, не по его предусмотрѣнію, не его силою, не по его заслугамъ; ибо такъ дѣйствуетъ благодать. А что еще удивительнѣе, Богъ не глаголетъ даже: *азъ сотворю Авраама въ языкъ великъ*: но: *Авраамъ будетъ*, какъ будто дѣло сдѣлается само собою. Господь скрываетъ нѣкоторымъ образомъ Свою вседѣйствующую силу, дабы показать Аврааму основаніе доброй будущности, которое особенно нужно сдѣлать очевиднымъ. Какое основаніе? — Благочестіе, и на немъ основанную правду, или добродѣтель. *Вѣмъ бо*, продолжаетъ Всевѣдущій слово Свое къ Аврааму, *яко заповѣсть сыномъ своимъ, и дому своему по себѣ; и сохранятъ пути Господни творити правду и судъ*. Авраамъ посѣетъ благочестіе въ сынахъ своихъ и въ домѣ своемъ, и произрастетъ многоплодіе и величіе потомства. Завѣщаетъ имъ правду: и они получатъ неизчислимое и неописанное наслѣдіе всемірнаго благословенія.

Вотъ древнѣйшее умозрѣніе, или, точнѣе сказать, вотъ Самимъ Богомъ преподанная теорія обезпеченной будущности, объясненная, и до сихъ поръ подтверждаемая тысячелѣтними опытами!

Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ, что жребій Авраама есть особенный и единственный во всемъ человѣчествѣ. Да, онъ есть особенный, по чистотѣ и превосходству вѣры Авраамовой, среди господствовавшаго суевѣрія и беззаконія; и единственный по цѣли обѣтованія, которая есть Хрістосъ: но въ отношеніи къ указанному основанію доброй будущности, это не есть единственный случай, или исключеніе изъ правила общаго, а напротивъ есть только весьма ясный примѣръ общаго правила, по которому дѣйствуетъ Провидѣніе. Богъ, Который такъ благословляетъ *правду и судъ* въ человѣкѣ, не можетъ Самъ отступать отъ правды и суда, ниже измѣнять Своихъ вѣчныхъ правилъ. Если Онъ обѣщалъ, и по обѣщанію дѣйствительно даровалъ Аврааму благословенную будущность на томъ основаніи, *яко заповѣсть сыномъ Своимъ и дому своему по себѣ; и сохранятъ пути Господни:* то, безъ сомнѣнія, также даруетъ благую будущность, личную ли, потомственную ли, каждому, кто, заповѣдавъ благочестіе во-первыхъ себѣ самому, силою благочестія же дѣйствуетъ и на зависящихъ отъ него, ревнуя о распространеніи онаго между ближними, и споспѣшествуя утвержденію онаго на времена грядущія. Апостолъ, не обинуясь, возвѣщаетъ всеобщее благотворное дѣйствіе благочестія на будущность. *Благочестіе*, говоритъ, *на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. IV. 8.).

Въ мудрованіи сыновъ вѣка сего видны двѣ мысли, которыя располагаютъ ихъ жить въ настоящемъ

съ слѣпою надеждою, или, напротивъ, съ отчаянною безпечностію въ отношеніи къ будущему: первая, что міръ идетъ по своимъ законамъ, и потому одинъ, или нѣсколько человѣкъ, напрасно усиливались бы дать сей огромной машинѣ желаемое направленіе; другая, что человѣчество само собою идетъ къ совершенству, и потому не много важности въ томъ, какъ ударяешь ничтожнымъ весломъ твоимъ по широкой рѣкѣ времени, которая и безъ того течетъ, и все, по ней плывущее, влечетъ къ морю совершенствъ разнаго рода.

Дабы усмотрѣть, правы ли сіи мысли, можно ихъ отдать на судъ одну другой. Если міръ, не исключая и человѣчества, идетъ по своимъ законамъ, какъ искусно устроенная машина: то напрасно мечтаете вы, будто человѣчество само собою идетъ къ совершенству. Машина проходитъ и повторяетъ извѣстный кругъ болѣе или менѣе сложныхъ и разнообразныхъ движеній; и, безъ руки художника, пейдетъ ни къ какому новому, прежде сей неизвѣстному совершенству; временемъ же, скорѣе или медленнѣе подвигается къ поврежденію и разрушенію. И напротивъ, если человѣчество само собою, или хотя какъ нибудь иначе, идетъ къ постепенно возрастающему, или наконецъ ожидаемому совершенству: то, конечно, или міръ не такъ управляется свойственными ему законами, какъ машина, или, по крайней мѣрѣ, человѣчество не такъ крѣпко привязано къ машинальной части міра, какъ думаетъ машинальная мудрость.

Міръ идетъ по своимъ законамъ! Пусть такъ;

онъ идетъ по законамъ необходимости. А ты, существо свободное и нравственное, развѣ ты не долженъ итти по законамъ свободы и нравственности? Развѣ премудрый, праведный и благій Богъ только въ бездушномъ мірѣ воцарилъ свойственный Ему законъ: а міръ духовный предалъ мятежу и безначалію беззаконія? Нѣтъ! Въ мірѣ физическомъ, что посѣяно, то, а не другое, вырастетъ по закону необходимости; въ мірѣ духовномъ и нравственномъ, что посѣешь свободно, то и жать будешь. Посѣешь благочестіе и правду: пожнешь благословеніе и благополучіе. Посѣешь нечестіе и неправду: пожнешь клятву, бѣдствіе, погибель.

Человѣчество идетъ къ совершенству! Это не совсѣмъ неправда. Философія нашла сію мысль у Религіи; позавидовала возвышенности ея; похитила ее; но не поняла, и не умѣла употребить. Религія открыла, что Богъ ведетъ человѣчество къ совершенству и блаженству, зло неисправимое отсѣкая правосудіемъ, исправимое исправляя милосердіемъ, подая Свою силу немощи, но никогда силою не подавляя свободы, а преклоняя ее къ добру любовію: гордая философія, худо подслушавъ, тщеславно пересказываетъ, что человѣчество идетъ къ совершенству само собою, побѣждая (какъ она прибавляетъ) природу посредствомъ искусства, открытій, изобрѣтеній, но (что не всегда она проповѣдуетъ, однако показываетъ дѣломъ) не домогаясь приблизиться къ Творцу природы. Со святымъ Павломъ молю васъ, *братіе, да никтоже васъ будетъ прельщая философіею, и тщетною лестію, по пре-*

данію человѣческому, по стихіамъ міра, а не по Христѣ (Кол. II. 8.). И нынѣ, какъ во времена языковъ, уклонясь отъ мудрости по Христѣ, *въ премудрости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога* (1 Кор. I. 21.). Думаютъ однимъ взоромъ обнять все человѣчество; указываютъ какой-то самодвижный ходъ онаго къ совершенству; превозносятъ успѣхи такъ называемаго просвѣщенія и образованности; обѣщаютъ золотой вѣкъ: и тамъ, гдѣ наиболѣе думаютъ, что все сіе дѣлается и сдѣлается само собою, и менѣе всего заботятся о благословеніи и просвѣщеніи свыше,—тамъ именно, и въ тоже самое время, не находятъ ни добродѣтелей, ни нравовъ, ни спокойствія, ни безопасности, пороки необузданны, распри безконечны, союзы непадежны, мудрость сдѣлалась не болѣе, какъ промышленностію, и познанія товаромъ, книги и зрѣлища наполнены преступленіями и ужасами, какъ темницы и мѣста казни. Скажите пожалуйте, не ужели сіе-то и есть прямая дорога и естественный ходъ къ совершенству человѣчества? Или, напротивъ, не суть ли это распутія, дебри, пропасти, уклоненія, заблужденія, паденія? Но сократимъ споръ. Если человѣчество, въ цѣломъ ли, почастно ли, должно итти къ желаемому и ожидаемому въ будущемъ совершенству, благополучію, блаженству: то надобно, чтобы найденъ, или лучше указанъ былъ истинный къ тому путь. Говорю: лучше указанъ: потому что путь, пролагаемый догадочно, часто не ведетъ къ цѣли и тогда, когда ее представляетъ въ виду; а путь, указанный опытнымъ и вѣрнымъ путеводите-

лемъ, ведетъ къ цѣли и тогда, когда она еще скрыта отъ взоровъ. Какой же это путь?—Тотъ, который Откровеніе Аврааму нарекло, по приспособленію къ разнообразному множеству шествующихъ,—*путями Господними*, который впрочемъ въ основаніи есть единый путь Господень. Кто же указуетъ путь сей? — Иногда, поколику нужно, Самъ Господь съ неба, какъ, на примѣръ, тому же Аврааму: *ходи предо Мною и буди совершенъ* (Быт. XVII. 1.). Обыкновеннѣе же испытавшіе благонадежность сего пути, отъ радости провозглашаютъ свое обрѣтеніе, и по человѣколюбію приглашаютъ къ участію въ ономъ, какъ на примѣръ: *блажени непорочніи въ пути, ходящіи въ законѣ Господни* (Псал. CXVIII. 1.). *Блаженъ мужъ, иже на пути грѣшныхъ не ста, но въ законѣ Господни воля его. Будетъ яко древо насажденное при исходищихъ водъ. Вся, елика аще творитъ, успѣетъ* (Псал. I. 1—3.). *Блажени вси боящіися Господа, ходящіи въ путехъ Его. Труды рукъ твоихъ снѣси; блаженъ еси и добро тебѣ будетъ* (Псал. CXXVIII. 1. 2.). *Потерпи Господа, и сохрани путь Его, и вознесетъ тя еже наслѣдити землю; внегда потреблятися грѣшникомъ, узриши* (Псал. XXXVI. 34.). Если, то есть, и покажется тебѣ, что путь Господень труденъ, или дологъ, и не являетъ тебѣ вскорѣ пріятной будущности: не колеблись въ вѣрѣ; не теряй надежды; наконецъ минуетъ испытаніе, и откроется воздаяніе. *Потерпи,—узриши.*

Христіане! Вамъ извѣстно, что великій градъ Божій, къ которому собственно ведетъ путь Госпо-

день,—блаженная будущность, которая оправдаетъ путь сей совершенно,—лежитъ за предѣлами времени. Но на семъ же, и только на семъ, пути лежатъ и мирныя обители и безопасные грады временныхъ благословеній. Сохраняйте сей путь, у насъ благодареніе Богу, не потерянный: и какъ Благочестивѣйшій Государь нашъ указуетъ путь сей Своему Наслѣднику, такъ и вы предшествуйте на семъ пути добрымъ примѣромъ, и указуйте, и заповѣдуйте оный, родители дѣтямъ, домовладыки домашнимъ, наставники наставляемымъ, начальники подчиненнымъ, старшіе младшимъ; всѣ другъ другу да подаемъ руки на пути вѣры и благочестія, который есть единственный вѣрный путь благоденствія и блаженства! Аминь.

5. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. 1842 ГОДА.

Стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся: вся вамъ любовію да бываютъ. 1 Кор. XVI. 13. 14.

Если точно на всѣхъ членовъ Церкви простирается предписанный Апостоломъ законъ взаимности: *утѣшайте другъ друга, и созидайте кійждо ближняго* (1 Сол. V. 11.), такъ какъ онъ изреченъ безъ изъятія и ограниченія: то не надобно ли иногда, чтобъ и поставленный въ церкви подавать утѣшеніе и назиданіе, заимствовалъ утѣшеніе и назиданіе, или, по крайней мѣрѣ, случай къ назиданію, отъ тѣхъ самыхъ, которые предстоятъ, какъ пріемлющіе назиданіе? — Такъ дѣйствительно могу я поступить нынѣ.

Вижу соборъ сыновъ Отечества, предстоящихъ въ радостной, благодарной и благожелательной молитвѣ за Отца Отечества, при воспоминаніи дня, въ

который Провидѣніе даровало землѣ жизнь, по его назначенію, благотворную и охранительную для милліоновъ жизней. По нашему общему сочувствію, сознаю въ семъ благословенное дѣйствіе благословенной любви къ Помазаннику Божію, которой въ Россіянахъ удивляются иноплеменные, и удивленіемъ даютъ свидѣтельство превосходства.

Итакъ отъ васъ пріемлю я утѣшеніе, видѣть въ васъ одну изъ важныхъ отраслей любви Христіанской уже прозябшую и плодоносящую. И съ симъ вмѣстѣ, отъ васъ же беру случай, предложить къ нашему общему назиданію, нѣсколько мыслей о Христіанской любви, не довольствующейся тѣмъ, чтобы проявлять силу свою въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, но домогающейся наполнить все поле жизни и дѣятельности.

Обширный и многообъемлющій законъ любви заключилъ Святый Апостолъ Павелъ въ немногихъ словахъ: *вся вамъ любовію да бываютъ.* Все, что вы ни дѣлаете, должны дѣлать *любовію*, какъ-бы всеобщею силою и всеобщимъ орудіемъ; все должны дѣлать изъ любви, ради любви, по крайней мѣрѣ, съ помощію и съ участіемъ любви.

Апостолъ не выразилъ, любовь ли къ Богу разумѣлъ онъ въ изреченіи своемъ, или любовь къ ближнему, или ту и другую вмѣстѣ. Но какъ объ отношеніяхъ къ Богу непосредственно предъ симъ сказалъ онъ въ другомъ изреченіи: *стойте въ вѣрѣ*: то надлежитъ заключить, что объ отношеніяхъ къ ближнимъ, а потому вѣроятно, и о любви къ ближнимъ, думалъ онъ, когда сказалъ: *вся вамъ любо-*

вію да бываютъ. Таковъ долженствовалъ быть разумъ его изреченія и по обстоятельствамъ, въ какихъ написалъ онъ сіе къ Коринѳянамъ. Расири нашелъ онъ у нихъ: потому и нужду имѣлъ учить, чтобы они всѣ взаимныя отношенія устрояли на основаніи взаимной любви. Впрочемъ любовь къ ближнему представляется здѣсь въ ближайшемъ дѣйствіи; но и любовь къ Богу не исключается: потому что любовь къ Богу есть душа истинной любви къ ближнему.

Вся вамъ любовію да бываютъ: какую безпредѣльную область представляетъ Апостолъ дѣйствію любви! Мысль достойная глубокаго вниманія! Какъ есть соотвѣтствіе между высотою власти и между пространствомъ области, на которую она простираетъ свое вліяніе: такъ есть соотвѣтствіе между высотою любви и между пространствомъ области, въ которой она дѣйствуетъ.

Если бы кто приступилъ ко мнѣ съ вопросами: должно ли любить кого нибудь? должно ли съ любовію дѣлать что нибудь? то я не сталъ бы отвѣчать, а поспѣшилъ бы отступить отъ вопрошателя: потому что такіе вопросы можетъ предлагать только стоящій на порогѣ ада. Только тамъ, гдѣ царствуетъ *человѣкоубійца искони*, думаютъ рѣшительно, что можно быть совершенно безъ любви, что любовь есть слабость, что сила есть ненависть: слѣдственно вопросъ о возможности быть безъ любви есть порогъ ада. По сю сторону двери адской вопросъ можетъ быть не о всецѣломъ отрицаніи люб-

ви, но развѣ о ея предметахъ, видахъ, степеняхъ и пространствѣ или стѣсненіи ея области.

Представимъ себѣ любовь, заключенную въ болѣе или менѣе тѣснымъ кругѣ родства, знакомства, взаимности: и посмотримъ, каково ея достоинство. Отцу и матери нуженъ ли подвигъ, чтобы любить свое дитя? Младенцу надобно ли учиться любить отца и мать? Если же въ сей любви все дѣлаетъ природа, безъ подвига и почти безъ вѣдома человѣка: то гдѣ тутъ достоинство добродѣтели? — Это просто естественное чувство, которое и въ безсловесныхъ примѣчаемъ. Нелюбленіе родителей или дѣтей есть глубоко низкій порокъ: но любовь къ родителямъ и дѣтямъ не есть еще высокая добродѣтель, кромѣ особенныхъ случаевъ, когда ее возвышаетъ соединенное съ нею самоотверженіе и самопожертвованіе. О достоинствѣ любви взаимности, которою любятъ любящихъ, нѣтъ нужды входить въ изслѣдованіе, послѣ суда, который произнесъ надъ нею непогрѣшительный и нелицепріятный Судія: *аще любите любящія вы, кая вамъ благодать есть? Ибо и грѣшницы любящія ихъ любятъ. И аще благотворите блатворящимъ вамъ: кая вамъ благодать есть? Ибо и грѣшницы тожде творятъ* (Лук. VI. 32. 33.). *И аще цѣлуете други ваша токмо: что лишше творите? Не и языницы ли такожде творятъ* (Мат. V. 47.)?

Сіи разсужденія поставляютъ насъ между двумя противоположностями, между которыми однако нѣтъ отдѣльной средины, и изъ которыхъ въ одну надлежитъ намъ впасть непзбѣжно. Если мы огра-

ничимъ нашу любовь родными, знаемыми, любящими насъ: то мы не во благодати небесной, но въ природѣ земной, несовершенной; наше достоинство едва ли восходитъ выше мѣры грѣшниковъ и язычниковъ, и, можетъ быть, не далеко возвышается надъ уподобленіемъ безсловеснымъ. Если же мы признаемъ недостаточество природы, и жаждемъ благодати; если оставаться на ряду съ грѣшниками почитаемъ низкимъ, бѣдственнымъ, погибельнымъ; если чувствуемъ наше призваніе къ высшей добродѣтели, нежели до какой достигали язычники: то не должно намъ ограничивать нашу любовь родными, знаемыми, любящими насъ, но простирать оную далѣе сихъ предѣловъ, отъ родныхъ къ чужимъ, отъ знаемыхъ къ незнаемымъ, отъ любящихъ къ нелюбящимъ, словомъ, ко всѣмъ.

Тотъ, чье сердце не расширено еще до всеобщей любви, можетъ недоумѣвать, какъ любовь одного человѣка простираться можетъ на такую безпредѣльную область?—Разрѣшить сіе недоумѣніе поможетъ намъ Апостолъ любви, Святый Іоаннъ Богословъ. Онъ говоритъ: *всякъ любяй рождшаго, любитъ и рожденнаго отъ Него* (1 Іоан. V. 1.). Къ сему можно присовокупить: всякъ любящій Создателя, любитъ и созданіе любящаго Создателя. И такъ возлюби единаго Бога; и возлюбишь всѣхъ чадъ Божіихъ. Возлюби Творца, и не трудно тебѣ будетъ любить созданія, которыя Онъ любя сотворилъ и сохраняетъ. Что касается до дѣлъ любви; для нихъ есть порядокъ, указанный другимъ Апостоломъ: *да дѣлаемъ благое ко всѣмъ, паче же къ присным*ъ

въ вѣрѣ (Гал. VI. 10.). Твори добро преимущественно приснымъ по вѣрѣ, по роду, по отечеству, но не полагай здѣсь рубежа для твоей любви; а поколику встрѣчаешь случай, поколику имѣешь средства, помоги бѣдности чужаго; сжалься надъ бѣдствіемъ иноплеменника; *еретика человѣка отрицайся* (Тит. III. 10.), то есть, его ложнаго и вреднаго ученія: но человѣка и въ иновѣрномъ щади, милуй, споспѣшествуй его благу, особенно духовному.

Впрочемъ законъ всеобщей любви, стремящейся обнять всѣхъ человѣковъ, необходимо долженъ дать человѣку такъ много дѣла, что не останется мѣста досугу отъ упражненія любви. Посему Апостолъ проповѣдуетъ всеобщность любви, объемлющую и всѣ дѣла, и все ей подчиняетъ. *Вся вамъ любовію да бываютъ.*

Есть дѣла, въ которыхъ любовь участвуетъ сама собою, такъ что для сего не нужно ни ученіе, ни увѣщаніе. Такъ съ любовію отецъ ласкаетъ, мать питаетъ свое чадо; съ любовію сынъ отцу и матери откликается на зовъ, служитъ, помогаетъ. Но есть другія дѣла, къ которымъ не такъ близка любовь, и при которыхъ не всякой о ней вспомнитъ. Надъ сими особенно надлежитъ испытывать благотворную силу Апостольскаго ученія о любви вседѣйствующей, или всему содѣйствующей.

«Что значитъ опое: *вся вамъ любовію да бываютъ?*» — вопрошаетъ Святый Златоустъ. И отвѣтствуетъ: «аще запрещаетъ кто, рече, аще обла-

даетъ, или обладаемъ есть, аще учится, аще учитъ, вся съ любовію да творитъ»

Чего, какъ существенно необходимаго, искалъ Господь въ Петрѣ, когда хотѣлъ поставить его въ учительское и священноначальническое служеніе? — Любви. Трижды вопрошалъ Онъ: *Симоне Іонинъ любиши ли Мя?* и не прежде, какъ по увѣреніи въ любви, изрекалъ повелѣніе: *паси овцы Моя; паси агнцы Моя* (Іоан. XXI. 15 — 17.). Правда, вопрошеніе: *любиши ли Мя паче сихъ?* очевидно указывало на прежнее самонадѣянное увѣреніе Петра: *аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогда же соблазнюся* (Мат. XXVI. 33.), и троекратнымъ удостовѣреніемъ о любви ко Христу заглаждалось троекратное отреченіе отъ Христа; это была кроткая эпитимія покаявшемуся и разрѣшаемому Петру. Но тѣмъ не менѣе сіе относилось и къ ввѣряемому служенію. Вѣдалъ Господь, что любящій Его будетъ любить и овецъ Его, и что и для пастыря, и для овецъ пастырская любовь надежнѣе жезла, и пріятнѣе свирѣли. Это случай единственный, но вмѣстѣ и примѣръ для всѣхъ.

Учащій, который дѣйствуетъ однимъ знаніемъ безъ любви, предлагаетъ алчущимъ и немощнымъ черствый, или даже каменный хлѣбъ. Ученіе, которое не сердцемъ любящимъ пріемлется, есть сѣмя, сѣемое въ снѣгъ. Знаніе безъ любви есть зимнее солнце, которое не оживляетъ и не возращаетъ. Итакъ аще кто учится, аще учитъ, съ любовію сіе да творитъ.

Если начальствующій или обладающій все ду-

маетъ дѣлать одною силою власти, не пользуясь силою любви: то по необходимости онъ долженъ будетъ чрезмѣрно напрягать одну силу въ замѣнъ другой, и такимъ образомъ отягчитъ бремя подчиненности, которое могъ бы облегчать, и будетъ разстроивать союзъ, который желаетъ скрѣплять: ибо *союзъ совершенства*, совершеннѣйшая связь между людьми, есть *любовь* (Кол. III. 14.). Если и подвластный съ необходимою покорностію не соединяетъ свободной любви: то самъ для себя ожесточаетъ иго, которое любовь умягчила бы. Не стараясь быть въ сердцѣ сыномъ обладающаго, примѣтно или неприметно, препятствуетъ онъ обладающему быть отцемъ для него. Итакъ, аще кто обладаетъ, съ любовію да обладаетъ: аще обладаемъ есть, съ любовію да повинуется.

Должно ли и *запрещать*, какъ выразился Св. Златоустъ, то есть, бранить и наказывать съ любовію? — Непремѣнно съ любовію, если запрещеніе должно быть Христіанское и спасительное. Для чего бранятъ? Для чего наказываютъ? Не ужели для того, чтобы неистовствовать во гнѣвѣ, мстить и карать? Какой разумъ одобритъ сіе? Какое сердце, въ минуты безстрастія, не отвратится отъ сего? Для чего же можно, или должно, бранить? — для того, чтобъ изъяснить виновному его вину и тягость ея. Для чего наказывать?— для того, чтобы пресѣчь или предупредить зло, и побудить согрѣшившаго къ исправленію. Не трудно примѣтить, что сію цѣль наказанія и назначаетъ не иной кто, какъ любовь. И кто лучше ея можетъ исполнить сіе назначеніе?

Она только можетъ предохранить, чтобы обличеніе не перешло въ гнѣвъ, чтобы неудержанный гнѣвъ не ожесточилъ виновнаго вмѣсто исправленія, чтобы строгость не простерлась до жестокости; она проливаетъ животворный бальзамъ на рану, которую наноситъ наказаніе. Итакъ, аще кто запрещаетъ и наказываетъ: и сіе съ любовію да творитъ.

Братія! Еще *воспомянути вамъ хощу въдущимъ и вамъ единою сіе:* какую заповѣдь новую, послѣднюю, единую оставилъ намъ Господь нашъ, въ отличительное знаменіе Своихъ учениковъ? — *Заповѣдь*, глаголетъ, *новую даю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. XIII. 14.). Мало ли еще заповѣдей? Мало ли добродѣтелей? Почему не упомянулъ Онъ ни объ одной, кромѣ любви? Безъ сомнѣнія, по предувѣдѣнію, что если будетъ любовь, то будутъ и всѣ добродѣтели, исполнятся и всѣ заповѣди. Итакъ, и по заповѣди Господней, и по ученію Апостольскому, *вся вамъ любовію да бываютъ*. Аминь.

стойный бдагодѣяній Божіихъ, не только настоящихъ и прошедшихъ, но и будущихъ, услышалъ я въ нынѣшнемъ церковномъ чтеніи гласъ Апостола, который въ нашу радость всѣваетъ новую заботу. *Молимъ*, говоритъ, *не вотще благодать Божію пріяти вамъ.* Благодать Божія, въ словѣ Апостольскомъ означаетъ высшую степень даровъ и благодѣяній Божіихъ. Итакъ если благодать Божія можетъ оказаться вотще принятою: то конечно тоже можетъ случиться и со всякимъ благодѣяніемъ Божіимъ. Есть о чемъ позаботиться, хотя бы о семъ и не молилъ Апостолъ. Но молитъ онъ, и тѣмъ налагаетъ и на насъ обязанность молить васъ о вниманіи къ его наставленію. *Молимъ не вотще благодать Божію пріяти вамъ.*

Если принять въ разсужденіе существенное свойство благодати Божіей: то едва вѣроятнымъ представляется, чтобы она въ комъ либо могла оказаться вотще принятою, даже по принятіи безплодною. Она есть благая сила, дѣйствіе, даръ Бога всемогущаго, вѣчнаго, вездѣсущаго: какая же другая сила довольна будетъ противоборствовать ей? Какое время можетъ исключить ее? Какое существо можетъ быть ей недоступно? Если въ состояніи природы Богъ такъ объемлетъ и проницаетъ человѣка Своимъ дѣйствіемъ, что, по выраженію Апостола, *Самъ даетъ всѣмъ животъ и дыханіе и вся*, и что мы *въ Немъ живемъ, движемся, и есмы* (Дѣян. XVII. 25. 28.): что сказать о состояніи благодати? Тотъ самый служитель благодати, который внушилъ намъ опасеніе, чтобы она не оказалась во-

тще принятою, сказуетъ, что преимущественно въ Христіанствѣ открыта и дарована благодать Божія всѣмъ человѣкамъ, въ достаточной ко спасенію мѣрѣ: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ*; что умножившійся до явленія благодати грѣхъ не поставилъ преграды ея дѣйствію, а только послужилъ къ торжественнѣйшему открытію ея побѣдоносной силы: *идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. V. 20.); что благодать уже совершила спасеніе наше, и во Христѣ уже имѣемъ мы въ самомъ дѣйствіи не только то, чему вѣруемъ, но и то, чего надѣемся: *Богъ богатъ сый въ милости, за премногую любовь Свою, ею же возлюби насъ, и сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеньми сооживи Христомъ; благодатію есте спасени, и съ Нимъ воскреси и посади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ* (Еф. II. 4.). Сіе сказалъ я не съ тѣмъ, чтобы воспрекословить Апостолу, или поставить его какъ будто въ противорѣчіе самого съ собою, но для того, чтобы кто не почелъ самую благодать недостаточествующею или изнемогающею, если она иногда окажется вотще принятою; чтобы кто не дерзнулъ сѣтовать на Бога тамъ, гдѣ надлежитъ обличать и исправлять человѣка; чтобы никто не колебался въ упованіи на благодать Божію. Нѣтъ, *возлюбленіи*, говорю словами другаго Апостола, *препоясавше чресла помышленія вашего, трезвящеся, совершенно уповайте на приносимую вамъ благодать откровеніемъ Іисусъ Христовымъ* (1 Петр. I. 13.).

Но какъ же подлинно можетъ случиться, чтобы

благодать Божія, столь обильная, столь могущественная, столь дѣйственная, бывъ при томъ уже принята человѣкомъ, оказалась вотще принятою, безплодною ? — Поелику благодатное Божіе царство есть тайна, для естественнаго разума неудобопостижимая, и потому сама премудрость Божія, бесѣдуя о немъ употребляла въ пособіе притчи и подобія, взятыя изъ царства природы : то мы воспользуемся нѣкоторыми изъ оныхъ, дабы устранить недоумѣніе, и приближить къ разумѣнію истинное ученіе.

Притча говоритъ: *подобно есть царствіе небесное сокровищу сокровенну на селѣ, еже обрѣтъ человѣкъ, скры, и отъ радости его идетъ, и вся, елика имать, продаетъ, и купуетъ село то* (Матѳ. XIII. 44.). Примѣчайте: сокровище готово, достаточно для обогащенія, владѣющій полемъ имѣетъ и сокровище, въ немъ скрытое, но, безъ старанія обрѣсти оное, — тщетно имѣетъ, другой знаетъ о сокровищѣ, но также безъ попеченія, безъ пожертвованія, безъ рѣшимости продать все, чтобы купить поле, и воспользоваться сокровищемъ, — тщетно знаетъ.

Благодать есть сокровище готовое, довольное для обогащенія каждаго и всѣхъ, но сокрытое, — гдѣ ? на какомъ полѣ ? — Мало ли гдѣ ! На примѣръ, на полѣ уединенія и благоговѣйнаго безмолвія, на полѣ цѣломудрія и воздержанія ; только продай все, чтобы возобладать такимъ полемъ, и найдешь сокровище. Но наипаче близкое, и для всѣхъ доступное поле, въ которомъ сокровенно положено сокровище благодати, есть Церковь. Какое сокровище

сокрыто въ ея священныхъ собраніяхъ! Въ нихъ сокрыто присутствіе Самого Христа Господа, по собственному Его увѣренію, что *идѣже еста два или тріе собрани во имя* Его, *ту* есть и Онъ *посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII. 20.); а въ Немъ *вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. II. 3.), равно и сокровища всѣхъ прочихъ даровъ духовныхъ и Божественныхъ. Какое сокровище въ молитвахъ, славословіяхъ Церкви! Въ нихъ дышетъ благодать Пророковъ, Апостоловъ, Святыхъ; въ нихъ паипаче, *Самъ Духъ* Святый *ходатайствуетъ о насъ воздыханіями неизглаголанными* (Рим. VIII. 26.), какъ сказуетъ Апостолъ. Какое сокровище въ ея чтеніяхъ Евангельскихъ! *Есть бо*, говоритъ Аѳанасій Великій (въ посланіи къ Маркеллину), *въ словесѣхъ писаній Божественныхъ Господь, Егоже стерпѣти не могуще* (духи тьмы), *вопіяху: молю тя, да не прежде времени мучиши насъ.* Таже сила, которая, исходя въ словѣ Христовомъ, прогоняла бѣсовъ, исцѣляла недуги, воскрешала мертвыхъ, просвѣщала свѣтомъ Божественнымъ, пребываетъ и нынѣ въ Его словѣ, въ Его Евангеліи. Какое сокровище въ Таинствахъ, и наипаче въ таинствѣ Тѣла и Крови Господней! Въ немъ сокрыта вѣчная жизнь, съ ея неисповѣдимыми благами, по реченному отъ Господа: *ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный.* Надобно только умѣть воспользоваться толикими сокровищами, надобно усвоить ихъ себѣ, а для сего надобно *продать* или отдать за безцѣнокъ, пренебречь, отвергнуть, *вся, елика имаши*, именно, твое самоугодіе, твои стра-

сти, твои порочные навыки, твои плотскія желанія, твою лѣность, твою невнимательность, твою разсѣянность. Но если кто священныхъ собраній удаляется; молитвамъ и славословіямъ Церкви не внимаетъ; если тогда, какъ здѣсь сила Божія движется въ словѣ Евангелія, иныхъ лѣность едва еще допускаетъ двигнуться изъ дома ко храму; если тогда, какъ совершается глубокое таинство, иной изъ предстоящихъ разсѣянными помыслами, поверхностными взорами, бродитъ по внѣшности святилища, или, вмѣсто спасительнаго собесѣдованія съ Богомъ, празднословитъ съ человѣкомъ: то златоносное поле для таковыхъ еще чужое; они еще не обрѣли сокровеннаго въ немъ сокровища, или обрѣтеннаго не умѣютъ взять; и даже хотя, по видимому, его имѣютъ, но имѣютъ вотще, или только мнятся имѣти.

Могу, и долженъ указать вамъ, братія Христіане, какъ и себѣ, еще, кажется, болѣе близкое поле сокровища. Это самое сердце Христіанина; это нашъ внутренній человѣкъ. Если крещеніе Христіанина есть *рожденіе водою и духомъ*, какъ и дѣйствительно есть, по слову Христову; а рожденіе не иное что есть, какъ начатіе новой жизни; и слѣдственно Христіанинъ въ крещеніи получаетъ новую жизнь, и конечно ту, о которой сказалъ Апостолъ: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ*: то помыслите, какое сокровище въ насъ положено святымъ крещеніемъ, какую благодать мы въ немъ пріяли! Мы пріяли въ немъ начатокъ жизни Христовой въ насъ, или, какъ выражается святый Павелъ, *начатокъ духа*. Что-жъ? Обрѣли ль мы,

братія, сіе сокровище? Воспользовались ли имъ? Ощущаемъ ли въ себѣ сію новую жизнь, которая, какъ жизнь Христова, должна быть несравненно сильнѣе ветхой жизни Адамовой? Возрастаемъ ли въ сей новой жизни? *Достигаемъ ли въ мѣру возраста исполненія Христова?* Блаженъ, кому при семъ самоиспытаніи *не зазритъ сердце*, и кто имѣетъ о семъ не льстящее, но успокоивающее *свидѣтельство въ себѣ!* Сокровище благодати, на полѣ сердца обрѣтенное молитвою и вѣрою, пріобрѣтенное самоотверженіемъ, умноженное любовію, искушенное огнемъ креста, да соблюдаетъ онъ бдительно въ неослабѣвающемъ подвигѣ и смиреніи!

Для подобныхъ же мнѣ, для которыхъ самая благодать не безопасна, потому что въ ней находятъ поводъ къ небрежной безпечности, привожу на память другую притчу. *Человѣкъ нѣкій отходя призва своя рабы, и предаде имъ имѣніе свое: и овому убо даде пять талантъ, овому же два, овому же единъ, комуждо противу силы его* (Матѳ. XXV. 14. 15.). Продолженіе извѣстно: получившіе болѣе, полученное умножили дѣланіемъ и оборотомъ, и пріобрѣли новое благоволеніе господина своего; а получившій одинъ талантъ, закопалъ его въ землю, и за лукавство и лѣность лишился послѣдняго и подвергся тяжкому осужденію. *Человѣкъ* въ сей притчѣ означаетъ Бога Творца и Промыслителя, Который *рабамъ своимъ*, то есть, всѣмъ человѣкамъ даетъ различные дары, естественные и благодатные, внутренніе и внѣшніе; въ особенности же Богочеловѣка Христа, Который, *отходя* отъ земли на не-

бо, *восшедъ на высоту*, *даде дарія человѣкомъ* (Еф. IV. 8.), какъ то, дары Святаго Духа, Евангеліе, Таинства, и вообще *вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1. 3.). Сіи различные таланты даются намъ, по притчѣ, *комуждо противу силы его*, а по изъясненію Апостола, *по мѣрѣ дарованія Христова*, то есть, вполнѣ удовлетворительно для потребностей нашей жизни, которыя предвѣдѣніе Божіе опредѣляетъ, и щедрота Божія наполняетъ. Смотрите же. Правда, что все зависитъ отъ дарованныхъ талантовъ, безъ которыхъ рабы, какъ были, такъ и остались бы ни съ чѣмъ. Но не одно полученіе талантовъ, а дѣланіе и приращеніе вводитъ въ радость Господа. И удивительно, что тѣ, которые болѣе имѣютъ, болѣе стараются пріобрѣтать; а получившій менѣе совсѣмъ не старается. Не указываетъ ли сіе на насъ, которые часто говоримъ, что мы не Апостолы, не Святые, не Праведные, не имѣемъ ихъ благодати, и тѣмъ думаемъ извинить у себя недостатокъ подвиговъ и добродѣтелей? Не то же ли это, какъ если бы мы сказали: пусть получившіе пять, или два таланта, трудятся, чтобъ пріобрѣсть другіе пять или два; мы получили одинъ, и потому намъ позволительно меньше заботиться; довольно, если возвратимъ полученный; можно и въ землю зарыть его. — Видите, какъ принятый уже талантъ или даръ Божій благодатный, или же и естественный, можетъ оказаться вотще принятымъ, и не только вотще, но и къ осужденію припявшаго: ибо Раздаятель прозорливъ, и, послѣ крайняго милосердія, совершенно

правосуденъ; не попуститъ, чтобы даръ Его былъ расточенъ безвозмездно, и чтобы подъ личиною немощи укрылись лукавство и лѣность, но наконецъ отъиметъ пренебреженный даръ, и неключимому рабу оставитъ только *тьму кромѣшную*.

Если сіи размышленія возбуждаютъ насъ къ попеченію о томъ, чтобы *не вотще благодать Божію пріяти* намъ: то могутъ онѣ указать также и на способы удовлетворить сему попеченію. Поколику благодать Божія невидима и сокровенна, должно прилѣжно искать ее благоговѣніемъ вѣры къ Богослуженію, къ Слову Божію, къ Таинствамъ, и усвоять, чрезъ пожертвованіе всякой собственности поврежденной природы, самоугодія и плотоугодія. Поелику же дары благодати Божіей, и вообще дары Провидѣнія Божія, имѣемъ въ рукахъ нашихъ, должно *дѣлать въ нихъ*, употреблять таланты въ оборотъ, совершать при помощи благодати благія дѣла, и пріобрѣтать добродѣтели. Пріявшій *начатокъ духа* во Христѣ, да питаетъ его духовною дѣятельностію, и да возращаетъ его до мѣры совершенства. Получившій даръ крѣпости да умножаетъ подвиги, полезные и спасительные. Кому *духомъ дадеся слово премудрости и разума:* да дѣлаетъ въ семъ талантѣ, и пріобрѣтеніемъ его да будетъ распространеніе спасительной истины между человѣками. Если кому дарованъ крестъ и скорби (поелику и сіе можетъ быть *даромъ* (Фил. I. 29.) благодати): да дѣлаетъ въ семъ талантѣ, и лихвою его да будетъ терпѣніе непобѣдимое и упованіе не посрамляющее. Подобное должно происходить и съ

талантами, обращающимися въ области природы и въ домостроительствѣ временнаго житія и общежитія человѣческаго. Кому ввѣрены обильные таланты начальства: да дѣлаетъ въ нихъ, и пріобрѣтеніемъ его да будетъ безопасность и спокойствіе подвластныхъ, защищеніе обиженныхъ, избавленіе бѣдствующихъ, обезсиленіе зла. Кому достался скромный талантъ подчиненности, хотя бы то было даже на низшихъ степеняхъ общественной жизни: и сей, не унывая, да дѣлаетъ въ немъ, неуклонно и добросовѣстно исполняя обязанности своего званія; и въ малѣ вѣрный съ великими призовется въ радость Господа своего. Кто большимъ числомъ считаетъ у себя таланты богатства и изобилія: да дѣлаетъ въ нихъ, и да пріобрѣтаетъ обильнѣйшую лихву въ молитвахъ нищихъ, въ благословеніяхъ сирыхъ и вдовицъ. И общимъ для всѣхъ насъ талантомъ Провидѣнія Божія, — подъ сѣнію Престола Богохранимаго Царя, *тихимъ и безмолвнымъ житіемъ*, да пользуемся, братія, такъ, чтобы преуспѣвать *во всякомъ благочестіи и чистотѣ*, да и во грядущее время, по дару того же Провидѣнія, и мы о Царѣ своемъ и о насъ Царь нашъ, можемъ радоваться совершенною радостію, доколѣ наконецъ и въ вѣчную радость Господа нашего внити сподобимся. Аминь.

7. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ МАРІИНСКОЙ ЦЕРКВИ ИМПЕРАТОРСКАГО ВДОВЬЯГО ДОМА, ПРЕДЪ ТОРЖЕСТВЕННЫМЪ ОБѢТОМЪ СЕРДОБОЛЬНЫХЪ ВДОВЪ, ДЕКАБРЯ 6 ДНЯ, 1826 ГОДА.

Кто мя устроитъ по мѣсяцамъ прежднихъ дней, въ нихже мя Богъ храняше (Іов. XXIX. 2.)? — воскликнулъ нѣкогда Іовъ. Безъ сомнѣнія, при семъ помышлялъ онъ о дѣтяхъ умершихъ, и о домашнемъ благосостояніи разрушенномъ. Но есть еще предметъ его печали, который особенно достоинъ вниманія, и даже удивленія. Онъ тоскуетъ о возможности благотворить, которую имѣлъ, и которой лишился. *Спасохъ бо,* говоритъ, *убогаго отъ руки сильнаго, и сиротъ, емуже не бѣ помощника, помогохъ.—Уста же вдовича благословиша мя.—Око бѣхъ слѣпымъ, нога же хромымъ: азъ бѣхъ отецъ немощнымъ* (12. 13. 15.).

Не тоскуй, благодѣтельная душа! Богъ, верховный благодѣтель, и покровитель всякаго благотворенія, не дастъ въ пареканіе Своей добродѣтели въ лицѣ твоемъ; Онъ устроитъ тебя по мѣсяцамъ прежднихъ дней, въ которые Онъ хранилъ тебя. И подлинно, говоритъ наконецъ книга житія его, *даде Господь сугубая, елика бяху прежде Іову во усугубленіе,—Господь благослови послѣдняя Іовля, паче прежняя* (XLII. 10. 12.).

И у Тебя, Матерь благословенныхъ Сыновъ по естеству, а по благотворенію Матерь немощныхъ и сирыхъ, свѣтодательница слѣпыхъ, благословляемая вдовицами, — и у Тебя, за годъ предъ симъ, не было ли такихъ минутъ, въ которыя все чувство бытія и жизни заключалось въ одномъ воздыханіи о утратѣ, непзреченно великой? *Кто мя устроитъ по мѣсяцамъ прежднихъ дней, въ нихже мя Богъ храняше?*

Но Великій Отецъ сирыхъ и Судія вдовицъ, внялъ молитвамъ благословляющихъ Тебя сиротъ и вдовицъ, также какъ и молитвамъ осиротѣвшаго было народа и царства, и устроилъ Тебя точно по мѣсяцамъ прежнихъ дней, въ которые Онъ хранилъ Тебя. Се и нынѣ, въ томъ же мѣсяцѣ, въ которомъ прежде священнымъ торжествомъ одного изъ разнообразныхъ Твоихъ благотвореній ознаменовывали мы день Твоего Богомъ благословеннаго Сына, — и нынѣ, день Твоего другаго Богомъ избраннаго Сына, тѣмъ же торжествомъ благословляется.

Вотъ опытное наставленіе для всякаго, кому нужно наставленіе, въ сей истинѣ, что благотвори-

тельность къ человѣкамъ вѣрно наслѣдуетъ могущественное и дѣйствительное благословеніе Божіе, часто дивными и нечаянными судьбами.

Изъ Евангелія очень извѣстно великое благословеніе, которое благодѣтельнымъ людямъ уготовано на концѣ вѣковъ, и въ самой вѣчности. *Пріидите*, глаголетъ Господь нашъ, какъ Царь и Судія міра, *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV. 34.). Но кто сіи благословенные Отца небеснаго?—Продолженіе суда Хрістова показываетъ, что то суть питающіе алчущихъ, напоящіе жаждущихъ, принимающіе странныхъ, одѣвающіе нагихъ, посѣщающіе больныхъ и находящихся въ темницѣ, короче, люди благодѣтельные къ бѣдствующимъ ближнимъ. И въ другомъ случаѣ Господь заповѣдуетъ: *егда твориши пиръ, зови нищія, маломощныя, хромыя, слѣпыя; и блажень будеши, яко не имутъ ти что воздати: воздастжется въ воскрешеніе праведныхъ* (Лук. XIV. 13. 14.).

Если бы мысль о несоразмѣрности между подвигомъ и воздаяніемъ, между временнымъ благотвореніемъ человѣку и вѣчнымъ благословеніемъ отъ Бога, между служеніемъ земнымъ и наслѣдіемъ царствія небеснаго, — если бы сія, или подобная мысль, возстала въ комъ, чтобы поколебать вѣру въ обѣщанное воздаяніе: премудрость Божія уже противопоставила сему сомнѣнію сильнѣйшую мысль дабы и въ семъ, какъ она дѣлаетъ и во всякомъ другомъ случаѣ, низложить всякое возношеніе

суетныхъ помышленій человѣческихъ, взимающееся на разумъ Божій. Щедрый Мздовоздаятель объявилъ, что благотвореніе, какое бы то ни было, кому бы то ни было сдѣлано, пріемлетъ Онъ за благодѣяніе Самому Ему сдѣланное. *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 40.). Посему Онъ не только, какъ судія, оправдаетъ тѣхъ, которые дѣломъ исполняютъ законъ любви къ ближнему; не только, какъ Царь, царски наградитъ тѣхъ, которые помогаютъ сынамъ царствія на пути къ царствію; но и какъ должникъ, вѣрно удовлетворитъ тѣхъ, которые, *милуя нищаго, взаимъ даютъ Богу* (Притч. XIX. 17.).

И такъ, повторяю, изъ Евангелія очень извѣстно великое послѣднее и вѣчное благословеніе Божіе человѣкамъ, благотворителямъ ближнихъ. Но къ прискорбію, многіе человѣки, живя, такъ сказать, безъисходно въ низкой области чувствъ и настоящаго видимаго міра, будучи мало знакомы съ духовнымъ, съ невидимымъ, съ будущимъ, едва примѣчаютъ грядущее царствіе Христово, какъ будто въ туманной дали; Судія, Который, какъ возвѣщаетъ Апостолъ,— *се предъ дверми стоитъ* (Іак. V. 9.), по ихъ мнѣнію, еще за горами. Отъ того, какъ ни страшенъ судъ, какъ ни велико воздаяніе, многіе ни страхомъ, ни надеждою,—уже не говорю, чистою, возвышенною любовію, — не возбуждаются, чтобы дешевою цѣною благотворенія человѣкамъ пріобрѣтать безцѣнное царствіе Божіе; или, если дѣлаютъ въ семъ нѣкоторые опыты, не имѣютъ ни довольно

постоянства въ ожиданіи плода отъ сего подвига, ни довольно ревности противъ искушеній, въ ономъ встрѣчающихся. Кто знаетъ, говорятъ они, подлинно ли братіямъ Христовымъ достанутся наши благотворенія? Гдѣ то благословеніе, съ которымъ, не какъ вновь благословляемые, но какъ уже *благословенные*, съ готовымъ, притти должны на судъ Христовъ человѣки благодѣтельные,—гдѣ оно, когда расточаемыя нами благотворенія, не какъ плодовитое сѣмя на добрую землю падаютъ, но какъ прахъ по вѣтру, разсыпаются, и мы не видимъ, чтобы къ намъ что нибудь благое возвратилось?

Для сего-то и указалъ я, и еще укажу на опытное наставленіе въ сей истинѣ, что благотворительность вѣрно наслѣдуетъ могущественное и дѣйствительное благословеніе Божіе.

Дадимъ небольшое состязаніе тѣмъ, которые искушаются сомнѣніемъ о благонадежности своихъ благотвореній.

Подлинно ли, говорятъ они, братіямъ Христовымъ достанутся наши благотворенія?—Дабы на сіе отвѣтствовать, нужно разсмотрѣть другой вопросъ: кого разумѣлъ Спаситель нашъ, въ притчѣ о судѣ, подъ именемъ *братій Своихъ меньшихъ?* Если Онъ, какъ пріобщившійся плоти и крови человѣчества вообще, какъ пострадавшій Единъ за всѣхъ по человѣколюбію, по тому же человѣколюбію, вообще всѣхъ человѣковъ, по Апостолу, *не стыдится братію нарицати* (Евр. II. 11.), и въ особенности всѣхъ страждущихъ пріемлетъ почти за едино съ Собою: то первый вопросъ разрѣшается про-

сто; по сему разумѣнію, какому бы страждущему ни достались наши благотворенія, онѣ достаются всегда меньшему брату Господа Іисуса. Но если кто скажетъ, что сомнительно признать за меньшихъ братій неповинно страдавшаго Іисуса такихъ людей изъ числа страждущихъ, которые страждутъ по грѣхамъ, и при самыхъ страданіяхъ во грѣхахъ остаются; если и согласимся, что братіями Христовыми, по точной силѣ слова сего, должны быть названы только тѣ, которые, по вѣрѣ во Христа, *отъ Бога родившіяся* (Іоан. I. 13.); если далѣе изъ сего заключимъ, что тѣ только благотворятъ Христу, которые благотворятъ людямъ благочестивымъ бѣдствующимъ: должно ли и въ семъ случаѣ затруднять, или обезнадеживать дѣло благотворенія заботою, кому достанутся благотворенія? Что же вы сдѣлаете съ сею заботою? Перестанете ли благотворить? – Вы сами себя рѣшительно лишите благословенія, обѣщаннаго благотворящимъ, и нарушите великую заповѣдь любви къ ближнему, которую не льзя нарушать ненаказанно. Захотите ли благотворить только достойнымъ, и обходить недостойныхъ? – Но не въ семъ ли самомъ и состоитъ узелъ, которому разрѣшенія ищемъ, – не въ семъ ли онъ состоитъ, что вы не знаете довольно вѣрныхъ признаковъ, для различенія достойныхъ отъ недостойныхъ? И кто далъ вамъ право прежде суда Христова осудить кого либо, какъ недостойнаго называться чадомъ Божіимъ, и меньшимъ братомъ Христовымъ? Если кого нибудь и справедливо почитаешь ты недостойнымъ сего дня: почему знаешь,

чѣмъ онъ будетъ завтра? Ты сказалъ бы, на примѣръ, о заключенномъ въ темницу разбойникѣ: онъ недостоинъ моего посѣщенія, потому что не есть меньшій братъ Христовъ: но что, если Господь скажетъ и ему предъ смертію, какъ нѣкогда сказалъ уже разбойнику: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII. 43.)? Ты потерялъ случай сдѣлать добро меньшему брату Христову! Положимъ даже, что ты отказалъ въ благотвореніи человѣку подлинно недостойному: знаешь ли, что ты сдѣлалъ? Гоняясь дерзновеннымъ сужденіемъ за именемъ достойнаго и меньшаго брата Христова, ты самъ себя лишилъ достоинства сына Вышняго: поелику обѣтованіе. *будете сыновє Вышняго*, дано намъ подъ условіемъ *быть милосердыми, якоже Отецъ нашъ милосердъ есть;* а Онъ — *благъ есть на безблагодатныя и злыя* (Лук. VI. 35. 36,). Что же на конецъ остается намъ дѣлать? — Очевидно, не иное что, какъ благотворить, по возможности, всѣмъ бѣдствующимъ: достойнымъ и святымъ, потому, что они чада Божіи суть, и, по строгому разумѣнію, меньшіе братія Христовы; грѣшнымъ и недостойнымъ, потому, что и сами мы грѣшны, и слѣдственно недостойны благъ, которыми съ избыткомъ обладаемъ; и потому, что Всевышній Отецъ нашъ *благъ есть на безблагодатныя и злыя.* Какъ златодѣлатели работаютъ надъ пудами золотистаго песка, довольствуясь надеждою достать золотникъ чистаго золота: подобно сему и намъ должно благодѣтельно трудиться надъ толпами нищихъ и бѣдствующихъ; и для ободренія насъ въ семъ подвигѣ

довольно той надежды, что во множествѣ хотя одно когда либо совершится чистое дѣло благотворенія, достойное сокровищницы Верховнаго Благотворителя, которое побудитъ благость Его и насъ призвать отъ земнаго труда къ небесному покою, словомъ благословенія. *пріидите благословенніи.*

Но, скажетъ еще иной, если призовутся къ царствію тѣ, которые въ дѣлахъ благотворенія уже суть дѣйствительно *благословенные:* то для чего, подвизаясь въ благотвореніи, не вижу я хотя начатковъ сего благословенія?—Что могу я на сіе отвѣтствовать? Помысли, ревнитель воздаянія, можетъ быть, болѣе, нежели подвига, не въ тебѣ ли самомъ должно искать отвѣта на твой вопросъ, не на тебя ли обратить твое истязаніе? Что, если ты посѣялъ гнилое сѣмя? Кого въ томъ винить, что не всходитъ? Если ты не отъ искренняго сердца творилъ благодѣянія: кого винить, что не произбастъ благословеніе? Что, если ты вчера посадилъ яблонныя зерна, и сего дня хочешь рвать яблоки? Обязана ли природа превратить свой порядокъ, чтобы угодить твоей нетерпѣливости? Если ты вчера роздалъ нѣсколько лептъ нищимъ, и сего дня хочешь собирать плоды твоей благотворительвости: не значитъ ли сіе, что ты хочешь твоею короткою пядію мѣрить пути Провидѣнія Божія, и великія судьбы Божіи подчинить твоимъ мелкимъ желаніямъ?

Будь искрененъ, когда благотворишь, и великодушенъ, когда не видишь воздаянія: рано или поздно, судьбы Господни явятся, и благословеніе возсіяетъ надъ тобою.

Соломонъ написалъ: *посли хлѣбъ твой на лице воды: яко во множествѣ дней обрящеши его* (Еккл. XI. 1.). Что такое говоритъ творецъ притчей? Какъ можно, чтобы хлѣбъ, брошенный на воду, въ продолженіе многихъ дней, не уплылъ, не размокъ, не былъ поглощенъ рыбою, или склеванъ птицею? Симъ видомъ невозможности творецъ притчей изображаетъ дивное могущество Провидѣнія Божія, которое никакъ не попускаетъ погибнуть дѣлу благотворенія. Благотворя несчастнымъ, обыкновенно малознаемымъ, или совсѣмъ неизвѣстнымъ, ты бросаешь хлѣбъ свой въ воду: время течетъ; доброе дѣло твое скрывается; можетъ быть, и враги стараются затьмить оное, и облагодѣтельствованные забываютъ: но придетъ минута судебъ; хлѣбъ твой найдется, и напитаетъ тебя благословеніемъ и радостію.

Не въ воду ли бросалъ хлѣбъ свой Авраамъ, когда сидѣлъ подъ деревомъ, ожидая какихъ нибудь странниковъ, и, увидя ихъ, бѣжалъ имъ на встрѣчу, чтобы призвать и угостить ихъ? И что наконецъ обрѣлъ онъ во множествѣ дней старости? — Посѣщеніе Господа, и обѣтованіе благословеннаго потомства.

И Корнилій Сотникъ, по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ (X 2.), *творяй милостыни многи людемъ*, не въ воду ли бросалъ хлѣбъ свой, когда милостыни его доставались, то язычникамъ, то не познавшимъ Христа Іудеямъ? И что же обрѣлъ? — Явленіе Ангела, посѣщеніе Апостола, познаніе Христа, даръ Святаго Духа.

Заключимъ словомъ Апостола: *благотворенія и общенія не забывайте: таковыми бо жертвами благоугождается Богъ* (Евр. XIII. 16.).

Особенно вамъ, которыя и самихъ себя, или посвятили уже, или нынѣ вновь посвящаете, въ жертву благотворнаго служенія болящимъ,—чѣмъ большаго подвига и постоянства требуютъ таковыя жертвы сердоболія, тѣмъ съ большимъ удостовѣреніемъ сказуемъ вамъ, что *таковыми жертвами благоугождается Богъ!* Аминь.

8. СЛОВО

БЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, И ПРЕДЪ ТОРЖЕСТВЕННЫМЪ ОБѢТОМЪ СЕРДОБОЛЬНЫХЪ ВДОВЪ, ВЪ ЦЕРКВИ СВЯТЫЯ МАРІИ МАГДАЛИНЫ, ЧТО ВО ВДОВЬЕМЪ ДОМѢ, ГОВОРЕННОЕ ДЕКАБРЯ 6 ДНЯ, 1834 ГОДА.

Помаза Его Богъ Духомъ Святымъ и силою, иже пройде благодѣтельствуя и исцѣляя. Дѣян. X. 38.

Ко дню, именемъ Благочестивѣйшаго Императора украшенному, самое близкое слово было бы о нашемъ благополучіи подъ охранительною сѣнію могущественнаго имени *Народопобѣдителя*, которое такъ счастливо всею полнотою своего знаменованія встрѣтилось съ духомъ именуемаго, покаряющимъ себѣ народы троякою силою: мудрости, могущества и любви.

Но мановеніе самого Самодержца указуетъ иное направленіе моимъ мыслямъ, назначаетъ моему сло-

ву иной предметъ — бѣдствіе и состраданіе. Ибо тогда, какъ мы совершаемъ праздникъ вѣрноподданнической любви, Благочестивѣйшій Государь хощетъ, чтобы нынѣ же, именно здѣсь, былъ праздникъ Царскаго человѣколюбія. Тогда, какъ мы приносимъ къ сему Олтарю молитвы о Его безцѣнномъ для насъ здравіи, Онъ вноситъ сюда Свою сострадательную заботу о болящихъ, и поручаетъ намъ освятить живыя орудія Его собственнаго сердоболія.

Послѣдуемъ, братія, Христіанскому движенію сердца Царева, и помыслимъ о томъ особенномъ родѣ человѣколюбія, который имѣетъ предметомъ болящихъ.

И во-первыхъ, потребуемъ сему роду человѣколюбія столько вниманія, сколько онъ заслуживаетъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Нѣкоторыя изъ дѣлъ человѣколюбія, которыя, по Евангелію, дадутъ право на благословеніе на судѣ Христовомъ, и на призывъ къ блаженству, представляются вниманію, не бывъ искомы и предлагаютъ намъ сами себя. Алчущій, жаждущій, странникъ, нуждающійся въ одеждѣ, являются, приходятъ, сказываютъ о своей нуждѣ, показываютъ ее; въ нихъ добродѣтель человѣколюбія ходитъ за нами, преслѣдуетъ насъ, хочетъ вглѣниться въ наши домы: только не убѣгай; только не запирай дверей. Но бѣдствующій бользнію лежитъ: кто его увидитъ? Если онъ проситъ помощи: кто его услышитъ? А не рѣдко, чѣмъ болѣе нужна ему помощь, тѣмъ менѣе онъ можетъ изъяснить свою нужду, и

даже понимать и чувствовать оную. Позаботьтесь же о сердоболіи къ болящимъ, кото, ое менѣе другихъ родовъ человѣколюбія вамъ докучаетъ; подите, поищите сей добродѣтели, потому что она за вами ходить не можетъ.

Иногда причиною невнимательности благодействующихъ къ нѣкоторымъ бѣдствіямъ полагать можно то, что ихъ не испытывали; — что не всегда вѣрятъ виду бѣдствія; — что почитаютъ бѣдствующаго виновнымъ въ его бѣдствіи. На примѣръ, что значитъ быть алчущимъ, по недостатку хлѣба, сего по опыту не знаетъ большая часть изъ насъ даже въ то время, которое у другихъ называется голодомъ. Состраданіе къ заключеннымъ въ темницу можетъ охлаждаться мыслію, что они заключили туда сами себя, собственными дѣлами. Не таково бѣдствіе болѣзни. Если ты и довольно долго, безпорочно, безопасно шелъ путемъ жизни, не встрѣчаясь съ онымъ: впрочемъ больше, нежели вѣроятно, что оно встрѣтитъ тебя далѣе, въ старости, предъ смертію. И такъ при одрѣ болящаго состражди ему,—и себѣ; и, вспомнивъ законъ Провидѣнія, который такъ часто можно читать въ происшествіяхъ, если бы онъ и не былъ написанъ въ Евангеліи. *въ июже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Матѳ. VII. 2.), — попекись утѣшить и облегчить болящаго, чтобы нѣкогда и тебѣ послано было Провидѣніемъ потребное утѣшеніе и облегченіе.

По великости бѣдствія велико должно быть сострадательное вниманіе къ бѣдствующему. Хотя же трудно опредѣлять великость бѣдствія, потому что

бѣдствіе наше обыкновенно кажется намъ больше чужаго, и дѣйствительно испытываемое, больше слышимаго, или представляемаго въ мыслихъ: но примѣръ многострадальнаго Іова даетъ намъ разумѣть, какъ велико можетъ быть бѣдствіе болѣзни въ сравненіи съ другими несчастіями. Постигнутый нищетою и безчадіемъ, онъ еще разсуждалъ великодушно, и благословлялъ Бога: но пораженный болѣзнію, *отверзе Іовъ уста своя, и прокля день свой* (Іов. III. 1.).

По сей-то великости бѣдствія нѣкоторыхъ болящихъ, благотвореніе болящимъ представляется въ Евангеліи не только похвальнымъ дѣломъ добродѣтели человѣческой, но и высокимъ дѣломъ человѣколюбія Божественнаго, и между человѣколюбивыми дѣяніями самого Іисуса Христа блистаетъ особенною славою. И алчущихъ питалъ Онъ, какъ-то напиталъ въ пустынѣ, однажды пять тысячъ народа пятью хлѣбами, а въ другомъ случаѣ четыре тысячи семью хлѣбами; и болящихъ посѣщая или пріемля приходящихъ, исцѣлялъ всякъ недугъ и всяку язву въ людехъ. Чудесенъ былъ и тотъ и другой родъ благотворенія: но когда надлежало Апостолу Петру, приготовляющему Корнилія и нѣкоторыхъ другихъ язычниковъ ко вступленію въ Христіанство, изобразить для нихъ Божественность лица Іисусъ Христова, и высокую благотворность Его дѣяній, вниманіе Проповѣдника особенно остановилось на второмъ родѣ благотворенія. *Помаза*, говоритъ, *Его Богъ Духомъ Святымъ и силою, Иже пройде благодѣтельствуя и исцѣляя.* И такъ исцѣлять есть

дѣло Божественное: но посему и посѣщать болящихъ, утѣшать, облегчать, подкрѣплять въ духѣ, есть такое благотвореніе человѣческое, которое идетъ слѣдомъ за Божественнымъ.

Не льзя наконецъ не упомянуть объ особенной важности посѣщенія болящихъ въ томъ отношеніи, что состояніе болѣзни не рѣдко превращается въ преддверіе смерти. Важное поприще земной жизни — послѣднее, гдѣ успѣшнымъ окончательнымъ подвигомъ довершаются предъидущіе, и даже иногда, больше или меньше, восполняется недостатокъ оныхъ, или напротивъ, неувѣнчанный конецъ больше или меньше затмѣваетъ все дѣло; — гдѣ присутствіе духа въ рѣшительномъ сраженіи выигрываетъ вѣчную побѣду, или напротивъ, малодушному и безполезному усилію спастись бѣгствомъ отъ смерти угрожаетъ невозвратный плѣнъ; — гдѣ немногими остальными шагами человѣкъ переступаетъ въ небо, или оступается въ бездну! Неудобопонятная, и потому неудобоуправимая и небезопасная послѣдняя брань тлѣнія съ нетлѣніемъ, ветшающаго человѣка съ обновляемымъ, связующаго тѣла съ освобождаемою душею, привычекъ и привязанностей земныхъ съ желаніями небесными, воспоминаній прошедшаго съ надеждами и страхами будущаго! Иногда упадающія силы тѣлесныя, не отрѣшившуюся отъ тѣла душу, такъ сказать, засыпаютъ своими развалинами, и болящій не видитъ приближающейся смерти, не вспоминаетъ своихъ, заранѣе на сіе время воспріятыхъ, намѣреній, не примѣчаетъ важности наступающаго подвига, не ищетъ пособій. Приближься къ

сему колеблющемуся подвижнику, свѣжій, запасный вопиъ; напомни ему о приготовленіяхъ къ рѣшительной брани, поддержи его въ подвигѣ, подай ему духовныя оружія: щитъ вѣры, и шлемъ упованія спасенія; подкрѣпи его силою изъ сокровищъ благодати; помоги духу его, сквозь развалины плоти, возвышаться къ Отцу Духовъ; утѣшительнымъ и животворнымъ Божественнымъ словомъ, и тихимъ дхновеніемъ молитвы, расправь и возвысь крила отлетающей душѣ. Кто знастъ? Можетъ быть, непогрѣшительно совершивъ свой горній полетъ, она, по взаимности любви невременной, возвратится нѣкогда къ тебѣ, какъ голубица къ Ною, съ неувядающею вѣтвію мира, когда настанетъ и твоей душѣ время выйти изъ ковчега смертнаго тѣла на землю живыхъ, безсмертныхъ.

Если сіи размышленія даютъ вамъ, братія, нѣкоторое понятіе о томъ, сколь достойное вниманія и упражненія дѣло есть человѣколюбивое и Христіанское посѣщеніе болящихъ: то мнѣ остается, во-вторыхъ, указать кратко на расположенія, въ какихъ должно быть при таковомъ посѣщеніи, дабы оно было истинно полезно.

Посѣщеніе болящихъ должно быть предпріемлемо по чувству долга и вмѣстѣ по свободному расположенію. Одинъ произволъ не обезпечилъ бы постоянства въ семъ дѣлѣ, не рѣдко утомительномъ. При одномъ невольническомъ чувствѣ долга, дѣло сіе было бы холоднымъ и мертвымъ, безвкуснымъ для посѣтителя, непитательнымъ для посѣщаемаго. Посему-то въ особенности вамъ, призванныя сестры

сердоболія, для испытанія свободнаго расположенія дается время приготовленія; а потомъ чувство долга подкрѣпляется обѣтомъ.

При посѣщеніи больныхъ неразлучною спутницею должна быть любовь Христіанская. Съ любовію, какъ всякое, такъ и сіе дѣло, легко дѣлающему, и пріятно тому, для кого дѣлается. Наипаче же Христіанская любовь, какъ во всѣхъ отношеніяхъ есть, по изреченію Апостола, *исполненіе закона* (Рим. XIII. 10), такъ и въ отношеніи къ болящимъ, одна можетъ замѣнить всѣ правила, или, если нужно, и дать оныя, и принять, и исполнить. Она постарается доставить больному всякое возможное утѣшеніе, кромѣ вреднаго; и позлатить ему горькое, но спасительное врачество.

Сія же любовь призоветъ къ одру болящаго кротость и терпѣніе, на которыя впрочемъ особенное обращать должно вниманіе, чтобы онѣ отсюда не отлучались. Какъ о дѣйствіяхъ ветхаго человѣка сказалъ Апостолъ: *не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (Рим. VII. 20.): такъ о расположеніяхъ больнаго можно иногда сказать: это не онъ, а болѣзнь. Она бываетъ въ немъ необыкновенно раздражительна, нетерпѣлива, упорна: если въ обращеніи съ нимъ не сохраните съ своей стороны кротости и терпѣнія, то можете пролить масло на огонь, и притомъ на огонь истребительный.

Наконецъ приносите къ одру болящаго, непремѣнно приносите, вѣру и молитву. Если уже находите его въ чувствованіяхъ вѣры и молитвы: прилагайте вашь ѳиміамъ къ его ѳиміаму, и поддержи-

вайте огнь кадила его дыханіемъ вашей молитвы. Если же, къ сожалѣнію, не возжено его кадило, не примѣтно въ немъ ни теплоты вѣры, ни благоухапія молитвы: тѣмъ не менѣе употребите и здѣсь вашу вѣру и молитву. Если мертвымъ горящимъ углемъ, чрезъ приближеніе, зажигается другой мертвый же холодный уголь: не паче ли сердце, одушевленное и воспламененное живою вѣрою и молитвою, можетъ возжечь тотъ же огнь въ другомъ, даже и совсѣмъ хладномъ, даже въ полумертвомъ сердцѣ? Не усумнитесь приближить и къ сему невозженному углю вашу горящую кадильницу; и тихимъ, но постояннымъ направленіемъ воли, дѣйствующей съ Богомъ, навѣвайте на него животворящій духовный огнь. Можетъ быть, еще не поздно воздуть хотя малую искру жизни духовной, въ угасающей жизни плотской: и тогда вы совершили не только величайшее благотвореніе человѣку, но и Апостольское служеніе Богу.

Для употребленія сихъ мыслей и совѣтовъ случаи могутъ встрѣчаться каждому: а для призываемыхъ нынѣ въ сердобольное служеніе болящимъ да будутъ оные напутствіемъ къ сему Богоугодному служенію. Аминь.

9. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ВЪ МАРІИНСКОЙ ЦЕРКВИ, ПРЕДЪ ОВѢТОМЪ СЕРДОБОЛЬНЫХЪ ВДОВЪ, ГОВОРЕННОЕ ДЕКАБРЯ 6 ДНЯ, 1843 ГОДА

Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки. Матѳ. V. 16.

Свѣтъ, достойный внимательнаго зрѣнія, исходитъ изъ сихъ словъ Евангелія. Въ нихъ является Законоположитель и Распорядитель свѣта. Онъ отдаетъ свѣтъ какъ-бы въ собственность нѣкоторымъ людямъ: *свѣтъ вашъ*. Онъ указываетъ способъ не только пользоваться свѣтомъ, но и свѣтить другимъ: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки*. Онъ предлагаетъ сіе дѣло свѣта, не какъ даръ, который можно получить, но какъ обязанность, которую должно исполнять, и которую слѣдственно можно исполнить, потому что Премудрость не повелѣваетъ невозможнаго: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки.*

Что жъ это за свѣтъ? Кто сіи счастливые, на которыхъ возлагается прекрасная обязанность распространять свѣтъ? Не счастливо ли было бы, если бы и мы нашлись въ числѣ ихъ?

Господи Іисусе! Ты еси верховный Свѣтъ міра, по Твоему собственному слову: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. VIII. 12.). Посли намъ внутренно свѣтъ Твой и истину Твою, чтобы мы могли найти, возбудить, удержать и употребить по волѣ Твоей свѣтъ, которому Ты повелѣваешь просвѣщаться предъ человѣками.

Чтобы узнать, кто сіи люди, которыхъ Евангеліе призываетъ свѣтить прочимъ человѣкамъ, надлежитъ обратить вниманіе на обстоятельства, въ которыхъ Господь изрекъ заповѣдь свѣта: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки.* Евангелистъ Матѳей описываетъ сіи обстоятельства такъ: *узрѣвъ же народы, взыде на гору, и сѣдшу Ему, приступиша къ Нему ученицы Его: и отверзъ уста Своя, учаше ихъ* (V. 1. 2.). Итакъ поученіе Христово было къ ученикамъ Христовымъ; и конечно высокая заповѣдь, свѣтить человѣкамъ, относилась преимущественно къ высшему разряду сихъ учениковъ, то есть, къ двѣнадцати Апостоламъ, такъ какъ безъ сомнѣнія, къ нимъ относится слѣдующая часть поученія Христова: *вы есте свѣтъ міра: не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя* (14.). Апостолы стояли на горѣ ученія, которую теперь видимъ, и просвѣтились свѣтомъ закона духовнаго потомъ на горѣ Ѳаворѣ, — и постигли свѣтъ молит-

веннаго созерцанія, потомъ на Сіонѣ,—и озарились свѣтомъ воскресенія, на Елеонѣ,—и возводили очи къ свѣту обоженія человѣчества во Христѣ, наконецъ паки на Сіонѣ,—и наполнились свѣтомъ Духа Святаго. Такъ возвысясь въ духѣ, они уже не могли *укрыться* въ естественной простотѣ своей и необразованности. Молніи свѣта, не убивающія, но животворящія, проливались изъ нихъ не только на землю Іудейскую, но и на языческій міръ, лежащій въ сугубой тьмѣ невѣдѣнія и пороковъ, и преобразовали его въ міръ свѣта, въ міръ истины и добродѣтели, въ міръ Христіанскій.

Такъ это дѣло Апостольское, а не наше?—помыслитъ, можетъ быть, слышащій. Слѣдственно дѣло свѣта – не наше дѣло? –

Удержимъ помыслъ, безъ нужды торопливый. Возвратимся къ зрѣлищу Христа, учащаго на горѣ.

Узрѣвъ же народы, взыде на гору, и сѣдшу Ему, приступиша къ Нему ученицы Его, и отверзъ уста Своя, учаше ихъ. Учениками языкъ Апостольскій часто называетъ не однихъ Апостоловъ, но и всѣхъ, съ вѣрою слушающихъ и пріемлющихъ ученіе Христово. Что и въ семъ обширномъ смыслѣ можно и должно принять наименованіе учениковъ, употребленное въ приведенномъ теперь сказаніи Евангелиста, въ томъ удостовѣряетъ замѣченное имъ обстоятельство: *узрѣвъ народы*. Если бы поученіе Господа относилось только къ двѣнадцати Апостоламъ: для чего бы Евангели-

сту сказывать, что оно началось, когда Господь *узрѣлъ народы?* Странно вообразить человѣколюбиваго Іисуса, узрѣвшаго народы, оставившаго ихъ безъ вниманія, и *отверзшаго уста Своя* только для двѣнадцати человѣкъ. Не такъ поступалъ Онъ обыкновенно. Что̀ нужно было говорить собственно для Апостоловъ: то говорилъ Онъ имъ особо безъ народа: *особь ученикомъ Своимъ сказаше вся* (Марк. IV. 34.). А когда видѣлъ предъ Собою народъ, не пренебрегалъ его, и не лишалъ спасительнаго слова *видѣ Іисусъ народъ многъ и милосердова о нихъ,—и начатъ ихъ учити много* (Марк. VI. 34.). Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что и тогда, какъ Господь, *узрѣвъ народы,* на горѣ, проповѣдь Его не къ однимъ Апостоламъ относилась, но касалась и каждаго изъ народа, кто имѣлъ уши слышать, и сердце вѣровать.

Теперь найдено, что, если мы и не Апостолы, а принадлежимъ только къ *народу* вѣрующихъ: тѣмъ не менѣе и для насъ есть доля въ нагорной проповѣди Христовой; и намъ нѣчто сказано въ сихъ словахъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки;* дѣло свѣта духовнаго намъ не чужое.

Слышащіе сіе, не пожелаютъ ли услышать и то, какъ можемъ мы участвовать въ распространеніи свѣта, и не только услышать, но слышимое и творить по возможности?- О, если бы сіе слово встрѣтилось съ симъ желаніемъ, котораго оно и домогается!—Къ разрѣшенію же предложеннаго теперь вопроса мы тотчасъ притти можемъ, не чрезъ трудъ-

ное изысканіе, но чрезъ простое продолженіе словъ поученія Христова.

Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки. — Какимъ образомъ? — Господь продолжаетъ *яко да видятъ ваша добрая дѣла.*

Вотъ очень простая тайна свѣта! *Добрая дѣла* — вотъ свѣтъ, который всякой издавать можетъ! Добрый примѣръ — вотъ способъ, которымъ каждый можетъ распространять свѣтъ между другими! И вотъ явственная черта Божественности ученія Христова, что она, восходя превыше высокаго созерцанія, въ то же время низходитъ до самаго простаго разумѣнія, и всякому доступнаго исполненія!

Чтобы распространять между человѣками свѣтъ, или иначе сказать, истину и добро, для сего, кажется, мы не знаемъ болѣе открытыхъ способовъ какъ три слѣдующіе: слово, власть, примѣръ. Слово дѣйствуетъ убѣжденіемъ, власть — праведно употребляемымъ могуществомъ, примѣръ располагаетъ къ подражанію. Не всѣмъ дается даръ и право дѣйствовать словомъ разума и премудрости; ко власти, особенно высшей и обширнѣйшей, немногіе призываются Провидѣніемъ; но всѣ могутъ дѣйствовать добрымъ примѣромъ, между тѣмъ какъ и особенной силѣ слова или власти онъ сообщаетъ отъ себя новую силу. По-сему судите, какъ важенъ добрый примѣръ.

Если служитель слова скажетъ вамъ: будьте благочестивы, человѣколюбивы, воздержны; но если его наставленія не написаны въ книгѣ собственной его

жизни: то весь плодъ поучительнаго слова можетъ заключиться въ ответномъ словѣ: *врачу, исцѣлися самъ* (Лук. IV. 23.). Не говорю, чтобы такъ и должно было: но такъ всего скорѣе случиться можетъ. — Впрочемъ Господь повелѣваетъ принимать справедливыя и полезныя слова и отъ тѣхъ, которыхъ дѣла словамъ не соотвѣтствуютъ: *вся убо, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите; по дѣломъ же ихъ не творите, глаголютъ бо, и не творятъ* (Матѳ. XXIII. 3.). Но кто творитъ то, чему поучаетъ: у того дѣло его и малому слову сообщаетъ великую силу. Свѣтъ слова безъ силы дѣлъ, есть блескъ безъ жизни, скоро преходящій: свѣтъ добрыхъ дѣлъ продолжаетъ нерѣдко свѣтить и тогда, когда слово угасло, и за смертію дѣлателя простираетъ долгую и широкую зарю. Такъ — *просвѣщался* ли бы *предъ нами свѣтъ* Святителя Николая, посредствомъ Его слова, которое скрылось въ сердцахъ Его современниковъ, и не перешло въ книги, чтобы дойти до насъ?—Но благодатныя и чудесныя дѣла Его сострадательной, неистощимой, безпредѣльной любви къ человѣчеству, какую свѣтлую, долгую, широкую зарю простирали и простираютъ по вѣкамъ и странамъ вселенныя!

Повелѣнія власти во многообразіи своемъ очевидно не всегда могутъ быть сопутствуемы примѣромъ повелѣвающаго, который одинъ не можетъ употребить себя во всѣ дѣла и должности, распредѣленныя по разнымъ степенямъ и разрядамъ подчиненности. Но гдѣ власть и подчиненность могутъ итти однимъ путемъ, какъ напримѣръ, въ истинѣ

вѣры, въ добрѣ нравственномъ, въ дѣлахъ человѣколюбія и милосердія: тамъ предшествующій примѣръ власти, какъ сильно, и вмѣстѣ какъ пріятно увлекаетъ за собою подчиненность! Какъ вода съ высшихъ мѣстъ сходитъ на низшія, не всегда удерживаясь даже преградами: такъ нравственный духъ высшихъ состояній въ обществѣ чрезъ подражаніе переходитъ въ низшія, не смотря на нѣкоторыя преграды, поставляемыя различіемъ званій. Благочестіе и человѣколюбіе владѣющихъ и начальствующихъ, какъ солнце, безъ усилія сильно распространяетъ свѣтъ свой въ кругѣ подвластныхъ. Счастливы подвластные и подчиненные, которымъ для того, чтобы одушевляться любовію къ истинѣ и добру, къ правдѣ и милосердію, ревностію къ своимъ обязанностямъ, неутомимостію въ подвигахъ, — надобно только взирать на поставленную надъ нами власть, и изучать ея дѣйствія!

Не сомнѣваюсь, что теперь моему слову вторятъ мысли предстоящихъ: счастливы мы, которымъ здѣсь — не притча только, но и живыя дѣла Царскаго человѣколюбія свѣтятъ и говорятъ: *пди, и ты твори такожде* (Лук. X. 37.). Потому-то, благодареніе Богу, и часты у насъ дѣла и учрежденія человѣколюбія.

Но что еще скажемъ болѣе близкое къ тѣмъ, которыхъ состояніе подобно не *граду, стоящему верху горы*, но, можетъ быть, только хижинѣ подъ горою? Не ужели можетъ и ихъ *свѣтъ просвѣщаться предъ человѣки?* — Почему не такъ? И ма-

лый свѣтильникъ въ хижинѣ увидитъ блуждающій странникъ, и пойдетъ на его свѣтъ, и найдетъ въ хижинѣ спасеніе отъ холодной ночи или звѣря, и успокоится въ безопасности, и обрадуется странноприимству. И скромное доброе дѣло человѣка невиднаго въ мірѣ, если одушевлено добрымъ и святымъ намѣреніемъ, есть дѣло свѣта, которое и дѣйствуетъ въ семъ качествѣ на видящихъ, привлекая къ добру; и даже, подъ управленіемъ Провидѣнія, простираетъ иногда свое дѣйствіе на неизмѣримую даль. Посмотрите на указанную Сердцевѣдцемъ вдовицу, которая по избытку благочестиваго усердія, послѣднія двѣ лепты положила въ сокровище храма. Какое маленькое доброе дѣло! Но предъ сколькими уже милліонами человѣковъ просвѣтилось оно, и еще будетъ просвѣщаться въ Евангеліи, уча однихъ дѣлать добро и при малыхъ способахъ, а другихъ, и въ малыхъ дѣлахъ, и въ малыхъ людяхъ, высоко цѣнить доброе чувство и святую мысль!

И вотъ поощрительный примѣръ и для васъ, благолюбивыя вдовицы, избранныя и избираемыя въ человѣколюбивое служеніе болящимъ. Не блистательное дѣло, посидѣть у одра болящаго, вѣрно подать ему врачевство, послужить его покою, сказать ему слово утѣшенія: но если сіе одушевлено будетъ чувствомъ Христіанской любви, святою заботою и молитвою о мирѣ души болящаго: то будетъ ваше скромное дѣло дѣломъ свѣта для ближняго, и вашу совѣсть озарять будетъ свѣтомъ внутренняго утѣшенія.

И никто изъ насъ, братія, да не уклоняется отъ заповѣди всеобщаго Свѣтодавца и Свѣтоводителя. Каждый да творитъ добро по возможности; и да свѣтитъ дѣлами свѣта, если не на ряду съ великими свѣтилами, то хотя между малыми звѣздами. Хорошо быть хотя малою искрою въ томъ Божіемъ небѣ, гдѣ и малая искра свѣтлѣе и прочнѣе здѣшняго солнца. *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ!* Аминь.

10. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ БЛАГОВѢЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ НОЯБРЯ 20 ДНЯ, 1837 ГОДА.

И возращу тя зѣло, зѣло, и положу тя въ народы, и царіе изъ тебе изыдутъ. Быт. XVII. 6.

Если день природы неодушевленной можетъ нѣчто говорить внимательному, какъ нѣкто подслушалъ и свидѣтельствовалъ, что *день дни отрыгаетъ глаголъ* (Псал. XVIII. 3.): то не больше ли внятно и обильно долженъ говорить день человѣческій, ознаменованный особенными дѣйствіями Провидѣнія Божія, или воспоминаніями о нихъ.—

Какое слово можетъ обнять все, что нынѣшній день говоритъ уму и сердцу Россіянина? Онъ говоритъ, во-первыхъ, о томъ за четырнадцать лѣтъ бывшемъ днѣ, въ который Богъ въ сердце приснопамятнаго Александра, и въ его завѣтную хартію положилъ мысль о царствованіи Николая,

какъ преимущественно желанномъ и благопадежномъ для Россіи; потомъ, о другомъ днѣ, отъ котораго начинаются двѣнадцатилѣтніе, до нынѣ, опыты, удостовѣряющіе, что въ завѣтѣ Александра заключалось предусмотрительное и благотворное для Россіи опредѣленіе Божіихъ судебъ. Въ царствованіи полномъ дѣятельности, *день дни отрыгаетъ глаголъ* Царскихъ подвиговъ, подъемлемыхъ и совершаемыхъ въ войнѣ и мирѣ, въ законодательствѣ и правосудіи, въ усовершеніи устройства разныхъ родовъ общественной службы, званій и состояній, въ покровительствованіи и распространеніи просвѣщенія и благотворенія, въ превозможеніи трудностей, въ отвращеніи опасностей, въ умноженіи плодовъ народнаго благоденствія въ настоящее время, въ сѣяніи новыхъ сѣменъ общественнаго блага на будущія времена: и естественно, что нынѣшній царственный день особенно полонъ отголосками столь многоразличныхъ глаголовъ царской славы.

Впрочемъ, когда вижу, что день сей собралъ васъ, вѣрныя и избранныя чада Россіи, привелъ во храмъ, поставилъ предъ олтаремъ: то съ утѣшеніемъ о васъ заключаю, что день уже изглаголалъ въ сердца ваши свою проповѣдь, и что вы уже приняли его поученіе, которое въ томъ наипаче и состоитъ, чтобы принести Богу славу, благодареніе и молитву за Царя, Богомъ дарованнаго, царствующаго подъ осѣненіемъ Провидѣнія Божія.

Послѣ сего не такъ уже трудно служителю слова договаривать нѣчто изъ глаголовъ царскаго дня, въ назиданіе сыновъ царствія.

Зрѣлище Царскаго благословеннаго семейства, которымъ въ сіе время наслаждается сія столица, представляетъ намъ, Россіяне, среди высокихъ доблестей Царскихъ, въ столь же возвышенномъ свѣтѣ доблести семейственныя. Доблести царскія суть достояніе собственно царево: доблести семейственныя могутъ и должны быть общимъ достояніемъ Царя и народа. Провидѣніе, являя семейственныя доблести на высотѣ Престола, не говоритъ ли чрезъ сіе народу, что и въ нихъ есть возвышенное достоинство, что и онѣ нужны и важны, и столько же достойны соревнованія, сколько доступны подвигу? —

Семейство древнѣе Государства. Человѣкъ, супругъ, супруга, отецъ, сынъ, матерь, дщерь, и, свойственныя симъ наименованіямъ, должности и добродѣтели существовали прежде, нежели семейство разрослось въ народъ и образовалось Государство. Посему жизнь семейственная въ отношеніи къ жизни государственной есть нѣкоторымъ образомъ корень дерева. Чтобы дерево зеленѣло, цвѣло и приносило плодъ, надобно, чтобы корень былъ крѣпокъ, и приносилъ дереву чистый сокъ. Такъ, чтобы жизнь государственная сильно и правильно развивалась, процвѣтала образованностію, приносила плодъ общественнаго благоденствія, — для сего надобно, чтобы жизнь семейственная была крѣпка благословенною любовію супружескою, священною властію родительскою, дѣтскою почтительностію и послушаніемъ, и чтобы, въ слѣдствіе того, изъ чистыхъ стихій жизни семейственной естественно возникали столь же чистыя начала жизни государ-

ственной, чтобы съ почтеніемъ къ родителю родилось и расло благоговѣніе къ Государю, чтобы любовь дѣтища къ матери была предъиграніемъ любви къ отечеству, чтобы простодушное послушаніе домашнее приготовляло и руководствовало къ самоотверженію и самозабвенію въ повиновеніи законамъ и священной власти Самодержца, дѣйствующей непосредственно, или чрезъ начальства, отъ него поставленныя.

Изъ семействъ составляется Государство, и члены семействъ образуются въ члены великаго состава государственнаго. Хотя сила общей жизни тѣла можетъ, больше или меньше, исправлять частные недостатки и поврежденія въ здравіи членовъ: но, безъ сомнѣнія, полнѣе и совершеннѣе можетъ она проявлять себя въ движеніяхъ членовъ здравыхъ и неповрежденныхъ. Такъ, хотя власть государственная, можетъ исправлять частные недостатки и пороки жизни семейственной: но тѣмъ еще лучше для Государства, чѣмъ менѣе нужны сіи исправленія, чѣмъ болѣе здравыхъ членовъ семейство представляетъ въ распоряженіе Государства, чѣмъ вѣрнѣе приготовлена и сбережена домашняя честность и доброта къ употребленію въ подвиги и добродѣтели на поприщѣ жизни общественной.

Итакъ, да помыслятъ отцы и начальники семействъ, что если они, по выраженію Апостольскому, *домъ свой добрѣ правятъ* (1 Тим. III. 4.); если въ своемъ комнатномъ владычествѣ правильно и вѣрно дѣйствуютъ разсудительно употребляемою властію, опытнымъ словомъ, добрымъ примѣромъ; если

содержатъ своихъ домашнихъ въ порядкѣ и послушаніи, вселяютъ въ нихъ страхъ Божій, любовь къ ближнимъ, вѣрность къ Государю и отечеству, бдительнымъ смотрѣніемъ охраняютъ ихъ нравы: то, кромѣ того, что исполняютъ чрезъ сіе долгъ, возлагаемый природою, а слѣдственно и ея Создателемъ, что готовятъ сами себѣ плоды семейныхъ утѣшеній,—кромѣ сего, токовымъ дѣйствованіемъ они совершаютъ и въ пользу Государства служеніе, котораго благія послѣдствія могутъ простираться даже до потомства.

Я сказалъ, что послѣдствія доблестей семейственныхъ могутъ простираться даже до потомства: и какъ не могу показать сего въ будущемъ потомствѣ, котораго мы не видимъ; то, дабы оправдать сказанное, по необходимости долженъ обратиться къ предкамъ и потомкамъ, бывшимъ прежде насъ.

Авраамъ былъ благочестивый и добрый отецъ семейства, почти только начинающагося, когда Богъ явился ему, и далъ слѣдующее обѣщаніе: *возращу тя зѣло, зѣло, и положу тя въ народы, и царіе изъ тебе изыдутъ* (Быт. XVII. 6.). Провѣщаніе, много сказывающее въ немногихъ словахъ!

Надобно вспомнить, что сіе было за многіе вѣки до того, какъ Богъ въ избранномъ народѣ Своемъ учредилъ царское достоинство, и освятилъ оное собственнымъ избраніемъ и помазаніемъ. Примѣчайте же, какъ рано Господь помышляетъ о царяхъ; какъ ясно даетъ разумѣть, что учрежденіе царя есть дѣло Его вѣчнаго предопредѣленія; какъ высоко цѣнитъ достоинство царя, когда преимущество

быть родоначальникомъ царей предоставляетъ въ награду столь избранной доблести, какъ Авраамова.

Но какая то была доблесть, которая пріобрѣла Аврааму столь великое и обширное потомственное обѣтованіе: *возращу тя зѣло, зѣло, и положу тя въ народы?* – Еще не та единственная доблесть самоотверженія, съ какимъ онъ, по волѣ Божіей, готовъ былъ единороднаго сына своего принести въ жертву; ибо сіе было уже послѣ; но не столь безпримѣрная доблесть мужа непорочнаго, упражняющагося въ домашнемъ благочестіи, домъ свой добрѣ правящаго, съ пожертвованіемъ собственныхъ выгодъ охраняющаго домашній миръ и родственное согласіе (Быт. XIII.), съ опасностію собственною готоваго на избавленіе пришлыхъ отъ бѣдствія (Быт. XIII.). Итакъ Авраамъ въ семъ случаѣ представляетъ образъ доблести семейственной; а Божіе къ нему провѣщаніе — образъ потомственно благихъ послѣдствій такой доблести

Чтобы показать важность семейственныхъ должностей и добродѣтелей и для подчиненныхъ членовъ семейства, довольно указать на одинъ примѣръ, сильнѣйшій самаго закона; потому что это примѣръ Законодателя, покаряющагося закону. Когда юнаго Іисуса преблагословенная Матерь Его и мнимый отецъ нашли во храмѣ въ собесѣдованіи о предметахъ духовной мудрости, и жаловались, что Онъ оставилъ ихъ: тогда Онъ далъ было имъ на сіе такой отвѣтъ, которымъ, по видимому, разрѣшалъ Себя отъ закона покорности земнымъ родителямъ; потому что занимался дѣломъ Отца Своего небес-

наго. *Что, яко искасте мене? Не вьсте ли, яко въ тьхъ, яже Отца Моего, достоитъ быти Ми?* Но что же потомъ? Не смотря на столь высокое право, смиренно преклонилъ Онъ выю подъ иго заповѣди, повелѣвающей чтить отца и матерь: *и сниде съ нима, и пріиде въ Назаретъ, и бѣ повинуяся има* (Лук. II.). Такъ важенъ долгъ повиновенія семейственнаго, что единородный Сынъ Божій, отсрочилъ Свое вступленіе въ дѣло Божіе, чтобъ исполнить сей долгъ предъ земною Матерію, и даже предъ однимъ именемъ отца, которое носилъ Іосифъ до благовременнаго открытія тайны имѣющаго отца на земли, и чтобы Своимъ примѣромъ вновь освятить обязанности, и возвысить добродѣтели жизни семейственной.

Если сіи размышленія и примѣры слышавшими вспомнятся, по возвращеніи въ семейства; если нѣкоторыхъ предохранятъ отъ невниманія къ обязанностямъ семейственнымъ; если внимательныхъ сдѣлаютъ ревностнѣе, ревностныхъ утѣшатъ: то малое слово сіе награждено будетъ немалымъ плодомъ. Аминь.

11. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯЩЕННАГО МУРОПОМАЗАНІЯ И ТОРЖЕСТВЕННАГО ВѢНЧАНІЯ НА ЦАРСТВО БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ВСЕЯ РОССІИ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ АВГУСТА 22 ДНЯ, 1833 ГОДА.

Побѣждай благимъ злое. Рим. XII. 21.

Если бы въ сей день, освѣщаемый сіяніемъ Царскаго вѣнца, величественнаго и благолѣпнаго, не столько по числу и достоинству каменій честныхъ, сколько по достоинству законной наслѣдственности, по преимуществу освященія свыше, по превосходству Царскихъ доблестей, которыя онъ покрываетъ,—возжелали мы, Россіяне, увидѣть вѣнецъ сей въ новомъ блескѣ: то мы тотчасъ можемъ имѣть сіе пріятное видѣніе, обративъ наблюдательный взоръ на новыя Царственныя дѣянія Благочестивѣйшаго Императора. Посмотрите, на примѣръ, на новый составъ Россійскихъ законовъ, столь ожиданный правосудіемъ, и наконецъ извлеченный изъ разно-

частныхъ, разнообразныхъ, иногда недружныхъ стихій разновременнаго законодательства. Не есть ли это новый, свѣтлый, изъ отечественныхъ копей извлеченный, камень въ вѣнцѣ Николая Перваго, — камень, котораго такъ долго искали Его предшественники, и который Онъ Своею неутомимостію предвосхитилъ у Своихъ преемниковъ?

Или, поставьте себя на предѣлахъ двухъ имперій, двухъ частей свѣта и двухъ религій, и посмотрите на окончанное недавно дѣло умиренія на Востокѣ. Сдѣлаться благодѣтелемъ, охранителемъ, спасителемъ царства, недавно враждебнаго, и только побѣдами доведеннаго до примиренія, — не есть ли и сіе такое дѣло Царской доблести, которое приноситъ новое свѣтлое украшеніе вѣнцу Благочестивѣйшаго Императора нашего, новую славу Его царствованію?

Славу сего дѣла особенно провозглашать должно здѣсь, въ Церкви: послику оно есть великолѣпное исполненіе благороднаго правила Христіанскаго: *побѣждай благимъ злое*. Дѣло сіе не только славно для Царя и народа, но и полезно для Христіанства: ибо весь не познавшій Христа Востокъ видитъ теперь въ семъ славномъ дѣлѣ, къ какой чистой, безкорыстной, возвышенной вѣрности и благотворительности располагаетъ вѣра Христіанская сердца Царя и народа.

Но довольно сего воззрѣнія на нѣкоторыя дѣла Царственныя, чтобы нынѣшняя особенная молитва и благодареніе за Царя были нами принесены, сколько по долгу послушанія Церковной заповѣди,

столько же по убѣжденію и усердію собственному.

Гораздо нужнѣе каждому изъ насъ обращать вниманіе на собственныя дѣла, хотя, можетъ быть, малыя, и едва примѣтныя въ необъятномъ множествѣ и разнообразіи дѣлъ человѣческихъ, но никогда немаловажныя для дѣлающаго: потому что пойдутъ за нимъ далѣе предѣловъ настоящей жизни, и либо увѣнчаютъ его, либо возложатъ на него укоризну и стыдѣніе вѣчное.

Побѣждай благимъ злое. Всякой ли найдетъ исполненіе сего правила въ своихъ дѣлахъ? Всякой ли найдетъ сіе правило довольно раскрытымъ въ умѣ своемъ, довольно углубленнымъ въ сердцѣ своемъ?

Что есть зло въ мірѣ, и собственно въ человѣкахъ, о семъ опытъ всѣхъ и каждаго свидѣтельствуетъ такъ сильно, что, хотя бы разумъ и вздумалъ противъ сего спорить, не можетъ переспорить свидѣтельства ощущеній, которыя умствованіямъ не повинуются. А когда зло есть, и дѣйствуетъ противъ насъ: то не употреблять противъ него никакихъ средствъ было бы противно и закону самосохраненія, и закону человѣколюбія; потому что не удерживаемое зло поглотило бы весь родъ человѣческій,—и закону вѣры въ Бога; потому что не препятствовать распространенію зла значило бы благопріятствовать враждѣ противъ Бога, и хулѣ на Его творчество и управленіе міромъ. Итакъ надобно противостоять злу, сражаться съ нимъ, побѣждать оное. *Побѣждай злое.*

Но какимъ оружіемъ? Положимъ, что вы рѣши-

лись бы употреблять такое же оружіе, съ какимъ на васъ нападаютъ, и поступать по праву равнаго воздаянія. Обида за обиду, злословіе за злословіе, рана за рану. Будетъ ли симъ образомъ побѣждено зло? – Не думаю. На примѣръ, если воздано раною за рану: то произошло двое раненыхъ вмѣсто одного; слѣдственно зло удвоено, а не прекращено, потому что обиженный, нанеся рану обидчику, не излѣчилъ тѣмъ своей. Обида, возданная за обиду, не только не уничтожаетъ зла сдѣланнаго, но и не останавливаетъ хода зла, или даже усиливаетъ оное. Въ комъ было довольно зла, чтобы начать обиду, въ томъ, по всей вѣроятности, найдется онаго еще болѣе, чтобы отвѣчать на взаимную обиду. Такимъ образомъ должна произойти цѣпь обидъ; и поелику каждый воздающій за обиду естественно будетъ стараться сдѣлать соперника менѣе способнымъ вредить, то всякая дальнѣйшая обида должна быть тяжеле и убійственнѣе предъидущей. Изъ сего можно усмотрѣть, какъ вѣрно разсужденіе Апостола: *аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете* (Гал. V. 15.). И такъ побѣждать злое злымъ не надежно, если бы кто и не удержался отъ такого сраженія мыслію, что сіе не позволительно.

Спросятъ, можетъ быть: какъ же наказываютъ убійцу смертію? Какъ же ведутъ войну? Отвѣтствую: иное право частнаго человѣка, иное суда, и еще иное власти верховной. Власть верховная, поелику не имѣетъ надъ собою судіи на земли, по необхо-

димости сама должна судить обиды, наносимыя Государству, и употреблять войну исполнителемъ Государственнаго правосудія: но и сіе, верховная власть, одушевленная достойными своей высоты чувствованіями, дѣлаетъ не для того, чтобы поразить злымъ злое, но чтобы защитить и охранить благое, то есть, безопасность и благо собственнаго ея Государства. Если власть судебная внутри Государства сражается зломъ наказанія противу зла преступленія: и сіе такъ разнится отъ частнаго мщенія, какъ разсудокъ отъ страсти, какъ созиданіе отъ разрушенія Судъ сражается противъ зла не за себя, но за невинно страждущаго: слѣдственно водится не зломъ мщенія, но благомъ состраданія, человѣколюбія, справедливости; притомъ въ благоустроенномъ Государствѣ судъ только открываетъ виновнаго, а наказываетъ его законъ; но и законъ гражданскій, если онъ изреченъ духомъ Христіанскаго правосудія, не имѣетъ намѣренія мстить за зло, а пресѣкать и предупреждать зло; не имѣетъ намѣренія убивать убійцу, по смертію, или другимъ образомъ, лишать его возможности убійства, и охранять отъ него живущихъ. Въ семъ именно духѣ кроткій законъ Благочестивѣйшихъ Самодержцевъ нашихъ присуждаетъ и убійцѣ не смерть, а жизнь, хотя отлученную отъ жизни честныхъ гражданъ, однако же — жизнь и надежду умереть не смертію преступника, а смертію Христіанина. Что касается до людей въ частности; если бы каждый вздумалъ присвоить себѣ тѣ права, по коимъ дѣйствуетъ судъ противъ преступленія, или власть верховная про-

тивъ враговъ Государства: то явилось бы почти столько же воюющихъ сторонъ, сколько есть людей, имѣющихъ силу владѣть своими членами. Состояніе человѣчества, которое нашло себѣ достойное мѣсто въ головахъ нѣкоторыхъ умствователей, но котораго, — благодареніе Провидѣнію, — не было и не будетъ, потому что не можетъ быть въ истинномъ бытіи рода человѣческаго!

Итакъ если побѣждать злымъ злое, частію не позволительно, частію не надежно, даже и при помощи правосудія человѣческаго, которое при всей бдительности своей, не можетъ поставить довольно щитовъ противу тонкихъ уязвленій злобы и коварства: то Христіанское правило *побѣждать благимъ злое*, оказывается столько же необходимымъ, сколь оно привлекательно своею чистотою и возвышенностію.

Недальновидные могутъ подумать, что въ подвигѣ сего рода скорѣе побѣжденъ будешь, нежели побѣдишь: потому что зло дѣйствуетъ наступательно, а благо, и особенно Христіанское благо, и оборонительнаго противодѣйствованія не любитъ. Напрасно! Мы имѣемъ опытъ сей побѣды, столь великій, столь очевидный, что онъ долженъ ободрить всякую робость, разрѣшить всѣ недоумѣнія, если смотрятъ на оный, какъ должно. Какое огромное зло сражалось противъ первенствующаго Христіанства! То было зло цѣлаго міра. Какъ напротивъ малымъ и немощнымъ казалось благое, заключенное въ Христіанствѣ! *Буя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ; и немощная міра избра Богъ, да по-*

срамитъ крѣпкая ; и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ (1 Кор. I. 27. 28.). Какъ же побѣждено буіимъ премудрое, немощнымъ крѣпкое, ничтожнымъ сущее? — Побѣждено благимъ злое: невѣріе вѣрою, порокъ и развратъ строгою добродѣтелію, гоненіе терпѣніемъ, несправедливость великодушіемъ, любостяжаніе и грабительство нестяжательностію и вольною нищетою, лукавство прямодушіемъ, вражда любовію, сила и ярость мучителей кровію мучениковъ. И всемірное зло язычества исчезло ; и благо Христіанства овладѣло міромъ. Не ужели ты подумаешь, Христіанинъ, къ оскорбленію Христіанства, будто труднѣе подвизаться нынѣ противу зла, прокравшагося въ міръ Христіанскій, нежели какъ было прежде, противу зла господствовавшаго въ мірѣ языческомъ ?

Добрая побѣда не въ томъ состоитъ, чтобы ты сдѣлалъ зло врагу, но чтобы врагъ не могъ сдѣлать истиннаго зла тебѣ. А сего никакой врагъ не сдѣлаетъ, если ты твердо стоишь во благѣ силою вѣры къ Богу и любви къ Богу и человѣкамъ. Посмотрите на человѣка симъ образомъ сражающагося противу зла, и вслушайтесь посреди самихъ опасностей брани въ его военный кликъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія? скорбь ли , или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота , или бѣда, или мечь?* — Видите , нападеніе со многихъ сторонъ; удары сильны. Не палъ бы воинъ Христовъ?— Нѣтъ, восклицаетъ онъ: *во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбльшаго ны.* И что еще ? Онъ увѣ-

ряетъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ силы, которая могла бы поколебать побѣждающаго благимъ злое. *Извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. VIII. 35–39.).

Всѣмъ слышащимъ сіе членамъ воинствующей Церкви желаемъ не столь труднаго подвига противу зла, но столь же благою силою вѣры и любви, столь же совершенной побѣды и спасенія со славою вѣчною. Аминь.

12. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ КОРОНОВАНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ГОВОРЕННОЕ АВГУСТА 22 ДНЯ, 1836 ГОДА

Повинитеся убо всякому человѣчу созданію Господа ради, аще Царю, яко преобладающу, аще ли же княземъ, яко отъ Него посланнымъ, во отмщеніе убо злодѣемъ, въ похвалу же благотворцемъ. 1 Петр. II. 13. 14.

Десять кратъ обратившійся годовый кругъ возвращаетъ нынѣ намъ, радующіеся Россіяне, тотъ пресвѣтлый день, въ который, въ семъ самомъ Храмѣ, узрѣли мы Благочестивѣйшаго Императора нашего Николая Павловича, воспріявшаго наслѣдственный Императорскій вѣнецъ, и запечатлѣннаго священнымъ помазаніемъ. Сей вѣнецъ сіяетъ. Вѣнчанная глава благоденствуетъ. И такъ, въ настоящей радости нашей, не только мы можемъ пѣть съ Цар-

ственнымъ Псалмопѣвцемъ: *положилъ еси*, Господи, *на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна*; но, съ утвержденною опытомъ надеждою, можемъ присовокупить и слѣдующій за симъ Псаломскій стихъ: *живота просилъ есть у Тебе, и далъ еси Ему долготу дней во вѣкъ вѣка* (Псал. XX. 4. 5.).

При мысли о вѣнцѣ, мнѣ приходитъ на память еще одинъ стихъ древняго благоговѣйнаго созерцателя природы: *благословиши вѣнцемъ лѣта благости Твоея*, Господи, *и поля Твоя исполнятся тука* (Псал. LXIV. 12.). Если годъ земли составляетъ для нея родъ вѣнца, болѣе или менѣе украшеннаго ея произведеніями: то не паче ли годъ Царя,—не паче ли еще, десятилѣтіе Благочестивѣйшаго Императора нашего мы можемъ разсматривать, какъ новый надъ вѣнчанною Главою вѣнецъ, составленный не изъ вѣтвей, или цвѣтовъ, или драгоцѣнныхъ камней, но изъ мудрыхъ предначинаній, благотворныхъ дѣяній и благословенныхъ успѣховъ? Это вѣнецъ, собственно Царскою работою выработанный и украшенный, но притомъ и благословеніемъ Божіимъ освященный: ибо и мудрыя предначинанія приводитъ въ дѣйствіе, и увѣнчиваетъ успѣхами, не одна человѣческая воля и сила, но превыше ея Божіе благословеніе. Указать ли, хотя бѣгущимъ взоромъ, хотя на нѣкоторыя драгоцѣнности сего вѣнца, впрочемъ и безъ меня видимыя вами, — указать ли потому только, что и видимое всѣми мы любимъ указывать другъ другу, когда радуемся видѣть.— Смотрите. Враги внѣшніе побѣждены и укрощены. Враги домашніе уничтожены.

Союзы, особенно благопріятные миру царей и народовъ, укрѣплены особенно. Рѣдкимъ Царскимъ искусствомъ враги переработаны въ друзей. Силѣ бѣдствій, которыя предъупредить и отвратить не во власти человѣческой было, не разъ могущественно и благодѣтельно противопоставлено личное присутствіе духа Благочестивѣйшаго Императора. Военныя силы бдительнымъ попеченіемъ непрерывно содержаны и содержатся въ развитіи, соотвѣтственномъ достоинству и безопасности Государства; въ особенности же морскія, не только увеличены, но, не знаю, не сказать ли, воскрешены пристальнымъ животворнымъ Царскимъ взоромъ. Просвѣщеніе, искусства, промышленность разнообразно поощрены. Законодательство и правосудіе получило свой особенный вѣнецъ въ систематическомъ составѣ законовъ. Человѣколюбивыя заведенія для воспитанія, врачеванія, призрѣнія, возращены въ числѣ, и цвѣтутъ подъ незаходящимъ солнцемъ непосредственнаго Царскаго призрѣнія. Всякая нужда, бѣдность, несчастіе, общественное, частное, непрерывно находили и находятъ отверстою благодѣющую руку Царскую. Соотвѣтственно потребностямъ Святыя Церкви, ея Пастыри, ея Храмы, ея Обители, частію умножены, частію облаготворены. Въ областяхъ, гдѣ въ прежнія несчастныя времена, Восточное благочестіе стѣснено было насиліями Запада, собственное око Благочестивѣйшаго Государя усмотрѣло неблагообразіе Православныхъ храмовъ, и особенная Его воля облекла ихъ приличнымъ благолѣпіемъ. Его любовію къ Православной Церкви одушевлена

ревность ея служителей, и многія тысячи ея чадъ, частію отторженныхъ отъ нея въ своихъ предкахъ во дни неустройствъ и гоненій, частію заблудившихся въ лѣта невѣдѣнія, возвращены въ ея материя объятія.

Вотъ нѣкоторыя части высокой работы въ вѣнцѣ Царскаго десятилѣтія! Величественно и сладостно сіяетъ онъ оку сердца Русскаго; и не только въ настоящее время, но и на будущее отражаетъ свѣтъ благихъ надеждъ. Рука, держащая Всероссійскій скипетръ, твердая въ началѣ, естественно пріобрѣла большую благодвижность, посредствомъ десятилѣтнихъ опытовъ; а между тѣмъ на дальнѣйшую будущность державы простерто попеченіе и обезпеченіе воспитаніемъ Наслѣдника Престола. Природная любовь Россіянъ къ Царю своему естественно умножена пріобрѣтенною любовію къ Царю, Который непрерывно о насъ печется, для насъ живетъ и дѣйствуетъ, и съ священной высоты Своей такъ приближается къ Своему народу, что наши сердца, можно сказать, соприкасаются съ Его сердцемъ.

Что убо речемъ, радующіеся Россіяне? — *Заповѣждь, Боже, силою Твоею, укрѣпи Боже сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ* (Псал. LXVII. 29.). *Дни на дни Царевы приложиши; лѣта Его до дне рода и рода* (Псал. LX. 7.).

Но время мнѣ вспомнить, что сіе мѣсто, и сіи минуты, назначены не просто для изображенія впечатлѣній и изліянія чувствованій, но преимущественно для ученія.

Ученіе, котораго теперь само сердце наше требуетъ, не о томъ ли должно быть, что́ могли бы мы воздать Царю, непрестанно для блага нашего подвизающемуся, что̀ могли бы воздать Богу, подвиги Его благословляющему?

Не только благодѣянія Царя Небеснаго, но и благодѣтельные для насъ подвиги Царя земнаго выше нашего воздаянія. Для нихъ возможно съ нашей стороны не воздаяніе, а только соотвѣтствіе. Какое соотвѣтствіе? — Непрестанное воодушевленіе себя къ исполненію своихъ обязанностей предъ Царемъ Небеснымъ и земнымъ, какъ учитъ Апостольское слово: *повинитеся убо всякому человѣчу созданію*, то есть, всякому отъ Бога устроенному надъ человѣками начальству, *Господа ради, аще Царю, яко преобладающу, аще ли же княземъ, яко отъ Него посланнымъ.*

Какое удовлетворительное ученіе! *Повинуясь Царю* и *начальству*, вы благоугождаете Царю; и въ тоже время, *повинуясь Господа ради*, вы благоугождаете Господу.

Что повиноваться должно, надобно ли сіе доказывать? — Гдѣ есть общество человѣческое, тамъ необходимо есть власть, соединяющая людей въ составъ общества; ибо безъ власти можно вообразить только неустроенное множество людей, а не общество. Но власть дѣйствуетъ въ обществѣ, и сохраняетъ оное, посредствомъ повиновенія. Слѣдственно повиновеніе необходимо соединено съ существованіемъ общества. Кто сталъ бы колебать или о-

слаблять повиновеніе; тотъ колебалъ бы, или ослаблялъ бы основаніе общества.

Но Апостолъ не довольствуется тѣмъ, чтобы учить повиноваться какъ нибудь: онъ учитъ повиноваться съ опредѣленнымъ побужденіемъ — *Господа ради*. Здѣсь видно предположеніе, что онъ имѣлъ въ виду и другіе роды повиновенія, по другимъ побужденіямъ, какъ то, ради себя, ради общества, ради начальства: но преимущественно предъ прочими выбралъ для своихъ учениковъ одинъ родъ — повиновеніе *Господа ради*.

Кто повинуется изъ страха наказанія: тотъ повинуется ради себя, чтобы охранить себя отъ непріятности наказанія. Есть люди, для которыхъ надобно и сіе побужденіе къ повиновенію: но никто не захочетъ похвалиться, что онъ избралъ для себя именно сей родъ повиновенія.

Кто повинуется для достиженія выгоды, награды, почести: тотъ также повинуется ради себя. Власть поступаетъ прозорливо и благодѣтельно, когда употребляетъ показанныя теперь поощренія къ повиновенію: но онѣ, по существу своему, могутъ имѣть мѣсто въ нѣкоторыхъ только случаяхъ; а не могутъ основать и обезпечить повиновенія всеобщаго. Дѣла повиновенія, наиболѣе общія и притомъ необходимыя для общества, какъ напримѣръ, внесеніе податей, наименѣе способны къ тому, чтобы соединить съ ними какое нибудь воздаяніе или почесть.

Умъ любомудрствующій похвалитъ повиновеніе

ради общества и вмѣстѣ ради себя. Благо человѣка не можетъ быть устроено и сохранено иначе, какъ посредствомъ общества. Общество доставляетъ человѣку безопасность личную, образованіе способностей, случаи къ употребленію оныхъ, способы къ пріобрѣтеніямъ, и опять безопасность пріобрѣтеннаго. Но какъ для сохраненія общества необходимо повиновеніе: то каждый человѣкъ и долженъ повиноваться — ради общества, изъ благодарности къ нему за себя, и вмѣстѣ — ради себя, чтобы, сохраняя повиновеніемъ общество, сохранять для себя то, чѣмъ отъ общества пользуется. Умозрѣніе сіе справедливо: но много ли въ обществѣ людей, способныхъ учреждать свое повиновеніе по идеямъ и умозрѣніямъ? Когда смотрю на опыты, какъ на подобныхъ умозрѣніяхъ хотятъ въ наше время основать повиновеніе нѣкоторые народы и Государства, и какъ тамъ ничто не стоитъ твердо, зыблются и престолы и олтари, становятся, по выраженію Пророка, *людіе аки жрецъ, и рабъ, аки господинъ* (Исаіи XXIV. 2.), брозды правленія рвутся, мятежи роятся, пороки безстыдствуютъ, преступленія ругаются надъ правосудіемъ, нѣтъ ни единодушія, ни довѣренности, ни безопасности, каждый наступающій день угрожаетъ: — видя все сіе не могу не заключать: видно, не на человѣческихъ умозрѣніяхъ основывать должно Государственное благоустройство!

Есть повиновеніе ради общества и Начальства, не столько по умозрѣнію, сколько по чувству сердца, по любви къ Государю и отечеству. Счастливъ

народъ, одушевляемый сею любовію! Это жизненная теплота въ тѣлѣ Государства, самодвижное направленіе къ общественному единству, крылатая колесница власти, свободная покорность, покорная свобода. Намъ, Россіяне, отъ материяго млека напитанным любовію къ Государю и отечеству, извѣстно по давнимъ и недавнимъ опытамъ, сколь крѣпительна была сія пища для подвиговъ труднѣйшихъ, во времена труднѣйшія. Продолжайте, — не забывайте,—сію, нѣкоторымъ образомъ чудесную, и на землѣ, выше, нежели земнаго свойства пищу, сію манну народной жизни, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, по отечественной землѣ собирать, и ежедневно питать ею себя и дѣтей вашихъ. Ибо—предостерегаемъ васъ—есть народы, у которыхъ сладкая манна любви къ отечеству, не бывъ употреблена правильно и благовременно, повредилась, или стала казаться менѣе пріятною для поврежденнаго вкуса; есть земли, гдѣ подъ знойнымъ солнцемъ ложнаго просвѣщенія, она растаяла, испарилась, улетѣла. Но въ чемъ же должна состоять предосторожность?—Въ томъ, чтобы знать и соблюдать отъ вышняго неба исходящій и Богоданный законъ, какъ собирать, хранить и употреблять манну. Скажемъ безъ иносказанія: чтобы естественная любовь къ Государю и отечеству была неизмѣнна, чиста, спасительна, для сего нужно, чтобы ее охранялъ, и въ дѣйствіяхъ руководствовалъ высшій, совершенно небесный и Божественный законъ любви Христіанской.

Такимъ образомъ, по возможности, пересмотрѣли

мы разныя побужденія къ повиновенію, которыя Святый Апостолъ Петръ или отвергъ, или миновалъ въ своемъ убѣжденіи къ повиновенію: и, если не обманываюсь, вы могли усмотрѣть изъ сказаннаго доселѣ, что всѣ оныя оставляютъ чувствовать потребность болѣе сильнаго, болѣе общаго, болѣе чистаго и возвышеннаго побужденія, которое одно, какъ совершенное, избралъ Апостолъ: *повинитеся Господа ради.*

Власти отъ Бога учинены суть, говоритъ другой Апостолъ. *Тѣмже противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется* (Рим. XIII. 1. 2.). *Повинитеся убо всякому начальству человѣчу,* всякой законной, и особенно Верховной власти, *Господа ради;* повинуйтесь полнымъ, безпрекословнымъ повиновеніемъ, ради Господа Всемогущаго и Правосуднаго, Который не можетъ попустить ненаказаннаго противленія Своему повелѣнію; повинуйтесь искренно, ради Господа Сердцевѣдца, Который не только всякое дѣло неповиновенія, но и всякій жестоковыйный или ропщущій помыслъ видитъ и осуждаетъ; повинуйтесь съ надеждою, ради Господа Премудраго и Всеблагаго Промыслителя, Который непрестанно бдитъ надъ приведеніемъ Своего устроенія къ спасительнымъ для насъ цѣлямъ, и Который особенно *сердце Царево* имѣетъ *въ руцѣ Своей* (Притч. XXI. 1.); повинуйтесь съ любовію, ради Господа, Котораго и славное царство на небесахъ, и благодатное царство въ душахъ человѣческихъ есть царство любви, и Который заповѣдалъ намъ, всею силою души

стремиться къ тому, *да будетъ воля Его, яко на небеси, и на земли,* слѣдственно и въ земномъ царствѣ.

Вотъ повиновеніе, всегда удовлетворительное для власти, и всегда блаженное для повинующагося! Поставьте оное въ самое сильное испытаніе: пусть, напримѣръ, надобно будетъ пожертвовать собою повиновенію, пострадать или умереть за Государя и Отечество; пусть воздвигнетъ противъ сего естественную борьбу естественная любовь къ собственной жизни, къ благамъ жизни, ко многому любезному въ жизни: вся брань помысловъ, безъ сомнѣнія, низложена будетъ, какъ скоро придетъ сильное благодатное слово: *Господа ради.* Пожертвуй всѣмъ повиновенію *Господа ради:* если сладостно жертвовать для Царя и отечества, еще паче сладостно жертвовать для Господа; и въ семъ случаѣ не горько уже оставить и земную жизнь, вмѣсто которой пріемлющій жертву сію Господь дастъ много лучшую жизнь небесную; не горько оставить и любезное на землѣ, поелику оно будетъ оставлено на рукахъ любви Отца Небеснаго.

Благочестивые Россіяне! Изъясняя Христіанское ученіе о повиновеніи, думаю, что симъ самымъ изъяснилъ я и ваши собственныя чувствованія. Кроткій Духъ Господа Іисуса, *послушливаго даже до смерти,* да не престанетъ благодатно одушевлять сердца и жизнь нашу чувствомъ кроткаго, совершеннаго Христіанскаго повиновенія; и да будетъ оно непрерывнымъ нашимъ благодареніемъ

Благочестивѣйшему Государю, непрестанно для блага нашего подвизающемуся, и вмѣстѣ благодарственною жертвою Господу, Его намъ даровавшему, и благотворные подвиги Его благословляющему. Аминь.

15. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ТОРЖЕСТВЕННАГО ВѢНЧАНІЯ И ПОМАЗАНІЯ НА ЦАРСТВО БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, АВГУСТА 22 ДНЯ, 1838 ГОДА.

И ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне, и потомъ. 1 Цар. XVI. 13.

Духъ Божій носится надъ Давидомъ. Какое высокое состояніе! Безъ сомнѣнія, оно было и весьма благотворно для Давида. Безъ сомнѣнія, отъ носившагося надъ нимъ Духа Божія исходили свѣтлые лучи въ его умъ, чтобы просвѣщать его въ познаніи того, что̀ истинно, Богоугодно и спасительно; упадали въ сердце святыя искры, чтобы воспламенять его къ добрымъ намѣреніямъ и спасительнымъ дѣламъ, и все существо его исполнялось вышнею силою, съ которою онъ и трудныя дѣла съ дерзновеніемъ начиналъ, и совершалъ безъ утомленія. Ибо если бы присутствіе Духа Божія не ознаменова-

лось такими благотворными вліяніями: то что̀ могли бы значить, какъ могли бы сказаны быть, сіи слова: *ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне, и потомъ?*

Но какой это счастливый день, который ввелъ Давида изъ обыкновеннаго въ столь возвышенное благодатное состояніе? — Это день помазанія его въ царя народа Божія, какъ о семъ ясно сказуетъ первая книга Царствъ. *И прія Самуилъ рогъ со елеемъ, и помаза его посредъ братіи его: и ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне, и потомъ.*

Можно ли думать, что Давидъ позабылъ день, столь примѣчательный въ его жизни? Не вѣроятнѣе ли напротивъ, что онъ помнилъ оный, и при каждомъ обращеніи годоваго круга дней встрѣчалъ его съ особеннымъ вниманіемъ, съ благоговѣніемъ къ Богу, съ благодареніемъ, съ молитвою о продолженіи благопомощнаго осѣненія Духа Господня?

И вотъ въ какой глубокой и священной древности встрѣчаемся мы съ мыслію о торжественномъ днѣ царскаго помазанія! И вотъ на какомъ глубокомъ основаніи утверждается сія мысль, именно на дѣйствіи Духа Господня въ царскомъ помазаніи!

Въ семъ, по моему мнѣнію, заключается истинное изъясненіе важности и нашего, благочестивые Россіяне, настоящаго торжественнаго дня. Богъ, Который повелѣлъ помазать на Царство Давида, не есть ли Тотъ Самый Богъ, Которымъ и нынѣ царіе царствуютъ? Итакъ Онъ благословилъ и освя-

тилъ вѣнчаніе и помазаніе и нашего Царя. Отъ дня помазанія Духъ Благодати Его носится надъ Помазанникомъ. И какъ настоящій воспоминательный день вѣнчанія и помазанія на Царство Благочестивѣйшаго Самодержца нашего очевидно связанъ со днемъ самаго событія то не должно ли думать, что въ сей день особенно Духъ Господень призираетъ и въ наши сердца, чтобы по мѣрѣ вѣры нашей, по искренности нашихъ благодареній за прошедшее, по усердію и чистотѣ нашихъ молитвъ о будущемъ, продлить надъ Царемъ и царствомъ Свое благодатное осѣненіе, благопомощное Царю, благотворное и спасительное для царства. Да будетъ же для насъ день сей сколько радостнымъ и торжественнымъ, столько же и священнымъ. Да одушевляетъ онъ какъ любовію къ Царю, такъ и благоговѣніемъ къ Царю царствующихъ. Пусть веселіе движетъ сердца: но и молитва да воздвизаетъ души подъ благодатное осѣненіе Духа Господня.

Между тѣмъ мысль о священной важности царскаго помазанія, приводитъ меня къ нѣкоторымъ размышленіямъ о важности священно-таинственныхъ учрежденій вообще.

Въ наши времена разумъ человѣческій, наслышавшись отъ Исторіи, что прежде люди много погрѣшали чувственнымъ образомъ мышленія о духовныхъ предметахъ и суевѣріемъ, и что такое состояніе называютъ дѣтствомъ человѣчества и разума, думаетъ тѣмъ вѣрнѣе показать себя вышедшимъ изъ дѣтства, чѣмъ менѣе уважаетъ чувственные виды

Религіи. Люди, которымъ не нравится подчиненность учрежденіямъ Религіи, но которые не находятъ силы отвергнуть самую мысль о Религіи, въ понятіи о духовности ея ищутъ повода къ освобожденію себя отъ власти ея учрежденій. Такъ родятся два сомнѣнія, одно хуже другаго: имѣютъ ли священныя учрежденія внутреннюю важность и силу? даже, нужны ли для духовнаго человѣка чувственные виды и обрядовыя установленія Религіи?

Тѣ, которые усиливаются довести сіи сомнѣнія до несчастной увѣренности, мнимые ревнители духа, извѣстнаго имъ только по имени, дерзаютъ важности и даже потребности священно-таинственныхъ и обрядовыхъ учрежденій противопоставлять слово Господа къ Самарянынѣ: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. IV. 24.).

Дерзость невѣроятная и послѣ того, какъ мы ее видѣли! Не тотъ же ли Господь установилъ Таинства, и облекъ ихъ внутреннюю силу чувственными видами, и дѣйствіями обрядовыми? Итакъ можетъ ли Его слово опровергать собственныя Его постановленія? Развѣ можетъ Премудрость Божія сама себѣ противорѣчить, и сама себя разрушать?

Чтобы опредѣлить точный смыслъ словъ Господа о духовномъ Богослуженіи, надлежитъ замѣтить, что сомнѣніе Самарянины, въ разрѣшеніе котораго произнесены оныя, было не о важности или надобности видимыхъ установленій Религіи вообще. И въ надобности, и въ важности оныхъ она была увѣ-

реня, когда не смѣла быть равнодушною къ нимъ, а заботилась удостовѣриться, которое изъ двухъ извѣстныхъ ей Богослуженій есть правильное и спасительное, Самарійское или Іерусалимское. И Господь не колебалъ ея увѣренности, а утверждалъ оную, когда одобрилъ Іерусалимское священно-обрядовое Богослуженіе, какъ сообразное съ истиннымъ познаніемъ о Богѣ, и ведущее ко спасенію. *Мы*, то есть, покланяющіеся Богу во Іерусалимѣ, *кланяемся*, *Егоже вѣмы: яко спасеніе отъ Іудей есть* (Іоан. IV. 22). Симъ образомъ Господь приводилъ Самарянку отъ Самаряпскаго раскола къ Іудейскому правовѣрію. Но если бы Онъ на семъ только и остановился: то оставилъ бы ее на пути къ истинѣ, не доведя до истины совершенной. Надлежало приготовить умъ ея къ высшему вѣрованію Христіанскому, готовому явиться съ своими новыми установленіями на развалинахъ установленій Іудейскихъ. Посему Господь продолжаетъ: *грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу:* то есть, скоро не только неправильное Самарянское Богослуженіе рушится, но и законное Іудейское перестанетъ быть правильнымъ, и также разрушено будетъ. А дабы сіе не показалось предвѣщаніемъ совершеннаго уничтоженія Богослужебныхъ установленій, особенно для Самарянки, привыкшей достоинство Богослуженія измѣрять только святостію мѣста, и дабы помыслъ ея, привязанный къ однимъ чувственнымъ видамъ Религіи, возвести на высшую степень духовнаго разумѣнія, Господь продолжаетъ еще: *гря-*

детъ часъ, и нынѣ есть, егда истиннїи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною. То есть: скоро Богослуженіе перестанетъ быть привязаннымъ къ одному святому мѣсту, каковъ Іерусалимъ; но тѣмъ не менѣе будетъ свято, и еще болѣе совершенно; потому что болѣе духовно, и слѣдственно болѣе достойно Бога, какъ существа духовнаго, и болѣе истинно, вмѣсто того, что Іудейское Богослуженіе состоитъ изъ прообразованій ожидаемой истины, а непонятыя прообразованія остаются одними чувственными видами безъ духа. Такъ слово Господне отъ чувственныхъ видовъ Богослуженія, возводитъ къ поклоненію Богу духомъ и истиною, но не отвергаетъ оныхъ, поколику они суть проявленія духа и облаченія истины: ибо иначе надлежало бы при поклоненіи духомъ отвергнуть даже слова человѣческаго языка, которыя, и въ чистѣйшемъ ихъ употребленіи, не суть самый духъ и истина, но только проявленіе духа и облаченіе истины.

Впрочемъ удостовѣреніе, что духовное Богопоклоненіе не отвергаетъ чувственныхъ видовъ Богослуженія, и даже имѣетъ въ нихъ нужду, не есть еще удовлетворительное познаніе важности оныхъ. Какъ же можно достигнуть сего познанія?

Разумъ человѣческій не надежный къ сему вождь; потому что, не умѣя познать сокровеннаго въ своемъ собственномъ домѣ, какъ можетъ онъ изслѣдовать и постигнуть сокровенности великаго дома Божія? Не понимая, какъ душа человѣческая соеди-

нена съ тѣломъ, вотще усиливался бы онъ стать выше самого себя, и уразумѣть, какъ въ учрежденіяхъ Божественныхъ вещественное соединеніе бываетъ съ духовнымъ, земное съ небеснымъ, естественное съ сверхъестественнымъ, и сколь важно сіе соединеніе для произведенія дѣйствій благодатныхъ и спасительныхъ въ человѣкѣ.

Духовный, внутренній опытъ высокаго, могущественнаго и благотворнаго дѣйствія священно-таинственныхъ учрежденій есть самое близкое дознаніе ихъ силы и важности для тѣхъ, которые имѣютъ такіе опыты. Но здѣсь встрѣчается то затрудненіе, что вѣрные и полные опыты сего рода происходятъ только при чистой и совершенной вѣрѣ: а такая вѣра не есть достояніе общее; и въ тѣхъ, которые стяжали ее, не всегда доступна открытому дознанію. Совершенно вѣрующій получаетъ внутренніе опыты, какъ даръ Благодати, какъ плодъ вѣры, свыше потребности своего удостовѣренія. Маловѣрный, если пожелаетъ достигнуть тѣхъ же опытовъ для своего удостовѣренія, можетъ не достигнуть ихъ по самому маловѣрію. Не льзя ли однако найти средство воспользоваться и такими опытами, къ которымъ сами мы еще, можетъ быть, не способны? — Такое средство есть внимательное наблюденіе надъ духовными опытами людей дознанной святости и вѣры; и особенно надъ такими опытами, которые, такъ сказать, самъ Богъ учреждаетъ и производитъ надъ вѣрующими, ощутительно являя невидимую благодать, дабы возбуждать, привлекать и утверждать вѣру.

Съ примѣромъ такого опыта мы встрѣтились въ началѣ сего слова: обратимся къ оному вновь.

Богъ предопредѣлилъ Давида въ царя Своему народу; и хощетъ возвѣстить о семъ назначеніи Давиду и его семейству, прежде нежели настало время дѣйствительно исполнить предопредѣленіе. Орудіемъ Божіимъ избирается Самуилъ. Что же для сего нужно?—Кажется, только пойти, и сказать слово. Нужно ли еще какое особенное дѣйствіе? Какое? Чудесное для удостовѣренія Давида?—Юный Пророкъ и просто повѣритъ престарѣлому Пророку, Который отъ юности своей извѣстенъ всему Израилю, какъ истинный Пророкъ Божій. Обрядовое для торжественности? — Сіе, кажется, было бы даже не умѣстно; потому что это еще не дѣйствительное и торжественное воцареніе Давида, а только тайное предвозвѣщеніе, которое во время событія служило бы удостовѣреніемъ о волѣ Божіей. Но что глаголетъ Господь Самуилу? — *Наполни рогъ твой елеа* (1 Цар. XVI. 1.). И потомъ: *востани, и помажи Давида* (1 Цар. XVI. 12.). Если не можно подумать, чтобы Богъ содѣлалъ что либо излишнее или безполезное (ибо такъ думать было бы Богохуленіе): то надобно заключить, что помазаніе было въ семъ случаѣ благопотребно даже предъ очами Божіими, а посему не льзя уже не признать онаго важнымъ для человѣка. Еще болѣе дознается сіе изъ непосредственнаго дѣйствія помазанія надъ Давидомъ: *помаза его посредъ братіи его: и ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне, и потомъ.* Вотъ опытное дознаніе того, что

священное помазаніе не есть простой обрядъ, для впечатлѣнія на зрителей, ниже мертвый знакъ, связанный съ означаемымъ только въ мысляхъ, а не въ самомъ дѣлѣ, но дѣйствіе таинственное, въ которомъ чувственный видъ невидимо есть сопутствуемъ или проникнутъ духовною и Божественною силою, и съ возліяніемъ елея на помазуемаго соединено паитіе благодати.

Не стану собирать примѣровъ. И одинъ ясный и достовѣрный не мало вразумить можетъ. Поспѣшимъ принять вразумленіе.

Если ветхозавѣтныя священно-обрядовыя дѣйствія оказываются имѣющими толикую важность и силу, тогда какъ онѣ были только *сѣнь грядущихъ* (Колос. II. 17.), тогда какъ *не у бѣ Духъ Святый* изливаемъ обильно, *яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. VII. 38.). то что должно думать о новозавѣтныхъ священно-таинственныхъ установленіяхъ, получившихъ начало свое отъ Самого Іисуса Христа, тогда какъ *отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ и благодать возблагодать* (Іоан. I. 16.); тогда какъ живоносные токи Святаго Духа, обильно изліявшагося на Апостоловъ, потому что Іисусъ уже бѣ прославленъ, текутъ непрерывно, и орошаютъ все исполненіе Церкви, потому что прославленный Іисусъ пребываетъ съ нею *во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ XXVIII. 20.)? Не больше ли еще важны, не паче ли исполнены благодати сіи учрежденія? Какого же онѣ требуютъ вниманія? Какого благоговѣнія?

Креститься, по слову Господню, есть *родиться водою и духомъ*. Крещены всѣ мы. Что жъ? Помышляемъ ли мы о томъ, что носимъ въ себѣ новое духовное рожденіе? Тщимся ли хранить, питать, возращать сіе вышнее рожденіе?

Господь рекъ на таинственной вечери, и при каждомъ повтореніи того же священнодѣйствія глаголетъ и здѣсь: *сіе есть тѣло Мое; сія есть кровь Моя*. Гдѣ Тѣло и Кровь Господа, распятаго, но и воскресшаго: тамъ, безъ сомнѣнія, и Духъ Его, и Божество Его; тамъ Самъ Онъ присутствуетъ; тамъ близко стоимъ мы предъ Нимъ, предъ Которымъ и Ангелы трепещутъ: и чувствуемъ ли внутренно близость Его? по крайней мѣрѣ, помышляемъ ли о ней благоговѣйно? Не забываемся ли здѣсь иногда, какъ не позволили бы себѣ забыться въ присутствіи великихъ земли?

Рече Господь: *глаголы, яже Азъ глаголю, духъ суть, и животъ суть* (Іоан. VI 63.). Сіи самые глаголы оглашаютъ насъ въ Евангеліи; слѣдственно духъ и жизнь исходитъ въ нихъ. Какъ издалека, и съ какимъ усиліемъ устремлялся на встрѣчу глаголамъ Господа нашего тотъ, который въ уста духовной, таинственной невѣсты сего Божественнаго Жениха вложилъ сіи слова: *душа Моя изыде въ слово Его* (Пѣсн. V. 6.)! Наша душа, при толикой близости, исходитъ ли въ срѣтеніе слову Господню благоговѣйнымъ вниманіемъ? Отверзается ли сердце наше вѣрою къ пріятію духа и жизни въ глаголахъ Евангелія? Не случается ли, что духъ и жизнь течетъ въ провозглашеніи сихъ глаголовъ; а

мы остаемся безъ внутренняго чувства и движенія, какъ мертвые камни въ струяхъ живаго потока?

Сократимъ слово. Все священное въ Церкви пріосѣщено духомъ Благодати. Да приносимъ благоговѣніе и вѣру; и да пріемлемъ Благодать. Иначе самая близость Благодати тѣмъ тягчае осудитъ нашу невнимательность и небреженіе. Аминь.

14. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯЩЕННАГО ВѢНЧАНІЯ И ПОМАЗАНІЯ НА ЦАРСТВО БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ВСЕЯ РОССІИ, ГОВОРЕННОЕ АВГУСТА 22 ДНЯ, 1842 ГОДА.

Да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ, не оставляюще собранія своего, якоже есть нѣкимъ обычай, но другъ друга подвизающе. Евр. X. 24. 25.

Праздникъ Царскаго помазанія и Царскаго вѣнца празднуемъ сынове Россіи. Достойно и праведно празднуемъ. Это праздникъ Государя, торжествуемый вѣрностію и любовію подданныхъ, и вмѣстѣ праздникъ Государства, веселящагося о своемъ благѣ Потому что, хотя Царское помазаніе и вѣнецъ предоставлены единому Царю, но не для Него единаго. Не входя въ испытаніе, какимъ образомъ съ видимымъ помазаніемъ соединено преподаніе даровъ духовныхъ (потому что таинство должно всегда оставаться таинствомъ, и слѣдственно пре-

бывать недоступнымъ изъясненію);—можемъ однако позволить себѣ указаніе на ту символическую черту тайнодѣйствія, что какъ отъ простаго помазанія благовонною мастію одного человѣка, многимъ окружающимъ сообщается ощущеніе благоуханія; такъ отъ таинственнаго муропомазанія Царя животворное благоуханіе распространяется на все царство. Подобнымъ образомъ и Царскій вѣнецъ не только главу Царя увѣнчаваетъ, но увѣнчаваетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и благоустройство, и благосостояніе, и благолѣпіе царства. Такъ должно быть, по памѣренію Провидѣнія: такъ и есть съ нами, Россіяне, по благости Провидѣнія, и по доблести Благочестивѣйшаго Самодержца.

Но когда празднующая мысль приступаетъ ближе къ предмету празднованія, чтобы возвеселиться созерцаніемъ Его величія; когда разсматриваетъ, какъ державный умъ проходитъ по всему огромному составу Государства, объемлетъ вниманіемъ и разнообразнымъ попеченіемъ жизнь, безопасность, довольство, нравы, просвѣщеніе, вѣрованіе милліоновъ народа, чтобы повсюду добро насаждать, возращать, охранять, зло пресѣкать, отвращать, предупреждать, необразованное образовать, несовершенное усовершать, поврежденное исправлять, и для сего по временамъ изрекаетъ новые, или дополняетъ прежніе законы, непрестанно движетъ многочисленныя пружины управленія, бдитъ надъ правосудіемъ, зиждетъ и одушевляетъ воинство; какъ Онъ проницательные и дальновидные взоры простираетъ далѣе предѣловъ своего, въ иныя царства,

дабы отвсюду ограждать и утверждать миръ, пріобрѣтать и поддерживать добрыхъ союзниковъ, подавлять сѣмена раздоровъ, браней и крамолъ, обезоруживать зависть, высматривать обще-полезное, и усвоять, открывать вдали крадущееся вліяніе какой нибудь иноземной заразы, и преграждать ему стези: при такихъ помышленіяхъ о подвигахъ Царя, къ радости о Немъ присоединяется и удивленіе, и забота любви. Сколько бременъ, къ облегченію всѣхъ насъ, несутъ одне державныя рамена! О если бы и мы взаимно могли какъ нибудь споспѣшествовать облегченію оныхъ!

Нѣкоторое средство для сего преподаетъ намъ Святая Церковь. Это есть молитва за Царя. Ибо если, по слову Писанія, *много можетъ молитва* одного *праведнаго* (Іак. V. 16.): то конечно не мало можетъ молитва благовѣрнаго народа, въ которомъ уповательно Господь имѣетъ не одного праведнаго, потому что для праведныхъ Онъ и хранитъ міръ.

Но дабы поискать, нѣтъ ли еще способа, которымъ бы подданные, не прикасаясь къ дѣламъ Самодержца, могли споспѣшествовать облегченію Царскаго бремени, — вообразимъ, что всѣ подданные жили бы въ любви между собою, и не дѣлали ничего, кромѣ добрыхъ дѣлъ. Какъ облегчилось бы дѣло Царево! Не нужно было бы умножать законы; потому что любовь исполняетъ законъ, прежде нежели онъ написанъ. Уменьшились бы заботы о порядкѣ и благочиніи общественномъ; потому что *любы не безчинствуетъ* (1 Кор. XIII. 5.). Долгій

праздникъ былъ бы отъ дѣлъ правосудія; потому что не добрыя дѣла даютъ работу Судамъ. Тогда Царь былъ бы въ полномъ смыслѣ тѣмъ, чѣмъ представляетъ Его молящаяся Церковь, *Отцемъ о чадѣхъ веселящимся.* Что жъ? Не можемъ ли мы сами споспѣшествовать тому, чтобы въ царствѣ всѣ жили въ любви, чтобы всѣ подвизались въ дѣланіи дѣлъ добрыхъ? — И можемъ, и должны. Не я изобрѣтаю сіе: сіе проповѣдуетъ и завѣщаваетъ Апостолъ. *Да разумѣваемъ*, говоритъ, *другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ, не оставляюще своего собранія, яко же есть нѣкимъ обычай, но другъ друга подвизающе.*

По истинѣ, братія, если судьба, рожденіе, законъ ввели насъ въ единое собраніе, совокупили въ единое общество: то конечно не для того, чтобы каждый зналъ только себя, и не заботился знать другихъ, и споспѣшествовать ихъ благу. Сіе было бы противно понятію и существу общества. Союзъ общества связуется не иначе, какъ взаимностію: взаимнымъ содѣйствіемъ, помощію, споспѣшествованіемъ. Взаимныя обязанности членовъ общества частію опредѣляются въ законахъ, и распредѣляются по званіямъ и должностямъ; частію изрекаются совѣстію, и простираются на всѣхъ. Когда тать вламывается въ домъ гражданина, или въ сокровищницу общественную: кто, благонамѣренный, видя сіе, скажетъ, не мое дѣло? Не каждый ли почувствуетъ себя обязаннымъ споспѣшествовать общественной и частной безопасности? Если такимъ образомъ на каждомъ лежитъ обязанность отвращать зло, част-

ное или общественное: меньше ли всеобща, меньше ли сильна, не больше ли благородна обязанность распространять добро частное, и, поколику возможно, чрезъ частное—общественное, и особенно высшее добро нравственное и духовное, которое есть душа истиннаго благосостоянія общественнаго?

Христіанство соединяетъ насъ, братія, союзомъ болѣе тѣснымъ, нежели общество просто человѣческое,—союзомъ не только единой власти, взаимныхъ нуждъ, общей пользы, но и союзомъ единой жизни. По ученію Апостольскому и Церковному, всѣ мы, подъ главою Христомъ, едино тѣло есмы. Итакъ чѣмъ очевиднѣе сія опытная истина, что *аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди; аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди* (1 Кор. XII. 26.); тѣмъ непоколебимѣе сей законъ, тѣмъ непреложнѣе сія обязанность, *да равно единъ о другомъ пекутся вси уди* (25). И какое другъ о другѣ попеченіе для Христіанъ нужнѣе, важнѣе, благотворнѣе, какъ поощреніе другъ друга къ любви Христіанской и къ добрымъ дѣламъ?

Слыша сіе, не отвѣтствуютъ ли мнѣ мысленно нѣкоторые: твое дѣло поощрять другихъ къ любви Христіанской и добрымъ дѣламъ; исполняй свою обязанность. — Нѣтъ у меня спора противъ сего; признаю мою обязанность; пріемлю ваше поощреніе къ исполненію ея; исповѣдую съ Апостоломъ, что *горе мнѣ есть, аще не благовѣствую* (1 Кор. IX. 16.) Но и вы не должны уклоняться отъ исполненія обязанности, которую на меня и на васъ равно возлагаетъ Апостольское слово. Въ другомъ

случаѣ Святый Павелъ сказалъ мнѣ, то есть, вообще поставленному Церковію служителю Христіанскаго ученія: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. IV. 2.). Но вотъ, онъ не говоритъ различительно: *пастыри поощряйте къ добру пасомыхъ*, священники подвизайте народъ; а говоритъ ко всѣмъ безъ различія, безъ изъятія: *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ,—другъ друга подвизающе.* И ненапрасно такъ разширяетъ онъ сію обязанность: потому что для нея однихъ Церковію поставленныхъ учителей не достало бы. Сколько людей, сколько направленій ума, склонностей, занятій, сколько разнообразныхъ положеній и случаевъ жизни, которые требуютъ наставленія, совѣта, увѣщанія, по которыхъ не можетъ преслѣдовать Церковное наставленіе и Церковный наставникъ! И такъ необходимо, чтобъ и сами наставляемые часто другъ друга вразумляли, остерегали, поощряли къ добру.

Здѣсь можно встрѣтиться съ новымъ прекословіемъ. Развѣ надобно, скажутъ, всѣмъ быть учителями другихъ? — Отнюдь нѣтъ. Противъ сей крайности мы имѣемъ ясное запрещеніе Апостольское: *не мнози учители бывайте* (Іак. II. 1.). Богъ Церкви Своей *далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Блоговѣстники, овы же Пастыри и Учители* (Еф. IV. 11.), а не отдалъ каждому на произволъ поставлять себя въ духовные наставники. О семъ именно сказано, что *никтоже самъ себѣ*

пріемлетъ честь, но званный отъ Бога (Евр. V. 4.), или непосредственно, какъ вначалѣ Апостолы, или преемственно, чрезъ званныхъ отъ Бога прежде. О множествѣ же не призванныхъ учителей Духъ Святый предваряетъ насъ, какъ о принадлежности несчастныхъ временъ: *будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотехъ изберутъ себѣ учители чешеми слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснемъ уклонятся* (2 Тим. IV. 3. 4.). Противъ сего самодѣльнаго, и потому обманчиваго и опаснаго учительства, поставляетъ преграду Богопоставленный наставникъ, когда, увѣщавая всѣхъ насъ поощрять другъ друга къ добру, тотчасъ присовокупляетъ: *не оставляюще своего собранія, яко же есть нѣкимъ обычай. Свое* для истинныхъ Христіанъ *собраніе*, есть Соборная Православная Церковь. Ея должно держаться, въ ея послушаніи пребывать, чтобы ревность побуждать другихъ къ добру не перешла въ самочиніе, и не повела къ раздѣленіямъ и заблужденіямъ.

Когда дѣло идетъ о догматахъ, о таинствахъ, о священноначаліи: берегись, чтобы не явиться дѣлателемъ, котораго не посылалъ Господь въ виноградъ Свой. Если Тотъ, Кѣмъ *все тѣло* Церкви, *составы и союзы подаемо и снемлемо, раститъ возращеніе Божіе* (Кол. II. 19.), не устроилъ тебя окомъ или устами сего тѣла: не присвояй себѣ особенныхъ обязанностей сихъ членовъ. Не можетъ рука или другой членъ сказать оку или устамъ: я исполню вашу должность. Но есть обязанности, ко-

торыя никакому члену тѣла не чужды, какъ то: сохранять жизнь, отвращать опасность. Жизнь тѣла духовнаго есть любовь; такъ какъ напротивъ *нелюбяй пребываетъ въ смерти* (1 Іоан. III. 14.). Добрыя дѣла суть проявленія жизни духовной. Итакъ, чтобы жизненная сила любви Христіанской не угасла, чтобы плоды ея не оскудѣли, чтобы не подавили ея мертвыя дѣла суеты и порока, о семъ должны заботиться всѣ безъ изъятія члены Церкви. Можетъ ли какой нибудь членъ тѣла сказать другому: я не забочусь, есть ли, и будетъ ли въ тебѣ жизнь, или нѣтъ? — Надобно всѣмъ намъ, братія, сочлены единаго тѣла Церкви, другъ друга охранять отъ смерти грѣховной, другъ друга поощрять къ Боголюбію и братолюбію, другъ друга подвизать на дѣла благія.

Но какъ исполнять сіе, безъ права учительства, и безъ неумѣстныхъ притязаній учительства? — Сему едва ли не лучше разсужденій можетъ научить — доброе намѣреніе. Случаи поощрять другъ друга къ добру безчисленны: если усердно воспользуемся хотя нѣкоторыми удобнѣйшими; то мы уже вступили въ добрый путь. а кто вступилъ въ путь, и остановиться не хочетъ; предъ тѣмъ самъ собою открывается дальнѣйшій путь

Примѣчателенъ особенный образъ выраженія въ Апостольскомъ увѣщаніи. *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ.* Симъ указуется на нашу знаемость другъ другу, и чрезъ нее пролагается путь взаимному поощренію къ добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, сколько людей,

которыхъ мы знаемъ, съ которыми знакомимся, видимся, проводимъ время, безотчетно предаваясь развлеченію, часто не догадываясь даже спросить себя о пользѣ нашихъ общеній! Для чего жъ бы не сдѣлать сію знаемость болѣе разсудительною? Для чего бы не дать знакомствамъ болѣе возвышеннаго направленія? *Да разумѣваемъ другъ друга*, не по образу только видимому, но паче по невидимому въ насъ образу Божію, не по ласковымъ привѣтствіямъ, но паче по словесамъ истины и цѣломудрія, не по родству только земному, но и по небесному родству чадъ Божіихъ, не только по связямъ временныхъ нуждъ, выгодъ, удовольствій, но гораздо болѣе по святому союзу въ искапіи благъ вѣчныхъ, не по видамъ любочестія, но по стремленію къ почести вышняго званія о Христѣ Іисусѣ. Такъ разумѣвая другъ друга, сколько времени и дѣятельности, такъ небережно иногда расточаемыхъ на праздныя бесѣды, на увеселенія, на суеты, могли бы мы сберечь, и обратить на употребленіе, сообразное съ достоинствомъ человѣка и сына Церкви и Отечества, на разсужденія о истинномъ благѣ каждаго и всѣхъ, о нашемъ собственномъ и взаимномъ усовершеніи, на чтеніе назидательное и душеполезное, вмѣсто безплоднаго и раздражающаго страсти, наконецъ на самыя дѣла добрыя, и другихъ къ добру поощряющія!

Но это значило бы измѣнить направленіе господствующихъ въ обществѣ обычаевъ? Кто можетъ сіе сдѣлать?—Да, ты, и я, сдѣлать сего не можемъ: потому-то мудрость Апостольская и не обращается

къ тебѣ или ко мнѣ съ повелѣніемъ поощрять другихъ къ добру, но всѣмъ совокупно заповѣдуетъ: *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ.* О, если бы хотя не всѣ, хотя довольно многіе, возревновали о семъ дѣятельною ревностію, постоянно имѣли сіе въ намѣреніи, не затруднялись мѣлочными препятствіями въ немаловажномъ подвигѣ! — Доброе соединеніе добрыхъ волей, безъ сомнѣнія, много возраститъ ихъ силу, и въ обиліи привлечетъ благословеніе и силу Божію; и тогда добро рѣшительно превозможетъ; любовь воцарится; благоденствіе царства и Царя будетъ совершено; царство земное будетъ предградіемъ града небеснаго. И да будетъ! — Аминь.

15. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, НАСЛЬДНИКА ПРЕСТОЛА, ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ, АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, ГОВОРЕННОЕ АПРѢЛЯ 17 ДНЯ, 1835 ГОДА.

Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго Матѳ. XVIII. 10.

Слава и благодареніе Царю Царствующихъ! День рожденія Благовѣрнаго Государя Цесаревича, Наслѣдника Престола, возвращается къ намъ, сыны Россіи, не только съ обычною радостію, но, можно сказать, съ радостію возрастающаго торжества. Его жизнь является намъ, не только какъ благословенная отрасль благословеннаго корени, не только какъ цвѣтъ прекрасный, блистающій изящными качествами наслѣдственными, но уже и какъ цвѣтъ, оплодотворенный достойнымъ высокаго рожденія и назначенія воспитаніемъ. Первенецъ и Наслѣдникъ

Царя, по сему самому, очевидно выше всего въ царствѣ: но не видали ль вы, какъ Онъ являлся сперва въ рядахъ простыхъ воиновъ, потомъ предъ ихъ рядами въ низшихъ степеняхъ военнаго начальствованія; какъ знаки сихъ степеней, одинъ по другомъ, пріобрѣталъ Онъ успѣхами въ преподаваемомъ Ему воспитаніи, какъ самое имя Цесаревича получилъ Онъ не только какъ свое достояніе, по праву Наслѣдника Престола, но и какъ награду, по времени, по заслугѣ? Такъ руководствовалъ и руководствуетъ Его благопопечительный Родитель, чтобы въ Наслѣдникѣ Престола образовать Наслѣдника Отеческихъ доблестей: и собственною, такъ сказать, рукою возводя Его къ сему совершенству, симъ же самымъ подастъ высокое, но всѣмъ понятное, и для всѣхъ убѣдительное, наставленіе родителямъ и дѣтямъ.

И сіе-то подаетъ теперь и мнѣ мысль предложить, для обыкновеннаго круга жизни, нѣсколько размышленій объ особенномъ вниманіи, какого требуютъ дѣти и ихъ воспитаніе.

Общее правило: пекись о дѣтяхъ, не требуетъ долгаго ученія и многихъ доводовъ. Его проповѣдуетъ природа. Она говоритъ въ сердцѣ родителей въ пользу дѣтей; и не удивительно: жизнь родителей чувствуетъ свою отрасль въ жизни дѣтей, и естественно хочетъ, чтобы она росла и цвѣла. Но, что̀ болѣе удивительно, природа въ самыхъ дѣтяхъ говоритъ за нихъ, и еще прежде, нежели они говорить умѣютъ: видъ младенца умягчаетъ и не ро-

дительское сердце, и, если онъ безпомощенъ, влечетъ къ тому, чтобы оказать ему помощь.

Безсловесныя проповѣдуютъ человѣку попеченіе о дѣтяхъ. Большая часть изъ нихъ питаютъ своихъ дѣтей; охраняютъ съ заботливостію и ревностію, переходящею въ ярость, и даже съ опасностію своей жизни: а нѣкоторыя и учатъ своихъ дѣтей тому, что принадлежитъ къ свойственному ихъ жизни совершенству.

Но человѣка сильнѣе, нежели безсловесныхъ, влечетъ природа къ попеченію о дѣтяхъ внутреннимъ побужденіемъ, и будитъ необходимостію внѣшнею. Въ бесловесныхъ привязанность къ дѣтямъ оканчивается съ незрѣлостію ихъ возраста: въ человѣкѣ она простирается далѣе, и остается навсегда. Дѣти безсловесныхъ скорѣе и съ меньшими пособіями выходятъ изъ состоянія безпомощности и незрѣлости, нежели дѣти человѣка. Если бы при семъ замѣчаніи вздумалось кому спросить: не обиженъ ли такимъ образомъ человѣкъ въ сравненіи съ безсловесными? — На сіе не обинуясь отвѣчать можно: нѣтъ. И во-первыхъ, потому, что нѣкоторыя несовершенства рожденія и жизни человѣка, нами примѣчаемыя, не принадлежатъ къ первоначальной, чистой природѣ человѣка, но, какъ показываетъ священное преданіе, суть послѣдствія и признаки ея поврежденія прародительскимъ грѣхомъ, въ началѣ произвольнаго, а потомъ уже наслѣдственнаго. Во-вторыхъ, потому, что какъ безсловесныя, тѣмъ болѣе пособій къ жизни должны были получить отъ природы, чѣмъ менѣе способны увеличить оныя сво-

имъ дѣйствованіемъ, не имѣя разума; такъ напротивъ человѣка нужно было не слишкомъ ограждать пособіями природы, чтобы не стѣснить поприща, предоставляемаго разуму его и свободѣ. Если бы пособія и побужденія природы такъ же властно, и такъ же легко, какъ безсловесныхъ, двигали человѣка къ цѣлямъ жизни: то что было бы дѣлать его разуму? Гдѣ была бы его свобода? Гдѣ достоинство разумнаго и свободнаго выбора, заслуга, добродѣтель, а слѣдственно и высокое нравственное блаженство свободнаго существа? Дорого же, скажутъ, покупается совершенство человѣческой жизни, всегда только искомое, очевидно жалкимъ несовершенствомъ ея начала! — Да, можетъ быть, не дешево; за то и покупается драгоцѣнное. Какая цѣна можетъ быть довольно дорога, чтобы купить небесное совершенство, къ которому приготовляется человѣкъ на земли? Но и самыя низшія совершенства земной жизни человѣка не бываютъ такъ малы, чтобы можно было пожелать промѣнять оныя на подобныя совершенства жизни безсловесныхъ. Захотѣлъ ли бы, напримѣръ, человѣкъ промѣнять свой прекрасный, или даже простой, домъ на жилище бобра, или гнѣздо птицы, хотя сіи послѣднія однимъ побужденіемъ природы, легче, нежели дѣла человѣческаго разума, устрояются безъ архитектора, безъ каменщика, безъ плотника, безъ денегъ? Сіе мимоходное оправданіе судьбы человѣка въ несовершенствѣ его рожденія, не отводитъ меня отъ цѣли настоящаго размышленія, но ведетъ къ оной. Если человѣкъ раждается болѣе прочихъ животныхъ

безпомощнымъ, и болѣе ихъ требуетъ пособій къ усовершествованію своей жизни: то особенная судьба человѣчества говоритъ родителямъ: попекитесь о дѣтяхъ. Если природа не такъ усильно обработываетъ человѣка, потому что не хочетъ владычествовать надъ нимъ, какъ надъ рабомъ; потому что довѣряетъ обработать его разуму и свободѣ; а разумъ и свобода въ человѣкѣ открываются не вдругъ, и не безъ помощи, но требуютъ пособія отъ разума прежде открытаго, и направленія отъ свободы прежде испытанной и обработанной: то достоинство разума и свободы говоритъ родителямъ: попекитесь о дѣтяхъ. Если человѣкъ, зачатый въ беззаконіяхъ и рожденный въ грѣхахъ, долженъ быть очищенъ и возведенъ къ совершенству небесному: то жалкое начало, и высокое назначеніе, вдругъ, и печальнымъ, и торжественнымъ голосомъ, говоритъ родителямъ: попекитесь о дѣтяхъ.

Но тамъ, гдѣ глаголетъ Христосъ, всего лучше послушать, что Онъ глаголетъ: *Блюдите*, глаголетъ, *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* Сіе сказалъ Онъ Апостоламъ, когда, *призвавъ отроча, постави е посреди ихъ:* и потому, хотя оное изреченіе, въ высшемъ знаменованіи, въ качествѣ притчи, относилось къ младенцамъ вѣры, но оно сказано было не мимо и естественныхъ младенцевъ, изъ коихъ одинъ былъ видимымъ и непосредственнымъ предметомъ слова Господня, и особенно не мимо дѣтей Христіанскихъ, которые обыкновенно суть и мла-

денцы вѣры, по крещенію. Посему каждый разъ, когда Господь рукою Своего Провидѣнія поставляетъ предъ вами дитя, когда оно вамъ родится, или ввѣряется вашему попеченію властію и закономъ, или приводится въ руки ваши нуждою и безпомощностію, вы можете представлять себѣ, что Господь смотритъ на оное, и говоритъ вамъ: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ.*

И какъ сильно подкрѣпляетъ Онъ сію заповѣдь! *Аминь бо глаголю вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* То есть: *Ангели* служатъ хранителями дѣтей; слѣдственно имѣютъ къ нимъ вниманіе, заботятся о нихъ, уважаютъ ихъ: какъ же вамъ оставлять ихъ безъ попеченія, безъ вниманія, въ пренебреженіи? Ангели ихъ *на небесѣхъ*, и исходятъ для нихъ на землю: вы ли не захотите наклонить вашу земную гордость къ ихъ малому возрасту? Ангели ихъ *выну видятъ лице Отца небеснаго*, и отъ сего блаженнаго созерцанія обращаютъ взоръ къ пеленамъ и колыбели, и слухъ къ плачу или лепетанію младенца; вамъ ли покажется или скучнымъ, или малымъ дѣломъ попеченіе о малыхъ сихъ? И кто же посылаетъ Ангеловъ къ младенцамъ человѣческимъ? Кто, какъ не Самъ Творецъ Ангеловъ и человѣковъ? Подумайте же: небо приходитъ въ движеніе, чтобы сберечь на землѣ жизнь или непорочность вашего младенца, а между вами нѣтъ ли такихъ, которые безъ состраданія слышатъ вопль младенца на колѣняхъ нищеты, которые смотрятъ на возрастаніе собственныхъ дѣтей не съ большимъ

вниманіемъ, какъ на траву, растущую въ полѣ? Пожелаемъ, чтобы не нашлось столь жестокосердыхъ, или столь нерадивыхъ, и не станемъ болѣе говорить о нихъ.

Держась слова Господня, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ осмотрительно должно быть вниманіе къ дѣтямъ, и попеченіе о нихъ. *Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ.* Остерегайтесь, чтобы такое пренебреженіе не прокралось, тогда какъ вы не расположены предаться оному съ сознаніемъ. *Блюдите*, родители и воспитатели, *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ*, которыхъ вы родили, которыхъ вы воспитываете. Вы, можетъ быть, не подозрѣваете и возможности сего презрѣнія: потому-то и сказано: будьте осмотрительны, остерегайтесь, *блюдите.*

Небрегутъ о дѣтяхъ, если они по опыту принадлежатъ кормилицѣ, нянѣ, надзирателю, надзирательницѣ, болѣе, нежели отцу и матери, и болѣе, нежели то нужно. Природа, или лучше, Творецъ природы, одной и тойже особѣ матери даетъ и млеко кормилицы, и заботливость няни. Правда, что раздѣлять сіи служенія не рѣдко, больше или меньше, заставляютъ, то немощь матери, то ея другія обязанности; но если сіе дѣлается только по склонности къ беззаботной жизни, по необдуманному подражанію примѣрамъ подобной безпечности: то лучше бы подумать доброй матери, отнимать ли мать вдругъ у двухъ младенцевъ,—и у младенца кормилицы, и у своего собственнаго, и заставлять

ли своего младенца пить изъ груди кормилицы, можетъ быть, тоску по оставленномъ ею собственномъ дѣтищѣ, вмѣсто того, чтобы онъ пилъ любовь изъ груди своей матери Мать, которая кормитъ и носитъ на рукахъ своего младенца, отецъ, который въ минуты отдыха отъ своихъ дѣлъ, также беретъ его на руки и учитъ его первымъ наименованіямъ того, что священно и любезно, — *блюдите, да не презрите*, — они дѣлаютъ и прекрасное и важное дѣло: они наслаждаются сими занятіями, дитя также наслаждается; и въ тоже время любовь и доброта родительская непрестанно сѣетъ въ сердце дитяти сѣмена дѣтской любви и доброты, и раннимъ и обильнымъ сѣяніемъ приготовляетъ многоплодную жатву.

Небрегутъ о дѣтяхъ, если хотятъ только забавлять ихъ, и забавляться ими, и особенно тогда, какъ настаетъ время болѣе учить ихъ, нежели забавлять. Такое неосмотрительное обращеніе съ дѣтьми обличаетъ, и совѣтъ противъ онаго подаетъ древній Мудрецъ въ слѣдующихъ изреченіяхъ: *ласкай чадо, и устрашитъ тя; играй съ нимъ, и опечалитъ тя. Не смѣйся съ нимъ, да не поболиши о немъ. Накажи сына твоего, и дѣлай имъ, да не въ безстудіи его поткнешися* (Сир. XXX. 9. 10. 13). Премудра и спасительна та родительская любовь, которая, стѣсняя саму себя, нѣсколько удерживаетъ ласку къ дѣтямъ, нѣсколько скупится на утѣшенія имъ, чтобы сберечь сіе въ поощреніе и въ награду ихъ послушанію, или успѣхамъ въ полезномъ ученіи.

Небрегутъ о дѣтяхъ, если и учатъ ихъ, но болѣе пріятному, нежели полезному. Искусства и познанія пріятныя доставляютъ жизни человѣческой, такъ сказать, приправы и лакомства, а не хлѣбъ и пищу: не странно ли было бы заботливо собирать къ столу, какъ можно болѣе, приправы и лакомствъ, и не заботиться о томъ, будетъ ли хлѣбъ и пища?

Небрегутъ о дѣтяхъ, если старательнѣе учатъ ихъ полезному для жизни временной, нежели спасительному для души безсмертной; если тщательнѣе меблируютъ ихъ голову наборомъ словъ и понятій, нежели воздѣлываютъ вертоградъ ихъ сердца, исторгая изъ него дикія травы неправильныхъ склонностей и привычекъ, насаждая въ немъ благія чувствованія къ добродѣтели, ограждая его отъ вѣтровъ легкомыслія и отъ бурь страстей; если при воспитаніи не довольно помнятъ, и не довольно употребляютъ въ дѣло, сколь важное само въ себѣ, столь же благодѣтельное для всѣхъ отраслей познанія, начало ученія: *начало премудрости страхъ Господень; разумъ же благъ всѣмъ творящимъ его* (то есть: хорошія познанія хороши для тѣхъ, которые употребляютъ ихъ на хорошія дѣла); *благочестіе же въ Бога начало чувства* (Прит. 1. 7.) Вы обработываете въ дѣтяхъ будущихъ гражданъ, воиновъ, словесниковъ, письмоводцевъ, художниковъ, промышленниковъ: хорошо; но *блюдите, да не презрите*—не пренебрегите того, что еще лучше, того самаго, въ обработываніи чего хотятъ помочь вамъ *Ангели ихъ*, которые *на небесѣхъ выну видятъ лице Отца вашего небеснаго*, — не пренебрегите

образованія въ нихъ сыновъ Церкви, приготовленія будущихъ гражданъ неба.

Предоставляю слушающимъ продолжить сіи размышленія: ибо имѣю причины думать, что вниманіе къ предмету сихъ размышленій, то есть, къ воспитанію дѣтей, довольно распространяется. Примѣръ Царя, благословеннаго Отца и благопопечительнаго Воспитателя, и примѣръ Первенца Царева, расширяющаго юныя крыла во слѣдъ великоорлему полету Родителя, величественно и усладительно свѣтитъ и родителямъ, и дѣтямъ, и воспитателямъ, и воспитываемымъ; и благодѣтельная попечительность о воспитаніи дѣтей простирается отъ высшихъ до среднихъ, и даже до низшихъ сословій народа. Въ сей самый день гражданство сей Столицы открываетъ памятникъ незабвеннаго дня совершеннолѣтія Государя Цесаревича, Наслѣдника Престола: и сей памятникъ будетъ не бездушный мраморъ или мѣдь, но осмидесятерица отроческихъ душъ, у которыхъ бѣдность отнимала надежду добраго воспитанія, и которыя получатъ сіе благодѣяніе отъ добрыхъ душъ Россіянъ, благодарныхъ Богу за своего Царя, славу Россіи, и за Наслѣдника Его, надежду Россіи.

Воистину, благодареніе Царю Царствующихъ, благостынно хранящему и возращающему доблести Престола, и оттолѣ распространяющему всякое добро въ царствѣ и народѣ. Ангелы Его, хранители Царей и Царствъ, да ополчаются выну окрестъ Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора,

Благочестивѣйшія Государыни Супруги Его, Благовѣрнаго Наслѣдника Его, и окрестъ всего Августѣйшаго Дома ; и охраняя Ихъ, симъ самымъ да охраняютъ благо и спасеніе всея Россіи. Аминь.

16. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОВѢРНАГО ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ПРЕСТОЛА, ЦЕСАРЕВИЧА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ, АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ, АВГУСТА 30 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Бога бойтеся, царя чтите. 1 Пет. II 17.

Въ собраніи боящихся Бога и чтущихъ Царя, не трудно возвѣщать сіе ученіе. Прежде нежели предложено, уже оно принято; прежде нежели проповѣдано, исполняется. Ибо что привело васъ въ сей Домъ Божій, какъ не благочестіе, или страхъ Божій? Что собрало васъ именно нынѣ, и собираетъ въ подобные нынѣшнему дни славы, радости и надежды Царевы, если не благоговѣйное почтеніе къ Величеству Помазанника Божія, соединенное съ любовію къ Нему и къ исполненному надеждъ — Наслѣднику Его величія и добродѣтелей, и съ желаніемъ сохранить надолго сіи дары Божіи?

Итакъ нужно ли повторять: *Бога бойтеся, царя чтите?* Радуюсь, если не нужно; надѣюсь, что не будетъ сіе излишно. Можетъ быть, не каждый изъ насъ размышлялъ, что значитъ, что двѣ заповѣди: *Бога бойтеся, царя чтите,* въ ученіи Святаго Апостола Петра поставлены рядомъ, въ непосредственномъ одна съ другою сближеніи. А въ семъ размышленіи, можетъ быть, найдется нѣчто достойное вниманія.

Подобное сближеніе мысли о Богѣ съ мыслію о царѣ встрѣчаемъ и у самого Іисуса Христа, когда Онъ говоритъ. *воздадите Кесарева, Кесареви: и Божія, Богови* (Матѳ. XXII. 22.). Но здѣсь сочетаніе мыслей произведено не просто изволеніемъ говорящаго, а сложностію вопроса, на который Онъ отвѣтствуетъ: *достойно ли есть дати кинсонъ Кесареви, или ни?* — вопрошали Господа ученики Фарисеевъ и приверженцы Ирода, ожидая, что если отвѣтъ будетъ: должно; то Фарисеи могутъ обвинить Іисуса предъ народомъ въ недостаткѣ ревности по законѣ Божіемъ, въ которомъ написано: *полъ дидрахмы дань Господу* (Исх. XXX. 13.), а не земному царю; если же отвѣтъ будетъ: не должно; въ такомъ случаѣ Иродіане обвинятъ Іисуса предъ Римскимъ правительствомъ въ рѣчахъ, возмутительныхъ противъ Кесаря Чтобы разсѣчь сію обоюдную сѣть, потребенъ былъ обоюду острый отвѣтъ: отдайте Кесарево Кесарю, - заплатите дань Кесарю монетою, которая носитъ на себѣ его изображеніе и надпись, — знакъ его власти и его ручательства за безопасность собственности; отдайте Божіе Богу, —

отдайте въ дань храму Божію полъ-дидрахмы, по предписанію закона Божія. Есть обязанности не только къ Богу, но и къ Царю; однѣ другимъ не противорѣчатъ; и тѣ и другія вмѣстѣ исполнять можно и должно

Изреченія Святаго Апостола Петра въ его Посланіи не управляются какою либо примѣтною внѣшнею, случайною причиною. Его мысли свободно слѣдуютъ созерцанію истины, и его слова его же мыслямъ. Въ слѣдъ за мыслію о Богѣ само собою родится у него мысль о царѣ, и обязанность къ царю становится рядомъ съ обязанностію къ Богу. Что же особенно примѣчательное можемъ мы открыть въ семъ сочетаніи мыслей Апостола?

Прежде отвѣта на сей вопросъ, надобно вспомнить, что написанное въ первомъ вѣкѣ Христіанства теперь предлагается людямъ девятнадцатаго вѣка, что впрочемъ духъ Евангелія, какъ Духъ Божій, объемлетъ всѣ времена; и что посему онъ изрекаетъ въ первомъ вѣкѣ то, и такимъ образомъ, что и какимъ образомъ нужно и удовлетворительно и для девятнадцатаго, равно какъ для всѣхъ прочихъ вѣковъ.

Несчастное свойство мудрованія, болѣе въ нынѣшнія времена, нежели прежде, господствующее въ умахъ, есть недовѣрчивость къ истинѣ, во всякомъ родѣ познаній. О всемъ, что прежде было признаваемо твердымъ основаніемъ прочихъ познаній, теперь спрашиваютъ, точно ли это есть основаніе, и, подъ предлогомъ испытанія и удостовѣренія, разными образами подкапываются подъ оное, не дога-

дываясь, что сія работа есть только разрушительная, а не созидательная. На чемъ основано правило: *Бога бойтеся?* На чемъ основано правило: *Царя чтите?* Не потому ли Священникъ проповѣдуетъ почтеніе къ Царю, что надѣется отъ него покровительства своему служенію? Не потому ли Царь покровительствуетъ Олтарю, что надѣется имѣть его подпорою Престола? Не взаимная ли только польза соединяетъ Олтарь съ Престоломъ?

Прости меня, Святая, Божественная Истина, что я предъ Твоимъ Святилищемъ принужденъ открыть часть глубинъ омраченнаго, низверженнаго мудрованія!

А ты, достойное послѣднихъ временъ мудрованіе, высокое только въ гордомъ о себѣ мнѣніи, глубокое только потому, что роешься въ землѣ и прахѣ чувственныхъ опытовъ и мелочныхъ изысканій, плодовитое только сомнѣніями и подозрѣніями, твердое только въ упрямствѣ невѣрія! Слыши, если хочешь слушать безпристрастно, истина не колеблется стать противъ твоего дерзновеннаго испытанія, и просто явиться предъ твоими ухищренными изысканіями. Да, есть въ томъ польза, когда Олтарь и Престолъ союзны; но невзаимная польза есть первое основаніе союза ихъ, а самостоятельная истина, поддерживающая и тотъ и другой. Благо и благословеніе Царю, покровителю Олтаря: но не боится Олтарь паденія и безъ сего покровительства. Правъ Священникъ, проповѣдующій почтеніе къ Царю: но не по праву только взаимности, а по чи-

стой обязанности, если бы то случилось и безъ надежды взаимности.

Вотъ человѣкъ, который недавно былъ рыболовомъ, и который, переставъ быть такимъ, не сдѣлался чѣмъ нибудь болѣе важнымъ для Іерусалима и Рима, и нѣсколько другихъ, подобныхъ ему, вопіютъ Іерусалимлянамъ и Римлянамъ, Іудеямъ и язычникамъ: *Бога бойтеся!* Вѣруйте въ Господа Іисуса! Сей голосъ проходитъ вселенную, проходитъ вѣки. Тысячи и миріады Іудеевъ вѣруютъ въ Іисуса, ими распятаго. Милліоны бывшихъ многобожниковъ убоялись Бога Единаго. Повсюду Христіанскіе Олтари на развалинахъ Синагогъ Іудейскихъ и капищъ языческихъ. Какой могущественный царь помогъ сему огромному перевороту? Константинъ Великій? — Никакъ! Онъ пришелъ къ Олтарю Христову, когда сей уже стоялъ на пространствѣ Азіи, Европы и Африки; — пришелъ не для того, чтобы поддержать оный своею мощію, но для того, чтобы съ своимъ величествомъ повергнуться предъ его святынею. *Живый на небесьхъ* рано *посмѣялся* (Псал. II. 4.) тѣмъ, которые поздно вздумали унизить Его Божественную Религію до зависимости отъ человѣческихъ пособій. Чтобы сдѣлать смѣшнымъ ихъ мудрованіе, Онъ три вѣка медлилъ призывать сильнаго Царя къ Олтарю Христову; а между тѣмъ со дня на день возставали на разрушеніе Олтаря сего цари, народы, жрецы, мудрецы, сила, искусство, корысть, неправда, хитрость, ярость. Что же наконецъ? — Все сіе исчезло: а Церковь Христова стоитъ, не потому, что поддерживается

человѣческою силою, но потому, что и *врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI. 18); потому, что Христосъ царствуетъ и Своимъ Царствомъ утверждаетъ вселенную, а не вселенною Свое Царство. *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся; — ибо утверди вселенную, яже не подвижится* (Псал. XCII. 1.).

Вотъ и другое воззваніе бывшаго рыбаря: *царя чтите*. Пусть поищутъ мудрецы сомнѣній и подозрѣній, какая бы взаимность, выгода, надежда могла заставить сего проповѣдника пристрастно благопріятствовать царю. Кто былъ царь, который прежде и ближе другихъ встрѣтился съ проповѣдію Святаго Петра? — Иродъ. Какія же услуги оказалъ Иродъ Христіанству? — *Возложи*, говоритъ Книга Дѣяній Апостольскихъ (XII. 1—4.), *возложи Иродъ царь руцѣ озлобити нѣкія отъ Церкве. Уби же Іакова брата Іоаннова мечемъ. И видѣвъ, яко годѣ есть Іудеамъ, приложи яти и Петра,— егоже и емь всади въ темницу.* Ангелъ чудесно избавилъ Петра отъ темницы и отъ Царя: и послѣ того Петръ проповѣдуетъ: *царя чтите.* Чѣмъ также наградила Петра за подвиги Апостольскіе держава Римская? Не крестомъ почести, а крестомъ распятія Петръ ожидалъ сего, съ вѣроятностію, по примѣрамъ, даже съ достовѣрностію, по предсказанію Господа: и почтеніе къ царю проповѣдывалъ поддапнымъ царя, отъ котораго пострадать готовился. На чемъ же основывалась сія проповѣдь? — Конечно не на взаимности, выгодѣ, надеждѣ. На чемъ же? — Безъ сомнѣнія, на истинѣ Божествен-

ной, а не человѣческой. *Бога бойтеся: царя чтите.* Первая изъ сихъ заповѣдей тверда самостоятельно: въ мысли о Богѣ необходимо заключается мысль о благоговѣніи къ Богу. На первой утверждается вторая: ибо если вы боитесь Бога, то не можете не уважать того, что̀ постановилъ Богъ; но какъ, по слову другаго Апостола, *нѣсть власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. XIII. 1.), и власть верховная, ближайшій на земли къ Богу, *Божій слуга есть* (4.): то, благоговѣя истинно предъ Богомъ, вы не можете не чтить усердно и Царя.

Теперь открылось, что думалъ Апостолъ, когда съ мыслію о страхѣ Божіемъ непосредственно соединилъ мысль о почтеніи къ царю. Онъ хотѣлъ кратко, но притомъ, чисто и основательно преподать ученіе о должности Христіанина и гражданина. Сказавъ: *Бога бойтеся*, онъ изложилъ ученіе Христіанина, и вмѣстѣ положилъ основаніе ученію гражданина. Сказавъ непосредственно за симъ: *царя чтите*, онъ не только изложилъ ученіе гражданина, но и утвердилъ оное на незыблемомъ основаніи Божественной Религіи. Онъ вдругъ показалъ—какъ независимое, Божественное достоинство Религіи, такъ, зависящее отъ устроенія Божія, достоинство Царскаго Престола, какъ важность союза между Олтаремъ и Престоломъ, такъ ничтожность низкихъ, недостойныхъ помысловъ о томъ и другомъ.

Христіане! Если Апостольская заповѣдь: *Бога бойтеся*, нѣкогда своею внутреннею силою поко-

рила себѣ невѣдавшіе Бога умы, враждебныя противъ Бога сердца язычниковъ; если ее вѣрно исполняли среди бѣдствій Христіанства, подъ пытками гонителей онаго: то мы, которые родились подъ священнымъ и благотворнымъ владычествомъ сей заповѣди, нынѣ, когда за ея исполненіе не только не преслѣдуютъ, но и одобряютъ, какое извиненіе можемъ найти для себя, если мы хладны къ благочестію, недѣятельны въ исполненіи воли Божіей?

Если непосредственно подлѣ великой заповѣди: *Бога бойтеся,* могла стоять заповѣдь: *царя чтите*, тогда, какъ царь не чтилъ истиннаго Бога, и преслѣдовалъ Его чтителей: то какъ и священна, и легка, и сладостна должна быть для насъ сія послѣдняя заповѣдь, когда Царь, надъ нами царствующій, не только знаетъ и исповѣдуетъ единаго съ нами истиннаго Бога, но и освященъ помазаніемъ Божіимъ, покровительствуетъ истинное благочестіе Своею властію, уполномочиваетъ Своимъ примѣромъ, ограждаетъ Своими законами и правосудіемъ, чтитъ Святыхъ Божіихъ, какъ и недавно почтилъ Онъ съ Церковію новопрославленнаго Святителя Митрофана?

Бога бойтеся: царя чтите. Сіи двѣ заповѣди такъ соединены для насъ, какъ-бы два ока на одномъ лицѣ истины и правды. Не разрозните ихъ; не обезобразьте лица истины; не повредите одного изъ очей ея.

Боимся Бога, — говорятъ нѣкоторые суевѣры; и отрекаются молиться за царя, или давать ему дань, или вступать въ его службу. Не очевидно ли, что это не послѣдователи благочестія, но враги онаго,

также какъ и отечества? Христосъ училъ: *создадите Кесарева Кесареви. Апостолы учили: Царя чтите.* Кто учитъ не тому, чему поучалъ Христосъ и Его Апостолы: тотъ не послѣдователь, а врагъ Христовъ. Нѣгдѣ есть и инаго рода политическіе раскольники; они хотятъ, къ соблазну народовъ, имѣть царя, не освященнаго Царемъ царствующихъ, законъ человѣческій безъ закона Божія, власть земную безъ власти небесной, присягу безъ имени Божія. Знаете ли, что дѣлаютъ сіи неугомонные мудрователи? Они хотятъ выколоть у правды правое око. Можно ли основать законъ и власть только на зыбкомъ пескѣ мнѣній людскихъ? Какъ можетъ стоять земля безъ неба? Что значитъ слово: Клятва, безъ Всевидящаго и Всемогущаго, Который Одинъ даетъ сему слову духъ и силу, неколебимо поддерживающую вѣрнаго, и неизбѣжно карающую измѣнника?

Братія! Да стоимъ твердо во всецѣлой истинѣ и правдѣ. Боящіеся Бога! *Царя чтите.* Чтущіе Царя! *Бога бойтеся.* Аминь.

17. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ТОРЖЕСТВА О РОЖДЕНІИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ, СЕНТЯБРЯ 11 ДНЯ, 1843 ГОДА.

Извѣстенъ вамъ тотъ обычай Святыя Церкви, что при наступленіи праздника, еще въ начинательномъ вечернемъ Богослуженіи, раскрываетъ она Священное Писаніе, и въ немъ показываетъ зеркало и образъ того, что составляетъ предметъ праздника. Напримѣръ, празднуя память Праведника, она провозглашаетъ изъ священной книги: *память праведнаго съ похвалами* (Притч. X. 7.). Такимъ образомъ духовная законность праздника утверждается словомъ Божіимъ; сущность или таинство праздника изъясняется, и радость праздника получаетъ новый свѣтъ.

Въ настоящій праздникъ не могли мы сего исполнить до настоящей минуты: потому что сіе торжество, хотя предварительно призываемое нашими желаніями, объемлемое надеждами, тѣмъ не

менѣе, по свойству предмета, внезапно насъ посѣтило. Исполнимъ же теперь хотя отчасти церковный обычай: покажемъ вамъ зеркало и образъ настоящаго торжества въ священныхъ книгахъ.

Бысть слово Господне къ Наоану: иди и рцы рабу Моему Давиду: — возставлю сѣмя твое по тебѣ, иже будетъ отъ чрева твоего, и уготовающ царство его, и управлю престолъ его до вѣка. — По всѣмъ словесемъ симъ, и по всему видѣнію сему, тако глагола Наоанъ къ Давиду. И вниде царь Давидъ, и сѣде предъ Господемъ, и рече: возлюбилъ мя еси даже до сихъ. И мала сія предъ Тобою суть, Господи мой Господи, и глаголалъ еси о домѣ раба Твоего вдалеко. — И что приложитъ Давидъ еще глаголати къ Тебѣ? И нынѣ Ты вѣси раба Твоего, Господи мой Господи. И раба Твоего ради сотворилъ еси, и по сердцу Твоему сотворилъ еси все величество сіе сказати рабу Твоему, величія ради Твоего, Господи мой Господи. Нѣсть бо инъ, якоже Ты, и нѣсть Бога развѣ Тебе во всѣхъ, яже слышахомъ ушима нашима. И кто якоже людіе Твои Израиль, языкъ инъ на земли? Яко наставилъ ихъ Богъ, еже избавити себѣ людей, еже положити Тебѣ имя, еже сотворити величіе и просвѣщеніе (2 Цар. VII. 3. 4. 12. 13. 17 — 23.).

Примѣтимъ въ семъ священномъ сказаніи, во-первыхъ, что унаслѣдованіе потомства Давидова на престолѣ Царства Израильскаго было дѣломъ особеннаго непосредственнаго Провидѣнія Божія; во-вторыхъ, что Давидъ узналъ и принялъ сіе устроеніе

Божіе со смиреннымъ благоговѣніемъ; въ-третьихъ, что радость о дарованіи ему царственнаго потомства прежде всего принесъ онъ во храмъ Божій въ жертву Богу, въ благодарственной молитвѣ, въ-четвертыхъ, что Божіе благодѣяніе потомственнаго унаслѣдованія на престолѣ Давидъ относилъ не только къ себѣ и къ роду своему, но и ко всему народу Израильскому.

Какое это свѣтлое зеркало настоящаго царственнаго торжества! Какой прекрасный образъ прекраснаго событія въ царскомъ Всероссійскомъ Домѣ!

Если мудрый, крѣпкій духомъ и благочестивый царь есть крѣпкое основаніе народнаго благоденствія въ родѣ, въ которомъ Онъ царствуетъ; если достойный наслѣдникъ престола обезпечиваетъ сіе благоденствіе для слѣдующаго рода: то благословенное рожденіе Наслѣдника Наслѣднику Престола простираетъ радостныя надежды Царя и Царства до третіяго и четвертаго рода. И кто же далъ сей вожделѣнный даръ Царю нашему, Россіяне? Кто, какъ не Тотъ, Которому *отверзшу руку всяческая исполняются благости*, и особенно, Которымъ *царіе царствуютъ?* Хотя никакой Наѳань не явился сказать Царю нашему: узриши Сына Сына Твоего: тѣмъ не менѣе сіе есть Божіе дѣло, Божій даръ Какая мать, могла когда-либо сказать: буду имѣть плодъ? Какой отецъ могъ сказать: буду имѣть сына? — По сему-то Слово Божіе признаетъ дѣтей не столько достояніемъ родителей, сколько собственностію Божіею: *се достояніе Господне сыновіе, мзда плода чревняго* (Псал. CXXVI. 3.).

Итакъ, хотя не слышимо, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно, Господь рекъ благовѣрному Цесаревичу: *будетъ Тебѣ сынъ* Господь рекъ благочестивѣйшему Царю: *узриши Сына Сына Твоего.* И видитъ Онъ; и радуется съ Нимъ Россія.

Общею съ Царствомъ радостію радуется и Церковь; потому что надежды благочестиваго Дома Царева суть надежды и Церкви. И въ особенности радуется она о томъ, что Царская радость, подобно какъ радость Давидова, прежде всего идетъ во храмъ, является предъ Богомъ, приноситъ молитвенную жертву. И поелику Благочестивѣйшій Государь высокими обязанностями Своими увлеченъ на сіе время отъ Своей столицы къ одному изъ предѣловъ обширнаго Царства: то единодушная съ Нимъ какъ во всемъ, такъ и въ благочестіи, Царица непосредственнымъ Своимъ словомъ призвала къ благодарной молитвѣ вѣрноподданныхъ, и по особенному благоволенію, особенно въ семъ призваніи воспомянула васъ, *Церкви*, и чада *первопрестольной столицы!*

Не имѣю нужды болѣе возбуждать радость Она полна и совершенна, безъ сомнѣнія, во всѣхъ насъ. Одно напомнить я долженъ: будемъ внимательны, да будемъ достойны радости, которою насъ ущедряетъ Божіе Провидѣніе. Дѣлами и жизнію вѣры въ Бога и вѣрности Царю тщательно да охраняемъ съ нашей стороны благоденствіе, которое благость Божія упрочиваетъ для насъ благословеніями Своими надъ Царскимъ Домомъ. Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

СЛОВА

НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

СЛОВА

НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ.

1. СЛОВО

О ГЛАСѢ ВОПІЮЩАГО ВЪ ПУСТЫНИ, И НА ВОСПОМИНАНІЕ ПРОИСШЕСТВІЙ 1812 ГОДА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ 1814 ГОДУ.

Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези его. Мар. 1. 3.

Блаженная пустыня, въ которой слышенъ столь вожделѣнный гласъ! Вожделѣнный гласъ, которымъ возвѣщается приближеніе Господа! Ибо если повелѣвается *уготовать путь Господень, и правы творить стези Его въ пустыни:* то конечно Господь не далекъ отъ нея, и желаетъ посѣтить ее. Посему-то и Пророкъ Господень привѣтствуетъ ее радостію и веселіемъ: *радуйся пустыня жаждущая, да веселится пустыня, и да цвѣтетъ яко кринъ.* (Иса. XXXV 1.).

Что̀ предъ сею пустынею и гласомъ ея, хотя впрочемъ не столько глаголющимъ въ мирѣ, сколько *вопіющимъ* въ трепетномъ благоговѣніи,—что̀ предъ ними молва и смятеніе человѣческихъ обществъ, что̀ шумъ и разсѣянность города, который едва ли гдѣ и когда бываетъ лучше, нежели какимъ видѣлъ его пустынелюбивый царь: *видѣхъ беззаконіе и прекаканіе во градѣ; днемъ и нощію обыдетъ его по стѣнамъ его; беззаконіе и трудъ посредѣ его и неправда; и не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть* (Псал. LIV. 10—12.). И кто не пожелаетъ съ Давидомъ *удалиться бѣгая, и водвориться въ пустыни*, такъ чтобы тамо *чаять Бога* (8)? Кто изъ тѣхъ самыхъ, которые любятъ находить препятствія въ исканіи Бога, не возскорбитъ по крайней мѣрѣ о томъ, что не можетъ исторгнуться отъ *суеты* и *крушенія духа*, и не имѣетъ *крилъ, яко голубиныхъ, да полетитъ и почіетъ?*

О, если бы Господь даровалъ намъ нынѣ, хотя на краткое время, снити вниматедьною мыслію въ лежащую предъ лицемъ Его *пустыню*, пріять сердцемъ *гласъ* предваряющей благодати Его, да въ умиленіи подвигнемся на *уготованіе пути* Его!

Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези Его.

Когда Евангеліе, дабы обратить очи ваши на путь Господень, оглашаетъ васъ *гласомъ пустыни*: да не возмнитъ кто изъ васъ, Христіане, будто васъ хотятъ безъ различія похищать изъ жизни общественной, и влещи къ Іоанну Крестителю въ нѣкую ненаселенную страну Іорданскую. Пророкъ, изда-

леча слышавшій и предвозвѣстившій *гласъ вопіющаго въ пустыни*, явленный въ Іоаннѣ, безъ сомнѣнія, имѣлъ предъ очами нѣчто болѣе, нежели одну Іорданскую пустыню. *Всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холмъ смирится; и будутъ вся строптная въ право, и острая въ пути гладки, и* — потомъ — *явится слава Господня* (Иса. XL. 4. 5.): такъ изображаетъ Исаія преображеніе своей пустыни. Но пустыня Іоаннова и въ явленіе Господа Іисуса, и послѣ, оставалась также дикою, какъ была прежде.

Какая же то пустыня, въ которой Пророкъ слышалъ гласъ, возвѣщающій приближеніе Господа? — Вотще терялись бы мы въ разнообразіи временъ невозвратныхъ и мѣстъ недосягаемыхъ, для обрѣтенія оныя. Напротивъ, она не столько удалена, сколько не примѣчаема ; и усматривается чрезъ восхожденіе отъ чувственнаго къ духовному, отъ человѣческаго къ Божественному. Что̀ есть пустыня въ обыкновенномъ понятіи человѣческомъ, для ока чувственнаго? — Мѣсто, необитаемое и невоздѣлываемое человѣками, хотя бы оно было исполнено звѣрей и другихъ живущихъ тварей. Отселѣ да разумѣемъ: что̀ есть пустыня для взора духовнаго, для ока Божія? — Когда страсти, свойственныя естеству звѣрей, и пожеланія скотскія, возобладавъ человѣкомъ, удаляютъ отъ него всякую духовную мысль, всякое чистое желаніе, всякое благое дѣло, и, такъ сказать, опустошаютъ высшую область его природы, что̀ тогда есть душа его, какъ не пустыня дикая? Но когда число таковыхъ животныхъ человѣ-

ковъ столь велико, что весь составъ человѣчества, по Слову Божію, есть *плоть* (Быт. VI. 3.); совершенные же духовные человѣки рѣже на земли, нежели классы, остающіеся на пожатой нивѣ: то что̀ есть и цѣлый міръ предъ очами *Отца духовъ* (Евр XII. 9.), какъ не безплодная пустыня? Наконецъ когда самый градъ Божій на земли оскудѣваетъ сынами вышняго Іерусалима, и попирается язычниками; когда избранный вертоградъ Возлюбеннаго приноситъ вмѣсто гроздія терніе; когда людіе Господни *оставляютъ источника воды живыя*—Господа, чтобъ *ископать себѣ кладенцы сокрушенные* (Іер. II. 13.), возмущаютъ или преграждаютъ чистый токъ небесной истины, но потомъ истаеваютъ неутолимою жаждою надъ горькими потоками земной мудрости: что̀ тогда самая Церковь, какъ не пустыня жаждущая?

И въ сіи ли неустроенныя, оставленныя, непроходныя пустыни пролагаетъ себѣ путь Господь славы и велелѣпоты? Исходитъ отъ блаженныхъ селеній небесныхъ, и грядетъ посѣтить землю, грѣхомъ и проклятіемъ опустошенную? Оставляетъ сыновъ дома Своего—чистыхъ духовъ, питающихся свѣтомъ лица Его, и поспѣшаетъ обрѣсти овча Своего стада, заблуждающее отъ Него въ горахъ и дебряхъ? Такъ! *Господи*, Который самый *потопъ населяетъ* (Пс. XXVIII. 10.), не хощетъ предать конечному запустѣнію ни единаго угла своего безпредѣльнаго владычества; единородный Сынъ Божій единою рукою въ славномъ *дому* Отца своего уготовляетъ *обители* для упокоенія спасаемыхъ, другою зиж-

детъ *скинію въ пустыни* для спасительнаго прибѣжища погибающимъ. И здѣсь явится слава благодати Его: только всякое низпаденіе въ чувственность да удержится; всякое возношеніе гордости да низложится; закоснѣніе въ неправдѣ собственной да не препятствуетъ открыться правдѣ Божіей; терніе и каменіе,—злоба и ожесточеніе да не препинаютъ мирнаго шествія любви Божественной: *всяка дебрь да наполнится, и всяка гора и холмъ смирится, и будетъ вся строптивая въ право, и остраа въ пути гладки; и явится слава Господня.* Воздвигнитесь убо, работающіе міру неблагодарному, воздвигнитесь отъ него тайнымъ шествіемъ, подобно какъ древніе Израильтяне отъ Египта; обратитеся, и воззрите очами духа на лице пустыни—въ васъ и окрестъ васъ — ожидающей своего посѣщенія и обновленія; видите ея сѣтующій образъ: провидите славу, ей обѣщаемую; и, *аще услышите гласъ Господа, сотрясающаго пустыню* (Псал. XXVIII. 8.), *не ожесточите сердецъ вашихъ* (Псал. XCIV. 8.): *путесотворите шествующему по пустынямъ* (Псал. LXVII. 5.).

Но кто можетъ сказать, что не слышалъ сего страшнаго иногда, однако тѣмъ не менѣе милосердаго гласа? — Гласъ Іоанна Крестителя, призывающій къ покаянію, и возвѣщающій приближеніе Царствія Божія, не есть единственный *гласъ вопіющаго въ пустыни*, но повтореніе многократныхъ и продолженіе непрерывныхъ подобныхъ гласовъ. Еще тогда, какъ человѣкъ, слышавъ *гласъ Господа Бога, ходяща въ раи*, сокрылся въ первый разъ отъ

лица Его, и такимъ образомъ открылъ первую *пустыню* въ самомъ раю, тогда же услышался и первый *гласъ въ пустыни*: *гдѣ еси?* — гласъ, который оттолѣ, въ безчисленныхъ отголоскахъ, несется по всѣмъ мѣстамъ и временамъ, и пронесется до самой вѣчности, взыскуя погибающихъ въ удаленіи отъ Господа Если бы не одебелѣло сердце людей сихъ; если бы не тяжко слышали они ушима, и не смѣжали очей своихъ: то всѣ чувства ихъ непрестанно наполнялъ бы гласъ благодати предваряющей и призывающей къ обращенію и спасенію: гласъ отвнѣ — возглашающій въ видимой природѣ; гласъ извнутрь — исходящій изъ глубины души; гласъ свыше-низходящій въ Божественномъ откровеніи, гласъ долу — отражающійся въ происшествіяхъ міра, движимыхъ перстомъ Господа и дхновеніемъ устъ Его.

Гласъ въ природѣ. Если онъ мало слышимъ: то потому самому, что не престающъ. Привычка слышать его притупила вниманіе; и его равномѣрность показалась безмолвіемъ. Безбожникъ исповѣдалъ бы Бога, воззрѣвъ на небеса, и услышавъ вѣщаніе ихъ, если бы не родился подъ ними; каменное сердце разсѣлось бы отъ стенаній земли, проклятой въ дѣлахъ человѣка, если бы всѣмъ бытіемъ своимъ не было погружено въ сіи стенанія прежде, нежели ощутило само себя. *Небеса*, говоритъ одинъ изъ имѣющихъ уши слышати, *небеса повѣдаютъ славу Божію* такъ, что *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ* (Псал. XVIII. 2. 4.), то есть, нѣтъ языка или нарѣчія, на которомъ

бы само собою не выражалось ихъ проповѣданіе. Другой, среди сихъ торжественныхъ гласовъ твари славословящей премудраго Творца, открываетъ болѣзненныя воздыханія *твари повинувшейся суетѣ. вѣмы*, говоритъ, *яко вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже до нынѣ* (Рим. VIII. 22.). Сіи совокупные гласы и воздыханія твари, — гласъ отъ источника первоначальнаго въ мірѣ блага, и воздыханіе изъ бездны пропзникшаго зла, гласъ небеснаго порядка, и воздыханіе земнаго нестроенія, гласъ жизни и воздыханіе смерти, гласъ всеобщаго сохраненія и воздыханіе всеобщаго изтлѣнія, — не суть ли, для разумѣвающихъ, нѣкій *гласъ вопіющаго въ пустыни*, или вопль самой всемірной пустыни, отвсюду гласящей человѣку: «кто кромѣ те«бя могъ внести зло въ творенія Всеблагаго? Не «ты ли, будучи поставленъ ихъ владыкою, содѣлал«ся ихъ поработителемъ? Не ты ли превратилъ «царство благолѣпія въ безобразную пустыню, и «окрестъ плодовъ жизни насадилъ терніе и волч«цы? Доколѣ убо и страждешь самъ, и съ собою «оставляешь *всю тварь совоздыхать и сболѣзно«вать?* Доколѣ не обратишься всѣмъ существомъ «твоимъ, да съ тобою приближится и все владыче«ство твое, къ Единому Виновнику всякаго блага «и совершенства, отъ Котораго ты удалился, но Ко«торый еще столь видимо къ тебѣ приближается «отвсюду и Своею славою и Своими щедротами? «Доколѣ не *уготовляешь пути Господня, и пра«выхъ не твориши стезей Его*»? — Боже мой! Если бы единый мгновенный вздохъ цѣлыя Твоея

твари могъ быть измѣренъ внѣшнимъ чувствомъ: сколько бурь и громовъ онъ бы составилъ! Но вся тварь непрестанно воздыхаетъ къ нашему сердцу, неумолкно вопіетъ къ уму: и мы не слышимъ, и еще веселимся—ея страданіемъ и разрушеніемъ!

Гласъ изъ глубины души. Сей, можетъ быть, еще менѣе слышанъ, нежели гласъ внѣшней природы: потому что и болѣе тонкаго требуетъ чувства, и болѣе глубокаго вниманія. Хотя, безъ сомнѣнія, никто не можетъ лучше *вѣдать, яже въ человѣцѣ, какъ духъ человѣка, живущій въ немъ* (1 Кор. II. 11): но духъ сей не рѣдко уподобляется такому домувладыкѣ, который проводитъ большую часть времени въ открытыхъ храминахъ своего дома, замѣчаетъ мимоходящихъ, пріемлетъ посѣщающихъ, собесѣдуетъ, пиршествуетъ; а тайную клѣть свою едва посѣщаетъ, какъ чуждую гостинницу, не знаетъ сокровищницы своей, и всѣ попеченія домостроительства возлагаетъ на рабовъ и наемниковъ. Мы живемъ по большой части во внѣшнихъ чувствахъ; заботимся о преходящихъ удовольствіяхъ; мудрость міра, страсти, пожеланія управляютъ нашею дѣятельностію: между тѣмъ, что происходитъ въ душѣ нашей, что скрывается въ таинственной глубинѣ ея, не вѣдаемъ, и болѣе стараемся познать другихъ, нежели самихъ себя; отверзаемъ всѣ возможные исходы изъ самихъ себя, и ни единаго входа внутрь себя. Блаженъ, кто умѣетъ, по примѣру Давида, собирать всѣ свои силы въ ту недовѣдомую страну природы человѣческой, которая сопредѣльна съ вышними областями духовнаго и Божественнаго, тамъ

открывать ко Господу путь свой (Псал. XXXVI. 5.) и ожидать исходящей отъ лица Его судьбы своей: *услышу, что речетъ о мнѣ Господь Богъ!* Съ сей непостижимой для разумѣнія высоты низходятъ въ сердце вѣрующее и любящее живѣйшія внушенія благодатныхъ ощущеній: *яко речетъ* Господь *миръ на люди Своя и на обращающія сердца къ Нему* (Псал. LXXXIV. 9.). Но, и когда сей *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ* (Фил. IV. 7.), еще не посѣтилъ насъ, и тогда не также ли удобно, или не паче ли еще свойственно гласу Господню достигать до насъ прямымъ путемъ духа и сердца, нежели окрестною стезею чувствъ и плоти? Не испытали ль мы уже иногда, въ минуту внутренней тишины, когда утомленныя суетою мысли возвращаются отъ своего разсѣянія, когда пресыщенныя желанія отрѣшаются отъ своихъ предметовъ, и мы нечаянно начинаемъ *внимать себѣ* (1 Тим. IV. 16.), не испытали ль мы въ такое время нѣкой пустоты въ духѣ, нѣкой туги въ сердцѣ, въ которыхъ таится глубокое и непрестанное воздыханіе? Наблюдайте постояннѣе за симъ скрытнымъ ощущеніемъ; заключайтесь чаще отъ мірскаго шума, оное заглушающаго, во внутреннюю храмину души вашей; заграждайте тщательнѣе всѣ исходы къ разсѣянію: вы узнаете во внутреннемъ воздыханіи вашемъ то самое, которому совоздыхаетъ вся тварь; мало по малу оно будетъ разрѣшаться то въ терзающее *рыканіе* (Псал. XXXVII. 9.), яко льва, то въ умягчающее степаніе, яко горлицы; и наконецъ вы услышите истинный *гласъ вопіющаго* во вну-

трепней вашей *пустыни*, возвѣщающій вамъ, что хожденіе въ стропотныхъ путяхъ міра и плоти только уязвляетъ и утомляетъ душу вашу; что вы напрасно разширяете для нея стези ея изгнаническаго странствованія, по которымъ она только болѣе удаляется отъ отечества небеснаго; что для нея должно искать пути возвращенія къ Отцу небесному и спасительнаго посѣщенія свыше, *уготовлять путь Господень, и правы творить стези Его.*

Гласъ въ откровеніи. Между тѣмъ какъ большая часть человѣковъ день отъ дня тягчае слышали ушима, да не услышатъ всеобщаго воздыханія твари о свободѣ чадъ Божіихъ; и часъ отъ часа болѣе одебелѣвало ихъ сердце, да не уразумѣютъ глаголовъ сего самаго сердца, которое *взыскуетъ лица Твоего, Господи* (Псал. XXVI. 8.), Ты, не хотяй смерти закоснѣвающаго даже грѣшника и неистощимый въ средствахъ къ обращенію его, подвизался Самъ, *да явленъ будеши не ищущимъ Тебе, и обрящешися не вопрошающимъ о Тебѣ* (Иса. LXV. 1.). Отъ времени до времени, Ты открывалъ ухо избраннымъ Твоимъ, исполнялъ духъ ихъ животворящимъ словомъ Твоимъ, и устроилъ ихъ яко трубами Твоего гласа, и устами Твоего глаголанія къ сынамъ человѣческимъ на языкѣ сыновъ человѣческихъ. *Многочастнѣ и многообразнѣ глаголалъ еси отцемъ во пророцѣхъ; въ послѣдокъ дній сихъ глаголалъ намъ въ Сынѣ* (Евр. I. 1. 2.); отселѣ съ новымъ обиліемъ *изліялъ отъ Духа Твоего* на Апостоловъ, *да прорекутъ*, и чрезъ нихъ до нынѣ продолжаешь изливать Оный *на всяку плоть* (Іоил. II.

28.). Не знаемъ, Твою ли благость безпредѣльную и непостижимую премудрость должны мы единственно прославлять за постепенное распространеніе Твоихъ видимыхъ съ нами общеній, или въ тоже время обязаны сознать умножающееся въ насъ невниманіе и ожесточеніе, востребовавшее крайнихъ усилій противоборствующихъ, только сокровище торжественныхъ Твоихъ откровеній, тысящелѣтіями собираемое, никогда не являлось толико для всѣхъ открытымъ, какъ въ сію *послѣднюю годину* (Іоан. II. 18.). *Слово, еже заповѣдалъ еси съ нами* отъ вѣка, и *Духъ Твой*, облеченный священнымъ письменемъ, *настоитъ посредѣ насъ* (Агг. II. 6.): оглашаетъ во храмахъ; собесѣдуетъ въ домахъ; и тогда, какъ въ служеніе Слова призываются толико нищіе дарами Апостольства, Ты положилъ въ сердце любящимъ Тебя, да вновь самихъ Апостоловъ — въ ихъ писаніяхъ — сопроводятъ по градамъ и весямъ, по чертогамъ и хижинамъ, и такимъ образомъ во всемъ пространствѣ исполнится сказанное: *проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселенной* (Матѳ. XXIV. 14.). Теперь *гласъ*, или лучше, совокупность гласовъ, по временамъ, по мѣстамъ, *вопіявшихъ въ пустыни*, гласъ не только возвѣщающій, но и являющій приближеніе Твое, не возбуждающій только ужасъ пустыни, но и утѣшающій благодатію ея посѣщенія, не указующій только *стропотная и острая*, но и наставляющій *уготовлять путь* Твой, *и правы творити стези* Твои, поставляющій насъ *рабами, ждущими Господа своего, и дѣвами*, уготовляющимися *во срѣтеніе*

Жениху, — сей живый и животворящій гласъ уже простирается по горамъ отдаленнѣйшимъ и досягаетъ въ глубочайшія *дебри*. Ты вѣси, Господи, не конецъ ли уже великой, всемірной проповѣди мы слышимъ: *проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ языкомъ, и тогда пріидетъ кончина*. Ты Единъ зриши въ сей мрачной полунощи, не время ли уже *быти воплю: се Женихъ грядетъ, исходите во срѣтеніе Его* (Матѳ. XXV. 6.)!

Гласъ въ происшествіяхъ міра. Поелику всякое *слово Божіе живо и дѣйственно* (Евр. IV. 12); и все сущее и дѣйствуемое въ мірѣ *носимо глаголомъ силы* Божіей (Евр. I. 3): то несомнительно, что во всѣхъ происшествіяхъ міра, поколику онѣ суть дѣйствія Провидѣнія, заключенъ глаголъ Божій, и въ особенности въ происшествіяхъ, дѣйствующихъ на человѣка — глаголъ Божій, простирающійся къ человѣку. Опытъ и благоговѣйное вниманіе къ дѣламъ Промысла, или точнѣе, самъ Промыслитель міра отечески вводитъ чадъ Своихъ въ познаніе сего непреложнаго языка случайныхъ, по видимому, событій и чада, не отвергающія наказанія Отча, разумѣваютъ, какъ благоденствіе возвѣщаетъ имъ любовь и милосердіе Божіе; искушенія и внезапныя избавленія поучаютъ вѣрованію и упованію на Провидѣніе; бѣдствія обличаютъ грѣхъ, и призываютъ къ покаянію, лишенія временныхъ благъ и наружныхъ преимуществъ проповѣдуютъ смиреніе и самоотверженіе; препятствія и преткновенія въ путяхъ міра и плоти призываютъ на путь Господень.

Но если кто еще не слышитъ, или не узнаетъ тихаго гласа Божія въ приключеніяхъ собственной жизни; да не затворитъ, по крайней мѣрѣ, слуха и сердца отъ тѣхъ всемірныхъ гласовъ судебъ, которые вдругъ поражаютъ племена и народы, наполняютъ вѣки, потрясаютъ небомъ и землею. *Да плачетъ земля и да помрачится небо* (Іер. IV. 28.), взываетъ Богъ у Пророка, когда всѣ другіе гласы призыванія, обличенія, сѣтованія, угроженія не могли остановить стремившагося къ своей погибели народа Израильскаго. Такъ обыкновенно *глаголетъ* Богъ *суды свои* къ языкамъ преогорчевающимъ. Онъ повелѣваетъ сему небу, которое повѣдаетъ славу Его, проповѣдывать Его гнѣвъ и ярость гласомъ страшныхъ знаменій и тлетворныхъ вліяній; заповѣдуетъ сей землѣ, которая отъ года до года износитъ Его благословеніе, вознести стенанія глада и шумъ нестроенія; обрушиваетъ грады и царства, дабы громомъ паденія ихъ пробудить спящихъ въ безчувственномъ забвеніи о Немъ: все превращаетъ въ пустыню тамъ, гдѣ *мерзость запустѣнія* (Матѳ XXIV. 15.) проникла до самаго святилища; но все токмо для того, чтобы, погубляя путь нечестивыхъ, очистить пространство, да *уготовится путь Господень, и правы сотворятся стези Его.*

Гласъ Господень въ крѣпости! Гласъ Господень въ великолѣпіи (Псал. XXVIII. 4.)! Казалось бы, Христіане, что намъ не льзя и почить отъ множества, силы и непрестаннаго взыванія гласовъ, возбуждающихъ насъ обращаться къ Богу. Однако въ Евангеліи назначено время косненія небеспа-

го Жениха, въ которое *воздремаша вся и спаху* (Матѳ. XXV. 5.): и пусть каждый, очистивъ чувствія, испытаетъ окомъ, и слухомъ, и сердцемъ, не все ли окрестъ насъ знаменуетъ сію опасную нощь бездѣйствія и безпечности.

Богъ славы гремитъ (Псал. XXVIII. 3) нынѣ всѣми своими гласами устъ, и трубъ, и громовъ. Не будемъ говорить о ударахъ, которыми *сотрясаетъ* Онъ всю великую *пустыню* западнаго Христіанства. Слышите ли вы *гласъ* недавно возгремѣвшій и едва еще утихающій въ предѣлахъ собственной земли нашей, въ развалинахъ, *въ пустыни* града великаго? Сей болѣзненный и смертный гласъ толь многихъ гражданъ, гласъ разрушенія вѣковыхъ оградъ, гласъ поруганія храмовъ, есть ли только дѣйствіе случайнаго удара? — Но рука Провидѣнія не ударяетъ мимо своея меты, а сія мета назначается премудростію и правосудіемъ. Есть ли сіе одно пораженіе виновныхъ?—Безъ сомнѣнія, всевидящимъ судомъ не наказуются невинные; но не *будемъ судіями помышленій злыхъ* (Іак. II. 4.); не осудимъ братій нашихъ паче самихъ себя. Въ общемъ бѣдствіи долженствовали пасть и виновные, которымъ продолженіе жизни послужило бы токмо къ умноженію ихъ преступленій; но могли безъ неправосудія пострадать и невинные, которыхъ бы страданіе болѣе очистило и запечатлѣло мученичествомъ, нечаянная кончина только ускорила привести къ блаженному концу бытія ихъ, и которые, можетъ быть, спасены такимъ образомъ отъ преткновеній, угрожавшихъ имъ въ спокойномъ

продолженіи земнаго странствованія. — Нѣтъ! посѣщенные тягчайшими бѣдствіями не суть виновнѣйшіе насъ помилованныхъ, и ударъ судебъ возгремѣлъ не на однихъ тѣхъ, на которыхъ низведенъ онъ. *Ни, глаголю вамъ, но аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лук. XIII. 5.). Вотъ гласъ, который самъ Господь научалъ насъ слышать въ каждомъ бѣдствіи общественномъ. И услышали ли, уразумѣли ли, пріяли ли мы въ настоящихъ пропзшествіяхъ сіе поученіе Господне? Правда, гласъ помилованія и благоволенія, которымъ огласилъ насъ Господь предъ всѣми языками, свидѣтельствуетъ о множествѣ послушно пріявшихъ гласъ наказанія Его: смиреніе въ признаніи вседѣйствующей надъ нами руки Его, и благотворительность къ бѣдствующимъ ближнимъ, распространяемыя посреди насъ дѣйствіемъ сильныхъ примѣровъ, являютъ въ насъ плодъ, достойный покаянія. Но такъ ли сокрушилъ сердца наши крѣпкій гласъ Господень, чтобы *всякая дебрь наполнилась, и всякая гора и холмъ смирились?* Не еще ли видны возношенія собственности? Не еще ли зіяютъ ненасытимыя земныя желанія? Подая требующимъ, отказываемъ ли мы себѣ хотя въ нѣкоторыхъ излишествахъ? Не слишкомъ ли поспѣшаемъ заглушать сокрушающій, но вкупѣ и назидающій *гласъ вопіющаго въ пустыни*, шумомъ плещущихъ и веселящихся? Не многое ли, пробужденное судомъ, уже вновь воздремало подъ сѣнію милости?

Блюдемся, о чада помилованія! дабы нерадѣніемъ о богатствѣ благости и долготерпѣнія Божія, толь

многочастно и многообразно призывающаго насъ къ обращенію и перемѣненію житія, вновь не собирать себѣ гнѣва Божія, и не предать себя тягчайшему и конечному суду. Помыслимъ: — если нынѣ, во время благопріятно, и въ день спасенія, не *уготоваемъ мы пути Господня, и не сотворимъ правыхъ стезей Его*; то когда явится Самъ Онъ, *и отъ лица Его* не токмо горы и холмы, но *побѣгнутъ небо и земля*, такъ что *мѣста не обрящется имъ* (Апок. XX. 11.), гдѣ мы тогда обрящемся? — Аминь.

2. СЛОВО

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ УПРАВЛЕНІЕ МОСКОВСКОЮ ПАСТВОЮ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ, АВГУСТА 14 ДНЯ, 1821 ГОДА.

Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа. Рим. I. 7.

Такъ нѣкогда Святый Апостолъ Павелъ привѣтствовалъ Церковь державнаго Рима, вступая съ нею въ общеніе посредствомъ Посланія. Такъ при семъ первомъ общеніи лицемъ къ лицу привѣтствовать Церковь сего Престольнаго града и я дерзаю.

Но кто я, дерзнувшій возглашать столь великое слово, среди столь великія Церкви? Среди Церкви, которая кромѣ славы, заимствуемой отъ древняго Царскаго престола, еще прежде имѣла славу нѣкоторымъ образомъ приготовить у себя мѣсто для сего престола, и донынѣ сохранила благодать преподавать Вѣнценосцамъ священный Вѣнецъ и помазаніе на Царство; — среди Церкви, которая обыкла слышать живые и сильные гласы Божественнаго Сло-

ва, въ которой сіяли столь многіе Свѣтильники Православныя Вѣры, не угасшіе и во гробахъ, но и оттолѣ еще сіяющіе свѣтомъ будущаго вѣка, въ которой предстояли въ молитвахъ, дознанные послѣ, небесные споспѣшники нашихъ земныхъ молитвъ, — здѣсь, гдѣ древняя святыня, еще недавно, вновь ознаменовала себя, и очистительнымъ посѣщеніемъ, и чудеснымъ избавленіемъ, и праведнымъ отмщеніемъ; — какъ дерзнулъ я предстоять толикому сонму Божію въ священнодѣйствіи таинства вѣры, и какъ паки дерзаю начать священнодѣйствіе слова истины? Немощнымъ гласомъ недостойныхъ устъ какъ дерзаю колебать самый сей воздухъ, исполненный благоуханіемъ Святыни?

О, Владыко Господи! Ты видишь глубину сердецъ; Ты слышишь движеніе помышленій. Ты зрѣлъ сіе смятенное сердце, когда только еще даемы были жребіи сего служенія; Ты слышалъ трепетное воспоминаніе онаго древняго гласа: *избери могуща иного, егоже послеши* (Исх. IV. 13.). Но когда, по неизслѣдимымъ судьбамъ Твоимъ, чрезъ Священную и Державную Власть, жребій сей пришелъ, и не возвратился; *азъ же кто есмь, могій возбранити Бога* (Дѣян. XI. 17.)? И нынѣ, Господи, да будетъ воля Твоя; ибо уже и бысть воля Твоя. *Укрѣпи, Боже, сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ* (Псал. LXVII. 29.) Ради народа Твоего многаго, даруй благодать служенію сему; ради славы Твоей, сугубо дивной въ ничтожныхъ орудіяхъ, *соверши силу Твою въ немощи сей. Даждь гласу Твоему гласъ силы* (2 Кор. XII. 9 Псал. LXVII. 34.)

и въ недостойныхъ устахъ, да *пріемлющіе слово слышанія Твоего отъ насъ, пріемлютъ не аки слово человѣческо, но якоже есть воистинну, Слово Божіе, и да дѣйствуется оно въ сихъ вѣрующихъ* (1 Сол. II 13.).

И такъ, Богомъ дарованные намъ Отцы, братія и чада Церкви сея, *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа!*

О если бы совершенно исполнилось надъ вами сіе первое желаніе наше! тогда могли бы мы уповать, что Богъ исполнитъ и всѣ во благихъ желанія ваши. Но духовныя желанія совершенно бываютъ дѣйствительны тогда, когда съ волею дающаго благословеніе соединяется воля пріемлющаго. Посему, дабы расположить сердца наши къ соединенію въ единомъ желаніи, достойномъ сего духовнаго общенія, скажемъ нѣчто въ изъясненіе того, почему *прежде всего и паче всего желаемъ вамъ благодати и мира.*

Мы всѣ, когда ни встрѣчаемся одинъ съ другимъ, обыкновенно привѣтствуемъ другъ друга какимъ либо желаніемъ. Что значитъ сіе обыкновеніе? Знаменательное указаніе на состояніе наше, если бы мы были внимательны! Вообразимъ на минуту, что мы встрѣтились бы не на сей бѣдной и осужденной землѣ, но на небесахъ, или хотя въ земномъ раю: какимъ желаніемъ стали бы мы тамъ привѣтствовать другъ друга? Желаніемъ здравія? — Но тамъ и безъ того нѣтъ болѣзней. Желаніемъ долгоденствія? — Какъ можетъ тамъ быть забота о долгоденствіи, гдѣ есть безсмертіе? Желаніемъ благополу-

чія? - Тамъ уже есть блаженство. Желаніемъ ли наконецъ благодати и мира? И сіе тамъ имѣютъ всѣ, или еще и болѣе,—имѣютъ благодать и славу. Изъ сего само собою открывается, что тамъ, вмѣсто изъявленія желаній, обыкновеннѣе всего должно быть изъявленіе радости, въ благодарныхъ славословіяхъ преисполнившему всѣ желанія — Богу. Что же теперь значитъ, что здѣсь на землѣ мы привѣтствуемъ другъ друга различными желаніями? —. То, что всѣмъ намъ недостаетъ многаго, что мы не въ томъ состояніи, въ которомъ должны быть, и къ которому предназначены, что мы здѣсь не въ отечествѣ, но въ землѣ чуждой, не въ пристанищѣ, но на морѣ, не въ истинномъ жилищѣ нашемъ, но въ кратковременной гостинницѣ, или на пути, не въ области мира, но среди брани, между врагами, между опасностями, въ изгнаніи, въ лишеніи.

Чѣмъ прямѣе и точнѣе къ исполненію нашихъ недостатковъ относятся наши желанія: тѣмъ онѣ достойнѣе, тѣмъ онѣ правильнѣе. Приложимъ сію мѣру къ обыкновеннымъ желаніямъ нашимъ. — Желаніе здравія, если при семъ думаютъ о тѣлесномъ, относится только къ низшему совершенству животной природы, общей намъ съ безсловесными; здѣсь совсѣмъ нѣтъ въ виду потребности собственно человѣческой. — Желаніе долгодействія, если не получаетъ высшаго значенія въ соединеніи съ другими благороднѣйшими желаніями, не можетъ принести намъ ничего болѣе, какъ только продолженіе нашего земнаго изгнанничества и странствованія, и, если мы не на пути избавленія и возвращенія въ

небесное отечество, то еще большее удаленіе отъ онаго; ибо — *слышите и разумѣйте!* — въ семъ мірѣ, въ которомъ все движется и преходитъ, нѣтъ и для насъ неподвижнаго состоянія, и если человѣкъ не старается непрестанно приближаться къ небу, то непримѣтнымъ образомъ приближается ко аду. — Желаніе благополучія, если хотятъ получить только благо земли, а не благословеніе Неба, есть обольщеніе, поколику не исполняется, — и еще большее обольщеніе, поколику исполняется: неосторожный странникъ земли, собирая блестящій прахъ, изнемогаетъ подъ пріятнымъ бременемъ, или, гоняясь за мелькающею тѣнію, коснитъ въ безполезной торопливости. Такъ въ обыкновенныхъ человѣческихъ желаніяхъ видно, при всегдашнемъ ощущеніи недостатковъ, достойное сожалѣнія невниманіе къ недостаткамъ существеннымъ и потребностямъ истиннымъ!

И потому, Боголюбезные, для васъ не будетъ чуждымъ и страннымъ тотъ, кто не совѣтуется съ плотію и міромъ, дабы срѣтить васъ желаніемъ по сердцу вашего внѣшняго человѣка, но, въ упованіи обрѣсти сердце ваше *по сердцу Божію*, прежде всего и паче всего взыскуетъ Божественнаго Источника, дабы оттолѣ почерпнуть для васъ духовное благословеніе: *благодать и миръ*.

Познаемъ существенный для насъ недостатокъ мира! Возчувствуемъ высокую потребность благодати!

Кто лучше знаетъ, что намъ недостаетъ, и кто лучше можетъ указать путь желаніямъ нашимъ,

какъ не Тотъ, Котораго желаніе нашего блага низвело въ сей *лежащій во злѣ мірѣ*, дабы Самимъ Собою восполнить то, чего намъ недоставало? Но и обыкновенное и торжественное благословляющее желаніе Спасителя нашего было желаніе и благословеніе мира Приходитъ ли Онъ къ ученикамъ Своимъ, когда уже *дана Ему всякая власть на небеси и на земли* (Матѳ. XXVIII. 18.), и когда они могли ожидать отъ Него дара, достойнаго сея власти? — Онъ приноситъ имъ миръ *Пріиде Іисусъ, и ста посредѣ, и глагола имъ: миръ вамъ* (Іоан. XX. 19.). Отходитъ ли Онъ въ путь креста, когда смущенное сердце друговъ Его требовало сильнѣйшаго врачевства, дѣйствительнѣйшаго утѣшенія? — Онъ оставляетъ имъ врачевство и утѣшеніе мира. *Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. XIV. 27.). Хощетъ ли Онъ послать Апостоловъ для благовѣствованія о Немъ всему міру, и дать имъ довольное для сего пути напутствіе? — Онъ усугубляетъ имъ благословеніе мира. *Рече имъ Іисусъ паки: миръ вамъ, якоже посла Мя отецъ, и Азъ посылаю вы* (Іоан. XX. 21.). Завѣщаваетъ ли, какъ должны они вступать во грады и веси, совершая посольство, на нихъ возложенное? — Онъ и имъ повелѣваетъ приносить съ собою миръ. *Въ оньже аще колиждо градъ или весь внидете: входяще въ домъ, цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему* (Матѳ. X. 11. 12.).

Послѣ сего примѣра и повелѣнія, Христіанинъ не будетъ въ недоумѣніи, правильно ли, паче прочихъ благъ, привѣтствуютъ его миромъ. Если же кто еще

не уразумѣлъ, для чего такъ нужно *помышленіе мира*, которое *помышляетъ на него* (Іер. XXIX. 11.) Духъ Христовъ: тому не нужно далеко идти на поле брани, или въ осажденный городъ, или на позорище распрей, чтобы уразумѣть сіе. Человѣкъ! самое близкое къ тебѣ, и самое опасное для тебя поле брани есть собственная твоя жизнь и дѣятельность въ мірѣ, если на семъ полѣ не пріобрѣтена еще тобою *побѣда побѣждающая міръ, вѣра* (1 Іоан. V. 4.); сердце твое подобно граду, осажденному отвнѣ, и таящему крамолу внутри, если *миръ Божій еще не водворился въ немъ* (Кол. III. 15.); въ помышленіяхъ твоихъ непрестанно возобновляется позорище распрей, если еще *не низложено въ тебѣ оружіями, сильными Богомъ, всякое возношеніе взимающееся на разумъ Божій, и не плѣненъ разумъ твой въ послушаніе Христово* (2 Кор. X. 4. 5.). Если тебѣ неизвѣстна сія брань: то конечно ты никогда не пробуждался отъ дремоты чувственной жизни къ бодрствованію высшей жизни человѣческой; никогда и главы не возносилъ изъ плѣна и рабства духовнаго. Кто болѣе или менѣе усиливался возникнуть изъ сего рабства въ свободу чадъ Божіихъ: тотъ, безъ сомнѣнія, испыталъ и уразумѣлъ, какъ зло міра нападаетъ на насъ съ оружіемъ скорбей и страданій, дабы низложить насъ унынiемъ и отчаяніемъ; какъ блага міра окружаютъ насъ, дабы взять въ плѣнъ коварствомъ похоти; какъ неудержанныя желанія плоти простираются, по видимому, дабы покорить намъ весь міръ, но въ самомъ дѣлѣ покоряютъ насъ всему, къ чему онѣ прилѣпляются;

какъ плоть сражается съ духомъ, и сама съ собою, страсти востаютъ большею частію противъ разсудка, и не рѣдко одна противъ другой; какъ подъ ногами того, кто болѣе старается примѣчать и обходить преткновенія, болѣе открывается соблазновъ, такъ что весь подвигъ естественной добродѣтели состоитъ почти только въ дознаніи превозмогающаго порока, подобно какъ весь подвигъ естественной мудрости—въ дознаніи превозмогающаго невѣдѣнія. Если при помощи разума и добрыхъ страстей мы являемся иногда побѣдителями на полѣ внѣшней дѣятельности: сіе не пріобрѣтаетъ еще намъ истиннаго мира, позорище брани только переносится далѣе во внутренняго человѣка, и подвигъ становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ сокровеннѣе здѣсь враждебныя силы и оружія. Иногда, напримѣръ, намъ кажется, что мы побѣдили корыстолюбіе или сластолюбіе, совершивъ подвигъ благотворенія или воздержанія; но, въ тоже самое время, входя въ глубину сердца усматриваемъ, что мы тамъ побѣждены тщеславіемъ или гордостію, и тамъ, гдѣ думали стоять подъ защитою совѣсти, сверхъ опасенія, уязвляемся ея палящими стрѣлами. Восходя въ область ума, обрѣтаемъ новую брань помысловъ, оправдывающихъ наши желанія и дѣйствія, и паки осуждающихъ, побуждающихъ къ подвигамъ, и паки воспящающихъ, то сомнѣніями, то страхомъ, то разсѣяніемъ, воспаряющихъ къ небесамъ, и низвергающихся во прахъ; свѣтоносныхъ и омрачающихъ, чистыхъ и оскверняющихъ. Внимательные узнаютъ здѣсь ту брань, о которой говоритъ одинъ изъ опытныхъ

подвижниковъ, *яко нѣсть наша брань противу крови и плоти, но противъ начальствъ и властей и міродержителей тьмы вѣка сего, духовъ злобы поднебесныхъ* (Ефес. VI. 12). Сею-то бранію утомленный, вопіетъ Давидъ: *нѣсть мира въ костехъ моихъ!* Отъ чего нѣтъ мира у того, который побѣдилъ всѣхъ враговъ народа Божія, и создалъ *градъ мира*, Іерусалимъ? — *Нѣстъ мира*, говоритъ Онъ, *отъ лица грѣхъ моихъ*. Кто изъ насъ дерзнетъ похвалиться, что въ немъ нѣтъ грѣха? Посему кто не долженъ признаться и въ томъ, что въ насъ нѣтъ собственнаго внутренняго мира, ни мира съ Богомъ, ни мира съ самими собою. *Ты, Господи Боже нашъ, миръ даждь намъ* (Иса. XXVI. 12.)!

Богъ — Отецъ нашъ, и готовъ дать намъ вожделѣнный миръ, братія Христіане! Для сего Самъ Онъ нарекся *Богомъ мира* (1 Сол. V. 23); для сего даровалъ намъ Единороднаго Сына Своего Іисуса Христа, Который *есть миръ нашъ* (Ефес. II. 14.); для сего послалъ въ силѣ Духа Своего *благовѣствующихъ миръ* (Рим. X. 15.), отъ которыхъ, по непрерывному преданію священнаго рукоположенія, и въ насъ недостойныхъ *положено слово примиренія* (2 Кор. V. 19.). Но что говоритъ *Миръ нашъ* благовѣстникамъ мира, которыхъ Онъ послалъ во всякій *градъ и домъ*, — ко всякой Церкви и ко всякой душѣ? — *Аще убо будетъ домъ достоинъ, придетъ миръ вашъ нань; ащели же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится* (Матѳ. X. 13.). Такимъ образомъ сколь ни готовъ для насъ миръ отъ Бога: намъ приносятъ его тщет-

но, если мы недостойны принять его. Что же можетъ содѣлать насъ достойными принять миръ, намъ подаваемый! Между человѣками пріобрѣтается миръ или самою бранію, или правдою, или по милости; — бранію, когда побѣдитель предписываетъ миръ побѣжденному; — правдою, когда ищущій мира, или удостовѣряетъ въ справедливости своей, или сдѣланную несправедливость заглаждаетъ удовлетвореніемъ; — по милости, когда тотъ, кто не имѣетъ ни силы, чтобы завоевать миръ, ни правды, чтобы заслужить оный, предается великодушію оскорбленнаго враждою, и, непритворною покорностію собственною, или притомъ и споручeніемъ вѣрнаго и могущественнаго посредника, пріобрѣтаетъ милость мира. *Но миръ Божій*, кто можетъ, или восхитить силою отъ Всесильнаго, или правдою заслужить отъ Того, *предъ Которымъ не оправдится всякъ живый* (Псал. CXLII 2.)? Кто хотя однажды побѣжденъ грѣхомъ: тотъ уже *рабъ грѣха* (Іоан. VIII. 34.), и *виновенъ противу всего закона Божія* (Іак. II. 10.), требующаго всецѣлой святости и *совершенства по образу Отца небеснаго* (Матѳ. V. 45.); и потому онъ не имѣетъ уже ни силы, ни правды; онъ не можетъ самъ собою изгнать воцарившагося въ немъ зла, и, если дѣлаетъ какое, несовершенное добро, оно всегда относится къ обязанности настоящей, и потому никогда не составитъ удовлетворенія правосудію Божію за зло прежде содѣланное. И такъ единая для насъ надежда мира съ Богомъ есть милость Бога мира, по которой Онъ не только не хощетъ мстить намъ за грѣховную противъ Не-

го вражду, но и хощетъ насъ освободить отъ порабощающихъ насъ сею враждою, враговъ Его и нашихъ; не только не взыскуетъ отъ насъ невозможнаго съ нашей стороны удовлетворенія Его правосудію, но и пріемлетъ на Себя удовлетворить оному за насъ ходатайствомъ и крестнымъ подвигомъ Единороднаго Сына Своего; признаетъ насъ достойными наслаждаться *миромъ Его, превосходящимъ всякъ умъ* (Филип. IV. 7.), какъ скоро мы признаемъ собственное недостоинство, и утверждаемъ надежду нашу въ Его милосердіи. *Благодать Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа* есть единственный для насъ источникъ истиннаго и совершеннаго духовнаго мира. Съ нашей стороны, вѣра, молитва и смиреніе открываютъ въ насъ токъ горнему источнику благодати, и тогда Господь *уклоняетъ на насъ аки рѣку мира* (Иса. LXVI. 12.), которая потопляетъ въ насъ все враждебное, и все существо наше орошаетъ, прохлаждаетъ, оживляетъ, исполняетъ плодами жизни, *возвеселяетъ* чистыми духовными *устремленіями, освящаетъ въ насъ селеніе Вышняго* (Псал. XLV. 5.), и, какъ произтекла изъ вѣчной жизни Божіей, такъ и *течетъ въ насъ въ жизнь вѣчную* (Іоан. IV. 14.).

О миръ, вожделѣнный паче всего! О Благодать, вожделѣнная прежде всего?— ибо миръ есть единосущное чадо Благодати.

Будучи призванъ принести нынѣ Господу начатокъ общенія съ сею Церковію, по волѣ Его, молю всѣхъ Богоугодно стоящихъ теперь въ семъ общеніи, соединить взаимно всѣ сердца въ крѣпкомъ жела-

нія *благодати и мира отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа*. Единодушная молитва сопастырей и всѣхъ вѣрныхъ да привлечетъ свыше благодать и миръ новому пастырю, дабы онъ съ силою и дѣйствіемъ могъ возвѣщать паствѣ благодать и миръ. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа со духомъ вашимъ, братіе* (Гал. VI. 18.); *и миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ* (Фил. IV. 7.). *Самъ Господь мира да дастъ вамъ миръ всегда во всякомъ образѣ* (2. Сол. III. 16.), какъ во внутреннемъ, такъ, по дѣйствію внутренняго, и во внѣшнемъ. *Миръ пасущимъ стадо Божіе*,—въ Христіанскомъ послушаніи пасомыхъ; миръ пасомымъ,—въ отеческомъ и братскомъ попеченіи пасущихъ. Миръ начальствующимъ, — въ вѣрности подчиненныхъ; миръ подчиненнымъ, — въ мудрости и кротости начальствующихъ. Миръ судящимъ, — въ непритворной искренности судимыхъ; миръ судимымъ, — въ прозорливости и безпристрастіи судящихъ. Миръ продающимъ и купующимъ,— во взаимномъ отвращеніи отъ лукавства и обмана. Миръ дѣлающимъ и трудящимся, — въ благословенномъ успѣхѣ полезнаго дѣланія и въ обильномъ плодѣ труда праведнаго. *Миръ всѣмъ!* Аминь.

5. СЛОВО

КЪ ВОСПРІЕМЛЮЩИМЪ ОБѢТЪ СЕРДОБОЛЬНЫХЪ ВДОВЪ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ МАРІИНСКОЙ ЦЕРКВИ ИМПЕРАТОРСКАГО ВДОВЬЯГО ДОМА, ДЕКАБРЯ 12 ДНЯ, 1821 ГОДА.

Вдовицы чти сущія истинныя вдовицы (1 Тим. V. 3.), пишетъ Апостолъ Павелъ къ Тимоѳею, Епископу Ефесскому. Здѣсь, и теперь, прилично воспомянуть сію Апостольскую заповѣдь.

Дабы правильно разумѣть изреченіе Апостола, надлежитъ знать, что въ первыя времена Христіанства, кромѣ извѣстнаго, никогда неизмѣняемаго чина Священноначальственнаго и Священнослужебнаго, учрежденъ былъ въ Церкви нѣкоторый особенный разрядъ служебныхъ лицъ изъ женскаго пола, которыя назывались *вдовицами* потому, что избираемы были дѣйствительно изъ вдовицъ, а иначе *Діакониссами*, то есть, *Служительницами* потому, что должность ихъ была, служить Церкви по нѣкоторымъ ея порученіямъ. Имъ поручаемо было между

прочимъ попеченіе о бѣдныхъ, хожденіе за больными, и особенно, во времена гоненія на Церковь, посѣщеніе исповѣдниковъ вѣры въ темницахъ. Симъ *вдовицамъ*, и ради сихъ полезныхъ служеній, оказывать уваженіе завѣщавалъ Апостолъ, когда писалъ къ Тимоѳею *вдовицы чти*.

Прошли времена гоненій. Христіанское человѣколюбіе могло дѣйствовать свободнѣе прежняго. Казалось, менѣе нужными сдѣлались и особенныя *служительницы* Христіанскаго человѣколюбія. Между тѣмъ соблазны между самыми Христіанами умножались. Казалось, нужнѣе сдѣлалось удаленіе отъ обращенія въ смѣшенномъ обществѣ Христіанъ, большею частію слабыхъ и ложныхъ. Апостольское учрежденіе *вдовицъ* скрылось въ уединенныхъ обителяхъ и пустыняхъ.

Теперь смотрите, какъ духъ истиннаго Христіанства, проходя сквозь измѣненія временъ, сквозь разнообразіе народовъ, остается однако всегда одинаковъ и самъ себѣ подобенъ; какъ еще и нынѣ возобновляетъ онъ первыя свои благотворныя дѣйствія въ подобномъ прежнему видѣ и въ подобной силѣ. Монархиня, Матерь Благословеннаго изъ Монарховъ, слѣдственно Благословенная изъ матерей, — съ сей высоты земнаго благополучія, глубоко нисходитъ къ страждущему человѣчеству, и является Матерію сиротъ, вдовицъ, оставленныхъ, безпомощныхъ, болящихъ. Будучи не только человѣколюбива, но изобрѣтательна въ человѣколюбіи, Она изъ призрѣнныхъ человѣколюбіемъ устрояетъ Себѣ новыя орудія человѣколюбиваго призрѣнія. Такъ между призрѣн-

ными Ею вдовицами Она изыскиваетъ *истинныхъ вдовицъ*, способныхъ и расположенныхъ вѣрно проходить служеніе человѣколюбія; по чувствованіямъ собственнаго сердца нарекаетъ ихъ *Сердобольными*, и, торжественно посвящая ихъ въ служеніе болящимъ, ради пользы, трудности и святости сего служенія, *чтитъ* ихъ особенною честію, утвержденною Державнымъ соизволеніемъ Благочестивѣйшаго Монарха.

Таковъ жребій, пріемлемый нынѣ вами, Боголюбивыя и человѣколюбивыя сестры о Господѣ! Уже называю васъ Боголюбивыми и человѣколюбивыми, по увѣренію, что вы уже испытаны и обрѣтены достойными торжественнаго служенія Христіанскому человѣколюбію. По долгу же ввѣреннаго мнѣ служенія, напоминаю вамъ, что Евангеліе усвояетъ *честь* только *истиннымъ вдовицамъ*, и сего ради завѣщаваю и молю: готовясь теперь произнести предъ Всевидящимъ Богомъ обѣтъ сердоболія, и принять честь сердобольныхъ вдовицъ, воспріимите, возобновите искреннее и чистое желаніе быть *истинно сердобольными вдовицами*, Боголюбивыми и человѣколюбивыми.

Посмотрите на образъ истинной Христіанской вдовицы, написанный въ Евангеліи: *истинная вдовица и уединенная уповаетъ на Бога, и пребываетъ въ молитвахъ и моленіихъ день и нощь* (1 Тим. V. 5.). Если сократить сіе въ одну черту: сіе значитъ, что она должна быть благочестива, или Боголюбива. Далѣе Апостольское учрежденіе при избраніи вдовицы требуетъ о ней изысканія, *аще*

святыхъ нозѣ умы, аще странныя приятъ, аще скорбныхъ снабдѣ (10). Сіе значитъ, что она должна быть дѣятельно человѣколюбива. Вотъ образъ вашего служенія! Приближаясь къ сему образцу, вы будете приближаться къ совершенству въ своемъ дѣлѣ Надобно вамъ часто взирать на сей образъ окомъ ума, и съ новымъ всегда вниманіемъ стараться изобразить оный въ сердцѣ.

Чѣмъ искреннѣе будете вы человѣколюбивы и Боголюбивы въ сердцѣ: тѣмъ менѣе трудности будете вы находить въ дѣлахъ служенія вашего, тѣмъ болѣе успѣха, тѣмъ болѣе блаженства!

Предварительнымъ опытомъ конечно вы узнали уже нѣкоторыя трудности воспріемлемаго вами служенія. Какъ можетъ облегчать ихъ любовь, сіе можно усмотрѣть изъ обыкновенныхъ случаевъ жизни. Отъ чего, на примѣръ, мать часто въ глубокую ночь непринужденно бодрствуетъ надъ своимъ младенцемъ, а кормилица не можетъ побѣдить сна? Не силою ли матерней любви уничтожается трудность долговременнаго бдѣнія? Если такимъ образомъ естественная человѣческая любовь облегчаетъ трудныя дѣла: менѣе ли сильно будетъ благодатное человѣколюбіе, одушевляемое силою любви Божественной? Если будете помышлять, что всѣ человѣки по природѣ суть одно въ первомъ человѣкѣ, и раздѣлясь, какъ потоки одного источника, паки сливаются въ одно по благодати въ Іисусѣ Христѣ, если сообразно съ симъ размышленіемъ будетъ чувствовать и сердце ваше, что между ввѣряемыми попеченію вашему точно нѣтъ ни одного чужаго:

то попеченіе о ближнихъ не будетъ разниться отъ попеченія о себѣ; а свое бремя не тяжко, какъ говоритъ опытное присловіе. Если будете помышлять, что мы не иначе живемъ, и не имѣемъ иной надежды жить, какъ любовію и милостію Отца небеснаго, что каждую минуту Онъ совершаетъ для насъ болѣе благодѣяній милованія, храненія и помощи, нежели мы можемъ совершить для другихъ во всю жизнь нашу: то вы всегда будете чувствовать, какъ мало и ничтожно то, что мы дѣлаемъ для ближнихъ, а потому возжелаете имѣть, и любовь Божія дастъ вамъ *крила огня* (Пѣсн. Пѣсн. VIII. 6.), чтобы легко и быстро летѣть на всякое дѣло служенія ближнему.

Въ тоже время, какъ истинная любовь къ Богу и ближнему облегчаетъ трудъ служенія страждущему человѣчеству, она же производитъ отъ сего труда обильные плоды. *Не любящій*, какъ самъ *пребываетъ въ смерти* (1 Іоан. III. 14.), такъ и всякое дѣло его, хотя бы имѣло наружный видъ добродѣтели, есть мертво и безплодно, и слово, *какъ кимвалъ* (1 Кор XIII 6.), бездушно. Но когда истинная Христіанская любовь пронзаетъ и отверзаетъ сердце: тогда въ немъ, и во всѣхъ его изліяніяхъ являются *исходища жизни* (Прит. IV. 23.). Слово утѣшенія, отъ сердца, исполненнаго Христіанскою любовію, какъ потокъ жизни, проливается въ сердце страждущаго; самый взоръ съ такимъ сердцемъ, какъ лучь свѣта, проникаетъ въ душу, омраченную печалію. Если точно сія любовь управлять будетъ вашимъ служеніемъ страждущему человѣчеству: то и тѣлесныя дѣла сего служенія, по тайному благо-

словенію Верховнаго человѣколюбца Бога, спасительны будутъ для тѣла болящихъ, и душевныя ваши расположенія будутъ приносить имъ душевное облегченіе, вожделѣнное само въ себѣ, и опять естественно благотворное для здравія тѣлеснаго; но, что еще важнѣе, ваше истинное Христіанское человѣколюбіе будетъ для нихъ непрестаннымъ Христіанскимъ поученіемъ, ваше упованіе на Бога можетъ подкрѣплять ихъ противъ унынія и страха смерти; молитва вѣры вашей можетъ быть цѣлебнѣе всякаго врачевства и для тѣла, и для духа ихъ. Для сего Апостолъ, давъ заповѣдь, *болящему призывать пресвитеры церковныя, да молитву сотворятъ надъ нимъ* (Іак. V. 14.), дабы не подумали, что симъ изключается молитва прочихъ, тотчасъ присовокупляетъ общее наставленіе: *молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете* (16.).

Наконецъ, тоже Христіанское благочестіе и человѣколюбіе, которое одно можетъ сдѣлать служеніе ваше въ высочайшемъ степени благотворнымъ для ближнихъ, — оно же, и оно единое, можетъ совершенно наградить васъ за подвиги, и содѣлать блаженными. Земная почесть и воздаяніе не долго утѣшаютъ и тѣхъ, которые пристрастны къ земному, а еще менѣе тѣхъ, которые безпристрастно полагаютъ цѣну вещамъ. Блаженъ, кто не такъ располагаетъ жизнь и дѣла свои, чтобы только на землѣ, и отъ человѣковъ *воспріять мзду свою* (Матѳ. IV. 2)! Блаженъ, кто, не останавливаясь на земномъ, *простирается къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ* (Фил. III. 14.)! Для сего и зем-

ная почесть вамъ изъявляется знаменіемъ креста, чтобъ и она вамъ напоминала *о почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ*. Желаете ли вы пріобрѣсть въ несомнѣнной надеждѣ сію почесть, и утвердить ее за собою на вѣки? Дайте любви Христовой располагать дѣлами вашего служенія. Она во-первыхъ сдѣлаетъ для васъ то чудо, что ваше служеніе страждущимъ ближнимъ превратитъ въ служеніе самому Іисусу Христу, Который далъ ей на то полномочіе, когда сказалъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меншихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 40). Что же можетъ быть выше и сей, хотя еще тайной, почести, что болѣе сего, хотя и сокровеннаго, блаженства, что сладостнѣе одной мысли, — служить Самому Іисусу Христу? Но въ слѣдствіе сего служенія, сердобольная любовь, если вы до конца ей послѣдуете, возведетъ васъ и къ той царственной почести, къ тому высочайшему званію, когда и васъ со всѣми святыми торжественно звать будетъ Царь царствующихъ: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV. 34.). Ибо, скажетъ Онъ собственно вамъ: *Я былъ болѣнъ, и вы посѣтили Меня* (36.).

Вступите же радостно въ сей блогословенный подвигъ, и проходите его неослабно, при содѣйствіи благодати Христовой. Для укрѣпленія себя въ ономъ, каждый разъ, когда будете возлагать на себя крестъ, даруемый вамъ въ знаменіе сердоболія, вспоминайте сердоболіе Господа нашего Іисуса

Христа, Который, изъ любви къ страждущему человѣчеству, исцѣлялъ всякій недугъ и всякую болѣзнь, и Самъ волею пострадалъ и умеръ на крестѣ, дабы всѣхъ насъ исцѣлить отъ смертоносной болѣзни грѣха; воспоминайте сердоболіе Пречистыя Богоматери, которая съ пронзеннымъ сердцемъ предстояла кресту и погребенію Сына Своего, подавая намъ примѣръ состраданія. Сими воспоминаніями прививайте себѣ чистую и спасительную болѣзнь человѣколюбиваго состраданія; пусть болитъ ею сердце ваше; сія святая болѣзнь, и для больныхъ и для здоровыхъ, будетъ источникомъ исцѣленія Аминь.

4. СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ГОРОДА СЕРПУХОВА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ ВЫСОЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ, ІЮНЯ 2 ДНЯ, 1822 ГОДА.

Когда Святый Апостолъ Павелъ, съ сотрудникомъ Варнавою, бывъ воззваны Духомъ Святымъ изъ Антіохіи для проповѣданія Евангелія въ странахъ языческихъ, основали нѣкоторыя новыя Церкви Христіанскія, и возвратились въ Антіохію, гдѣ они жили: *по нѣкихъ днехъ*, какъ повѣствуетъ книга Дѣяній Апостольскихъ, рече Павелъ къ Варнавѣ: *возвращшеся подобаетъ посѣтити братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихже проповѣдахомъ слово Господне, како пребываютъ.* И дѣйствительно Павелъ *прохождаше Сирію и Киликію, утверждая церкви* (Дѣян. XV. 36. 41.). Сіе дѣлалъ прозорливый наставникъ, или, лучше сказать, Самъ Духъ Святый побуждалъ его дѣлать сіе въ предосторожность, чтобы новопросвѣщенные вѣрою, или по привычкѣ, не обратились къ суевѣріямъ языческимъ,

или по простотѣ, не были совращены съ пути истины коварствомъ лжеучителей, или по дѣйствію обыкновенныхъ въ мірѣ соблазновъ, не уклонились отъ святости житія Христіанскаго.

Поелику же не въ новыхъ только, но и давно устроенныхъ Церквахъ могутъ являться лжеученія; а соблазны міра и никогда не прекращаются, доколѣ міръ есть то, что онъ есть: то преемники Апостоловъ, *назидая* вѣрующихъ *на основаніи Апостолъ и Пророкъ* (Еф. II. 20.), то есть, уча поступать, и сами поступая такъ, какъ учили и поступали Апостолы, заповѣдали всѣмъ пастырямъ Церквей, отъ времени до времени, *посѣщать братію свою во всѣхъ градѣхъ*, надъ которыми они поставлены право правити слово истины, *како пребываютъ*.

Сей самый жребій служенія, по священному преемству дошедшій и до нашего недостоинства, привелъ насъ и къ вамъ, братія, посѣтити васъ, да увѣмы, *како пребываете*, вѣрные, въ вѣрѣ истинной,—*како пребываете*, Христіане, въ житіи Христіанскомъ. И добрая о васъ помышляти убѣждаетъ насъ ваше ревностное стеченіе во храмы, ваше благоговѣйное вниманіе ко всему, что носитъ на себѣ знаменіе святыни, и частое воспоминаніе о Царствіи небесномъ, слышанное нами въ самыхъ привѣтствіяхъ вашихъ. Господь, Благодатію Своею да сотворитъ чтителей храма и святыни Его живыми храмами Святаго Духа, и съ вѣрою воспоминающихъ о Царствіи Его да помянетъ во Царствіи Своемъ, и да содѣлаетъ истинными сынами сего блаженнаго Царствія!

Но когда я новопришедшій, по долгу моему, вникаю въ то, *како пребываете*, должно думать, что и вы, по долгу вашему, готовы внимать отъ меня тому, *како пребывати вамъ подобаетъ*, дабы симъ взаимнымъ сличеніемъ ученія и житія можно было и вамъ и мнѣ *соутѣшитися*, какъ говоритъ Апостолъ, *вѣрою общею, вашею же и моею* (Рим. I. 12.).

Какимъ же краткимъ, но вѣрнымъ словомъ могу изобразить вамъ то, какъ подобаетъ вамъ пребывати? – Слышу Божественнаго Пастыреначальника, Который говоритъ: *Мое ученіе нѣсть Мое, но пославшаго Мя* (Іоан. VII. 16.). Кольми паче намъ человѣкамъ недостоитъ преподавать ученіе, какъ наше. И такъ поставлю вамъ учителемъ вѣрнымъ и всякаго пріятія достойнымъ — спасительную Благодать Отца небеснаго, посылающаго земныхъ учителей. *Явися бо*, говоритъ Апостолъ, *Благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ*. Если явилась спасительная Благодать: то конечно явнымъ содѣлала она и путь спасенія. И подлинно, продолжаетъ Апостолъ: *явися Благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ*, то есть, *научая насъ*. Чему же научаетъ спасительная Благодать? — *Да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тим. II. 11. 12. 13.).

Благодать, прежде нежели вводитъ насъ въ спа-

сительную жизнь, какую мы должны провождать, внушаетъ намъ, чтобы мы оставили жизнь погибельную, какую провождаемъ безъ Благодати. *Отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей.*

Какъ? — скажетъ человѣкъ, не испытавшій благодатной жизни, а потому не чувствующій глубокаго растлѣнія жизни обыкновенной, естественной, — не ужели внѣ благодати вся мірская жизнь наша состоитъ только изъ *нечестія* и *похотей?* — Сколь ни странно сіе для такого человѣка: но истина Божія велитъ намъ утверждать, что это такъ. *Все, еже въ мірѣ*, говоритъ Апостолъ Іоаннъ, *похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская* (1 Іоан. II. 16.). Примѣчайте, какъ сильно изъясняется здѣсь Апостолъ. *Все, еже въ мірѣ, похоть.* Все, что ни есть въ мірѣ, есть одна похоть. Что не живетъ похотію; то уже не въ мірѣ, но въ благодати, въ Богѣ: что не въ Богѣ, не во благодати, но въ мірѣ; то живетъ похотію.

Кто не совсѣмъ ослѣпленъ пристрастіемъ къ самому себѣ, и не совсѣмъ увлеченъ отъ себя самого разсѣяніемъ въ суетахъ мірскихъ: тотъ можетъ видѣть сіе самъ въ себѣ, и самъ для себя быть свидѣтелемъ сей строгой истины. Испытатели естества человѣческаго знаютъ, что мыслями управляетъ сердце (какъ и Слово Божіе говоритъ: *отъ сердца исходятъ помышленія* Матѳ. XV. 19.); а сердце управляется желаніями; и потому воля, или господствующее желаніе, есть господствующее начало, или движущая сила всякой жизни. Смотрите же, какія

желанія управляютъ мірскимъ человѣкомъ въ мірской жизни? Многоразличны онѣ въ отношеніи къ частнымъ случаямъ: но если взойти къ общимъ ихъ источникамъ, то усматриваются слѣдующія коренныя желанія: желаніе собственнаго удовольствія чувственнаго, желаніе владѣть тѣмъ, что видимъ, желаніе быть выше другихъ;—тоже короче: плотоугодіе, корыстолюбіе, честолюбіе, — тоже словами Апостола: *похоть плотская, похоть очесъ, и гордость житейская.*

Поелику похоть или не слушаетъ разума, или слушаетъ его только притворно: то плотоугодникъ ищетъ наслажденія, не разсуждая, что тѣмъ повреждаетъ, и даже разрушаетъ въ себѣ созданіе Божіе; корыстолюбецъ домогается пріобрѣтенія, не разсуждая, что похищаетъ у ближняго принадлежащую ему часть даровъ Божіихъ; честолюбецъ стремится къ превознесенію себя столь неудержимо, что если можетъ взойти выше всего, что есть на земли, ни мало тѣмъ не удовлетворяясь, скажетъ, подобно изображенному Пророкомъ царю Вавилонскому: *на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой* (Иса. XIV. 13.); или подобно царю Египетскому: *кто есть Господь, Егоже послушаю гласа* (Исх. V. 2.)? А изъ сего не трудно усмотрѣть, что вмѣстѣ съ *похотями* жизнь мірскихъ человѣковъ если не ознаменована явно, по крайней мѣрѣ сокровенно заражена и *нечестіемъ.*

И такъ, если желаемъ вести жизнь достойную истинныхъ Христіанъ: то должны мы во-первыхъ,

какъ учитъ спасительная Благодать, *отвергнуться нечестія и мірскихъ похотей.* По той мѣрѣ, какъ мы старасмся успѣвать въ семъ ученіи отреченія отъ жизни мірской, Благодать вводитъ насъ въ высшее познаніе и въ самый опытъ дѣйствительной жизни Христіанской. *Да цѣломудренно, праведно и благочестно поживемъ.*

Жизнь человѣческая въ своей дѣятельности движется между тремя предѣлами, къ которымъ приражаясь неправильно, приводитъ она въ замѣшательство собственныя движенія, и повреждаетъ сама себя. Сіи духовные предѣлы суть: самъ человѣкъ, ближній и Богъ. Чтобы дать жизни во всѣхъ сихъ отношеніяхъ вѣрное направленіе къ истинной цѣли, то есть, къ вѣчному спасенію и блаженству, спасительная Благодать даруетъ, и научаетъ употреблять три силы: *цѣломудріе*, чтобы человѣкъ плотоугодіемъ не повреждалъ самъ *себя*, *правду*, чтобы онъ корыстолюбіемъ не приражался къ *ближнему*, *благочестіе*, чтобы онъ гордостію и нечестіемъ не оскорблялъ *Бога*.

Подъ именемъ *цѣломудрія*, Благодать учитъ болѣе, нежели одной тѣлесной чистотѣ, какъ и Тотъ, Которымъ *Благодать бысть*, въ ученіи Своемъ говоритъ: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. V. 28.). Жить цѣломудренно, въ точномъ знаменованіи сего слова, значитъ жить подъ управленіемъ *цѣлаго*, неповрежденнаго, здраваго *мудрствованія*, не позволять себѣ никакого

удовольствія, которое не одобряется здравымъ разсужденіемъ, соблюдать умъ не оскверненный нечистыми мыслями, сердце не зараженное нечистыми желаніями, тѣло не растлѣнное нечистыми дѣлами.

И естественный разумъ мірскихъ человѣковъ не можетъ не признать достоинства такой жизни. Ибо кто можетъ утверждать, что не хорошо имѣть чистую мысль, чистое сердце и чистыя дѣла? Но это, говорятъ они, слишкомъ строго, и даже невозможно. Бѣдные! не ужели это строго, что желаютъ содѣлать васъ подобными чистымъ небеснымъ Силамъ и пречистому Богу? Не ужели вамъ пріятно было бы то снисхожденіе, чтобы васъ оставили въ похоти плоти быть подобными безсловеснымъ животнымъ? Что касается до того, что совершенная чистота кажется вамъ невозможною: это правда; *у человѣкъ сіе невозможно есть* (Матѳ. XIX. 26.). Посему-то и поставляемъ мы наставникомъ въ сей чистотѣ не разумъ человѣческій, но Благодать Божію: *явися Благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ.* Благодать же Божія не имѣетъ нужды спрашивать, что по силамъ человѣку. *Невозможная у человѣкъ, возможна суть у Бога* (Лук. XVIII. 27.).

Правду, по изъясненію весьма обыкновенному полагаютъ въ томъ, чтобы *отдавать всякому свое.* Изъясненіе правды, основанное на томъ не довольно твердомъ основаніи, что человѣкъ присвоилъ себѣ нѣчто, какъ свое, когда онъ *ничего не имѣетъ,*

чего бы не пріялъ (1 Кор. IV. 7.) отъ Бога. Не удивительно, что держась сего понятія, человѣки не научаются сами собою правдѣ Божіей, которой научаетъ Благодать Божія Любить любящихъ, благотворить благотворящимъ, взаимъ давать для воспріятія равнаго, почитаютъ правдою. Фарисейскою правдою называетъ сіе Правда Божія, и такою правдою, которая не вводитъ въ Царство праведныхъ. *Аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и Фарисей,* говоритъ Божественный Праведникъ, *не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. V. 20.). Что сказать о правдѣ, которую нѣкоторые думаютъ найти въ томъ, чтобы воздавать оскорбленіемъ за оскорбленіе, ненавистію за ненависть, зломъ за зло? Если любовь къ однимъ любящимъ названа Фарисейскою правдою: то ненависть и злобу противъ ненавидящихъ, должно признать ниже, нежели языческою правдою. Познайте истинную, небесъ достойную правду въ благодатномъ ученіи Евангелія: *сія, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ* (Матѳ. VII. 12.). Хочешь, чтобы тебя любили человѣки? люби человѣковъ. Хочешь, чтобы тебѣ дѣлали добро всѣ безъ изъятія? дѣлай и ты добро всѣмъ безъ изъятія. Пріятно было бы тебѣ, если бы съ тобою всѣ обращались кротко и смиренно? будь самъ кротокъ и смиренъ предъ всѣми. Кто не вкусилъ еще, сколь сладостна такая жизнь правды: тому можемъ мы только сказать, что если бы люди управлялись сею правдою; то не было бы ни обидъ, ни судовъ, ни хищеній, ни убійствъ, ни распрей, ни войны, ни

убожества. Какое благополучіе для Христіанина уже и въ томъ, что онъ можетъ надѣяться увидѣть сію жизнь правды, если еще не видитъ ея! *Мы ждемъ блаженнаго упованія* (Тит. II. 13.). *Будетъ едино стадо и единъ Пастырь* (Іоан. X. 16.). *Нова небеса и новы земли по обѣтованію Его чаемъ, въ нихже правда живетъ* (2 Петр. III. 13.).

Высочайшій предметъ ученія спасительной Благодати есть *Благочестіе. До Бога высоко*, говоритъ наше народное присловіе. Жаль, если такая мысль имѣетъ силу въ народѣ, которому приближеніе къ Богу открыто Благодатію Божіею. Но внѣ благодати, Богъ и Его достойное благочестіе, то есть, истинное Богопознаніе и Богопочтеніе, подлинно есть высота недостижимая. Въ язычествѣ неспособность достигать сея высоты оказалась въ такой крайности, что люди сдѣлали себѣ боговъ изъ дерева и камня, или обоготворили презрѣнныхъ животныхъ, и для изъявленія имъ почтенія, подобныхъ себѣ людей закалали предъ ними въ жертву. Умы болѣе тонкіе едва вознеслись до того, чтобы принять за Божества небесныя свѣтила и тонкія силы тѣлеснаго міра. Нашелся, по свидѣтельству Пѣснопѣвца Божія, нашелся безумецъ, который *рече въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Псал. XIII. 1.). Примѣчаю, что не сказалъ онъ сего въ умѣ своемъ, то есть, не могъ убѣдить свой умъ къ принятію сей нелѣпости, но вопреки ему въ сердцѣ своемъ отвергъ Бога, Котораго сіе разтлѣнное сердце не хотѣло имѣть, не желая покоряться Его законамъ. Какое впрочемъ ужасное разтлѣніе сердца, которое,

вопреки убѣжденію собственнаго ума, можетъ отвергать Бога! Лучше ли и нынѣ поступаютъ тѣ, которые не хотятъ отъ Благодати принять ученія благочестія? Не есть ли любимое ихъ ученіе, что Божество, по недосязаемой высотѣ Своей, не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ земнымъ благочестіемъ? Слѣпые мудрователи! вы не видите, что даже тѣлесная природа обличаетъ ложь вашего ученія. Солнце, по своей высотѣ, для земли конечно не досязаемое, не ужели не имѣетъ ничего общаго съ землею? Не обращается ли она къ нему непрестанно, чтобы для всего, на ней живущаго, принять отъ него свѣтъ и теплоту жизни? Почему вы можете думать, что духовное существо человѣка менѣе имѣетъ нужды въ духовномъ свѣтѣ, и въ духовной теплотѣ Высочайшаго существа, въ просвѣщеніи и благодати Божіей? А если оно имѣетъ сію высокую потребность: то не должно ли обращаться свободно, и всею силою стремиться къ своему вѣчному Солнцу? Или, — когда оно сего сдѣлать не можетъ, поелику *тѣло тлѣнное отягощаетъ душу* (Прем. IX. 15.), и она, отягченная чувственностію, какъ птица съ отягченными свинцомъ крыльями, только бьется о землю, вмѣсто того, чтобы возноситься къ небу, — не должно ли уповать, что Благодать Всеблагаго существа Божія снидетъ къ немощному существу человѣческому, и просвѣтитъ омраченный умъ, и согрѣетъ хладное сердце, и привлечетъ къ Себѣ и упокоитъ обремененную разтлѣніемъ душу? Такъ и дѣйствительно *явися Благодать Божія спасительная, наказующи насъ, да благочестно пожи-*

всемъ—да *кланяемся Богу* Духу *духомъ*, *и истиною*, да *возлюбимъ Его всѣмъ сердцемъ*, *всею душею и всѣмъ помышленіемъ*, да обымемъ Его всѣмъ тѣмъ, чѣмъ не пріявшіе Благодати отвергаютъ Его. Самая же утѣшительная, и собственно спасительная часть благодатнаго ученія о благочестіи, состоитъ въ томъ, что въ немъ обрѣтаемъ мы средство, котораго никакой сотворенный умъ не могъ изобрѣсть, — средство, не только благоугождать Богу достойнымъ Его служеніемъ, но и въ оскорбленіи Его нашими похотями и нечестіемъ получить прощеніе; не только творить волю Божію, но и получать отъ Него все, чего просимъ, даже до причастія Его Божественнаго естества, — именемъ и ходатайствомъ Единороднаго Сына Его, воплотившагося и умершаго за насъ, дабы *вся намъ Божественныя силы Его*, *яже къ животу и благочестію*, *поданы были познаніемъ призвавшаго насъ славою и добродѣтелію* (2 Петр. I. 3.).

Таково, братія, *ученіе жизни*, которое преподаетъ намъ *Благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ;* и не только преподаетъ, но и принимать оное даетъ способность, и исполнить даруетъ силу. О, если бы въ каждомъ изъ васъ сіе Божественное сѣмя прозябло, и возросло, и принесло плодъ, угодный Насадителю благихъ, и для васъ сладостный и живописный! *Молимъ, не вотще Благодать Божію пріяти вамъ* (2 Кор. VI. 1.). Послѣдуемъ ея наставленію, не въ нѣкоторыхъ только дѣлахъ или упражненіяхъ нашихъ, но во всемъ

пребываніи нашемъ, во всей жизни нашей. *Поживемъ цѣломудренно, праведно и благочестно въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* Аминь.

5. СЛОВО

ПРИ ОТКРЫТІИ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О БѢДНЫХЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ ЧУДОВЪ МОНАСТЫРѢ, ДЕКАБРЯ 2 ДНЯ, 1823 ГОДА.

Да узрятъ нищіи, и возвеселятся: взыщите Бога, и жива будетъ душа ваша. Яко услыша убогія Господь, и окованныя Своя не уничижи. Псал. LXVIII. 33. 34.

Нѣкогда богатый милостію Господь нашъ Іисусъ Хрістосъ возвѣщалъ о Себѣ, что Онъ посланъ *благовѣствовать нищимъ*; и не просто посланъ, но нѣкимъ особеннымъ тайнымъ дѣйствіемъ Святаго Духа *помазанъ*, или посвященъ, въ сіе служеніе. *Духъ Господень на Мнѣ* — сіи слова Пророка Исаіи относитъ Онъ къ Себѣ — *Духъ Господень на Мнѣ; Егоже ради помаза Мя благовѣстити нищимъ, посла Мя исцѣлити сокрушенныя сердцемъ* (Лук. IV. 18.). Если небесное и Божественное посольство частію имѣло предметомъ благовѣствовать нищимъ; если Святѣйшему Посланнику Боже-

ства надлежало принять особенное посвященіе для сего служенія: то какъ важно служеніе — благовѣствовать нищимъ! Правда, Іисусъ Хрістосъ благовѣствовалъ преимущественно нищимъ духомъ, и предлагалъ имъ духовное богатство благодати: впрочемъ Онъ благовѣствовалъ также и нищимъ плотію, исцѣлялъ больныхъ и разслабленныхъ, милосердовалъ о народѣ не имѣющемъ, чесо ясти, и не разъ подавалъ ему хлѣбную милостыню, напитавъ пять тысячь пятью, и четыре тысячи семью хлѣбами. Для чего Самъ Онъ посланъ былъ отъ Отца Своего: для того же преемственно посылаетъ учениковъ Своихъ. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы* (Іоан. XX. 21.). Блаженъ, кто такимъ образомъ посланъ и помазанъ отъ Него, чтобы духовную нищету ближнихъ исполнять духовнымъ богатствомъ благодати! Но и то не есть ли благое участіе въ Его посланничествѣ и въ Его помазаніи, когда можемъ благовѣствовать хотя нищимъ плотію, облегчать ихъ бѣдствіе словомъ утѣшенія и надежды, а по мѣрѣ возможности, и дѣломъ помощи?

На сей разъ духъ человѣколюбія Хрістова посылаетъ меня благовѣствовать нищимъ, именно, вашимъ, братія, служители Олтаря. Сей духъ въ Благочестивѣйшемъ Помазанникѣ Господнемъ и въ Святѣйшемъ Соборѣ Правительства церковнаго подвигся на помощь безпомощнымъ вашимъ, изпуреннымъ старостію, окованнымъ болѣзнію, сиротствующимъ, вдовствующимъ; нынѣ полагается основаніе постояннаго призрѣнія ихъ чрезъ составляемое для того изъ васъ же Попечительное Сословіе; средства

для сего частію дало само Правительство, по мѣрѣ его возможности, частію же оно уполномочило насъ прибѣгнуть для сего къ человѣколюбію вѣрныхъ и послушныхъ дѣтей Церкви. *Да узрятъ нищіи, и возвеселятся! яко услыша убогія Господь, и окованныя Своя не уничижи.*

Прежде нежели сіе веселіе нищихъ принесемъ мы предъ Бога въ благодарственномъ моленіи, какъ то заповѣдалъ намъ Святѣйшій Сѵнодъ, бросимъ хотя легкій наблюдательный взоръ на многоразличную скорбь нищихъ, ожидающую себѣ утѣшенія.

Нищета есть одинъ изъ горькихъ плодовъ проклятія, которое на лицѣ всея земли грѣхъ человѣческій посѣялъ, а гнѣвъ Божій допустилъ произрастать. Какъ видимый предметъ перваго грѣха составляла пища,—плодъ запрещеннаго древа; и первое обнаруженіе грѣховной заразы, проникнувшей человѣка, была искуственная одежда, — листвіе смоковничное, вмѣсто естественнаго одѣянія свѣта, отъ котораго человѣкъ обнажился грѣхомъ, — одежда также грѣхомъ осквернепная, потому что обнаруживала лукавое и лицемѣрное желаніе скрыть послѣдствіе грѣха: соотвѣтственно съ сими дѣйствіями грѣха, на тѣхъ же двухъ предметахъ, на пищѣ и одеждѣ человѣка, особеннымъ образомъ оказалось дѣйствіе проклятія; такъ что онъ въ отношеніи къ симъ предметамъ сдѣлался бѣднѣе послѣднихъ земныхъ тварей. Жилище созидаетъ себѣ человѣкъ; созидаютъ себѣ и прочія животныя: въ семъ они равны между собою. Но для пищи —

птицы небесныя не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы : а человѣку въ день проклятія сказано: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой*, и посѣянное, сжатое, собранное въ житницы, еще не пища для него, если не придетъ въ помощь жерновный камень, сила дрожжей, огня и многоразличное искусство, самый духъ благодати, упраздняющій проклятіе, хотя разрѣшаетъ насъ отъ заботливаго попеченія о пищѣ: *не печытеся, что ясте*; но еще не освобождаетъ отъ труда для снисканія пропитанія: *до нынѣшняго часа труждаемся.* И для одежды — *крины сельные не труждаются, ни прядутъ*, также и безсловесныя животныя; ихъ одежда, безъ всякаго ихъ усилія, вырастаетъ изъ самаго ихъ тѣла, и такимъ же образомъ, когда обветшаетъ, замѣняется новою: а человѣкъ не только не найдетъ себѣ въ цѣломъ мірѣ готовой одежды, не только имѣетъ нужду въ трудной и долговременной работѣ, чтобы составить себѣ одежду: но даже принужденъ для сего или грабить или убивать другія твари, на примѣръ, обнажить овцу отъ естественной ея одежды, чтобы одѣться ея волною, или совсѣмъ убить ее, чтобы одѣться ея кожею. Но не станемъ болѣе распространяться словомъ о всеобщей нищетѣ человѣческой, на которую я только мимоходомъ указываю для того, чтобы внимательные могли примѣчать, какъ самыми обыкновенными предметами въ жизни обличаются дѣйствія первороднаго грѣха, и съ самою природою смѣшеннаго поврежденія человѣческаго рода; и дабы никто не осмѣливался презирать нищеты, которая въ нѣкото-

ромъ степени есть общій жребій человѣковъ, всѣхъ безъ изъятія уничижающій, предъ самыми низкими тварями. Посмотримъ ближе на частную нищету, происшедшую изъ того, что человѣки всеобщую нищету свою, по неизбѣжному ли послѣдствію общежитія, или по дѣйствію корыстолюбія и другихъ страстей, не по равну между собою раздѣлили.

Скорбь нищеты есть одна изъ тяжкихъ скорбей потому, что стѣсняетъ жизнь въ самыхъ необходимыхъ ея требованіяхъ: не такъ какъ многія другія скорби, которыя раждаются отъ неудовлетворенія случайнымъ только, или даже только мнимымъ потребностямъ. Унижаютъ меня, или возвышаютъ надо мною низшихъ меня: могу скорбѣть и много и мало, почти столько, сколь велико или мало мое честолюбіе; а могу и совсѣмъ побѣдить скорбь, побѣдивъ честолюбіе; живутъ и въ самомъ низкомъ состояніи спокойно и благополучно. Клевещутъ на меня, лишаютъ меня добраго мнѣнія: и сіе бѣдствіе, когда не простирается далѣе мнѣнія, есть мнимое: ибо мнѣніе другихъ обо мнѣ, каково бы ни было, не отнимаетъ у меня власти оставаться честнымъ, если я честенъ, благомыслящимъ и боящимся Бога, если я таковъ; а для того, кто имѣетъ сокровище, тяжка ли та скорбь, что другіе думаютъ, будто онъ не имѣетъ? Но когда лишенъ я пищи, одежды: тогда никакая Философія не можетъ увѣрить меня, что я не голоденъ и не нагъ: здѣсь одна вещественная помощь состраданія можетъ облегчить вещественное страданіе.

Собственная тягость нищеты увеличивается тѣмъ,

что сіе бѣдствіе очень часто служитъ сѣменемъ или пищею другихъ бѣдствій. Если съ нищетою встрѣчается болѣзнь: онѣ усиливаютъ одна другую, чтобы совокупно подавлять бѣдное человѣчество: нищета не допускаетъ отражать болѣзнь врачеваніемъ; болѣзнь не оставляетъ мѣста трудолюбію сражаться съ нищетою. Если нищета постигаетъ начальника семейства тяжесть бѣдствія умножается надъ нимъ по числу домашнихъ его, между тѣмъ какъ и надъ каждымъ изъ нихъ тоже бремя тяготѣетъ; для сына его нѣтъ воспитанія; для дочери его нѣтъ супружества. Не скажу, чтобы нищета прямо пролагала путь порокамъ, преступленіямъ и послѣдующимъ за ними бѣдствіямъ; ибо неоспоримо сказанное, что *отъ сердца исходятъ помышленія злая* (Матѳ XV. 19.), а не изъ пустаго влагалища. впрочемъ внимательно наблюдающіе сердце человѣческое, могутъ примѣчать, что тайное въ немъ слово беззаконія, или подавляется внутри его, или пронзникаетъ во внѣшнія дѣла, при содѣйствіи внѣшнихъ обстоятельствъ; такимъ образомъ крайняя скудость изощряетъ искушеніе къ неправедному пріобрѣтенію; привычка къ неблаговидной наружности, столь обыкновенной въ нищетѣ, представляетъ не слишкомъ отвратительными неблагородные поступки, и, по странному превращенію причины въ ея послѣдствіяхъ, отъ нищеты тѣлесной иногда не менѣе бѣдствуетъ душа, какъ и тѣло; — бѣдствуетъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ менѣе чувствуетъ тяжесть сего духовнаго бѣдствія въ сравненіи съ тѣлеснымъ.

Понравится ли чадамъ изобилія, когда еще ска-

жу? скажу однако, повинуяся истинѣ, въ наставленіе намъ, не испытавшимъ нищеты, изъ которыхъ многіе смотрятъ на нее съ большимъ, нежели должно, равнодушіемъ,—что тяжесть особенно подавляющая нищихъ братій нашихъ есть именно наше изобиліе и роскошь. *Богъ живый даетъ намъ*, какъ говоритъ Апостолъ, *вся обильно въ наслажденіе* (Тим. VI. 17.): отъ чего же иной не имѣетъ даже насущнаго хлѣба на сей день?—Отъ того, что другой заперъ у себя *многа блага, лежаща на лѣта многа*, или въ одинъ день истребляетъ болѣе годоваго пропитанія бѣднаго Не властенъ ли я, скажетъ онъ, беречь или употреблять по произволу законную собственность?—Властенъ; но и беречь и употреблять также законно, по закону надежды на Бога, Который употребленное для нищихъ пріемлетъ въ заемъ себѣ, и безъ сомнѣнія не оставитъ въ нуждѣ Своего заимодавца; — по обычаю, если можно, совершенныхъ вѣрующихъ, которые *раздаяху всѣмъ, егоже аще кто требоваше*, и отъ того *не бяше нищь ни единъ въ нихъ* (Дѣян. II. 45. IV. 34.); — по крайней мѣрѣ по законамъ благоразумія и умѣренности, по законамъ человѣколюбія и сострадания, которые не менѣе понятны для нищихъ, какъ для тебя твой законъ собственности. Или, если угодно, не станемъ оспоривать у богатыхъ права располагать законною собственностію такъ безпорядочно, какъ они хотятъ: желательно только, чтобы сердце ихъ почувствовало, какъ иногда, думая невинно играть своею собственностію, глубоко пронзаютъ они сердца нищихъ. *Вы спсте*, говоритъ Моусей

Израильтянамъ, побуждая ихъ не оскорблять пришельца,— *вы вѣсте душу пришелчу: понеже сами бысте пришельцы въ земли Египетстѣй* (Исх. XXIII. 9.). Мы, которые сами, по щедротамъ Божіимъ, не были нищими, знаемъ ли душу нищаго? Знаемъ ли, что онъ думаетъ и чувствуетъ, проходя, на примѣръ, близъ обширныхъ хранилищъ богатаго, или близъ огромнаго дома зрѣлищъ, или встрѣчаясь съ одѣтымъ въ драгоцѣнную одежду, не по требованію званія, или обоняя чадъ тучнаго пира, или слыша мусикійскій громъ изъ чертоговъ роскоши, и видя въ нихъ въ полночь полуденный свѣтъ? — «Если бы — вѣроятно, думаетъ онъ — если бы сіи «обширныя хранилища не наполнялись тѣмъ, что «богатому совсѣмъ не нужно: какъ многіе, подоб- «ные мнѣ, могли бы получить отъ него необхо- «димое, котораго теперь мы не имѣемъ! Если бы «сей широкій кровъ не былъ нуженъ на нѣкоторые «часы праздности, чтобы подъ нимъ собирались ви- «дѣть притворство, и слушать вымыслы: сколько «можно было бы собрать и водворить подъ нимъ «такихъ, которые теперь не имѣютъ, гдѣ главы «подклонити, или не живутъ, а губятъ жизнь въ «нечистыхъ, нездоровыхъ, полуразрушенныхъ и «падеміемъ угрожающихъ жилищахъ! И тогда бы «здѣсь не ложныя дѣйствующія лица произносили «вымышленныя восклицанія страстей, но непритвор- «ные дѣйствователи неухищреннаго зрѣлища возно- «сили къ небесамъ благодарственныя воскликнове- «нія, и самые камни возвѣщали дѣйствительную «добродѣтель человѣколюбія. Если бы посящій сію

« рѣдкую иноземную одежду согласился промѣнять « ее на обыкновенную отечественную : онъ и тогда « былъ бы одѣтъ прилично , и помогъ бы многимъ « изъ насъ промѣнять рубище на одежду. Если бы « съ сего стола, котораго продолжительностію ску- « чаютъ собесѣдники , снять одну перемѣну пищи « или питія: изъ сего можно было бы составить но- « вый пиръ для нѣсколькихъ , теперь алчущихъ и « жаждущихъ. Сколько сладкихъ или гремящихъ « звуковъ въ чертогѣ роскоши въ часъ веселія : « столько можно было бы утишить воплей и сто- « новъ бѣдствія , если бы на тотъ часъ отказать « искусству, и отдать нищетѣ то, что ему обѣщано. « Тамъ игра богатыхъ несравненно дороже цѣнится, « нежели трудъ бѣдныхъ: и тѣмъ , которые платятъ « сію цѣну иногда безпрекословнѣе , нежели плату « работающему , или долгъ заимодавцу , не прихо- « дитъ на мысль , что за сію цѣну можно было бы « выиграть благоденствіе бѣднаго семейства и нѣ- « сколько сердецъ признательныхъ. У сего свѣтлаго « чертога можно бы отнять нѣсколько изъ многочи- « сленныхъ его свѣтильниковъ такъ, чтобы онъ еще « оставался свѣтлымъ: но чрезъ то можно было бы « наполнить елеемъ утѣшенія свѣтильникъ жизни, « который отъ нищеты истощается, и можетъ вско- « рѣ совсѣмъ угаснуть. » — Если въ сихъ размы- шленіяхъ сколько нибудь угадываю я душу нищаго: то помыслите, какова должна быть ея скорбь, когда онъ чувствуетъ свое бѣдствіе, видитъ вокругъ себя средства , могущія прекратить оное , и удобность употребить ихъ , но въ тоже время видитъ и то,

что употреблять ихъ не хотятъ, и ему то не позволено; — стоитъ среди текущей рѣки чужаго изобилія; но вода чужая проходитъ близъ устъ его, и оставляетъ его жаждущимъ! Такъ и Евангеліе въ сказаніи о Лазарѣ самою сильною чертою бѣдствія его полагаетъ то, что онъ бѣдствовалъ у прага изобилія: *лежаше предъ враты его гноенъ, и желаше насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго* (Лук. XVI. 20. 21.).

Кто пожелаетъ разсматривать нищету въ разныхъ общественныхъ званіяхъ, тотъ еще откроетъ разныя черты страданія, и новыя побужденія къ состраданію: и въ семъ разсмотрѣніи нищета нашего званія, думаю, представится внимательнымъ наблюдателямъ особенно достойною сострадательнаго участія. Въ другихъ званіяхъ нищета не рѣдко происходитъ отъ лѣности, отъ предпріимчивой жадности къ пріобрѣтенію, отъ расточительности, и потому есть не бѣдствіе, но наказаніе: въ званіи служителей Олтаря, почти всеобщій жребій его составляющая бѣдность превращается въ нищету обыкновенно болѣзнію, старостію, или смертію начальника семейства, доставлявшаго себѣ и ему пропитаніе. Въ иномъ званіи сирота и вдовица безпрепятственно, по крайней мѣрѣ, укрываются подъ осиротѣвшимъ кровомъ отца и супруга: въ нашемъ званіи сиротство и вдовство, даже болѣзнь и старость, заграждая источникъ пропитанія, по большой части отъемлютъ у нищаго и жилище, которое, по установленіямъ, должно всегда принадлежать дѣйствительно служащему Церкви.

Наконецъ—*сей нищій воззва, и Господь услыша и* (Псал. XXXIII. 7.). *Да узрятъ нищіи, и возвеселятся!*

Правда, и теперь нищіе наши могутъ видѣть у насъ только еще приготовленіе къ облегченію ихъ участи; могутъ веселиться только еще надеждою. Ибо средства призрѣнія ихъ меньшею только частію подаетъ намъ человѣколюбивая рука Правительства, большею же частію онѣ скрыты еще въ рукахъ частнаго человѣколюбія. Совершится ли и съ сей стороны надежда убогихъ, и будетъ ли радость ихъ дѣйствительно исполнена? Узрятъ ли они въ участникахъ одного званія одинъ духъ братолюбія, и столь же искреннюю попечительность о бѣдности званія, какъ о бѣдности собственнаго семейства? Узрятъ ли въ чадахъ Церкви возвѣщаемую Апостоломъ *вѣру чистую и нескверную предъ Богомъ и Отцемъ, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ* (Іак. I. 27), и во-первыхъ, сирыхъ и вдовицъ, оставленныхъ служителями сея чистыя вѣры? При ходатайствѣ за сихъ вдовицъ и сирыхъ, вспомните ли вы, чада вѣры, что тѣ, отъ которыхъ онѣ остались, провели и окончили жизнь въ молитвахъ за васъ и въ служеніи спасенію душъ вашихъ? Подумаете ли, что сіи вдовицы и сироты пастырей вашихъ потому не получили наслѣдства, и самые сіи пастыри потому не собрали запаса на старость или болѣзнь, что *посѣщали стадо Божіе не нуждею, но волею, и по Бозѣ, ниже неправедными прибытки, но усердно* (1 Петр. V. 2.)? Пожелаете ли на ваше изобиліе, на ваше великолѣпіе,

на ваши увеселенія, которыя поистиннѣ часто дѣлаетъ нечистыми неумѣренность, — пожелаете ли положить на оныя добровольную очистительную дань человѣколюбію и нищелюбію?

Будемъ надѣяться, что Начный дѣло благо въ насъ, и совертитъ оное благодатію Своею, чрезъ благоугодныя Ему орудія Возблагодаримъ Его за начало: воззовемъ къ Нему о совершеніи. *Взыщите Бога, и жива будетъ душа ваша. Услыша* — и еще услышитъ — *убогія Господь, и окованныя Своя не уничижитъ.* Аминь.

6. СЛОВО

ПРЕДЪ ПРИСЯГОЮ ДЛЯ ИЗБРАНІЯ СУДЕЙ.

Речеже Моисей: молюся Ти, Господи; избери могуща иного, егоже послеши. Исх. IV. 13.

Такъ отрицался Моисей, когда избираемъ былъ въ представителя и вождя народа Израильскаго. Хотя избирающій былъ Богъ, всеблагій, слѣдственно избраніе безъ сомнѣнія имѣло цѣль благотворную, — всевѣдущій, — слѣдственно не могъ Онъ погрѣшить въ избраніи, — всемогущій, — слѣдственно могъ дать избираемому всѣ потребныя средства оправдать избраніе; хотя Богъ, открывая Свое избраніе, и спасительное намѣреніе сего избранія Моисею открылъ, и Свое присутствіе и помощь ему обѣщалъ, и познаніемъ Своего имени просвѣтилъ его, и чудодѣйственною силою вооружилъ: не смотря на все сіе Моисей отрицался отъ избранія *Молюся Ти, Господи; избери могуща иного, егоже послеши.*

Но къ чему сіе теперь, думаютъ, можетъ быть, предстоящіе здѣсь, собравшіеся испросить отъ Бога помощь и произнести предъ Олтаремъ обѣтъ вѣрности въ начинающемся дѣлѣ избранія? Надобно ли, чтобы тѣ, на которыхъ падетъ избраніе, отреклись отъ избранія, и привели въ затрудненіе избирателей?

Знаю, что если бы всѣ отреклись отъ избранія въ должности начальниковъ и судей; то некому было бы начальствовать и судить, и жизнь общественная лишилась бы благородныхъ орудій, посредствомъ которыхъ она правильно движется, и сохраняется отъ поврежденія и разрушенія. Но и напротивъ, должно знать, что если бы всѣ захотѣли начальствовать и судить, сіе вело бы къ тому, чтобы не было подчиненныхъ, слѣдственно и управленія, не было бы признающихъ надъ собою судъ, слѣдственно не было бы мѣста правосудію.

Между сими крайностями, — отъ которыхъ да сохранитъ насъ Богъ! — посмотримъ, не укажетъ ли намъ безопасной средины отреченіе Моисеево, которое однакожъ кончилось покорностію избранію, и не дастъ ли сей примѣръ полезныхъ наставленій, не только избираемымъ, но и самымъ избирателямъ.

Расположеніе избираемаго въ общественную должность можетъ быть троякое въ отношеніи къ избранію: или онъ ищетъ и домогается избранія, или уклоняется отъ онаго и убѣгаетъ, или, въ ожиданіи куда падетъ жребій избранія, остается равнодушнымъ и спокойнымъ.

Кто въ семъ случаѣ равнодушенъ и спокоенъ: того

безпокоить и колебать не станемъ. Пусть его душевныя силы и склонности стоятъ въ безмятежномъ равновѣсіи. Желаемъ только, чтобы средоточіемъ, на которомъ сіе равновѣсіе должно покоиться, была довѣренность къ избранію видимому, но съ тѣмъ вмѣстѣ и невидимому жребію, который никогда не падаетъ слѣпо, и которому, примѣтно ли, не примѣтно ли, слѣдуетъ, слѣпой иногда, шаръ видимаго избирателя.

А кто ищетъ и домогается избранія въ общественныя должности, особенно высшія тому не обинуясь скажемъ: вотъ къ чему приводится примѣръ Моисея; вотъ къ чему повторяются его слова: *избери могуща иного!*

Еще до избранія можно было примѣчать, а по избраніи открылось ясно, кто былъ Моисей, и къ чему Онъ былъ способенъ. Онъ былъ Мудрецъ и Пророкъ. Онъ былъ способенъ одною рукою и жезломъ, защитить цѣлый народъ угнѣтенный, отразить цѣлый народъ угнѣтающій. Онъ былъ способенъ не только руководствовать народъ, и судить по законамъ уже принятымъ, но и начертать, подъ непосредственнымъ руководствомъ Всевышняго Законодателя, новые законы, и ввесть ихъ въ употребленіе. Духъ его былъ чреватъ необьятно великими дѣлами: а чувствовалъ себя малымъ и ничтожнымъ, подобно какъ желудь не знаетъ, что изъ него родится дубъ.

Таково свойство людей, истинно способныхъ, и душъ возвышенныхъ. Чѣмъ больше ихъ способность, чѣмъ возвышеннѣе ихъ понятія и чувствованія: тѣмъ

въ большемъ свѣтѣ, тѣмъ выше надъ собою, представляютъ они то, что̀ называютъ совершенствомъ; слѣдственно тѣмъ далѣе отъ совершенства внутренно видятъ себя самихъ, тѣмъ менѣе на себя полагаются, тѣмъ болѣе смиряются, тѣмъ менѣе ищутъ видимаго возвышенія, и даже иногда уклоняются отъ онаго и убѣгаютъ. *Избери могуща иного!*

Желательно, чтобы въ сіе зеркало пристально посмотрѣлись отважные и неутомимые искатели начальственныхъ должностей, дабы лучше узнать, какимъ представляется образъ духа ихъ въ чистомъ свѣтѣ истины. Почему они усильно ищутъ начальствованія? Не потому ли, что сильно чувствуютъ свою способность къ оному? Но истина показываетъ, что присутствіе отличной способности оказывается совсѣмъ инымъ, даже противоположнымъ тому образомъ. Испытатель природы спокойно разсматриваетъ луну, опредѣляетъ ея путь, изслѣдываетъ свойства и дѣйствія; младенецъ со слезами требуетъ, чтобы ее сняли съ неба. и дали ему въ руки. отъ избытка ли способности происходитъ въ семъ случаѣ нетерпѣливое желаніе?

Нѣтъ ли такихъ искателей права начальствовать или судить, которые не затрудняютъ себя заботливымъ размышленіемъ, способны ли они начальствовать, или судить, а довольствуются пріятными мыслями, что будутъ носить почетныя званія начальниковъ, или судей, достигать преимуществъ, пользоваться выгодами? Не станемъ и мы, если такъ имъ угодно, затруднять ихъ дальнимъ изслѣдованіемъ ихъ образа мыслей; удовольствуемся подать

имъ легко понимаемую мысль, что судъ не есть торговля, и почетныя званія и преимущества учреждены для должностей, достоинствъ, заслугъ, а не для тщеславія.

Если не принимаемъ труда размышлять: примемъ по крайнѣй мѣрѣ готовое размышленіе и совѣтъ, который давно для насъ обдумалъ мудрый и опытный мужъ. *Не проси у Господа владычества, ниже отъ Царя сѣдалища славы. — Не ищи, да будеши судія, егда не возможеши отъяти неправды: да не когда убоишися лица сильнаго, и положиши соблазнъ въ правости твоей* (Спр. VII. 4. 6.).

Впрочемъ, кто и *не ищетъ, да будетъ судія*, и даже уклоняется отъ начальствованія: и тому, чтобы симъ безопаснымъ, повидимому, путемъ, неуклонился онъ въ соблазнъ, и не впалъ въ неправду, не безполезно указать надежнаго предшественника въ пути отреченія, опять того же, который сказалъ: *избери могуща иного.*

Почему отрицается Моисей отъ избранія? Не потому ли, что имѣетъ много собственныхъ дѣлъ, которыя даетъ ему возрастающее семейство его, управляемое имъ хозяйство сродника, и нужда помышлять о устроеніи собственнаго хозяйства? — Нѣтъ. Не по тому ли, что сей воспитанникъ дочери Фараоновой, бывъ такъ близко къ престолу, и добровольно удалясь отъ него, находитъ послѣ сего уже скучнымъ, или низкимъ для себя, предводительствовать не славнымъ племенемъ скотопитателей и плинѳодѣлателей? — Нѣтъ. Стараясь отклонить

избраніе отъ себя *иному могущему*, онъ признаетъ чрезъ сіе свою немощь, и на семъ признаніи основываетъ свое отреченіе. Притомъ онъ не отвергаетъ избранія дерзновенно и упорно: а проситъ освобожденія отъ онаго кротко и смиренно: *молюся Ти, Господи!* Какъ же скоро Всевышній Избиратель явилъ Себя непреклоннымъ въ Своемъ изволеніи: тотчасъ избранный преклонился предъ Его судьбою, пошелъ, и оправдалъ избраніе.

Такъ люди достойные оказываютъ въ себѣ новое достоинство, когда отрекаются отъ достоинства. Они уклоняются отъ общественныхъ должностей не потому, что находятъ ихъ не довольно сообразными съ своею личною пользою, не довольно пріятными, не довольно почетными: но по чистому смиренію. Они не смѣютъ принять избранія, когда оно приближается. но также не смѣютъ не принять избранія, когда оно совершилось.

Судите посему, на правомъ ли пути тотъ, кто безъ особенной нужды, по желанію только собственной выгоды, или покоя, убѣгаетъ отъ дѣлъ общественныхъ къ своимъ личнымъ и домашнимъ. Скажите, благородные и просвѣщенные мужи, просвѣщенный ли то образъ мыслей, благородный ли то образъ чувствованій, если для меня мое важнѣе общественнаго, и я дороже отечества? Не ужели я удобнѣе могу обойтись безъ общества, нежели общество безъ меня? Могутъ ли быть устроены и приведены въ безопасность мои дѣла, если общественныя будутъ пренебрежены и допущены до разстройства?

Какъ не высока и сія мысль, когда нѣкоторые люди, нѣкоторыя степени общественнаго избирательнаго служенія находятъ низкими для себя, и потому не принимаютъ избранія! О, Боже Всевышній! Какъ же для Тебя не низко управлять симъ дольнимъ міромъ? *Что есть человѣкъ, яко помниши его? Или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его* (Псал. VIII. 5.)? Если бы Ты положилъ въ умѣ Твоемъ, что сіе низко: Ты бы его забылъ, и онъ исчезъ! Но когда для Всевышняго Бога не низко, помнить и посѣщать, хранить и терпѣть, миловать и спасать сію бренную и грѣшную, и потому конечно весьма низкую, тварь: ты, сынъ человѣческій, который думаешь, что пещись о нѣкоторыхъ подобныхъ тебѣ человѣкахъ, и даже начальствовать надъ ними, для тебя низко, — не ужели ты выше Всевышняго?

Кто любитъ высокое: тотъ пусть узнаетъ истинное средство сдѣлать высокимъ свое общественное служеніе. *Иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти: да будетъ вамъ слуга* (Матѳ. XX. 26.).

Сего, по скудости нашей, довольно для избираемыхъ. Обратимъ остатокъ слова на избирающихъ.

Неразъ Моисей отрицался отъ избранія: даже до того, что за сіе *разгнѣвался яростію Господь на Моисеа* (Исх. IV. 14.). Но гнѣвъ на отрицаніе не побѣдилъ благоволенія къ достоинству; и отрицаніе избираемаго не воспрепятствовало Всевышнему Избирателю совершить дѣло избранія. Моисей отрицался, напротивъ того Корей, Даѳанъ, Авиронъ, съ

цѣлымъ сонмомъ единомысленниковъ, домогались: отрицавшійся избранъ, а домогавшіеся отвержены.

На сіи *образы, прилучавшіеся древнимъ, а написанные въ наставленіе наше*, взирайте, благонамѣренные избиратели, внимательно и поучайтесь важному дѣлу избранія. Для великаго ли, для малаго ли общества, не малая разница, Моисея избрать, или Корея. Старайтесь узнать Моисея, или ему подобныхъ. умѣйте отъ нихъ различить Корея, или его подражателей. Не рѣдко Моисей убѣгаетъ и скрывается: надобно найти его, и узнать достоинство сквозь покровъ скромности и смиренія. Можетъ случиться, что онъ будетъ отрицаться отъ избранія: не должно тотчасъ мстить за сіе отверженіемъ, должно разсудить спокойно, справедливѣе ли уважить отрицаніе, или полезнѣе настоять на избраніе. Корей, напротивъ, ходитъ изъ кущи въ кущу; набираетъ соумышленниковъ для своего избранія; старается предупредить въ свою пользу *начальниковъ сонма*, и для всѣхъ простираетъ сѣти льстивыхъ речей, *яко весь сонмъ, вси святи* (Числ. XVI. 3.): будьте осторожны, не дайте уловить себя. Избирайте не того, кто ищетъ должности, но кого должность ищетъ. Дайте обществу вѣрныхъ блюстителей порядка и правосудія: а не предайте общества искателямъ власти, либо корысти.

Какое доброе учрежденіе, какая довѣренность верховной Власти къ сословіямъ подданныхъ, когда имъ даровано право избирать для себя непосредственныхъ блюстителей порядка и правосудія изъ среды себя! Упрочьте доброе учрежденіе добрымъ

исполненіемъ; оправдайте довѣренность; употребите данное право такъ, чтобы верховная Власть не имѣла причины раскаяваться, даровавъ оное. *Усмотрите себѣ*, скажу наконецъ съ однимъ изъ древнихъ совѣтниковъ, усмотрите себѣ *мужи сильны, Бога боящіяся, мужи праведны, ненавидящія гордости* (Исх. XVIII. 21.).

Въ намѣреніи таковаго избранія произнесите нынѣ обѣтъ вашъ предъ сердцевѣдцемъ Богомъ. Онъ, непогрѣшительный и во временномъ, какъ въ вѣчномъ Своемъ избраніи, да благословитъ и совершитъ предпріемлемое избраніе, ко благу всѣхъ и каждаго. Аминь.

7. СЛОВО

ПРЕДЪ ПРИСЯГОЮ ДЛЯ ИЗВРАНІЯ СУДЕЙ.

Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ ; себе чиста соблюдай. 1 Тим. V. 22.

Слыша сіе, благородные, и разныхъ родовъ и степеней почетными званіями украшенные мужи, вы тотчасъ можете подумать: къ чему теперь сіе слово? *Руку возлагать* не наше дѣло ; мы пришли дать обѣтъ благонамѣренно избрать достойныхъ въ нѣкоторыя должности гражданскія; и клятвою предъ Богомъ засвидѣтельствовать Государю, Отечеству, другъ другу, что будемъ сіе дѣлать точно по совѣсти.

Знаю и на сей именно случай желаю предложить вамъ нѣкоторыя мысли. Но позвольте мнѣ думать, что не неумѣстно избралъ я для сего, въ руководство моему размышленію, слово Апостольское, которое вы слышали. Дайте мнѣ объясниться.

Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ; себе чиста соблюдай.

Можете знать, какъ очевидцы, что обрядъ возложенія рукъ, отъ временъ Апостольскихъ до нынѣ постоянно употребляемый въ Церкви, означаетъ, предваряемое избраніемъ и утвержденіемъ, возведеніе и посвященіе въ разныя степени Церковнаго служенія. Итакъ правило Апостола: *руки скоро не возлагай*, значитъ: не будь торопливъ въ избраніи, утвержденіи, возведеніи въ Церковныя должности; будь въ семъ осмотрителенъ, остороженъ

Правда, что сіе правило направлено на насъ, служителей Церковнаго управленія: а нужно теперь правило для васъ, почтенные избиратели управленія Гражданскаго. Но что же дѣлать? Апостолы писали не Государственныя постановленія, не гражданскіе законы; нельзя требовать, чтобы въ книгахъ ихъ отыскалась подробная инструкція Гражданскаго избирателя. Впрочемъ вы удостовѣрены, что Апостолы въ своихъ Писаніяхъ руководствовались истиною, и притомъ Божественною: а истина для всѣхъ одна. И премудростію, и законодательствомъ Апостоловъ было благочестіе: *а благочестіе на все полезно есть* (1 Тим. IV. 8.). Посему можно вамъ взять истинное и благочестивое правило Апостольское изъ Церкви, и перенести въ вашу избирательную палату. Отложите особенности: мысль о служеніяхъ Церковныхъ, обрядъ рукоположенія: вы увидите въ разсматриваемомъ изреченіи Апостола общее правило: не будь скоръ въ избраніи

въ должности общественныя, а будь осмотрителенъ, остороженъ. Приложите ближе сіе къ вашему дѣлу и обряду, и скажите себѣ: избирательнаго шара скоро не полагай; будь осмотрителенъ, остороженъ. Я же къ сему присовокуплю, что симъ образомъ учитъ васъ Апостолъ, а не я: уважьте наставленіе, и само по себѣ, и ради Наставника.

Но Апостолъ дастъ намъ и вамъ не безотчетное повелѣніе: ибо Христіанство владычествуетъ силою свободнаго убѣжденія. Къ наставленію объ осторожности въ избраніяхъ, онъ тотчасъ присовокупляетъ и убѣжденіе въ важности и необходимости сего наставленія. *Ниже пріобщайся*, говоритъ, *чужимъ грѣхомъ; себе чиста соблюдай.* О какихъ говоритъ онъ чужихъ грѣхахъ? Что значитъ *пріобщатися чужимъ грѣхомъ?* — Слова Апостола заключаютъ въ себѣ мысль дальновидную: надобно ее раскрыть, и приближить къ дѣлу.

Дабы убѣдительно предостеречь отъ *скорыхъ*, то есть, неосмотрительныхъ и необдуманныхъ избраній, прозорливый Наставникъ смотритъ на послѣдствія оныхъ. Если выбирая въ должность безъ вниманія, какъ случится: случится всего легче, что выберешь недостойнаго. Если Тимоѳей (къ которому первоначально писалъ свое наставленіе святый Павелъ), по неосмотрительности, рукоположитъ Пресвитера несвѣдущаго въ ученіи спасенія, или недостойнаго по жизни: то произойдутъ въ Пресвитерствѣ или невольные грѣхи невѣдѣнія, или вольные грѣхи неукрощенныхъ страстей и низкихъ склонностей; и далѣе, въ слѣдствіе сего, нѣкоторые

грѣхи народа, которымъ надлежало бы очищаться посредствомъ духовнаго разума и священнаго служенія, останутся не очищенными; и еще далѣе, родятся новые грѣхи соблазна, который съ особенною силою приходитъ чрезъ недостойныхъ служителей святыни. Вотъ разнаго рода чужіе грѣхи, на которые предостерегательно указываетъ Святый Павелъ Тимоѳею и мнѣ! Мы сказали бы, можетъ быть: какое намъ дѣло до чужихъ грѣховъ? Пусть отвѣчаютъ за нихъ тѣ, которые ихъ дѣлаютъ. Но Апостолъ говоритъ: *ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ*: слѣдственно полагаетъ, что указанные теперь грѣхи падаютъ на отвѣтственность не только тѣхъ, которые ихъ дѣлаютъ, но и того, кто *скоро*, неосмотрительно, необдуманно избираетъ, и возводитъ недостойныхъ дѣлателей правды и святыни, которые послѣ оказываются дѣлателями неправды и грѣха. Кто посмѣетъ сказать, что Святый Павелъ судитъ здѣсь слишкомъ строго? Знаетъ дѣло праваго суда тотъ, который принадлежитъ къ избраннымъ между избранными, которые непогрѣшительнымъ Избирателемъ удостоены довѣренности—*мірови судити*,—*Ангеловъ судити* (1 Кор. VI. 2 3.).

Надобно еще замѣтить, что Апостолъ говоритъ о избраніи только *скоромъ*, неосмотрительномъ; и такое избраніе находитъ уже участнымъ въ чужихъ грѣхахъ. Что же сказалъ бы онъ о избраніяхъ обдуманно неблагонамѣренныхъ, пристрастныхъ, корыстныхъ?—Не трудно заключить, сколько строже должна быть осуждена неблагонамѣренность, въ сравненіи съ неосмотрительностію и я думаю, что

избирателямъ неблагонамѣреннымъ, пристрастнымъ, своекорыстнымъ, онъ сказалъ бы, что на ихъ главу падетъ почти вся тяжесть грѣховъ, содѣваемыхъ противъ званія и должности недостойно избранными.

Перенесите, почтенные избиратели, разсужденіе Апостольское отъ нашихъ выборовъ къ вашимъ; и помыслите, съ какимъ вниманіемъ надлежитъ вамъ нынѣ употребить власть избранія, которая съ такою щедрою довѣренностію дарована вамъ Высочайшею властію Самодержца.

Если, — чему я не предполаю быть на дѣлѣ, но что говорю по ходу предостереженія,—если вы не употребите всего, какое возможно, вниманія и попеченія, чтобы открыть, привлечь и избрать въ общественныя должности людей самыхъ достойныхъ и благонадежныхъ;—если вы будете подавать избирательные голоса въ пользу одного потому, что онъ очень желаетъ избранія, въ пользу другаго, потому что онъ добрый знакомый, въ пользу третьяго, потому что надобно же кому нибудь быть избрану, и такъ далѣе; а между тѣмъ не довольно будете вникать въ то, имѣетъ ли избираемый способности и свѣдѣнія, потребныя для дѣлъ, къ которымъ избирается, и ручаются ли прежде извѣстныя его правила и дѣянія за то, что онъ согласно съ пользою общественною проходить будетъ служеніе, которое вы хотите ввѣрить ему;—если потомъ, въ слѣдствіе столь невнимательнаго и небезпристрастнаго избранія, избранный вами служитель правосудія возмятетъ правду и судъ, станетъ оправдывать неправды

богатыхъ и сильныхъ, а не будетъ внимать суду вдовицъ и сирыхъ; блюститель земскаго порядка и спокойствія, вмѣсто того, чтобы облегчать и разрѣшать затрудненія смиренныхъ земли, сдѣлается для нихъ ярмомъ связующимъ и гнѣтущимъ; вождь вашихъ наслѣдственно почтенныхъ сонмовъ окажется не столь прямымъ и твердымъ въ путяхъ своихъ, какъ требуетъ достоинство сего, особенно виднаго и возвышеннаго въ Государствѣ, сословія, въ которомъ растутъ столпы для благолѣпія престола Самодержца; — если такія и большія сихъ неправильности и грѣхи откроются въ избранныхъ вами, въ слѣдствіе невнимательнаго или небезпристрастнаго избранія: то позвольте вамъ сказать, прежде нежели сіе случилось, что въ такомъ случаѣ ваши гладкіе избирательные шары превращаются въ рукахъ вашихъ въ острыя стрѣлы, которыя уязвятъ общественное благосостояніе, и обратятся уязвить вашу совѣсть, спокойную, можетъ быть, во время производства избранія, по такой же невнимательности въ отношеніи къ себѣ, какъ и въ отношеніи къ другимъ.

Остерегись, благонамѣренный избиратель, чтобы ничего таковаго не случилось; будь внимателенъ, — ревностно, дальновидно внимателенъ; не допусти послѣдствій избранія, нежелательныхъ ни для общества, ни для тебя; *ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ; себе чиста соблюдай.*

Себе чиста соблюдай, не только отъ чужихъ отдаленныхъ грѣховъ, но въ то же время и отъ ближайшаго къ тебѣ, собственнаго грѣха, который

чрезъ невнимательность подкрасться можетъ. Ибо что дѣлаешь ты нынѣ здѣсь, приступая ко ввѣренному тебѣ дѣлу избранія? — Пріемлешь во твои уста имя всевидящаго Бога, лобзаешь Слово Христово и образъ распятаго Христа; и сими святѣйшими знаменіями запечатлѣваешь твой обѣтъ, что такъ вѣрно будешь обращаться въ начинаемомъ дѣлѣ, какъ вѣрно видитъ тебя Богъ, какъ вѣрно Слово Евангелія, какъ вѣрно умеръ за тебя твой Спаситель и твой будущій Судія. Если за симъ ты будешь невнимателенъ въ твоемъ дѣлѣ: то легко сдѣлаешься и невѣренъ; и такимъ образомъ оскорбишь святыню Божественную, которую ты лобзаешь, и покланяемое имя, которое пріемлешь. Соблюди себя отъ столь мрачной нечистоты: *не очиститъ бо Господь пріемлющаго имя Его всуе* (Исх. XX. 7.).

Испытуяй сердца и утробы Боже праведно! Силою страшнаго и покланяемаго Твоего имени, соблюди пріемлющихъ нынѣ оное, въ чистотѣ праваго разумѣнія и благаго намѣренія, да будетъ дѣло ихъ мирно, благоуспѣшно, общеполезно, *да усмотрятъ себѣ отъ всѣхъ*, и изберутъ въ Начальства, *мужи сильны*, Тебе, *Бога боящіяся, мужи праведны, ненавидящія гордости и* корысти (Исх. XVIII. 21) достойны начальствовать и судить въ людехъ Твоихъ. Аминь.

8. СЛОВО

КЪ НОВОИЗБРАННЫМЪ СУДІЯМЪ ПРЕДЪ ПРОИЗНЕСЕНІЕМЪ ПРИСЯГИ.

Боящіися Господа обрящутъ судъ, и оправданія, яко свѣтъ, возжгутъ. Сир. XXXII. 18.

Избраніе искало судей, и обрѣло ихъ: теперь избраннымъ судіямъ надлежитъ искать суда, и — о, если бы они *обрѣли судъ, и оправданія, яко свѣтъ, возжгли!* О, если бы нашли они для себя, и употребили для общества, такое искусство судить, чтобы оправданіе невиннаго, и обвиненіе виновнаго, ясно было, какъ свѣтъ; чтобы вѣрное познаніе истины возжигало въ нихъ самихъ живую ревность къ порядку и благу общественному, и распространяло сей священный огнь во всемъ кругѣ ихъ дѣйствованія!

Народъ ищетъ суда у поставленныхъ судей: гдѣ же поставленнымъ судіямъ искать суда, такъ чтобы онъ былъ у нихъ готовъ для всякаго человѣка, для всякаго дѣла, для всякаго случая? Не въ зако-

нахъ ли? Безъ сомнѣнія, всего ближе искать онаго тамъ. Ибо для чего и написаны законы, если не для того, чтобы судіи обрѣтали въ нихъ готовый судъ, который бы оставалось имъ только прилагать къ извѣстнымъ лицамъ, дѣламъ и случаямъ?

Но мнѣ кажется, что искание суда въ близкомъ по видимому, хранилищѣ, каковы суть книги законовъ, не безъ затрудненія для судіи новопоставленнаго Чтобы обрѣтать судъ въ законахъ, надлежитъ изучить ихъ; но вѣроятно, что не каждый новоизбранный судія изучилъ законы предварительно, такъ какъ не каждый предназначалъ себя къ званію судіи: какъ же скоро кто избранъ въ сіе званіе, онъ долженъ тотчасъ вступить, не въ училище судей, а въ самое судилище; а судилище не позволяетъ судить сперва, какъ случится, доколѣ научатся судить, какъ должно. Кромѣ сего, разнообразное множество законовъ не рѣдко затрудняетъ и свѣдущихъ и опытныхъ въ законоискусствѣ; а ежедневно раждающіеся новые законы, въ изъясненіе и дополненіе прежнихъ, показываютъ, что разнообразіе дѣлъ и случаевъ, простираясь гораздо далѣе разнообразія законовъ, ежедневно представляетъ, и будетъ представлять, новыя дѣла и случаи, на которые готоваго суда въ законахъ не находится.

Гдѣ же поставленнымъ судіямъ искать болѣе готоваго суда? Не въ здравомъ ли разумѣ? Подлинно, разумъ судилъ людей, когда ни одного закона не было еще написано; потомъ разумъ же написалъ законы для суда; и наконецъ въ тѣхъ, которые обязаны судить по законамъ писаннымъ, живетъ еще

тотъ же человѣческій разумъ, который пропзвелъ всѣ человѣческіе законы.

Но мнѣ кажется, и въ разумѣ, хотя каждый носитъ съ собою сію сокровищницу истины, — и въ собственномъ разумѣ найти готовый судъ не безъ затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы удобно было каждому судіи обрѣтать судъ въ собственномъ разумѣ: то не для чего было бы писать законы. Поелику же найдено нужнымъ написать законы: то сіе показываетъ, что найдено неудобнымъ почерпать судъ изъ одного собственнаго разума · такъ какъ сей источникъ у иныхъ не открытъ, у иныхъ безводенъ, у иныхъ наполненъ бреніемъ, или засыпанъ прахомъ, то есть, инымъ недостаетъ образованія, инымъ способности, у иныхъ предразсудки или страсти заглушаютъ здравый смыслъ и естественное чувство справедливости. Законъ есть опытомъ утвержденный разумъ не одного человѣка, но правительства, цѣлаго народа, многихъ поколѣній: какъ можетъ сравниться съ нимъ личный разумъ одного какого либо человѣка? Законъ тѣмъ чище видитъ умственно, тѣмъ вѣрнѣе показываетъ отрѣшенную истину суда, что онъ не развлекается видомъ чувственной личности подсудимыхъ и прикосновенныхъ къ суду; для него нѣтъ ни лица сильнаго, ни врага, ни друга, ни даровъ: напротивъ того личный разумъ судіи тѣмъ удобнѣе ослѣпляется духовно, чѣмъ болѣе видитъ чувственно; при видѣ сильнаго возмущается страхомъ, для друга смягчается, и, думая снисходить, впадаетъ въ слабость; на врага раздражается, и строгость простираетъ до жесто-

кости; дарами прельщается, и, преслѣдуя воздаяніе, непримѣтно теряетъ изъ вида правосудіе.

Гдѣ же и легко, и вѣрно, найдутъ судіи судъ законный, при обыкновенныхъ неудобствахъ со стороны законовъ, благоразумный при обыкновенныхъ несовершенствахъ человѣческаго разума? Кто постигнетъ сію тайну суда? Кто, подобно Высочайшему и Совершеннѣйшему Судіи Богу, *изведетъ, яко свѣтъ, правду*, которую затьмѣвать между человѣками соединяются искусство и невѣдѣніе, сила и немощь, живущая въ судіи страсть и мертвый разумъ законовъ? Да не оскорбятся законовѣдцы и мудрецы; но паче да вразумятся; не ихъ собственно званію повѣряетъ Верховный Судія великую тайну суда; есть другое, болѣе дѣйствительное званіе, тайныхъ Его совѣтниковъ, званіе боящихся Господа. *Боящіися Господа обрящутъ судъ, и оправданія, яко свѣтъ, возжгутъ.*

Боящійся Господа имѣетъ законъ, въ которомъ все множество законовъ заключается, все разнообразіе законовъ согласуется. Ибо если цѣль всѣхъ законовъ есть правда, порядокъ, благо; и если всеобщее основаніе всякаго блага, порядка, правды лежитъ во благой, премудрой и святой волѣ Божіей: то всеобщее основаніе и корень законовъ есть не дѣлать и не попускать ничего противнаго волѣ Божіей, а сіе-то и есть бояться Господа.

Боящійся Господа находится у самаго источника разума и премудрости: поелику *начало премудрости страхъ Господень.*

Боящійся Господа въ судѣ не страшится сильна-

го: ибо страшенъ ли стукъ колесницы во время грома? И старшій между рабами великъ ли въ присутствіи царевомъ?

Боящійся Господа не повредитъ суда по любви къ другу или по ненависти къ врагу: поелику онъ никого не любитъ паче Бога, и по любви къ Нему хранитъ судъ; а враговъ онъ не имѣетъ, потому что, боясь Бога, боится и закона Божія, повелѣвающаго любить враговъ.

Боящійся Господа въ судѣ не прельстится дарами: поелику онъ боится потерять благодать Божію и Царство небесное; гдѣ же найти такое сокровище, для котораго бы онъ могъ рѣшиться на такую потерю?

Такъ важенъ для праваго суда и правосуднаго начальствованія страхъ Господень. Посему-то, пріявшіе жребіи общественныхъ служеній судебныхъ и начальственныхъ, посему-то и поспѣшаютъ васъ оградить страхомъ Господнимъ, чрезъ священную клятву предъ Словомъ Господа, предъ крестнымъ изображеніемъ Господа, предъ олтаремъ Господа, предъ лицемъ невидимаго, но видящаго сердца и помышленія Господа.

Со страхомъ Божіимъ приступите къ клятвѣ: съ усугубленнымъ клятвою страхомъ Божіимъ отъидите на служенія ваши. Страхъ Господень да вспомоществуетъ вамъ *обрѣтать судъ, и оправданія возжигать, яко свѣтъ.* Аминь.

9. СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ВОЗЛОЖЕНІЯ НА РАКУ МОЩЕЙ ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО АЛЕКСІЯ, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, ОТЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ПРИНЕСЕННАГО ПОКРОВА И МЕДАЛИ ЗА ПЕРСИДСКУЮ ВОЙНУ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ, МАЯ 27 ДНЯ, 1828 ГОДА

Пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя: и призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя. Псал. XLIX. 14. 15.

Прежде всѣхъ къ Тебѣ нынѣ слово, Святителю Алексіе, и слово не мое, но Царево. Предстою Тебѣ, какъ посланникъ Благочестивѣйшаго Императора Николая Павловича, принесшій Тебѣ дары Его,—какъ свидѣтель благоговѣнія Его предъ Тобою. Пріими, глаголетъ Онъ Тебѣ, сей покровъ благолѣпія и славы, не потому, чтобы Ты требовалъ покрова вещественнаго и благолѣпія земнаго,

будучи облеченъ свѣтомъ небеснымъ, покрытъ Божественною славою, но потому, что Царь признаетъ надъ Собою и надъ Своими дѣяніями покровъ Твоихъ молитвъ и Твоего благословенія. Пріими сіе сребро памяти и чести, сей, не только пòтомъ, но и кровію выработанный *динарій* за день брани Персидской: ибо Раздаятель онаго вѣруетъ, что и Ты не праздным̀ъ былъ зрителемъ брани сей, но хотя невидимо, тѣмъ не менѣе дѣйственно подвизался предъ Богомъ за вѣрныхъ сыновъ Россіи противъ вѣроломныхъ послѣдователей лживаго пророка, подобно какъ нѣкогда, еще живя на земли, очевидно подвизался Ты за охраненіе Церкви и Отечества отъ иноплеменныхъ, то чудодѣйственною молитвою, то покаряющимъ словомъ убѣжденія. Но поелику и безъ сего слышимаго слова, во свѣтѣ Божіемъ видишь Ты сердце Царево, и разумѣешь, о чемъ наипаче оно бесѣдуетъ къ Тебѣ: то, не стужая Тебѣ болѣе, поспѣшаю обратить слово къ тѣмъ, которые требуютъ проповѣдающаго, чтобы услышать, и вразумляющаго, чтобы уразумѣть.

Дѣло Царево, которое предъ очами вашими, благочестивые обитатели древней Столицы, запечатлѣно нынѣ торжественными знаменіями, въ существѣ своемъ есть Царское исполненіе повелѣнія, которое царямъ также, какъ и рабамъ, изрекъ Царь царствующихъ устами Пророка Своего: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя.*

Былъ день скорби, котораго единое воспоминаніе, даже и по возвращеніи дней мира и веселія,

еще наводитъ нѣкій сумракъ на душу Россіянина,-- день, который угрожалъ затьмить вѣки Россіи, если бы сквозь облако грозной судьбы не просіялъ тѣмъ яснѣе возвышенный духъ Николая Перваго. Не стало Александра Благословеннаго, и мыслящіе зло возмнили, что и благословенія надъ Россіею не осталось. Сосѣдъ, котораго не опасались, въ томъ самомъ, что его не опасались, вздумалъ найти средство сдѣлаться опаснымъ. На встрѣчу мирному посольству нашему, онъ ввелъ въ наши предѣлы войско, и началъ опустошительную войну. Чувствомъ сыновъ Отечества измѣрьте, если можно, сію новую скорбь новаго Царя, отвнѣ пріразившуюся въ такое время, когда усиліями побѣдить и уврачевать многоразличную скорбь домашнюю, могла истощиться самая обильная мѣра силы душевной. Война не только нанесена Россіи, но и внесена въ Россію, безъ причины, въ самое время дружественныхъ со стороны Россіи сношеній, безъ обычнаго объявленія, слѣдственно съ вопіющимъ нарушеніемъ права народнаго, съ оскорбленіемъ достоинства Имперіи,—война отъ врага, который находитъ удовольствіе въ подвигахъ противъ безоружныхъ,—война въ такомъ краю, куда не легко доставить защитниковъ, куда и военачальника оказалось нужнымъ послать съ другаго края Государства: — трудно частному человѣку пересказывать о семъ равнодушно; каково было Государю сіе испытывать! И что же? Сперва Онъ не хотѣлъ вѣрить происходящему; потому что душа чистая не легко вѣритъ возможности дѣлъ неправедныхъ; потомъ съ рѣши-

тельностію и быстротою подвигнулъ силы противъ силъ; а Самъ обратился спокойно къ Источнику силъ Богу, чтобы призвать Его благословеніе на новое Царствованіе, и Его помощь противу всѣхъ трудностей.

Теперь примѣчайте въ самыхъ событіяхъ, какъ *вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ Своихъ*, и какъ *близокъ всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ*. Какъ скоро Благочестивѣйшій Государь, по Священнодѣйствіи Его Царскаго вѣнчанія, *воздалъ Вышнему* первую особенную *молитву* въ санѣ Помазанника, подкрѣпивъ оную подвигомъ благочестиваго путешествія въ священную пустыню, и общеніемъ вѣры съ крѣпкимъ молитвенникомъ, Преподобнымъ Сергіемъ; тотчасъ Вышній явилъ Ему спасеніе Свое, приведя Ему непосредственно за симъ перваго вѣстника первой въ Его Царствованіе побѣды. Здѣсь преклонилъ Онъ Свою превознесенную главу и колѣна предъ Царемъ царствующихъ, и прославилъ *Изимающаго* отъ скорбей, имѣя и здѣсь сего друга Сергіева совозводителемъ благодареній Своихъ, подобно какъ тамъ имѣлъ Сергія предстателемъ Своихъ прошеній. Видно, *усладилась Господеви сія бесѣда* Царя; видно, и сердце Царя усладилось сею бесѣдою съ Богомъ, и новою силою надежды утвердилось во Господѣ: ибо съ того времени Богъ подавалъ Ему побѣду за побѣдою, а Онъ знаменія сихъ побѣдъ препосылалъ въ сей самый храмъ, гдѣ прославилъ Бога за первую изъ оныхъ И се, когда твердое вѣрностію и правотою дѣла, воинство Его, многочисленными подвигами

рѣшительно преодолѣло и побѣдило, и враговъ, и противоборствующую природу, и быстроту рѣкъ, и твердыни камней, и Кавказскій хладъ, и Закавказскій зной, и высоту непреходимыхъ горъ, и глубину непроходимыхъ дебрей; когда *врагу оскудѣша оружія въ конецъ*, и такимъ образомъ не только возстановленъ нарушенный миръ, но и огражденъ безопасностію разширенныхъ предѣловъ нашихъ: — воздавая почесть доблестямъ Своихъ воиновъ, еще разъ Благочестивѣйшій Государь воспріемлетъ случай вознести *жертву хвалы* Господу силъ; еще разъ воспоминаетъ сей храмъ, въ которомъ благословилась Его молитва о побѣдѣ и мирѣ, и сему избранному Предводителю молитвъ, какъ дѣятельному Сподвижику въ добропобѣдной брани, восписуетъ побѣдительная.

Сынове Россіи! не *радуетесь ли вы о Царѣ своемъ*, особенно тогда, когда *Царь веселится о Бозѣ?* Знаю, что радуетесь, и радуюсь съ вами о Немъ, какъ единъ отъ васъ; и паки радуюсь о самой радости вашей, потому что во свѣтѣ радости о Царѣ видна любовь къ Царю.

Но не опасаюсь показаться чрезмѣрно взыскательнымъ, если скажу, что это еще не все, къ чему призываетъ васъ настоящій случай. Хорошо взирать на благочестивое дѣло Царево съ благоговѣйною радостію: но еще лучше присвоить себѣ оное, содѣлать оное вашимъ собственнымъ дѣломъ, не по видимому образу и знаменіямъ, но по духу и силѣ; — какимъ образомъ? — поставить себя не только зрителями благочестиваго дѣла, но и подража-

телями благочестиваго примѣра; имѣть, по примѣру Царя, написаннымъ на сердцахъ своихъ сіе высочайшее повелѣніе Царя царей: *призови Мя въ день скорби Твоея, и изму тя, и прославиши Мя*; во всякой скорби, общественной, или частной, не коснить прибѣгать къ Богу съ молитвою, и по избавленіи отъ скорби не забывать возвращаться къ Богу съ благодареніемъ.

Казалось бы, не нужно и напоминать нищему, чтобы онъ просилъ милостыни,—или, человѣку, который весь есть нужда и бѣдность, напоминать, чтобы онъ просилъ себѣ милости отъ Бога. Но конечно нужно было напомянуть о семъ; и конечно не довольно напоминали человѣки себѣ и другъ другу о сей нуждѣ всѣхъ и каждаго, когда Самъ Богъ пашелъ нужнымъ явиться въ словѣ Пророческомъ, и, такъ сказать, собственнымъ лицемъ требовать себѣ молитвы отъ человѣка: *призови Мя въ день скорби твоея.*

Есть нищіе тупоумные, или убитые несчастіемъ, которыхъ надобно возбуждать и руководствовать къ исканію помощи; есть нищіе гордые, которые не хотятъ наклонить головы предъ благодѣтелями, а хотятъ, чтобы благодѣтели поклонились имъ съ своими благодѣяніями: таковы суть предъ Богомъ человѣки, которые не умѣютъ или не хотятъ призывать Бога въ скорбяхъ своихъ.

Иной въ день скорби своея только тоскуетъ, и отъ утра до вечера болѣе и болѣе погружается въ скорбь. — Помилуй себя, возлюбленный! Если ты утопаешь: то не ужели лучше добровольно опу-

стить руки, и идти на дно, нежели усиливаться возникнуть изъ водъ, и вопіять о помощи?

Иной истощается въ домогательствѣ помощи человѣческой, а не вспомнитъ о Богѣ, *помощникѣ въ скорбехъ, обрѣтшихъ ны зѣло.* — Разсуди, если ты не совсѣмъ безразсуденъ: лучше ли тебѣ гоняться за человѣкомъ, который такъ часто говоритъ тебѣ: не проси меня; — мнѣ не до тебя; — приди послѣ; — иди къ другому; — я не могу помочь тебѣ, — либо скажетъ: помогу, — но потомъ не хочетъ, или не можетъ исполнить обѣщанія, — лучше ли, говорю, тебѣ гоняться за человѣкомъ, нежели прибѣгать къ Богу, Который не отсылаетъ тебя къ иному помощнику, не отлагаетъ Своей помощи, не измѣняетъ Своимъ обѣщаніямъ; Который непрестанно находится близъ тебя, и, если ты внимателенъ, въ самомъ сердцѣ твоемъ говоритъ тебѣ, приглашаетъ тебя къ молитвѣ, и обнадеживаетъ Своею всесильною помощію: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя.*

Богъ безъ меня знаетъ мои нужды, говоритъ иной, и потому не хочетъ молиться. Вотъ примѣръ, — если кому не случилось замѣчать сего страннаго явленія, — какъ здравую мысль можетъ превратить себѣ въ отраву зараженное сердце. Хрістова сія мысль: *вѣсть Отецъ вашъ, ихже требуете, прежде прошенія вашего* (Матѳ. VI. 8): но произнеся Апостоламъ сію мысль, непосредственно продолжалъ Онъ: *сице убо молитеся вы*; и потомъ предложилъ имъ образецъ молитвы, извѣстный всякому Христіанину подъ именемъ *молитвы Господней.*

Такимъ образомъ, по разуму Самого Іисуса Христа, изъ сей мысли, что Богъ вѣдаетъ наши нужды, не то слѣдуетъ, чтобы совсѣмъ на нужно было молиться, но то, что должно молиться Богу какъ Отцу, съ довѣренностію, съ преданностію волѣ Его, въ простотѣ, безъ языческаго многоглаголанія.

«Богъ знаетъ наши нужды; а потому не для чего молиться «— Сіе разсужденіе походитъ на то, какъ если бы нищій, покрытый рубищемъ, сказалъ: богатый видитъ мою нищету, и потому не нужно ни произносить просительныя слова, ни простирать просящую руку. О ты, слишкомъ нищій разумомъ, и слишкомъ богатый гордостію! не ужели ты хочешь, чтобы богатый пришелъ, и разсыпалъ предъ тобою свои сокровища, и бросилъ на землю хлѣбъ, которымъ тебя напитать хочетъ? Не больше ли еще безразсудно и дерзновенно требовать, чтобы Богъ разсыпалъ Божественныя сокровища благодати Своей, и повергъ на землю небесный хлѣбъ, предъ человѣками, которые совсѣмъ не думаютъ и не заботятся о принятіи даровъ Его? Богъ, по безпредѣльной благости и милосердію, всегда готовъ, все даровать человѣку: но человѣкъ не всегда готовъ принять отъ Него что нибудь. Чтобы нищему принять милостыню, надобно ему протянуть руку: чтобы младенцу принять пищу, надобно ему отверзть уста: подобно сему надобно человѣку простираться къ Богу, чтобы достигнуть благодати Его, надобно имѣть отверзтую душу, чтобы пріять дары Его. Молитва есть простертая рука для принятія благодати Божіей, отверзтыя уста для вкушенія пищи

небесной. Въ семъ разумѣ сказалъ Богъ Израилю: *разшири уста твоя, и исполню я* (Псал. LXXX. 11.). Благодать чистѣйше духовна; и потому требуетъ чистаго духа для ея принятія; молитва же очищаетъ духъ, и его силы, и дѣйствія, и орудія. И такъ молись духомъ твоимъ, да пріимешь Духа Божія; молись умомъ, да упоишься Духомъ разума; молись сердцемъ, да напитаешься Духомъ благочестія; всѣ силы души и тѣла обрати въ орудія молитвы, дабы всѣ оныя обратились въ благословенныя орудія благодати, для исправленія и облаготворенія поврежденной и бѣдствующей природы.

Когда же примѣтишь по внѣшнимъ событіямъ, или почувствуешь внутренно, что молитва скорбящаго не презрѣна и не отринута; что Богъ изимаетъ тебя отъ скорби, или хотя уменьшаетъ и облегчаетъ оную: тогда не забудь, *мужъ желаній*, что надлежитъ тебѣ быть и мужемъ благодареній; и какъ вѣрнымъ обрѣтаешь Бога въ исполненіи обѣтованія Его, такъ представь Ему себя вѣрнымъ въ исполненіи повелѣнія Его: *изму тя, и прославиши Мя.*

Вѣрностію въ маломъ пріобрѣтается довѣренность во многомъ. Вѣрный въ благодареніи за малый даръ Божій обрѣтаетъ дерзновеніе просить великаго. Въ самомъ дѣлѣ, по собственному ощущенію, Христіанинъ, знать можешь, что сердце благодарящее свободнѣе открывается, и пространнѣе отверзается, нежели сердце просящее: слѣдственно тѣмъ болѣе оное способно къ пріятію обильной благодати.

Гдѣ не призываютъ Бога въ скорбяхъ, гдѣ не

прославляютъ Его за благодѣянія: тамъ пресѣкается общеніе человѣка съ Богомъ, Источникомъ всякаго блага и всякой премудрости; слѣдственно въ удѣлъ человѣку остается только зло и безуміе. Отъ чего люди не только въ трудныхъ обстоятельствахъ не благодушествуютъ, но и боятся тамъ, гдѣ нѣчего бояться?—Отъ того, свидѣтельствуетъ испытанная въ бѣдахъ душа, что не призываютъ Господа. *Господа не призваша, тамо убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ* (Псал. XIII. 4. 5.). Какимъ образомъ цѣлый міръ языческій *преданъ въ нечистивенъ умъ творити неподобная*, омраченъ нелѣпостями, погрязъ въ мерзостяхъ?—*Понеже*, —такъ изъясняетъ Апостолъ происхожденіе сего жалкаго состоянія рода человѣческаго,—*понеже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ;—занеже разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша, или благодариша* (Рим. I. 21–28.).

Берегись просвѣщенный вѣрою Христіанинъ, возвращенія къ языческому невѣрію и заблужденію; не медли призывать Бога въ день скорби твоея, или паче, не оставляй каждый день прилѣжно взывать къ Нему, тѣмъ болѣе, что на сей осужденной за грѣхопаденіе человѣка землѣ, доколѣ не снидутъ на нее вновь дніе неба, каждый день есть день скорби, для того или другаго, здѣсь, или тамъ, — скорби, если не отъ самаго бѣдствія, то отъ чувствительнаго лишенія, или отъ близкой къ сердцу заботы.

И теперь, на примѣръ, здѣсь мы веселимся, видя знаменія побѣдъ, вкушая сладость мира и безопасности: а тамъ—побѣдоносное воинство вновь на по-

лѣ брани; Царь за предѣлами Отечества; Царица странствуетъ, влекомая любовію въ близость къ Супругу; Царица Матерь одиночествовала бы между Царскими Младенцами, если бы вѣрная Дщерь, предвидя сіе одиночество, не приспѣла издалеча на священную стражу любви при наилучшей изъ Матерей: — не довольно ли уже самыхъ нѣжныхъ заботъ для сердецъ Россіянъ? А что еще далѣе? Сынъ рабыни Агари неистовствуетъ, какъ-бы поспѣшая запечатлѣть свое предопредѣленіе: *рущь его на всѣхъ, и руки всѣхъ на него* (Быт. XVI. 12.). Народъ, отъ котораго святая Русь наслѣдовала святую вѣру, едва не исчезаетъ въ бѣдахъ отъ враговъ вѣры. Священники распинаются или сожигаются. Христіане, мужи и жены, старцы и дѣти влекутся въ рабство, или истасваютъ гладомъ, или, что всего ужаснѣе, принуждаются отречься отъ имени Христова. Церковь Россійская! призывай Бога Избавителя, въ сіи дни скорби матери твоей Церкви Греческой. Россія! день и нощь призывай Бога, въ помощь Благочестивѣйшему Императору и Его воинству, защитникамъ Христіанства и человѣчества.

Господи! спаси Царя, и услыши ны, въ оньже аще день призовемъ Тя (Псал. XIX. 10.). *Да обрящется рука Твоя всѣмъ врагомъ Твоимъ; десница Твоя да обрящетъ вся ненавидящія Тебе. Вознесися, Господи, силою Твоею: воспоемъ и поемъ силы Твоя* (Псал. XX. 9—14.)! Аминь.

10. СЛОВО

НА ЗАКЛЮЧЕНІЕ МИРА СЪ ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЮ ВЪ 1830 ГОДУ.

И будутъ дѣла правды миръ, и одержитъ правда покой, и уповающе будутъ до вѣка Иса. LII. 17.

И такъ, слава въ вышнихъ Богу! — Миръ на землѣ Россійской, и, чрезъ миротворство Россіи, миръ на земляхъ многихъ! Миръ, достойный быть изображенъ сими пророческими словами: *будутъ дѣла правды миръ, и одержитъ правда покой*; а посему достойный также сей пророческой надежды: *и уповающе будутъ до вѣка!*

Если бы могущественный Самодержецъ жаждалъ только бранныхъ побѣдъ: то, ставъ одною ногою въ Адріанополѣ, а другою въ Эрзерумѣ, Онъ не утерпѣлъ бы, чтобы не сдѣлать еще шага, дабы до земли унизить высокую Порту. Но великодушный Монархъ, какъ рѣшился въ началѣ брани, такъ и среди успѣховъ оружія остался при первоначальной рѣшимости дѣйствовать не столько правомъ силы

военной, сколько мирною силою правды. Среди отверстыхъ, такъ сказать, вратъ къ новымъ побѣдамъ, отъ торжественныхъ кликовъ славы, Онъ обратилъ все вниманіе къ тихому гласу человѣколюбія. Сіе неземное величіе духа явилъ въ себѣ Благочестивѣйшій Государь и плодъ онаго есть миръ, ознаменованный многочисленными дѣлами правды и человѣколюбія. Правда договоровъ возстановлена и ограждена; неправды противъ Россіянъ и противъ Россіи заглаждены вознагражденіями; Христіанскимъ народамъ подъ нехристіанскимъ правительствомъ оказано вѣрное покровительство; и если хотимъ быть внимательны, можемъ усмотрѣть, что съ дѣлами правды Царевой тайнымъ пѣкимъ, по дѣйствительнымъ союзомъ связаны дѣла правды Божіей: ибо тотъ самый властитель, который за девять лѣтъ предъ симъ, въ день Пасхи, перваго Священноначальника Христіанской Греціи предалъ мученической смерти, въ нынѣшнемъ году, въ день же Пасхи, долженъ былъ утвердить независимость Христіанской Греціи, — независимость, которой Европа, соединенными силами Наваринской битвы, соединеннымъ искусствомъ продолжительныхъ переговоровъ, не могла достигнуть, и которой достигъ Императоръ Россійскій безъ примѣтныхъ усилій, миромъ.

Вотъ, Христіане, очевидный для цѣлаго міра примѣръ вѣрности и непреложности Божественныхъ изреченій, что *будутъ дѣла правды миръ*, то есть, дѣла справедливости, благости, непорочности, или естественно, или сокровеннымъ дѣйствіемъ Прови-

дѣнія, превращаются въ миръ, въ благоуспѣшность, въ благополучіе; что *одержитъ правда по ой*, то есть, добродѣтель истинная, *наитіемъ Духа отъ Вышняго* (Иса. XXXII. 15.) возбуждаемая и управляемая, одерживаетъ побѣду надъ всѣми препятствіями, и достигаетъ покоя, въ дѣлахъ общественныхъ — общественнаго, въ дѣлахъ духовныхъ — духовнаго; что люди сего рода *уповающе будутъ до вѣка*, то есть, только на добродѣтели, на благости, на непорочности основанное благополучіе благонадежно и прочно.

Не одни цари принуждены бываютъ вести войну, и употреблять усилія къ достиженію выгоднаго мира. *Не война ли жизнь человѣка на земли?* — говоритъ Іовъ (VII. 1.). И подлинно, кто изъ насъ не находится чаще или рѣже, въ болѣе или менѣе трудномъ противоборствѣ съ какимъ нибудь врагомъ, препятствующимъ нашему миру, или домашнему, или душевному: хотя врагъ сей не какой нибудь царь и народъ, но просто неблагопріятствующій человѣкъ, или, можетъ быть, вещь, и даже отсутствіе вещи, мысль, желаніе, страсть, недостатокъ? Одинъ, напримѣръ, сражается съ бѣдностію, и, то усиліемъ трудовъ, то искусствомъ оборотовъ старается завоевать изобиліе, или, по крайней мѣрѣ примириться съ нуждами. Другой домогается занять какое нибудь возвышенное мѣсто въ общественной службѣ, или преслѣдуетъ какое нибудь почетное названіе, чтобы какъ нибудь помириться съ помыслами честолюбія, которые не даютъ ему покоя. Но вотъ въ чемъ всего чаще погрѣшаютъ не-

умиренные воинственники жизни: они не примѣчаютъ открытаго, или сокровеннаго, но тѣмъ не менѣе вѣрнаго союза между правдою и миромъ, между добродѣтелію и благополучіемъ, между непорочностію и спокойствіемъ. Отъ того правда для нихъ не довольно любезна, отъ того миръ для нихъ не довольно надеженъ. Имъ кажется, что законъ налагаетъ на насъ дѣла правды, какъ тяжкіе оброки, какъ господскія работы, только къ изнуренію нашему, безъ всякой для насъ надобности и выгоды. Имъ думается, что также удобно, или еще скорѣе, можно достигнуть мира, если оставить въ сторонѣ трудный и узкій путь правды. Нѣтъ! Дѣла правды предписываются закономъ для того именно, что оныя суть средство къ миру. Мира благословеннаго, благополучія прочнаго, спокойствія истиннаго не иначе достигнуть можно, какъ путемъ правды. *И будутъ дѣла правды миръ, и одержитъ правда покой, и уповающе будутъ до вѣка.*

Хотя дерзко, и почти нелѣпо, бренію вопрошать скудельника, почему онъ дѣлаетъ такой, а не другой сосудъ, и назначаетъ ему такое, а не другое употребленіе: однако да будетъ отчасти позволена сія дерзость, не для мятежнаго и тщетнаго пререкословія премудрому и благому Художнику міра, но для скромнаго изслѣдованія потребной для насъ истины. Вопроси, человѣкъ, для чего Богъ сотворилъ тебя существомъ нравственнымъ, имѣющимъ тонкое внутреннее чувство различенія добра и зла; для чего, по свидѣтельству Апостольскому, *созданъ* ты *на дѣла благая, яже прежде уготова*

Бог, да въ нихъ ходишь (Еф. II. 10.), а дѣла злыя возбранены тебѣ строгими заповѣдями, подъ угрозою смерти? Для Творца ли твоего сіе надобно, или для тебя самого? Если ты медлишь на сіе отвѣтствовать: то предварятъ тебя одинъ изъ просвѣщенныхъ друзей Іова, и говоритъ: *воззри на небо, и виждь: смотри же на облаки, коль высоки суть отъ тебе. Аще согрѣшилъ еси, что сотвориши* Живущему превыше ихъ? *Аще же и много беззаконновалъ еси. что можеши сотворити* Ему? *Понеже убо праведникъ еси, что даси Ему? Или что изъ руки твоея возметъ* (Іов. XXXV. 5—7.)? Возмемъ въ разсужденіе заповѣдь: *не укради*. Къ чему нужна она Тому, Который обладаетъ всѣмъ, и у Котораго никто не властенъ ни отнять, ни похитить? Не сдѣлаешь Ему прибыли, если не украдешь, ни убытка, если украдешь. У Него даже невозможно украсть; потому что куда ни унеси вещъ, она всегда остается въ Его владѣніи. Если же заповѣдь сія не для Законодателя надобна: то конечно надобна для самого тебя, которому заповѣдана. Такъ точно: заповѣдано тебѣ не красть, дабы тоже заповѣдано было всѣмъ, дабы такимъ образомъ ты отвсюду былъ огражденъ безопаснотію отъ кражи, дабы дѣло неправды не похищало у тебя мира, дабы дѣло правды приносило тебѣ покой. Подобнымъ образомъ запрещено убивать, чтобы твоя жизнь предохранена была отъ убійства; запрещено лжесвидѣтельствовать и злословить, чтобы ты не страдалъ отъ клеветы и злорѣчія; запрещено желать зла и мыслить зло, чтобы злыя же-

лания не мучили твоего сердца, чтобы злыя мысли не оскверняли и не затмѣвали твоего ума. Запрещены даже праздныя слова и праздныя мысли: это уже слишкомъ тяжело, говорятъ легкомысленные; безъ нужды строго, думаютъ неразумѣющіе; праздныя слова, говорятъ, не вредны, а праздныя мысли — еще менѣе: да, мѣлкія насѣкомыя большею частію не ядовиты и не смертоносны; однако хотѣлъ ли бы ты жить въ воздухѣ, ими наполненномъ, гдѣ непрестанно толпятся онѣ въ глаза, жужжатъ въ уши, тревожатъ осязаніе, и сотнями наносятъ, подлинно, несмертельныя раны? Сему подобно состояніе души, наполненной праздными и суетными помыслами: если кому сіе не ощутительно, то потому, что онъ не испыталъ лучшаго внутренняго состоянія, и потому долженъ повѣрить знающимъ, что благо, которое готовитъ ему заповѣдь объ очищеніи ума, гораздо важнѣе, нежели онъ вообразить можетъ. Предписано Богослуженіе: безъ сомнѣнія, и сіе не потому, чтобы Богъ имѣлъ нужду или недостатокъ въ служащихъ ему: *тысяща тысящь*, какъ видѣлъ Пророкъ (Дан. VII. 10.), *служатъ Ему* на небесахъ несравненно ближе и благоугоднѣе, нежели лучшіе изъ земнородныхъ; *тмы темъ предстоятъ Ему* тамъ, не имѣя нужды обращаться къ другимъ, ничтожнымъ дѣламъ, ни къ безчувственному покою, какъ мы — послѣ нашего краткаго служенія. Если мы удостоиваемся призыванія къ дѣламъ служенія Богу: то для того, чтобы чрезъ сіе сдѣлать намъ благодѣяніе и милость, приближить наши мысли, чувствованія, дѣйствія, умъ, волю, словомъ: при-

ближить существо наше къ Существу Высочайшему, чтобы симъ приближеніемъ поставить душу нашу предъ свѣтомъ вѣчнаго Солнца, дабы она симъ свѣтомъ внутренно просвѣщалась, оживлялась, наполнялась, питалась, наслаждалась и, утвердясь наконецъ въ причастіи сего свѣта совершенно, сдѣлалась причастницею вѣчнаго блаженства. Что сказать *о новой заповѣди*, о возвышеннѣйшемъ, чистѣйшемъ, совершеннѣйшемъ, собственно Христіанскомъ образѣ закона, о единственной и всеобъемлющей заповѣди о любви къ Богу и къ ближнему? Кто здѣсь не чувствуетъ, какъ прямо, какъ непосредственно ведетъ правда къ миру, исполненіе заповѣди къ блаженству: тотъ видно не получилъ еще предсказаннаго Пророками истиннымъ Христіанамъ *сердца новаго и духа новаго* (Іез. XXXVI. 26.), а остается съ сердцемъ ветхимъ, Адамовымъ, *каменнымъ*; и поистинѣ таковый заслуживаетъ, чтобы отнять у него сей свободный и возвышенный законъ, котораго достоинства онъ знать не хочетъ, и предать его всей власти низкаго и рабскаго закона чувственныхъ нуждъ, похоти, ярости, со скотами и звѣрями, и, съ неодушевленною земною природою, законамъ темнаго, страдательнаго боренія силъ.

Человѣкъ, заботящійся менѣе о правдѣ, нежели о мирѣ, менѣе о законѣ, чѣмъ о благополучіи, можетъ быть, скажетъ, что онъ увѣренъ во всеобщей благотворности закона и правды, если бы только держались оныхъ всѣ безъ изъятія, и если бы путь правды въ началѣ и продолженіи своемъ не представлялъ трудностей, которыя закрываютъ вожделѣнный

конецъ онаго. Но когда, говоритъ, вижу, что слово правды и честности часто не находитъ вниманія, а слово хитрости и лести уловляетъ людей и правитъ дѣлами; что многолѣтный праведный трудъ только что не лишается насущнаго хлѣба, между тѣмъ какъ посредствомъ неправедныхъ оборотовъ составляются огромныя богатства; что на пути правды предстоятъ подвиги, лишенія, а по сторонамъ отъ него разсыпаны удовольствія.... Не хочется договорить сего нелюбомудраго разсужденія, которое впрочемъ, осмотрясь, вѣроятно, не одинъ изъ насъ найдетъ у себя болѣе или менѣе доведеннымъ до употребленія въ дѣлахъ. Ахъ, бѣдный искатель скороспѣлаго и дешеваго благополучія! Не ужели ты подлинно хочешь завидовать хитрости, лести, неправеднымъ оборотамъ, злоприобрѣтенному имѣнію, низкимъ удовольствіямъ, кратко сказать, неправдѣ и пороку? Не ужели недостоинство средствъ не отражаетъ тебя сильнѣе, нежели сколько привлекаютъ выгоды, обѣщаемыя такими средствами? Не ужели пріятно было бы тебѣ надѣть красивую одежду, какъ вывѣску твоихъ обмановъ, построить великолѣпный домъ, какъ памятникъ твоему грабительству, сѣсть за роскошный столъ, и ѣсть плоть, и пить слезы и кровь разоренныхъ твоими неправдами? Не ужели ты назвалъ бы это благополучіемъ? Не ужели полагалъ бы тутъ найти миръ хотя на краткое время, не говорю, надолго? *Не ревнуй лукавнующымъ, ниже завиди творящымъ беззаконіе: зане яко трава скоро изсхнутъ* (Псал. XXXVI. 1. 2.). Если подъ владычествомъ правосуднаго ца-

ря земнаго не долго успѣваетъ неправда, не долго правда остается въ затрудненіи: возможно ли въ царствіи всевидящаго и всемогущаго Царя небеснаго, долго, ненаказанно ругаться надъ Его вѣчными и святыми законами? Возможно ли, чтобы ревностные и вѣрные исполнители сихъ законовъ не были ведены самымъ вѣрнымъ, хотя не всегда одинакимъ, не всегда открытымъ, не всегда торжественнымъ путемъ къ миру, къ покою, къ блаженству? Праведный Іовъ будетъ наконецъ благоденствовать, не смотря на то, что видимый и невидимый міръ возстали на разрушеніе благоденствія его. Если правда Іосифа низведена до рабства и темницы: за то наконецъ она возведется до престола. Кромѣ сего, есть для Іосифа и въ темницѣ міръ, котораго не имѣютъ братья его на свободѣ,—міръ добраго сердца, утѣшеніе непорочной совѣсти, отрадное вѣяніе духа небеснаго на чистую душу, предвкушеніе блаженства, уготованнаго правдѣ сыновъ Божіихъ, не только правдою, но и безконечными щедротами Отца небеснаго.

Христіанинъ! Никто, какъ ты, для достиженія правдою мира, добродѣтелію блаженства, не имѣетъ столь совершеннаго Подвигоположника, столь вѣрнаго Вождя, столь могущественнаго Помощника. Онъ единъ паче всѣхъ показуетъ тебѣ, что еслибъ дѣла правды повели даже путемъ смерти, то проведутъ до воскресенія въ жизнь, и до вознесенія въ славу. И такъ тебѣ съ особенною точностію и можно и должно исполнять ученіе, которое и прежде Христіанства преподавать не колебались: *упован*

на Господа, и твори благостыню, и насели землю, и упасешися въ богатствѣ ея. Открый ко Господу путь твой, и уповай на Него, и Той сотворитъ. И изведетъ, яко свѣтъ, правду твою, и судьбу твою, яко полудне (Псал. XXXVI. 3. 6.). Аминь.

11. БЕСѢДА

ПРЕДЪ ПРЕНЕСЕНІЕМЪ ПАМЯТНИКОВЪ ПРЕЖНЯГО ЗАЛОЖЕНІЯ ХРАМА ХРІСТА СПАСИТЕЛЯ, ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ЗАЛОЖЕНІЮ ОНАГО НА НОВОМЪ МѢСТѢ, ГОВОРЕННАЯ ВЪ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ, ЧТО НА ВОРОБЬЕВЫХЪ ГОРАХЪ, ІЮНЯ 20 ДНЯ, 1838 ГОДА.

Нынѣшній день для собравшихся здѣсь представляетъ такъ много необходимаго дѣла, что не оставляетъ много времени для произвольной бесѣды. Однако надобно же сказать хотя нѣсколько словъ, чтобы дать отчетъ въ томъ, что мы дѣлаемъ. Нѣкоторое объясненіе тѣмъ болѣе нужно, что случай, который теперь съ нами встрѣтился, не встрѣчался съ нами прежде, и не трудно предсказывать, что еще не встрѣтится.

Что же значитъ сіе собраніе? Какой праздникъ знаменуется симъ соборомъ церковнымъ? Это не праздникъ, если говорить языкомъ церковнымъ, но *отданіе*, окончаніе праздника, который не былъ вполнѣ торжествованъ, и вмѣстѣ *предпразднество*,

приготовленіе къ празднику, который не вскорѣ торжествуемъ будетъ. Мы призваны сюда, чтобы окончить то, что почти не начато, для приготовленія къ новому началу. Что могли бы сдѣлать только поздніе потомки послѣ отдаленныхъ предковъ, то намъ доводится сдѣлать послѣ нашихъ современниковъ, и частію послѣ самихъ себя.

Александръ Благословенный положилъ въ сихъ мѣстахъ начало созиданію Храма во Имя Христа Спасителя, въ ознаменованіе царственной блогодарности за спасеніе Россіи. Составленъ чертежъ зданія; избрано мѣсто; даны средства сооруженія; прошло двадцать лѣтъ, въ началѣ которыхъ думали, что къ концу сего времени мы увидимъ зданіе возрастающимъ. Въ столько времени могъ бы даже явиться цѣлый храмъ: и если бы такъ было, то могъ бы онъ стоять многіе вѣки непоколебимымъ и неповрежденнымъ, потомъ опять многіе вѣки могли бы видѣть его древнимъ и ветшающимъ; еще вѣки нужны были бы для того, чтобы сквозь развалины обнажились самыя основанія, и тогда наконецъ могла бы найтись въ нихъ крестообразная доска, знакъ бывшаго храма, съ именемъ Основателя его Александра, напомнила бы подвиги Великаго Монарха, и дѣло Его благочестія, и ввела бы размышляющихъ въ думы возвышенныя и печальныя. Какая же то необычайная игра событій, что сіе необъятное поприще промелькнуло передъ нами, и мы теперь очутились у его послѣдняго предѣла!

Тотъ, который нашелъ средства сдержать тяжесть Европы, обрушившейся на Россію, могъ ли сомнѣ-

ваться, что найдутся средства сдержать тяжесть зданія, неравновѣсно дѣйствующую на склонѣ горы? Тотъ, который умѣлъ соединить сердца владыкъ и народовъ Европы, чтобы создать храмъ общаго мира, могъ ли думать, что камень будетъ упрямъ противъ Его державной воли, и не пойдетъ въ составъ храма, ею указуемый? Время уяснило истину.

Преемникъ Александра, по любви братней, и по уваженію къ волѣ Предшественника, простираемому до благоговѣнія, употребилъ всѣ возможныя усилія, чтобы исполнить мысль Его безъ перемѣны: но симъ отдалилось только время ея исполненія. И прежнее мѣсто и прежній чертежъ преднамѣреваемаго зданія оказалось необходимымъ замѣнить новыми.

Что жъ? Не ужели не благословилось предпріятіе Благословеннаго? Да не будетъ. Но Божіе всемогущество явилось надъ могуществомъ человѣческимъ, судьбы Божіи превознеслись и надъ возвышеннѣйшими и надъ лучшими помыслами человѣческими. *Не суть, якоже путіе ваши, пути Мои, глаголетъ Господь* (Иса. LV. 8.). *Да смирится всякая высота человѣческая, и да вознесется Господь единъ* (Иса. II. 11.).

Богъ низлагаетъ гордость нечестивыхъ, разрушая созданія ихъ безъ надежды возстановленія; Богъ смиряетъ и усовершаетъ мудрованіе благочестивыхъ, приводя благія ихъ намѣренія къ исполненію не тѣми путями, которыя предначерталъ самомудрствующій человѣческій разумъ.

Не нынѣ начинаются опыты сего явленія непостижимыхъ судебъ. Вспомнимъ одно изъ древнѣйшихъ

начинаній храмоздательныхъ. Іаковъ видитъ видѣніе Божіе; благовѣетъ къ мѣсту, на которомъ оное видѣлъ; поставляетъ на немъ камень; возливаетъ на него елей; даетъ ему имя: *Веоиль*, то есть, *домъ Божій*. Подумаешь, что видишь заложеніе храма, который когда либо можетъ быть созданъ истинному Богу, и котораго не было до Іакова. Но когда пришло время создать скинію Господню, и потомъ храмъ, скинія воздвигнута не въ Веѳилѣ, а въ пустыни Аравійской, и, бывъ перенесена въ землю обѣтованную, поставлена не въ Веѳилѣ, а въ Силомѣ, и потомъ въ Гаваонѣ; а наконецъ и храмъ созданъ, не въ Веѳилѣ, ни въ Силомѣ, ни въ Гаваонѣ, но, гдѣ прежде не думали, – въ Іерусалимѣ. Давидъ, Царь по сердцу Божію, предпринялъ создать храмъ: но исполнить сіе предпріятіе суждено было сыну и преемнику его Соломону. Не дивно, если и нынѣ, чѣмъ важнѣе храмоздательное предпріятіе, тѣмъ болѣе является владычество Божіихъ судебъ надъ человѣческими начинаніями.

И посему-то мы не съ скорбію или смущеніемъ, идемъ снять основаніе несозданнаго еще храма, но съ молитвою и упованіемъ вѣры, и съ священною торжественностію, съ какою оное было положено. Освященныя руки поднимутъ то, что положено было освященными руками; руки избранныхъ служителей державной воли пріимутъ то, что положено державными руками, и древній святый храмъ сохранитъ сіе, *дондеже обрящется* новое и благоугодное *мѣсто Господеви*, для *селенія Богу Іаковлю*.

Соединимся, братія, въ молитвѣ, да даруетъ Господь послѣ Благочестивѣйшаго Александра Благочестивѣйшему Николаю благодать храмоздательства, какъ даровалъ оную послѣ Давида Соломону. Да *обрящетъ* Онъ *мѣсто Господеви*, и да возблаговолитъ Господь о мѣстѣ, отъ Него избранномъ; да созиждетъ Онъ *селеніе Богу Іаковлю*, и да вселится въ оное слава Господня. Да исполнится торжественный обѣтъ Царя и Царства; и да утвердятся обѣтованія Божіи на Благочестивѣйшемъ Самодержцѣ Россіи, на Его Домѣ и на Его народѣ, на вѣки Аминь.

12. СЛОВО

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ ЕДИНОВѢРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ, ПРЕДЪ ЗАЛОЖЕНІЕМЪ НА ЕДИНОВѢРЧЕСКОМЪ КЛАДБИЩѢ ХРАМА ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ, ГОВОРЕННОЕ СЕНТЯБРЯ 8 ДНЯ 1840 ГОДА.

Святый Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ, говоритъ между прочимъ къ чадамъ Римскія Церкви: *желаю видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное ко утвержденію вашему, сіе же есть, соутѣшитися въ васъ вѣрою общею, вашею же и моею* (Рим. I. 11. 12.).

Поучительна ревность Апостольская. Святый Павелъ имѣлъ въ своемъ попеченіи многія Церкви Азійскія, Греческія, Македонскія, большею частію имъ основанныя, и имъ руководствуемыя: но и на Римскую, не столь близкую, и не имъ основанную, простиралъ вниманіе; и не только писалъ къ ней посланіе, но и лично посѣтить ее желалъ.

Если тѣ, которые, по устроенію Божію, пріяли, хотя не Апостольскую власть, впрочемъ отъ Апо-

столовъ друг-другопріимательно преданный жребій священноначальства, по справедливости должны подражать ревности Апостольской въ своемъ, хотя не столь обширномъ, кругѣ дѣйствованія: то я не особеннымъ чѣмъ либо похвалюсь, а только укажу на свою обязанность, если скажу, что уже давно *желаю видѣти васъ*, братія, въ вашей собственно церкви, и что теперь исполняется мое давнее желаніе.

Но, можетъ быть, кто нибудь, услышавъ сіе, помыслитъ: почему жъ бы давно и не исполниться сему желанію, если оно есть давнее? — Дабы отвѣтствовать на сей вопросъ, я прибѣгну опять ко Святому Апостолу Павлу, который, въ слѣдъ за вышеприведенными словами, въ посланіи къ Римлянамъ пишетъ: *не хощу же не вѣдѣти вамъ, братіе, яко множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ доселѣ.* Если могло случиться, что Святый Павелъ, при толикомъ обиліи данной ему, даже чудодѣйственной благодати, долго не могъ исполнить труднаго: то, при моей немощи, конечно не удивительно, что я не скоро могъ исполнить не трудное.

Вопросъ, несравненно болѣе достойный вниманія для меня и для васъ, долженъ быть сей: для чего я желалъ, или лучше, для чего долженъ былъ желать, увидѣться съ вами здѣсь, и для чего вамъ прилично было желать сего; ибо я нахожусь нынѣ здѣсь какъ по моему давнему желанію, такъ и по вашему неоднократному приглашенію. И въ семъ отношеніи тотъ же Апостолъ можетъ быть руководителемъ и

образцемъ уже не для меня только, но купно и для васъ, братія. *Желаю бо видѣти васъ*, говоритъ онъ Римскимъ Христіанамъ. Но для чего? — *Да нѣкое*, говоритъ, *подамъ вамъ дарованіе духовное.* Что это значитъ? Какое обѣщаетъ онъ дарованіе духовное? — Онъ объясняетъ: *сіе же есть соутѣшитися въ васъ вѣрою общею, вашею же и моею.* Итакъ вотъ для чего Апостолъ желаетъ посѣтить церковь Римскую, видѣть Христіанъ Римскихъ: онъ желаетъ найти у нихъ общую вѣру и общеніе въ вѣрѣ, ближайшимъ образомъ дознать и открыть, что Римляне точно единовѣрцы ему, и онъ единовѣрецъ Римлянамъ. И въ семъ дознаніи онъ уповаетъ обрѣсти *соутѣшеніе*, то есть, взаимное утѣшеніе, Римлянамъ отъ него, и ему отъ Римлянъ, и не просто утѣшеніе человѣческое, но *дарованіе духовное*, даръ Святаго Духа Утѣшителя. Если, братія, и мы хотимъ быть вѣрными сему Апостольскому направленію, сообразными сему первоначальному образу Церкви Христовы. то надобно, чтобъ и ваше предварившее приглашеніе, и мое къ вамъ настоящее пришествіе, имѣло не иную цѣль, какъ *вѣру общую, вашу же и мою.* Едино должно быть и у меня и у васъ желаніе, да обрящемся точно другъ другу единовѣрцы, по вѣрѣ истинной, православной, чистой, непорочной, отъ Господа Спасителя чрезъ Святыхъ Апостоловъ и Богоносныхъ Отцевъ преданной, и непрерывнымъ и неизмѣннымъ преданіемъ и до насъ достигшей; да въ общеніи мирныхъ сердецъ и несмущенныхъ совѣстей, *соутѣшимся вѣрою общею, вашею же и моею*, и въ

семъ утѣшеніи познаемъ и ощутимъ благодатное *даровaніе духовное.*

Не домогаюсь покорить васъ моему слову: покоряюсь слову Евангельскому и Апостольскому, и въ покореніи ему желаю быть вмѣстѣ съ вами. Послушайте еще, какъ оно проповѣдуетъ и заповѣдуетъ, не только вѣру каждому порознь, но и всѣмъ въ совокупности общеніе и соединеніе вѣры.

Когда Господь нашъ, отходя на вольное за насъ страданіе, Своею всемогущею къ Единосущному Отцу Своему молитвою на вѣки утверждалъ Свою Церковь: тогда, помолясь прежде о Своихъ Апостолахъ, проповѣдникахъ вѣры, столпахъ Церкви, строителяхъ таинъ, потомъ продолжалъ молитву Свою такъ. *не о сихъ же молю токмо, но и о вырующихъ словесе ихъ ради въ Мя, да вси едино будутъ* (Іоа. XVII. 21.). Слышите: не о томъ только печется Начальникъ и Совершитель вѣры, чтобы вѣрующіе пребывали въ вѣрѣ, но и въ особенности о томъ, чтобы вѣрующіе всѣ были едино. Итакъ, если кто и мнится имѣть вѣру, но не держится великаго единства всѣхъ вѣрующихъ; ходитъ самочинно, не заботясь о искреннемъ общеніи съ Единою, Святою, Соборною и Апостольскою Церковію: за таковаго весьма надобно бояться, чтобы онъ не остался внѣ дѣйствія спасительной молитвы Христовой, а слѣдственно и внѣ спасенія, ибо нѣтъ сомнѣнія, что спасутся токмо тѣ, за которыхъ принесъ молитву Свою Ходатай Бога и человѣковъ, и надъ которыми она исполнилась

Посему-то и Апостолъ, увѣщевая Христіанъ по-

ступать достойно своего званія, увѣщеваетъ соблюдать единство. *Молю васъ*, пишетъ Святый Павелъ къ Ефесеямъ, *азъ юзникъ о Господѣ, достойно ходити званія, въ неже звани бысте, — тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Еф. IV. 1. 3.). Такимъ сочетаніемъ мыслей Онъ даетъ разумѣть, что достойно Христіанскаго званія ходитъ только тотъ, кто тщится блюсти единеніе духа въ союзѣ мира; что небреженіе о единствѣ принадлежитъ къ хожденію, недостойному званія Христіанскаго. Далѣе, открывая основанія Христіанскаго единства, и убѣждая къ соблюденію онаго, Апостолъ присовокупляетъ: *едино тѣло, единъ духъ, яко же и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего: единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе: единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, Иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ насъ.* Подлинно, сколько причинъ, и какихъ сильныхъ причинъ и побужденій къ единству! Если для рабовъ бываетъ средоточіемъ единенія одинъ общій господинъ, и еще болѣе для домашнихъ глава семейства, для дѣтей отецъ: то кольми паче для насъ, братія Христіане, Единый надъ всѣми нами Господь Вседержитель, Единый у всѣхъ насъ Отецъ небесный! Если едина есть вѣра, живущая въ единствѣ Церкви, въ общеніи единыхъ таинствъ: то устраняющійся отъ единства, по необходимости долженъ опасаться, чтобы отъ него не устранилась самая вѣра, которая не можетъ отлучиться отъ своего единства. Если всѣ мы во Христѣ должны составлять единое тѣло, единымъ духомъ одушевленное: то кто можетъ вознерадѣть о един-

ствѣ, безъ крайней для себя опасности? Кто не знаетъ, что члены тѣла живутъ только въ единствѣ тѣла, при несовершенномъ единствѣ бываютъ больны, отдѣлясь отъ единства, умираютъ? Если мы призваны благодатію къ единому упованію Царствія небеснаго: то намъ очевидно нужно единеніе душъ, чтобы безпрепятственно вступить въ обладаніе нераздѣльнаго небеснаго наслѣдія. Какъ вѣрно то, что *царство раздѣльшееся на ся запустѣетъ* (Матѳ. XII. 25.): такъ же вѣрно и то, что царство вѣчное и неразрушимое не приметъ въ себя никакихъ раздѣленій и раздоровъ. Въ чистомъ единеніи вѣры и любви на земли должна образоваться способность къ высочайшему соединенію съ Богомъ и Святыми на небеси.

Братія святаго храма сего! чѣмъ удостовѣрительнѣе мы дознаемъ изъ Божественнаго слова, сколь важно и необходимо единеніе въ вѣрѣ: тѣмъ заботливѣе надлежитъ намъ помыслить о томъ, дѣйствительно ли мы имѣемъ сіе благо, можемъ ли, при настоящемъ видимомъ общеніи, внутренно и духовно, по Апостолу, *соутѣшитися вѣрою общею, вашею же и моею.*

И почему жъ не предаться намъ утѣшенію сему, неколеблющимися мыслями, не стѣсненными сердцами? Не имѣемъ ли мы твердыхъ основаній нашего единенія въ вѣрѣ? Не едину ли единосущную и нераздѣльную Троицу, одними и тѣми же догматами православія исповѣдуемъ и славимъ? Не единую ли крестную смерть и живоносное воскресеніе Іисуса Христа полагаемъ въ основаніе нашея вѣры и

нашего спасенія? Не единую ли благодать Святаго Духа пріемлемъ, въ однѣхъ и тѣхъ же таинствахъ? Не однѣ ли и тѣ же имѣемъ заповѣди и правила Евангельскія, Апостольскія, Соборныя, Свято-Отеческія? Не однимъ ли священноначаліемъ и священствомъ, которое отъ единыя живыя Лозы Христа, чрезъ Апостоловъ, исходитъ въ подобіи вѣтвей, простирающихся по всѣмъ мѣстамъ, продолжающихся чрезъ всѣ времена, и никогда не пресѣченныхъ, прививаемся къ единой и той же живой и жизнодательной Лозѣ духовной и Божественной? Узелъ единства, связанный изъ столь многихъ златыхъ нитей, перестанетъ ли быть крѣпкимъ, если ниже его кто нибудь усмотритъ расходящіеся концы нѣкоторыхъ малыхъ нитей?

Знаю, братія святаго храма сего, что единовѣріе ваше не для всѣхъ кажется яснымъ, во-первыхъ, потому, что видятъ у васъ нѣкоторые Богослужебные обряды и обычаи, по внѣшнему образу отличные отъ употребляемыхъ въ великой Церкви, хотя впрочемъ не противорѣчащіе духу и значенію оныхъ, какъ дознано испытаніемъ не кратковременнымъ; во-вторыхъ, потому, что держащіеся сихъ обрядовъ нѣкогда подвержены были осужденію церковному, когда держались оныхъ съ преслушаніемъ Церкви и съ отторженіемъ отъ единства ея. Но не разрѣшаю ли уже я сихъ недоумѣній, когда только произношу ихъ? Гдѣ есть единый духъ вѣры, и единеніе духа въ любви и въ послушаніи, такъ какъ слово Апостольское повелѣваетъ Христіанамъ быть *чадами послушанія* (1 Петр. I. 14.): тамъ

нѣкоторое случайное разнообразіе въ обрядахъ не есть раздѣленіе; и отъ суда, произнесеннаго на непокоривыхъ, по справедливости освобождаются послушные. Такъ разсуждать не мы начали нынѣ, и не наши предшественники недавно: такъ разсуждала и поступала Святая Церковь и въ первыя свои времена по требованію обстоятельствъ.

Во второмъ столѣтіи по Рождествѣ Хрістовомъ, между обычаями Церквей восточныхъ и западныхъ, была разность въ предметѣ важномъ: Восточные праздновали Пасху въ четвертый-надесять день Марта, хотя бы онъ былъ и не воскресный, а Западные — непремѣнно въ воскресный день. Но при семъ единство вѣры и единеніе Церквей существовало, и не подлежало сомнѣнію. Римскій Епископъ Викторъ возсталъ было за сіе противъ Восточныхъ, и покушался на расторженіе церковнаго общенія съ ними: но сему не мирному намѣренію противусталъ и западный же Епископъ, Святый Иринеи, который притомъ напомянулъ Виктору, что когда Святый Поликарпъ посѣтилъ Римскаго Епископа Аникиту, тогда каждый изъ нихъ остался при своемъ обычаѣ празднованія Пасхи, но тѣмъ не менѣе они имѣли общеніе между собою, и Аникита ради чести предоставилъ Святому Поликарпу въ своей Церкви первенство въ совершеніи Святыя Евхаристіи, и оба разстались въ мирѣ, и миръ сохранялся во всей Церкви между держащимися одного, и между держащимися другаго обыкновенія. Вотъ доказательство, что единовѣріе можетъ существовать при разнообразіи обряда; и доказательство сіе

представляютъ вамъ Святый Поликарпъ и Святый Пиней. *Воспомните при семъ*, что, по установленіи на первомъ вселенскомъ Соборѣ для всей Церкви одного времени празднованія Пасхи, и въ слѣдъ за тѣмъ общаго пасхальнаго круга, непокорные сему опредѣленію не были извинены старымъ обычаемъ, но были осуждены: и вотъ вы имѣете древній церковный примѣръ того, какъ церковная строгость можетъ падать на непокорныхъ и враждующихъ за обрядъ или обычай, терпимый въ миролюбивыхъ и послушныхъ. Кто размыслитъ о сказанномъ теперь, внимательно и безпристрастно: тотъ, надѣюсь, ясно увидитъ, какъ и нынѣ Святая Церковь согласна сама съ собою, когда къ искренно желающимъ быть чадами послушанія снисходительно простираетъ свои материнія объятія, и, твердо держа свои общіе древніе обряды и благочестивые обычаи, не поставляетъ однако же въ преграду единовѣрію нѣкоторыхъ частныхъ стараго времени обрядовъ, при увѣренности въ единствѣ догматовъ, таинствъ и священноначалія.

Итакъ, братія, нѣтъ намъ препятствія *соутѣшитися вѣрою общею*, какъ истиннымъ *дарованіемъ духовнымъ*, если только искренно сего желаемъ и усердно взыскуемъ. *Аще убо кое утѣшеніе о Христѣ*, со Апостоломъ глаголю вамъ, *или аще кая утѣха любве, аще кое общеніе духа, аще кое милосердіе и щедроты; исполните мою радость, да тожде мудрствуете, ту же любовь имуще, единодушни, единомудрени: ничтоже по рвенію или тщеславію, но смиреномудріемъ другъ друга че-*

стію больша себе творяще. Не своихъ си кійждо, но и дружихъ кійждо смотряйте (Фил. II. 1—4.).

Имѣйте христіанскую любовь; это просто: а любовь умудрится, чтобы содѣлать васъ единомудренными; ибо ей свойственно соединять, а не раздѣлять.

Рвеніе, тщеславіе, своекорыстіе суть сѣмена распрей и раздѣленій: не допускайте сѣяться злымъ сѣменамъ, и не возникнутъ злыя прозябенія.

Глубоко насаждайте смиренномудріе· и обильно произрастетъ миръ.

Ищите блага, утѣшенія и спасенія не себѣ токмо, но и ближнимъ: да упрочится надежда спасенія вашего, да умножится радость спасенія общаго. Обрѣтайте спасительное утѣшеніе въ единеніи съ единою Святою Церковію; и приносите матернему сердцу ея утѣшеніе вашимъ искреннимъ ей послушаніемъ. Не довольствуйтесь быть только какъ нибудь ей не чуждыми: подвизайтесь, *да будете*, по слову Господню, *совершени во едино* (Іоан. XVII. 23.). Духомъ чистаго единенія и любви и примѣромъ благозаконнаго житія споспошествуйте, да пріидутъ въ безопасную ограду единства церковнаго *и иныя овцы, яже не суть отъ двора сего.*

Тако мудрствующимъ, и таковыми правилами жительствующимъ, благословеніе Вамъ, и благодать, и миръ отъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго Истиннаго Бога, во Святой Троицѣ славимаго и покланяемаго во вѣки.

Благословеніе Господне да пріидетъ и на благое начинаніе, къ которому теперь мы приближаемся, чтобы съ самымъ началомъ дѣла, въ послѣдствіи свя-

таго, соединить начало освященія. Да пріиметъ Господь добровольную жертву рабовъ своихъ, которыхъ сердца Онъ подвигнулъ на дѣло благочестія и человѣколюбиваго страннопріимства; и да возниспослетъ имъ Свою Божественную благодать и щедроты. Да оснуетъ храмъ Свой, да созиждетъ, да освятитъ, да утвердитъ.

И прежде почившіе въ надеждѣ воскресенія братія святаго храма сего, да пріимутъ новое утѣшеніе въ томъ, что мѣсто покоища ихъ пріосѣнитъ святый храмъ, съ присною за нихъ молитвою и безкровною жертвою.

И душа новопреставленнаго раба Божія Петра, который не далъ себѣ покоя, *дондеже обрѣте мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю*, а обрѣтши тотчасъ упокоенъ судьбою Божіею въ самомъ началѣ и основаніи дѣла своего, да водворится у Господа въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ селеніи праведныхъ, въ вѣчно блаженномъ единствѣ *Церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ*. Аминь.

15. БЕСѢДА

НА СЫРНОЙ НЕДѢЛѢ ПРОТИВЪ НЕВОЗДЕРЖАНІЯ.

Внемлите же себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той. Лук. XXI. 34.

Приближающееся время Поста призываетъ насъ къ воздержанію: и святая Церковь сіи приготовительные къ оному дни расположила какъ степени, дабы по-малу отъемля тучность пищи, и увеличивая трудъ молитвенный, возвести насъ къ совершенству поста и къ протяженнымъ подвигамъ покаянія и молитвы. Но въ сіе преддвѣріе святаго Поста, которое мы проходимъ, безразсудный обычай какъ много вноситъ противнаго воздержанію и трезвости тѣлесной и духовной! Мнѣ кажется, сіе должно возбуждать въ насъ жалость и ревность, подобную ревности Дома Божія, по которой Господь нашъ бичемъ изъ вервій изгналъ изъ преддверія храма продающихъ и покупающихъ, превра-

щающихъ его въ домъ купли и въ вертепъ разбойниковъ. О, если бы Онъ помогъ и намъ малымъ бичемъ, сплетеннымъ изъ словесъ истины и цѣломудрія, если не совсѣмъ изгнать, то хотя нѣсколько укротить невоздержаніе, особенно неистовствующее при входѣ во святилище Поста, и кромѣ сего нерѣдко угнетающее тѣла, опустошающее души, истощающее стяжанія, расхищающее добродѣтели, поглощающее способности!

Внемлите себѣ, глаголетъ Господь, *да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ*. Не излишнимъ ли теперь покажется нѣкоторымъ сіе предостереженіе, и не обиднымъ ли предполагаемое онымъ подозрѣніе въ такихъ грубыхъ порокахъ? — Не желаемъ никого подозрѣвать, ни обижать, но напоминаемъ вамъ, люди, по собственному мнѣнію, довольно умѣренные и трезвые, что сказанное предостереженіе первоначально далъ Господь избраннымъ ученикамъ Своимъ. Наставленіе, которое Петру, Іакову, Іоанну, Андрею, не обидно было слышать, не можетъ быть для кого-нибудь изъ насъ ни оскорбительнымъ, ни излишнимъ.

То ли одно есть объяденіе, когда тѣло не вмѣщаетъ пищи? То ли одно піянство, когда умъ потопленъ въ винѣ, и отягченной головы не можетъ носить тѣло? Если, въ чемъ не трудно удостовѣриться, настоящее назначеніе пищи и питія есть поддержаніе и возобновленіе тѣлеснаго состава, который непримѣтнымъ образомъ непрестанно снѣдаетъ тлѣніе; а вкусъ пищѣ и пріятность питію даны, какъ средства для сей цѣли: то каждый ку-

сокъ пищи, сверхъ утоленія глада, снѣдаемый для вкуса, есть доля объяденія; каждый глотокъ питія, послѣ угашенія жажды и послѣ ободренія силъ, употребляемый для пріятности, принадлежитъ къ чашѣ піянства.

Что же суть наши столы, на которыхъ трудно перечесть различные роды пищи, трудно угадать ихъ составъ, трудно упомнить названія различныхъ родовъ питія? Не хитросплетенныя ли сѣти, которыя мы разставляемъ другъ другу, чтобы уловить въ объяденіе, хотя иногда тонкое, и въ піянство, хотя повидимому трезвое? И не примѣтишь, какъ перейдешь отъ яденія къ объяденію, какъ простое употребленіе питія превратится въ піянство Надобно прилѣжно смотрѣть за собою. *Внемлите себѣ.*

Сколько различныхъ искусствъ, веществъ, орудій употребляетъ разумный человѣкъ для того, чтобы наполнить малое и несмысленное чрево! Какъ унижается разумъ, когда истощается въ изобрѣтеніяхъ, чтобы дань, ежедневно требуемая чревомъ, какъ неумолимымъ владыкою, была ему приносима, какъ можно въ большемъ изяществѣ, и была имъ пріемлема, какъ можно, въ большемъ количествѣ! И какъ ругается надъ симъ раболѣпствующимъ разумомъ чрево, концемъ всѣхъ его заботъ о изяществѣ полагая нечистоту и смрадъ!

Восклонись, несчастный поклонникъ чрева, и если ты не можешь вдругъ выше себя вознести твоихъ очей, стань прямо передъ зеркаломъ и посмотри, не написанъ ли на самомъ тебѣ законъ противъ раболѣпства чреву? Не видишь ли, что

выше чрева твоего есть грудь, въ которой живетъ сердце, желающее добра, чувствующее любовь; что надъ нею еще возвышается глава, въ которой царствуетъ умъ, созерцающій истину, разумъ мыслящій о вѣроятностяхъ; что подъ тою и другою, какъ бы подъ небомъ и землею адъ, низвержено темное чрево, не умѣющее ни мыслить, ни желать? Много ли нужно проницанія, чтобы примѣтить, что оно не владычествовать должно надъ высшими областями, но быть въ служеніи, въ порабощеніи, въ презрѣніи? Если, напротивъ, ты стараешься болѣе и болѣе угождать чреву въ томъ, чего оно слѣпо требуетъ, для него желаешь, для него вымышляешь: то берегись, чтобы оно не сдѣлалось у тебя сильнѣе и выше головы, и своею безобразною тяжестію не стало стѣснять и подавлять благороднѣйшихъ дѣйствій ума и сердца. *Внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша обьяденіемъ и піянствомъ.*

Подъ именемъ *сердца* Господь разумѣетъ вообще *внутренность* человѣка, что̀ можно видѣть изъ Его собственнаго другаго изреченія, въ которомъ Онъ сіи слова соединяетъ, изъясняя одно другимъ: *извнутрь бо,* глаголетъ, *отъ сердца человѣка помышленія злая исходятъ.* Итакъ подъ именемъ сердца, какъ внутренности вообще, въ изреченіи Господнемъ разумѣть должно духовныя силы человѣка съ ихъ дѣйствіями и совершенствами, въ особенности разумъ, силу хотѣть, и способность познавать. Смотрите, на что̀ наконецъ можетъ обрушиться подавляющая тяжесть пресыщеннаго чрева. *Внемлите себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша.*

Мы не примѣчаемъ, — скажутъ, можетъ быть, — чтобы люди менѣе другихъ воздержные въ пищѣ и питіи, менѣе потому пользовались способностію разума и силою воли. Не спорю, что нѣкоторые изъ нихъ даже лучше другихъ пользуются способностію разума, чтобы понимать и изобрѣтать тонкости удовольствій для чувствъ и воображенія, и сильнѣе другихъ влекутся къ онымъ желаніями. Духъ такихъ людей носится, какъ паръ надъ теплыми яствами, или немного выше Но когда надобно вознести мысль и сердце горѣ, выше сихъ видимыхъ небесъ, которыя хотя и тонки, но суть тѣлесны, и потому еще ниже области, свойственной духу чистому; когда надобно устремить желаніе къ Богу: тогда оказывается, что пресыщеніемъ отягченное чрево, какъ гиря виситъ подъ крилами духа, и тянетъ его къ землѣ, такъ что, при всѣхъ усиліяхъ, онъ болѣе бьется о землю, нежели возлетаетъ къ небу. Животныя многопищныя и тучныя не могутъ бѣгать такъ скоро, какъ малопищный слень: подобно сему чревоугодникъ не можетъ быть такъ дѣятеленъ и благоспѣшенъ въ подвигахъ, какъ воздержный.

Вы знаете, что человѣкъ палъ: но какъ? Не отягченное ли запрещеннымъ плодомъ чрево низринуло его изъ блаженнаго рая на несчастную землю? Отягчай оное болѣе, и оно низвлечетъ тебя съ земли въ глубину ада. Подлинно, что̀ ниспровергнуло Содому столь ужаснымъ образомъ?—*Гордость,* отвѣтствуетъ Пророкъ, *въ сытости хлѣба, и въ изобилии вина; и сластолюбствоваша та, и дщери ея: сіе бяше ей, и дщеремъ ея* (Іез. XVI. 49.).

Подобнымъ, но еще болѣе ужаснымъ, бѣдствіемъ угрожаетъ Господь чревоугодникамъ. *Найдетъ*, говоритъ, *на вы внезапу день той* Какой день? — День, котораго только малый образъ, только предвѣщаніе показано было въ грозный день Содомы, — день, который угрожаетъ не одному, или нѣсколькимъ роскошнымъ и сладострастнымъ городамъ, но цѣлой вселенной, который заставитъ *издыхать человѣковъ отъ страха и чаянія грядущихъ на вселенную*, въ который *пріидетъ Господь во тьмахъ святыхъ Ангелъ Своихъ, сотворити судъ о всѣхъ дѣлахъ нечестія ихъ, имиже нечествоваша* (Іуд. 14. 15). Господь неоднократно внушаетъ намъ, что сей страшный день особенно нечаянно постигнетъ тѣхъ, которые преданы невоздержанію, роскоши, попеченіямъ о выгодностяхъ и пріятностяхъ жизни. *Якоже бо*, говоритъ, *бѣху во дни прежде потопа, ядуще и піюще, женящеся и посягающе, до негоже дне вниде Ное въ ковчегъ; и не увѣдѣша, дондеже пріиде вода и взятъ вся: тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго* (Матѳ. XXIV. 38. 39.). И еще говоритъ: *якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, піяху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху; въ оньже день изыде Лотъ отъ Содомлянъ, одожди камыкъ горящь и огнь съ небесе, и погуби вся: по томуже будетъ и въ день, въ оньже Сынъ человѣческій явится* (Лук. XVII. 28 30.).

Поистинѣ, людямъ, которыхъ гортань отверзается не для того, чтобы воспѣвать славу Божію, или изрекать предъ Богомъ желанія сердца, но для того,

чтобы, подобно гробу, поглощать и обращать въ тлѣніе все, что лучшаго живетъ и растетъ на землѣ; которые проводятъ половину жизни въ трудѣ обременять свое чрево, а другую въ трудѣ влачить сіе бремя; у которыхъ вино волнуетъ кровь и отуманиваетъ голову: — гдѣ имъ помышлять о дѣлахъ небесныхъ, прозирать въ сокровенныя судьбы Божіи, вникать въ словеса Пророческія, примѣчать знаменія временъ, стоять на стражѣ въ ожиданіи грядущаго царствія Божія, которое совсѣмъ не по нихъ, поелику оно *не есть брашно и питіе?*

Но вотъ что еще особенно страшно: сія преобладающая роскошь, сіе не помнящее Бога и себя невоздержаніе, не только могутъ быть внезапно постигнуты судомъ и поражены правосудіемъ Божіимъ, но и составляютъ, по словамъ Господнимъ, одно изъ предваряющихъ обстоятельствъ, и какъ-бы преддверіе сего страшнаго суда. *Отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ, и найдетъ на вы внезапу день той.* Что же должы мы подумать, когда видимъ, что и богатый и бѣдный, дома и въ корчемницѣ, рано и поздно, наперерывъ работаютъ чреву; что чрево поглощаетъ обширныя стяжанія и наслѣдія; что люди, которые съ трудомъ пріобрѣтаютъ насущный хлѣбъ, необильные плоды своего труда и пота истощаютъ на излишества и невоздержаніе, грубое или утонченное, на прихоти не требуемыя и не знаемыя природою; что провозглашеніе праздника, даже предвареніе о постѣ, сіи, по намѣренію Церкви, орудія къ возвышенію благоговѣнія, превращаются въ орудія къ усиленію рос-

коши, подобно священнымъ сосудамъ, употребленнымъ для украшенія Вавилонскаго пиршества? — О какъ опасно, да не *найдетъ на ны внезапу день той!*

Попечемся, братія, какъ бы намъ ясти и пити во славу Божію, а не во вредъ себѣ и въ оскорбленіе Подателю благъ, Богу. Уступите гладу и жаждѣ: но не вооружайтесь противъ воздержанія и поста. Пусть хлѣбъ насущный укрѣпляетъ сердце человѣка; пусть вино въ мѣру возвеселитъ сердце печальнаго, или ободритъ немощнаго; *ядите*,—скажемъ, если угодно, и сіе съ Нееміею и Ездрою, — ядите *тучная и пійте сладкая*, но — въ знаменіе того, *яко свять есть день Господеви нашему* (Неем. VIII. 10.), а не безвременно и безъ мѣры, по образу тѣхъ, *ихже богъ — чрево*. Во всякое же время внемлите слову Господню и *внемлите себѣ, да не когда отлягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ, и найдетъ на вы внезапу день* суда, но да будутъ сердца наши свѣтильниками мудрыхъ дѣвъ, полными елея благодати, горящими любовію, свѣтлыми вѣрою, да будемъ готовы срѣтить Судію, яко жениха, и праздновать съ Нимъ въ небесномъ чертогѣ Его во вѣки! Аминь.

14. БЕСѢДА

ПО КРЕСТНОМЪ ХОДѢ.

Придите возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему: предваримъ лице Его во исповѣданіи, и во псалмѣхъ воскликнемъ Ему. Пс. XCIV. 1. 2.

Праздновать праздникъ дѣло столь обыкновенное, и столь, по видимому, простое, что не легко придетъ кому нибудь мысль подозрѣвать себя въ неумѣніи праздновать. Видъ пришедшихъ на сей праздникъ, если не обманываюсь, болѣе показываетъ удовольствіе, что празднуютъ, нежели заботу, такъ ли празднуютъ.

Но не случалось ли вамъ когда нибудь читать, или слышать въ церковномъ чтеніи, что говорилъ Богъ чрезъ Пророка Исаію нѣкоторымъ празднующимъ о нѣкоторыхъ праздникахъ? — *Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя* (Иса. I. 14.)! Не заботливо ли это для празднующихъ? Что можетъ быть несчастнѣе праздниковъ, которые Богъ нена-

видитъ? И что это за несчастные праздники? Не Вааловы ли? Не Молоховы ли? Не другіе ли идольскіе и языческіе? — Совсѣмъ нѣтъ! Богъ негодуетъ на праздники Іудейскіе, истинному Богу посвященные, и даже Самимъ Богомъ установленные. *Новомѣсячій вашихъ, и субботъ, и дне великаго не потерплю; поста, и праздности, и новомѣсячій вашихъ, и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя.* И пусть бы такъ уничижаемы и отвергаемы были праздники Іудейскіе тогда, какъ сѣнь законная прешла, и явилась благодатная истина; тогда, какъ загадочныя жертвы овновъ и тельцовъ разгаданы крестною жертвою Христовою, и безполезно стало повторять загадку разгаданную,. тогда, какъ ветхій Завѣтъ уступилъ мѣсто новому, храмъ Іерусалимскій Церкви Христіанской, служеніе Богу обрядовое поклоненію духомъ и истиною. Но нѣтъ! Богъ чрезъ Исаію возгремѣлъ противъ праздниковъ Іудейскихъ, когда Законъ Моисеевъ господствовалъ, ветхій Завѣтъ былъ въ своей силѣ, храмъ Іерусалимскій стоялъ, и праздники Іудейскіе столько же важны были для истинной церкви Іудейской, какъ нынѣшніе наши праздники для истинной церкви Христіанской. Такъ посему можетъ случиться, что и на наши праздники падетъ подобный приговоръ: *не потерплю; — ненавидитъ душа Моя?* — Да. Въ семъ-то и состоитъ забота.

Итакъ видите, что стоитъ труда подумать, какъ праздновать праздникъ, и такъ ли, какъ должно, мы празднуемъ.

Вслушайтесь же внимательно, какъ Пророкъ Да-

видъ, во псалмѣ, и созываетъ на праздникъ, и вмѣстѣ поучаетъ праздновать. *Пріидите возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему: предваримъ лице Его во исповѣданіи, и во псалмѣхъ воскликнемъ Ему.*

Первое наставленіе: *пріидите.*

На сіе вы можете сказать, что если это есть заповѣдь праздника, то вы правы предъ нею; потому что пришли на сей праздникъ, и притомъ шествіемъ торжественнымъ и благоговѣйнымъ. Не оспориваю сего утѣшенія вашего.

Но иные, можетъ быть, скажутъ, развѣ непремѣнно надобно куда нибудь *итти*, чтобы *возрадоваться Господеви?* Развѣ нельзя праздновать и дома сидящему? Не стану спорить и противъ сихъ вопросовъ. Однако Пророкъ Давидъ не пустое же сказалъ слово: *пріидите.* Чтоже онъ думалъ? Чего требовалъ?

Дабы *возрадоваться Господеви*, дабы праздновать праздникъ Божій, надобно, чтобы человѣкъ былъ въ нѣкоторомъ сближеніи съ Богомъ. Богъ всегда близокъ къ человѣку, по Своему вездѣсущію: но человѣкъ не всегда близокъ къ Богу, по своей ограниченности, невниманію, разсѣянности, по занятію земными предметами, по склонностямъ и дѣйствіямъ Богопротивнымъ. Итакъ надобно выйти умомъ изъ земныхъ помысловъ и воспоминаній, сердцемъ изъ заботъ и пристрастій, тѣломъ изъ работъ и дѣлъ, чтобы безъ преградъ и препятствій приближиться къ Богу, предстать Ему, и праздновать въ Его присутствіи.

Нѣкоторые, вышедъ изъ житія грѣховнаго, изъ работы дѣлъ неправедныхъ, изъ обуреванія страстей порочныхъ, изъ оковъ пристрастій, вырвавшись даже изъ невинныхъ, по видимому, естественныхъ привязанностей къ родству, къ семейству, къ дружбѣ, къ вещамъ и занятіямъ необходимымъ для временной жизни, идутъ и приходятъ къ Богу ежедневно, ежечасно, непрестанно, поученіемъ въ словѣ Божіемъ, псалмопѣніемъ, внутреннею и во время внѣшнихъ занятій молитвою, возвышеннымъ Богомысліемъ и созерцаніемъ, такъ что по истинѣ вся жизнь ихъ составляетъ одинъ *путь Господень* (Дѣя. XVIII. 26.). Такихъ я не призываю болѣе никуда: они въ своемъ уединеніи, въ какой нибудь хижинѣ или пещерѣ, празднуютъ съ Богомъ и Ангелами праздники, болѣе совершенные, нежели мы въ нашихъ торжественныхъ собраніяхъ. Я молилъ бы только ихъ, посѣщать, хотя иногда, наши священныя собранія, не столько по надобности въ томъ для нихъ, сколько въ благодѣяніе намъ, чтобы ихъ присутствіемъ разширялось наше общеніе со Святыми, чтобы ихъ крѣпкая, небопроходная молитва пролагала удобную стезю немощной молитвѣ нашей. Знаю, по примѣрамъ и преданіямъ, что они и дѣлаютъ сіе, по внушенію водящаго ихъ Духа Божія; и мысль, что такіе люди скрываются во многолюдныхъ церковныхъ собраніяхъ, и тайно, невѣдомо намъ, но сильно и благоспѣшно помогаютъ молитвамъ нашимъ, — сія мысль есть одна изъ тѣхъ, кои дѣлаютъ вожделѣнными сіи собранія, сами по себѣ важныя.

А вамъ, люди болѣе обыкновенные, которыхъ душа въ дни работные глубоко погрязаетъ въ дѣлахъ и работахъ, а въ неработные легко предается дремотѣ праздности, или разсѣвается въ суетныхъ увеселеніяхъ, которыхъ вниманіе, по нуждамъ, по привычкамъ, по пристрастіямъ, такъ много занято земными предметами, что они стоятъ около васъ, какъ преграда между вами и Богомъ, — вамъ настоятельно говорю я съ Давидомъ о дняхъ Господнихъ: *приидите возрадуемся Господеви;* выдьте, какъ можно, хотя на сіе особенное время, изъ обыкновеннаго вашего положенія, неблагопріятнаго для души; оставьте позади себя ваши дѣла, ваши заботы, все, что васъ привязываетъ, или разсѣваетъ, или смущаетъ, или огорчаетъ, или раздражаетъ; пріидите, въ каждый изъ такихъ дней, въ одно изъ тѣхъ освященныхъ мѣстъ, гдѣ все вамъ напоминаетъ, все даетъ чувствовать, что вы предстоите Богу: гдѣ слово Божіе глаголетъ; гдѣ Духъ Божій дышетъ; гдѣ Голгоѳская жертва Христова возобновляется; гдѣ благодать отверзаетъ объятія молящимся; гдѣ Ангелы сослужатъ таинодѣйствующимъ человѣкамъ, и человѣки тайно изобразуютъ Херувимовъ.

Дабы впрочемъ не затруднить еще одинъ разрядъ людей, — тѣхъ, которые по немощи, по нуждѣ, по долгу повиновенія, во времена священныя принуждены оставаться въ домахъ, при дѣлахъ мірскихъ, — скажемъ и для нихъ: по крайней мѣрѣ, когда услышатъ они возвышенный голосъ колокола, возвѣщающій высокую минуту безкровной Жертвы, пусть пошлютъ въ Церковь благоговѣйную мысль, благо-

честивое желаніе, пусть освятятъ себя знаменіемъ Креста, какъ-бы вмѣстѣ съ предстоящими олтарю: Ангелъ храма встрѣтитъ ихъ и вдали, причислитъ къ дѣйствительно предстоящимъ, и вознесетъ на олтарь Господень память ихъ

Второе наставленіе Пророка: *возрадуемся Господеви.*

Праздникъ безъ духовной *радости*, безъ сердечнаго въ немъ участія, безъ внутренняго чувства, есть тѣло безъ души.

Но должно испытывать и повѣрять чувство, и различать виды радости. Лѣнивый работникъ бросилъ работу, и радъ, что насталъ праздникъ: онъ радуется своей лѣности, а не Господу. Легкомысленная женщина облеклась праздничнымъ убранствомъ, и съ удовольствіемъ начинаетъ праздничный день: она радуется своей суетѣ, а не Господу. Ядца и пійца видитъ, или воображаетъ праздничное пиршество, и веселъ заранѣе: онъ радуется своему чреву, а не Господу.

Нѣтъ! Если и тогда, какъ отъ вчерашней работы еще болятъ у тебя члены, ты охотно идешь во храмъ, и не боишься утомленія; если твои чувства, мысли, сердце такъ заняты Богослуженіемъ, что ты не развлекаешься постороннимъ, и забываешь впѣшнее: то я вѣрю, что ты *радуешься Господеви.*

Если же и по выходѣ изъ храма ты остаешься внутренно довольнымъ такъ, что не привлекаешься удовольствіями чувственными; вносишь миръ твоей души въ миръ твоего дома, и распространить твое утѣшеніе желаешь развѣ только въ духовномъ об-

щеніи, либо въ благотвореніи къ ближнему: то я еще больше вѣрю, что ты *возрадовался Господеви.* Ибо когда радость Господня, утѣшеніе внутреннее, духовное, посѣщаетъ и наполняетъ сердце: тогда человѣкъ находитъ себя духовно услажденнымъ и насыщеннымъ такъ, что алканіе внѣшнихъ услажденій утихаетъ и престаетъ; тогда опытъ лучшаго и высшаго показываетъ ему, какъ ничтоженъ ихъ вкусъ, какъ низко погруженіе въ нихъ, какъ отвратительно ихъ излишество; тогда если радость духовная возбуждаетъ и движетъ его, то движетъ, по свойству своему, къ дѣламъ духовнымъ и Богоугоднымъ.

Дай намъ такую радость, скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые; научи насъ такъ радоваться. — Желалъ бы я сего, братія, для васъ, и для себя: только сомнѣваюсь, можно ли научить радости, какъ наукѣ; можно ли раздавать оную, какъ раздаютъ пищу за столомъ. Но за то можно имѣть радость, и безъ прошенія у другихъ, и безъ наученія другими. Посмотрите на младенца, когда онъ видитъ свою мать, и бросается въ ея объятія: не видите ли, что онъ весь радость? А его никто не училъ радости; и онъ не просилъ ея у матери. Будьте и вы, *яко дѣти*, какъ и училъ быть Христосъ Господь (Матѳ. XVIII. 3.),—такъ просто, такъ совершенно предавайтесь Богу, такъ всецѣло повергайтесь въ объятія благодати Его: радость Господня, отъ одного взора матери — Благодати, сама собою родится въ сердцѣ простомъ и чистомъ. Если же сердце ваше не обрѣтаетъ радости духовной: то не безполезно

вспомнить законъ и предѣлъ, который Богъ положилъ радости. *Пъсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь* (Иса. XLVIII. 22.). Предѣлъ, за который не переступаетъ радость Господня, есть тотъ, за которымъ начинается область нечестія или беззакоія. Итакъ, если сердце твое не обрѣтаетъ радости духовной: то *внемли себѣ*, какъ говоритъ Моисей, примѣчай за собою, испытывай себя, *да не будетъ слово тайно въ сердцѣ твоемъ беззакоія* (Втор. XV. 9.), не кроется ли въ немъ противный благочестію и добродѣтели помыслъ, страсть, намѣреніе, дѣло нечистое, неправедное, злое, чѣмъ сердце осквернено, загромождено, заграждено, и сдѣлано не доступнымъ чистой и святой радости. Въ такомъ случаѣ путь къ радости о Бозѣ, есть *печаль яже по Бозѣ*, которая *покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ* (2 Кор. VII. 10), и такимъ образомъ *сѣющіи слезами радостію пожинаютъ*: чего ради и Псалмопѣвецъ радости въ самую средину радостнаго псалма своего всѣваетъ слезы, какъ сѣмя чистой радости: *восплачемся*, говоритъ, *предъ Господемъ*, *сотворшимъ насъ* (Псал. CXXV. 5.). Впрочемъ, испытывай себя, сказалъ я, не въ словѣ ли беззаконія кроется причина отсутствія радости: а можетъ случиться и то, что она медлитъ явиться, ожидая мановенія Благодати, испытующей твою преданность и упражняющей твое терпѣніе, или просто требуя возбужденія свойственнымъ Ей образомъ.

Сюда относится третіе празднственное наставленіе Пророка, которое заключается въ слѣдующихъ воззваніяхъ: *воскликнемъ Богу Спасителю наше-*

му; предваримъ лице Его во исповѣданіи, и во псалмѣхъ воскликнемъ Ему.

Онъ указываетъ здѣсь на средство возбудить священную радость, и, когда она возбудится, такъ какъ она по существу своему жива и дѣятельна, дать ей приличное упражненіе.

Когда вы приходите предъ Бога, чтобы возрадоваться Господеви, чтобы праздновать праздникъ Его: не стойте предъ Нимъ, какъ истуканы, съ холоднымъ равнодушіемъ, безъ упражненія вашего вниманія, безъ возвышенія вашего сердца; вспомните, что предстоите Богу, вашему Творцу, вашему ежеминутному Хранителю и Промыслителю, вашему вѣчному Спасителю; взирайте къ Нему вашимъ умомъ; взывайте къ Нему вашимъ сердцемъ; Церковь вамъ предшествуетъ въ семъ своими молитвами и пѣснопѣніями; дайте свободно входить Ея гласамъ и воскликновеніямъ въ ваше сердце; пусть онѣ тамъ отдаются и производятъ духовный отголосокъ. *Воскликнемъ Богу Спасителю нашему.*

Можетъ быть, призываемый воскликновеніями Богъ не вдругъ дастъ ощутить душѣ Свою благодатную къ ней близость: сіе да не воспящаетъ насъ. Иногда Онъ предваряетъ наши призыванія и ожиданія Своимъ утѣшительнымъ посѣщеніемъ: но если иногда и не такъ; то мы *предваримъ лице Его во исповѣданіи*, — во исповѣданіи нашей немощи, а Его силы, нашего недостоинства, а Его благодати, нашей скудости, а Его великодаровитости, Его безчисленныхъ благодѣяній, и нашего, по крайней мѣрѣ, искренняго желанія быть Ему благодарными.

Господь нашъ не одобряетъ мнѣнія тѣхъ, которые, взывая къ Богу, *мнятъ, яко во многоглаголаніи своемъ услышани будутъ;* и заповѣдуетъ *молящимся не лишше глаголати* (Матѳ. VI. 7. 8.). Однако не должна же, и не можетъ молитва быть слишкомъ кратка, потому что къ сильному и дѣйственному слову молитвы нужно иногда не малое молитвенное приготовленіе, и потому, что надобно наконецъ дойти до исполненія также собственно Евангельской заповѣди: *непрестанно молитеся* (2 Сол. V. 17.). Посему мы должны, съ Церковію, не только возсылать къ Богу краткія, горящія воззванія и воскликновенія, но и возносить къ Нему псалмы, — протяженныя, усугубляемыя, постоянное стремленіе къ Богу выражающія, молитвы и славословія. *И во псалмѣхъ воскликнемъ Ему.*

Но надобно, можетъ быть, и мнѣ въ ученіи о праздникѣ и молитвѣ *нелишше глаголати*, дабы не прейти мѣру неутомленнаго вниманія вашего. Сказанное доселѣ уже даетъ вамъ нѣкоторый способъ примѣтить недостатки, какіе могутъ быть въ вашемъ празднованіи, дабы позаботиться о восполненіи недостающаго и о исправленіи неправильнаго.

Признаюсь, меня не все радуетъ, что вижу я въ наши праздники.

Что значитъ столь примѣтный иногда въ праздничныхъ церковныхъ собраніяхъ недостатокъ безмолвія и благоговѣйнаго вниманія? Если бы помнили всѣ, что пришли предъ Бога, и предстоятъ лицу Его: то никто не осмѣлился бы, и не захотѣлъ бы здѣсь обращаться отъ Бога къ человѣку, и входить

въ празднословіе или распри ; народъ никогда не былъ бы около святилища въ безпорядочномъ и шумномъ движеніи, подобно волнамъ, которыя движетъ не духъ разумный, а вѣтеръ непостоянный.

Что значитъ такъ близко иногда къ Скиніи Господней являющееся на праздникъ новое поселеніе оныхъ недобрыхъ скиній, приготовленныхъ для служенія лакомству или піянству, для суетныхъ зрѣлищъ, для игръ, свойственныхъ дѣтямъ, но которыя не дѣти учреждаютъ, и которыми не дѣти занимаются? Не то ли сіе значитъ, что многіе приходятъ искать веселія плотскаго и грѣховнаго тамъ, гдѣ надлежало имъ обрѣтать и вкушать радость духовную и святую? А такіе праздники не суть ли тѣ самые, которые Богъ ненавидитъ? *Праздниковъ вашихъ*, глаголетъ, *ненавидитъ душа Моя* ; *бысте Ми въ сытость* , *ктому не стерплю грѣховъ вашихъ*. То есть: Богъ ненавидитъ , не самые праздники, но грѣхи, которыми оскверняются праздники, а за тѣмъ уже и празднованіе, грѣхами оскверняемое, и потому недостойное Божества.

Ни идолослужители бывайте , говоритъ Апостолъ, *яко же нѣцыи отъ нихъ* , то есть, принадлежавшихъ къ Церкви Ветхозавѣтной, *яко же есть писано : сѣдоша людіе ясти и пити, и восташа играти* (1 Кор. X. 7.). Видите ли , что праздновать лакомымъ ястіемъ , неумѣреннымъ питіемъ, суетными играми , значитъ праздновать по-идолослужительски? Хорошо ли же вамъ начинать день празднованіемъ Христіанскимъ, а оканчивать идолослужительскимъ ?

Христіане! Христіански да празднуемъ праздники наши въ радости духовной, въ молитвахъ и псалмопѣніяхъ Господу, въ мирномъ покоѣ или въ дѣлахъ благихъ и благотворныхъ, да будутъ празднованія наши Богу благоугодны, и для насъ благословенны и спасительны. Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

СЛОВА

НАДГРОБНЫЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

СЛОВА

НАДГРОБНЫЯ.

1. СЛОВО

ПРИ ГРОБѢ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ, ФЕВРАЛЯ 4 ДНЯ, 1826 Г.

Подобенъ ему не бысть предъ нимъ царь, иже обратися къ Господеви всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, и всею силою своею. — Обаче не отвратися Господь отъ ярости гнѣва Своего великаго. 4 Цар. XXIII. 25. 26.

О Боже! такъ ли неумолимъ гнѣвъ Твой? Царь, не только благочестивый, но и безпримѣрный въ благочестіи, царь, который *сотвори правое предъ очима Господнима* (4 Цар. XXII. 2), царь, который старался не только подвластную ему Іудею,

но и всю землю Израилеву очистить отъ идолослуженія, и просвѣтить Богослуженіемъ истиннымъ, который, какъ скоро узналъ книгу закона Божія, немедленно принесъ предъ нею покаяніе въ беззаконіяхъ своего народа, и съ тѣхъ поръ не переставалъ быть ся ученикомъ, исполнителемъ, защитникомъ, проповѣдникомъ, такой царь, съ такимъ сердцемъ и душею, не могъ отвратить Господа отъ ярости гнѣва Его великаго; но гнѣвъ сей открылся раннею и внезапною смертію сего самаго царя, — Іосіи. О Боже! такъ ли неумолимъ гнѣвъ Твой?

Не таковъ ли гнѣвъ Божій надъ нами, Россіяне? Ибо что значитъ сія, не угрожавшая намъ, но уже дѣйствительная, кончина сего поистинѣ Благочестивѣйшаго Царя, — кончина, которой ни лѣта Его не призывали, ни силы, по видимому, не допускали, ни самая болѣзнь, въ началѣ своемъ, не предвѣщала? Не то ли сіе значитъ, что Богъ нами прогнѣванъ, и *не отвратится Господь отъ ярости гнѣва Своего великаго*?

Не позналъ Іудейскій народъ цѣны сокровища, которое имѣлъ въ царѣ своемъ Іосіи: не позналъ, когда имѣлъ, и не воспользовался симъ сокровищемъ. *Весь Іуда и Іерусалимъ плакаша о Іосіи. И Іеремія возрыда по Іосіи. И глаголаша вси князи и княгини плачь по Іосіи* (2 Цар. XXXV. 24. 25.). Ахъ! поздно большая часть изъ нихъ плакали по Іосіи, вмѣсто того, чтобы прежде усерднѣе плакать вмѣстѣ съ Іосіею, когда сердце его сокрушалось покаяніемъ, и смирялось предъ

грознымъ судомъ Божіимъ, когда онъ плакалъ предъ Богомъ, и былъ услышанъ. Іеремія, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ зналъ, почему *рыдалъ*, когда другіе только *плакали:* онъ рыдалъ удвоеннымъ плачемъ, плачемъ о лишеніи царя, и плачемъ о позднемъ плачѣ народа.

Народы, которымъ Богъ въ день благоволенія Своего даровалъ Благословеннаго Александра! (ибо народамъ былъ Онъ отъ Бога дарованъ, а не одному народу Россійскому) народы! познали-ль вы всю цѣну сего Сокровища? Упрочили-ль для себя всю пользу, которою оно могло васъ обогатить? Какое пророческое слово можетъ отвѣтствовать на сіе? — Время будетъ на сіе отвѣтствовать событіями. — Вѣчный, владычествующій временами, да речетъ миръ на Преемника могущества и добродѣтелей Александра, дабы возобновился и не умолкалъ *гласъ радости и спасенія въ селеніяхъ праведныхъ!* —

По намъ теперь говорить ли о великомъ сокровищѣ? Оплакивать ли великую потерю? Говорить ли отъ избытка сердца печальнаго? или молчать отъ недостатка слова достойнаго? Дайте мнѣ слово, или научите меня молчанію. Не умѣю говорить, и безмолвствовать не умѣю. Отрекаюсь отъ необъятнаго подвига хвалить Александра, уже Благословеннаго: но не льзя удержаться отъ печальнаго предъ Церковію размышленія и слова о Царѣ, Который, подобно какъ Іосія, достоинъ, чтобы по Немъ рыдали Пророки.

Представьте себѣ человѣка, который стоитъ надъ

потокомъ, и видитъ, какъ его сокровище низвергается въ глубину. Касаясь водъ, оно производитъ звукъ, и раждаетъ круги, одинъ другаго пространнѣйшіе: но въ тоже мгновеніе скрывается въ глубинѣ, и только трепетаніе водъ остается примѣтнымъ зрителю. Подобно сему, кто можетъ созерцать, пусть станетъ теперь надъ потокомъ временъ, надъ водами народовъ, какъ изъясняется языкъ Пророческій. Смотри, какъ драгоцѣнная жизнь явилась; подвигла своею силою народы; наполнила своею дѣятельностію многочисленные круги, одинъ другаго пространнѣйшіе; произвела громкіе звуки славы: но вдругъ она погрузилась въ вѣчность, и одно трепетное движеніе грозной нечаянности простерлось по всѣмъ извѣстнымъ народамъ.

Александръ, еще въ колыбели, радость и надежда отечества, — Александръ, въ Порфyродномъ семействѣ, утѣха и любовь, — Александръ, въ началѣ вѣка на Престолѣ, какъ солнце на востокѣ, — Александръ въ Россіи, Отецъ народа, Спаситель Имперіи, — Александръ въ Европѣ, возстановитель Царей, примиритель Царствъ, душа царственныхъ Совѣтовъ Европы, — Александръ въ Царствіи Божіемъ, избранное орудіе Царя Христа, чтобы торжественно утѣшить и возвеличить Христіанство тамъ, гдѣ оно торжественно было цѣлымъ народомъ отвержено и поругано, плотоносный Архистратигъ небесныхъ на землѣ силъ, побѣждающій небеснымъ оружіемъ, Кровію Агнца, кротостію и смиреніемъ; — какіе свѣтлые виды! какіе величественные

образы! Но какъ внезапно всѣ они закрываются одною мрачною чертою: Александръ во гробѣ!

Если въ области природы есть предзнаменованія и предчувствія необыкновеннаго и великаго, подобно какъ въ высшей области духа прообразованія и пророчества: жизнь Александра многократно была оными ознаменована.

Что значитъ, что Его рожденіе было въ день, когда удаленное отъ насъ солнце обращается къ намъ со своимъ свѣтомъ; а вступленіе на Престолъ Имперіи, въ то время, когда солнце, увеличивъ свѣтъ до равновѣсія со тьмою, начинаетъ для нашихъ странъ весну, время развитія и оживленія земной природы? — Такъ случилось! Покойный отвѣтъ для людей, которые трудъ разсуждать почитаютъ излишнимъ, и боятся, чтобы не узнать чего необыкновеннаго, или чтобы не встрѣтиться съ Провидѣніемъ! Не такъ ничтожны знаменія временъ для мудраго, который знаетъ, что *въ руцѣ Господни власть земли, и потребнаго на время воздвигнетъ на ней* (Сир. X. 4.). Святый Амвросій Медіоланскій, даже говоря о Рождествѣ Спасителя, столь обильномъ знаменіями чудесными, не оставляетъ безъ замѣчанія и сего естественнаго знаменія времени, что *съ Рождествомъ Христовымъ день возрастаетъ* (Слов. на Рожд. Хріс).

Что значила необыкновенно живая радость, о которой еще можешь вопросить старцевъ твоихъ. Россія, и рекутъ, — необыкновенно, говорю, живая радость народа, при рожденіи Александра, когда родившійся младенецъ былъ только еще Наслѣд-

никъ Наслѣдника? Что и сіе значило, что, когда внуки, какъ новосажденія масличныя, окружали Великую Екатерину, всѣ прекрасны душею, всѣ возлюбленны, Александръ преимущественно былъ Ея восхищеніемъ? Что значилъ восторгъ Россіи, когда она увидѣла Александра на Престолѣ?—Опытъ дастъ право сказать, что то были великія предчувствія Великой Императрицы и Имперіи.

Сообразно съ знаніями временъ, однимъ изъ первыхъ подвиговъ царствованія Александрова было стараніе умножить свѣтъ въ Сѣверѣ, Ему подвластномъ. Учрежденія для просвѣщенія народа умножены, ограждены постановленіями, расположены въ правильныхъ кругахъ, приведены къ общему средоточію, находящемуся близъ самаго Престола, украшены новыми предметами знаній, обогащены способами, возвышены въ правахъ, какъ для сообщающихъ, такъ и для пріемлющихъ просвѣщеніе. Какъ распространился отъ сего свѣтъ, и сколько былъ онъ благотворенъ, пусть усматриваютъ и опредѣляютъ просвѣщенные. Царское дѣло создать обители просвѣщенія прочно и благолѣпно, и покрыть Своимъ Высокимъ покровительствомъ, а не преподавать ученіе, или руководствовать юношей.

Но особенное время, на которое *Имѣющій въ руцѣ Своей власть земли,* какъ необходимо *потребнаго, воздвигъ* Александра, было не тихое утро Россіи, но бурный вечеръ Европы. Буря мятежа разрушила и Престолъ Царя и Олтари Христовы у народа, который дотолѣ, по видимому, дышалъ только легкимъ вѣтромъ; и ужасныя развали-

ны омывалъ продолжительный дождь кровавый. Изъ порывовъ безначалія родился, какъ сильный вихрь, похититель власти, который то уносилъ Престолы съ мѣстъ, гдѣ они были, то поставлялъ ихъ на мѣстахъ, гдѣ ихъ не было; и который наконецъ, поднявъ большую часть Европы, несъ обрушить ее на Россію.

Что, если бы на сіе время, когда такъ укрѣпился и возвысился сей *излишній* на земли, — что, если бы не воздвигъ Господь *потребнаго* на ней? Что было бы съ народами, которые, со дня на день умножая собою число порабощенныхъ, чрезъ сіе самое умножали число орудій порабощенія, и увеличивали силу поработителя, и которымъ онъ не хотѣлъ оставить другой безопасности, какъ войдти въ порабощеніе, ни другой чести, какъ быть орудіями порабощенія? Что было бы съ священнымъ Царскимъ достоинствомъ, которое непорфyродный Царь оскорблялъ сугубо, и униженіемъ Порфyродныхъ, и возвышеніемъ непорфyродныхъ? Что было бы съ народнымъ духомъ, что было бы съ просвѣщеніемъ и разумомъ образованнѣйшей части свѣта, когда неограниченное самолюбіе, никакихъ границъ не уважавшаго властителя, непремѣнно требовало, чтобы все умѣло только раболѣпствовать предъ нимъ, чтобы добродѣтель подвизалась только исполнять его волю, истина — ему ласкательствовать, знанія — изобрѣтать только средства для его цѣлей, искусства — производить ему памятники его славы, или размножать его идола? Чего надлежало ждать и Христіанскому Богослу-

жепію отъ мнимаго въ своей землѣ возстановителя онаго, который далъ ему видъ возстановленія только для того, чтобы чрезъ то получить себѣ видъ освященія, который одною рукою возстановлялъ Олтарь Христовъ, а другою горазло съ большимъ усиліемъ созидалъ Синагогу хірстоубійственнаго народа? Что было бы съ землею, столь много бѣдствующею, и еще болѣе угрожаемою?

Какая бездна золъ открывается при семъ размышленіи! Потому, какое безпредѣльное благодѣяніе *Имѣющаго въ руцѣ Своей власть земли*, что воздвигъ на ней Александра, дабы заключить сію бездну? Чѣмъ бѣдственнѣе и ужаснѣе то, что было, и было бы, безъ Него. тѣмъ величественнѣе и благотворнѣе то, что чрезъ Него послѣдовало.

Богъ, Который воздвигъ Александра на время необычайныхъ браней и подвиговъ, научилъ Его противопоставлять оружіямъ воинства плотскимъ не одне плотскія, но наипаче духовныя, даже, безъ несправедливой кому-либо укоризны можно сказать, адскимъ оружіямъ небесныя, хитрости правду, дерзости твердость и терпѣніе, надмѣнности кротость и смиреніе, надеждѣ на искусство и силы человѣческія — упованіе на помощь и провидѣніе Божіе. И что же послѣдовало? Идолъ Франціи сокрушился о грудь Россіи. Невольнымъ поклонникамъ его дана свобода выйдти изъ заблужденія. Союзомъ названныя оковы многихъ царствъ распались. Александръ съ побѣдою въ столицѣ враговъ, разрушившихъ тебя, возрожденная потомъ Столица Александра; и *наказуетъ* ихъ наказаніемъ *праведъ-*

пика, – милостію (Псал. CXL. 5). Ни къ чему не прикасается; ничего не требуетъ; не показываетъ и не принимаетъ славы побѣдителя; даритъ имъ плѣнныхъ; воздаетъ Христіанскую честь ихъ Царю-мученику; даетъ имъ безопасность провозгласить изгнаннаго Царя, и возстановить законный, но давно разрушенный Престолъ. Какая необыкновенная побѣда надъ врагами! И поелику столь высокая побѣда ни на минуту не подвигла духа Александрова съ глубокаго основанія смиренія: то какая еще болѣе необыкновенная побѣда надъ самою побѣдою!

И что еще! слава побѣдъ, по правдѣ, предъ тѣмъ почти забытой, принесена Господу силъ. Неукротимый дотолѣ духъ браней связанъ. Союзамъ Царей и царствъ, для которыхъ не находили дотолѣ болѣе приличнаго закона, какъ законъ своекорыстія и взаимной зависти, Александръ, сильнымъ примѣромъ Своимъ, положилъ въ основаніе законъ безкорыстія и благоволенія, словомъ, законъ Христіанскій. Несогласія народовъ или прекращены, или обезсилены. Крамолы, если не уничтожены, то приведены въ отчаяніе. Дѣла, которыя рѣшалъ мечъ, уже разрѣшаются совѣтами. Многочисленное воинство Александра стоитъ въ тишинѣ, какъ величественная стража мира, не только Россіи, но и Европы. Оградясь отъ враговъ внѣшнихъ, Александръ, по собственному Его изреченію, обращается противъ враговъ внутреннихъ, противъ неправосудія, неблагочинія, неблагочестія; какъ солнце, правильными шествіями, обходитъ землю, Ему подвласт-

пую, повсюду являя всѣхъ одушевляющій взоръ благоволенія, примѣръ благоговѣнія къ Богу, дѣйствія правды и милости. Мы наслаждались безопасностію и покоемъ; ожидали и требовали блаженства: — увы! можетъ быть, слишкомъ нетерпѣливо и съ ропотомъ ожидали, не разсуждая о трудностяхъ, какія встрѣчаютъ созидающіе благо народовъ; — можетъ быть, несправедливо требовали, будучи недостойны блаженства, сами препятствуя созиданію онаго недостаткомъ чистой и послушливой ревности къ общему благу, истощая общее изобиліе нашею роскошію, затрудняя законы и дѣйствіе ихъ преумноженіемъ беззаконій; — и видѣлъ Господь; и прогнѣвался; *и не отвратися Господь отъ ярости гнѣва Своего великаго!*

Гдѣ сей новый Іосія, *иже обратися къ Господеви всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, и всею силою своею?* Что принесло намъ величественное шествіе? Что нашло наше ревностное срѣтеніе? — Одно мертвенное, оставшееся отъ безсмертнаго. *Да плачетъ* вновь *весь Іуда и Іерусалимъ* — весь народъ и Градъ престольный! *Да глаголютъ вси князи и княгини плачь!* Да рыдаютъ Служители Слова и таинствъ, рыданіемъ *Іереміинымъ*, или плачемъ Давидовымъ!

Слышу плачь пѣвца Израилева: *горы Гелвуйскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!* За что сіе проклятіе на невинную природу? — *Яко тамо повержень бысть щитъ сильныхъ* (2 Цар. I. 21.), жалуется пѣвецъ Израилевъ. Но сильные повергли щитъ, уступивъ сильнѣйшимъ въ

брани: за что же негодовать на мѣсто, которое приняло ихъ въ паденіи? Пріиди, пѣвецъ скорби; я укажу тебѣ мѣсто, болѣе достойное негодованія. Пріиди, помоги мнѣ сѣтовать на горы Таврійскія. *Горы Таврійскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!* Не оружіемъ враговъ поражены тамо сильные: горный вѣтръ пронзилъ Главу Священную. Не малый щитъ немногихъ сильныхъ поверженъ тамо: велікій щитъ благоденствія великой Имперіи, крѣпкій щитъ мира Европы, проникнутъ стрѣлою невидимою. Не Саулъ оставленный ищетъ тамо смерти, которая окружаетъ его: но Возлюбленный Давидъ ищетъ жизни для Возлюбленной болящей Супруги; а никѣмъ не подозрѣваемая смерть Его Самого ищетъ. *Горы Таврійскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!*

Но тщетно и сіе негодованіе, и можетъ быть, дерзостно. *Смиримся подъ крѣпкую руку Божію* (1 Петр. V. 6.). И для насъ, и для оплакиваемаго нами, лучше молиться, нежели жаловаться.

Царю Царей! Ты воздвигъ Его на время; Ты воззвалъ Его къ вѣчности. Пріими то, что Ты даровалъ; не остави тѣхъ, которыхъ лишаешь. Ты *взялъ* сего Царя, какъ *праведнаго, отъ лица неправды* (Исаи. LVII. 1.), когда она готовилась вновь разродиться отступленіемъ отъ Царей; (ибо разрушителя крамолъ всемірныхъ, надлежало устранить отъ тяжкой скорби, видѣть ихъ отрасль, проникшую даже въ отечество;) умилосердися, Господи, возьми сію неправду отъ лица оставшихъ-

ся праведныхъ! Христе, животе нашъ! въ Тебѣ Единомъ искалъ Онъ врачевства и жизни во дни болѣзни Своея: сподоби Его *истѣе Тебе причащатися въ невечерньмъ дни царствія Твоего*, въ Соборѣ Царей, вѣчно съ Тобою царствующихъ! Аминь.

2. СЛОВО

СЛОВО ПРИ ГРОБѢ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ МОЖАЙСКОМЪ НИКОЛАЕВСКОМЪ СОБОРѢ, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, МАІЯ 26 ДНЯ 1826 ГОДА.

Услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи: яко пресельникъ азъ есмь у Тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои. Ослаби ми, да почію, прежде даже не отъиду, и ктому не буду. Псал. XXXVIII. 13. 14.

Когда кто изъ Высокихъ на земли, по судьбѣ, для земнородныхъ общей, отходитъ въ землю: при семъ обыкновенно слышатся отголоски славы, которая сопровождала его во время земной жизни. Слышимъ оные и теперь; но величественнѣе самой славы слышится здѣсь — молчаніе. Дерзая говорить, колеблюсь опасеніемъ, чтобы не возмутить безмолвнаго сѣтованія Царицы-Матери, — чтобы не нарушить послѣдняго безмолвія Царицы-Дщери, которая

и среди славы знаменитѣйшаго изъ Домовъ Царскихъ, во дни особенно громкіе славою, любила погружаться въ безмолвіе.

Но слово молитвы, надѣюсь, не будетъ противно безмолвію, которое одушевляется молитвою. И такое слово пріемлю отъ Псалмопѣвца, дабы въ размышленіи, хотя по необходимости печальномъ, искать нѣкотораго врачевства противъ печали.

Услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи. Кто приноситъ Господу столь печальную молитву? — Книга Псалмовъ сказуетъ, что Давидъ. Но что погрузило его въ печаль, столь горькую? — Псаломъ не представляетъ на сіе яснаго отвѣта. Не видно здѣсь вины, которою бы страждущій заслужилъ страданіе; страждетъ желающій *сохранить пути* свои, *еже не согрѣшати* даже *языкомъ*.

Пресельникъ азъ есмь у Тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои: такъ продолжаетъ молитву свою Царь Израилевъ. Но цѣлое царство не есть ли нѣкоторымъ образомъ домъ и семейство Царя? Какъ же должно быть сильно внутреннее чувство лишенія, чтобы Царь потерялъ изъ вида не только домъ свой, но и цѣлое царство свое, и нашелъ себя чуждымъ, одинокимъ, пришельцемъ, странникомъ!

Наконецъ печальный Царь взываетъ къ Богу: *ослаби ми, да почію, прежде даже не отъиду, и ктому не буду*. Какая безутѣшная печаль! Онъ уже не проситъ радости, благополучія: онъ умоляетъ, даровать ему облегченіе печали, отдохновеніе отъ страданія: *ослаби ми, да почію*. Онъ уже не

прельщается продолженіемъ жизни; но думаетъ удовольствоваться тишиною послѣднихъ минутъ: *да почію, прежде даже не отыду, и ктому не буду*.

При воображеніи сего тяжкаго состоянія, и мало знакомое съ несчастіемъ сердце раздирается: при помышленіи же, что таково было состояніе человѣка, не только не оставленнаго Богомъ, но и возлюбленнаго Богу, и моливщагося Духомъ Святымъ, — изумленная мысль, какъ отторженная отъ брега ладія, носится по безднѣ судебъ, покрытой мракомъ непостижимости.

Не дадимъ себѣ долго носиться и волноваться безполезно. Есть пристанище вѣры, всегда отверзтое, всегда близкое для обуреваемыхъ; есть якорь надежды, который малую ли ладію, великій ли корабль, равно удержать можетъ въ безопасности.

Что за судьба, которая и на благочестивыхъ и добродѣтельныхъ людей, или посылаетъ, или попускаетъ, искушенія, печали, бѣдствія жизни? — Не иная, какъ судьба любви: *егоже бо любитъ Господь, наказуетъ* (Евр. XII. 6). Почему души благородныя и возвышенныя болѣе иногда подвергаются скорбямъ, нежели обыкновенные люди, такъ что ни покровъ видимаго счастія, которымъ облекаетъ ихъ самая порода и званіе, ни попеченія любящихъ, самыя дѣятельныя и самыя нѣжныя, не укрываютъ ихъ отъ ударовъ, копми поражаетъ ихъ рука невидимая? — Сіе бываетъ съ душами благородными и возвышенными потому именно, что онѣ суть возвышенныя и благородныя; потому что онѣ драгоцѣнны, какъ золото, и пріятны Богу, какъ избран-

ная жертва. *Богъ искуси ихъ, и обрпте ихъ достойны Себѣ: яко злато въ горнилѣ искуси ихъ, и яко всеплодіе жертвенное пріятъ я* (Прем. III. 5. 6.). Но какой тутъ порядокъ, когда наилучшія души такъ жестоко страждутъ? — Такой же, какой наблюдается, когда полагаютъ золото въ горнило, жертву на жертвенникъ. Золото будетъ чисто; жертва низведетъ благодать; огнемъ страданія искушенная душа просіяетъ чистотою, а наконецъ и блаженствомъ: *во время посѣщенія ихъ возсіяютъ* (Прем. III. 7.).

Послѣ сего размышленія не такъ тяжко мнѣ коснуться предмета, который такъ болѣзненно сердецъ касается.

Государыня, Которой душевныя свойства и расположенія были такъ же возвышенны, какъ санъ Ея; — Которой умъ свѣтился и сквозь Ея любимое молчаніе; — Которой сердце, кроткое и человѣколюбивое, какъ ни закрывалось скромностію, въ самыхъ Ея взорахъ являлось, узнаваемо было наипаче страждущими и сострадательными, отверзалось къ сострадательнымъ для участія и покровительства въ дѣлахъ состраданія, къ страждущимъ для благотвореній, большею частію тайныхъ; — Которая въ труднѣйшихъ приключеніяхъ не только не изнемогала духомъ, но и одушевлялась неожиданною силою къ труднѣйшимъ подвигамъ, какъ то, во времена болѣзней Своего Супруга, преодолѣвая и Свою немощь, и Свою печаль, такъ сказать, поселялась и жила при одрѣ Болящаго; — такая душа не была ли достойна всего возможнаго на земли счастія? И не

столько ли же Она была окружена средствами счастія, сколько была онаго достойна? Ахъ! если Августѣйшій Супругъ, преодолѣвая всѣ трудности, перенесся съ Нею на край Государства, чтобы доставить Ей или здравіе, или хотя облегченіе и услажденіе въ тяжкой болѣзни; — если Августѣйшая Матерь, преодолѣвая всѣ трудности, отторгая Себя отъ другаго, также материяго попеченія, далеко текла Ей на встрѣчу, чтобы пролить отраду любви въ Ея многострадальное сердце; и оставленное возлюбленною душею тѣло другой разъ далеко преслѣдуетъ, безплодными уже, но еще вожделѣнными для Матерней любви ласканіями: — то чего не готовы были сдѣлать Александръ и Марія, чтобы Елисавета была счастлива долго, непрерывно, совершенно? При всемъ томъ судьба вела Ее путемъ жизни не къ великому, подобно Ея добродѣтелямъ, счастію, но къ величественному несчастію.

Можетъ быть, природа, можетъ быть, воспитаніе, наконецъ, можетъ быть, безчадіе, особенно несоотвѣтствующее желаніямъ на престолѣ, посѣяло въ сердцѣ Ея тайное, болѣзнетворное сѣмя унынія. Бѣдственнымъ потопомъ Столицы напоено сіе сѣмя; и необычайно возбужденная сердечная скорбь состраданія прозябла и развилась въ тѣлесную болѣзнь сердца.

Въ сердцѣ Супруга обрѣлось дѣйствительнѣйшее врачество для Ея сердца: но жизнь, которая любовію питала и поддерживала угасающую жизнь Ея, внезапно сама угасла; и оставила ее въ странѣ пришельствія, какъ угасающій въ тучахъ вечеръ

оставляетъ истощившаго силы странника въ мрачной пустынѣ.

Благословенно могущество вѣры! Только Ея небесный огнь могъ воспрепятствовать смертному хладу вскорѣ обьять сердце, которое болѣзнь стремительно приближала ко гробу, а любовь совсѣмъ полагала во гробъ Александра.

Благость Брата и Преемника Его подвиглась, чтобы беречь и утѣшать Его вдовицу, и для сего, если можно, возвратить Ее въ нѣдра семейства. Изъ отдаленнаго града пресельничества Своего предприняла Она возвратное странствованіе. На семъ пути, какъ путеводительная звѣзда, по захожденіи солнца, какъ новая искра жизни блеснула Ей надежда утѣшенія отъ сердца Матери Александра. Странствующая поспѣшаетъ къ сему вожделѣнному свѣту, напрягаетъ останки силъ; простираетъ объятія; Августѣйшая Матерь взаимно ихъ простираетъ. Достигай сихъ животворныхъ объятій; почій, хотя мало, въ нихъ, утомленная тѣлесными и душевными страданіями Елисавета! — Увы! упадаютъ праздныя объятія; Елисавета почіетъ не тѣмъ покоемъ, котораго ждала въ объятіяхъ Матери, но тѣмъ, который ожидаетъ седмерицею въ скорбяхъ очищенную душу Ея въ лонѣ Отца чистыхъ сердцемъ. Не окончивъ странствованія, Она прешла въ отечество, изъ котораго уже не странствуютъ: *отыиде, и ктому не будетъ.*

Отче небесный, колико непостижимый въ судьбахъ Твоихъ, толико же безконечный во благости Твоей! не прекаемъ непреложной волѣ Твоей,

совершившейся надъ Вѣнчанною рабою Твоею, Благочестивѣйшею Императрицею Елисаветою, на земли: но молимъ, со дерзновеніемъ упованія молимъ, соверши надъ Нею благую и вѣчноблаженную волю Твою на небеси. Увѣнчанную здѣсъ сугубымъ вѣнцемъ, Царскимъ—отъ камени честна, и Христіанскимъ—отъ терніа, вѣнцемъ величія и вѣнцемъ терпѣнія, увѣнчай и тамъ усугубленною славою, да безмолвная въ земномъ страданіи отверзетъ наконецъ уста Свои въ небесномъ веселіи, чтобы благодарственно исповѣдать предъ Тобою блаженную тайну сего страданія: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Псал. XCIII. 19.).

Еще же не одна Царственная душа страждущая, цѣлый Домъ Царевъ, цѣлое Царство Россійское взываетъ къ Тебѣ, Царю Царей: *ослаби ми, да почію!* Еще не почило сердце наше отъ прежней печали, какъ постигла насъ новая. Вся земля наша отъ края до края, отъ Столицы до Столицы, прочерчена погребальными путями Царскими. Довлѣетъ Господи! да почіетъ гнѣвъ Твой; да почіетъ сердце наше предъ Тобою. Довольно торжествовала смерть и печаль, посли торжества жизни и радости мужественному Преемнику Александра, и Августѣйшему Дому Его, и Россіи. Аминь.

5. СЛОВО

ПРЕДЪ ПОГРЕБЕНІЕМЪ ТѢЛА СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ИЛАРІОНОВИЧА ГОЛЕНИЩЕВА — КУТУЗОВА СМОЛЕНСКАГО, ГОВОРЕННОЕ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ ГОСУДАРЕЙ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ, НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА И МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА, ІЮНЯ 13 ДНЯ 1813 ГОДА.

Благопосп҃шно бысть спасеніе рукою его: и огорчи цари многи, и возвесели Іакова въ дѣлѣхъ своихъ, и даже до вѣка память его во благословеніе. 1 Мак. III. 6. 7.

Такъ въ дѣпи҃саніи сыновъ Израилевыхъ, истина и признательность, совокупясь, старались одушевить чертами славы и безсмертія, утѣшительный образъ Вождя, о потерѣ котораго *плакалъ и рыдалъ весь Израиль плачемъ великимъ*. Не обновляются ли предъ нами сіи древнія черты, не кажутся ли онѣ теперь только взятыми съ величественнаго образа, который наполняетъ нынѣ ваши мысли, ваши сердца,

ваши чувства, сѣтующіе предъ Богомъ Сыны Россіи? — Пріидите; утвердимъ единодушно на предстоящемъ гробѣ, столь давно готовое, и никогда не обрѣтавшее столь приличнаго мѣста, надгробіе:

Благопоспѣшно бысть спасеніе рукою его: и огорчи царя многи, и возвесели Россію *въ дѣлѣхъ своихъ, и даже до вѣка память его во благословеніе.*

И такъ — онъ былъ для насъ поспѣшникомъ *спасенія:* и мы ли для него закоснѣемъ въ безплодномъ чувствованіи потери? *Огорчая* враговъ, онъ былъ нашимъ *веселіемъ:* и мы ли, неутѣшною о немъ печалію, нарушимъ его торжественный покой, и возвеселимъ враговъ нашихъ? Его память *даже до вѣка во благословеніе:* и гдѣ же время жалобъ и стенаній? Не отступай отъ насъ, безсмертная память мудраго и сильнаго Богомъ Вождя; утѣшай насъ благословеніемъ и похвалами тебѣ сопутствующими; сокрой — если не можешь исцѣлить — или, по крайней мѣрѣ, укрась нашу скорбь, да не будетъ она оскорбленіемъ Безсмертному!

Но нѣтъ! и цвѣты сельные не сіяютъ подъ бурнымъ небомъ; и плоды не созрѣваютъ среди дождей: и — среди бури смертной, подъ слезнымъ дождемъ, не созрѣваютъ, ниже процвѣтаютъ похвалы безсмертныхъ. Чѣмъ обильнѣе было сѣяніе; тѣмъ долѣе не соберется жатва: и слабая рука не свяжетъ рукояти оливъ и лавровъ.

Обратимся къ матернимъ внушеніямъ Церкви, да наставитъ насъ, и облегчитъ бремя, и совершитъ долгъ настоящаго торжественнаго сѣтованія. Она

допускаетъ благословеніе и похвалу, сопровождающія память блаженно усопшихъ, восходить на сіе священное мѣсто, для того токмо, чтобы онѣ поучали оставшихся; позволяетъ славѣ смертныхъ, достигшихъ безсмертія, приближаться къ Олтарю для того, чтобы преклонить ее предъ славою Живущаго во вѣки вѣковъ; хощетъ непремѣнно, чтобы мы здѣсь, *созерзая на Господа печаль* (Псал. LIV. 23.) о умершихъ, возносили Ему въ жертву и наши въ нихъ утѣшенія.

Не поколеблемся убо надъ оплакиваемымъ поспѣшникомъ видимаго нашего спасенія превознести Единаго невидимаго Виновника всякаго спасенія. *Господне есть спасеніе* (Псал. III. 9.). *Господь съ сильнымъ крѣпостію* (Суд. VI. 12.), избирая его и наставляя, искушая и сохраняя, возвышая и вѣнчая, даруя и вземля отъ міра. Вотъ истина, которую нынѣ, къ наставленію нашему — мы можемъ созерцать въ ся собственномъ свѣтѣ и въ зерцалѣ временъ протекшихъ, къ утѣшенію — въ лицѣ и дѣяніяхъ Михаила, безсмертнаго Архистратига Россійскаго, Свѣтлѣйшаго Князя Смоленскаго.

Мы не желаемъ затьмить твоея славы, Свѣтлѣйшій мужъ, мы желаемъ три краты озарить ее вышнею славою: ибо какая участь на землѣ и на небесахъ можетъ быть величественнѣе, какъ быть избраннымъ, уготованнымъ, благопріятнымъ и преукрашеннымъ орудіемъ руки Вседѣтельной? Ты не будешь прерѣкать нашей бесѣдѣ; или паче, ты самъ начнешь ее: ибо еще отзывается въ сердцахъ нашихъ оный гласъ твой, когда на пути побѣдъ и славы, обра-

тясь къ Престолу и отечеству, дабы повѣдать о чудесахъ брани, ты повергъ славу земнаго вождя предъ Вождемъ небеснымъ и воскликнулъ: *Великъ Богъ* (а)!

Воистину *великъ Богъ!* И единъ Онъ великъ и въ великихъ и въ малыхъ земли. Если стихійное даже мудрованіе повелѣваетъ искать величія тамъ, гдѣ соединяются мудрость, благость и могущество: то гдѣ найдутъ человѣки внутреннѣйшее средоточіе сего единенія, и первоначальный источникъ сихъ совершенствъ, кромѣ единаго Тріипостаснаго, Который отъ Своего исполненія даруетъ мудрость ихъ помышленіямъ, благость хотѣніямъ, и мощь дѣйствованію?—Вѣра научаетъ не столько изслѣдовать, сколько чувствовать и со смиреніемъ взывать къ Отцу небесному, *яко Его есть царство и сила и слава*: и — между тѣмъ, какъ нѣкоторые изъ насъ, Христіане, каждый день исповѣдуютъ съ Церковію сіе вседержавное *царство* съ такимъ чужденіемъ, какъ удаленные отъ престольнаго града обитатели весей бесѣдуютъ о дѣлахъ державныхъ—тѣ, которыхъ искреннее желаніе служить Богу, приближаетъ къ Его невидимому престолу, видятъ, ощущаютъ во глубинѣ души своей, и не только покорствуя власти сущей отъ Бога, но и будучи сами Властителями языковъ, подобно царю Израилеву, предъ цѣлымъ свѣтомъ глаголютъ отъ избыт-

---

(а) Сими словами начинается донесеніе отъ 28 Октября, 1812 года, изъ г. Ельны.

ка сердца, *яко Господне есть царствіе, и Той обладаетъ языки* (Псал. XXI. 29.).

Царство Господа - *царство всѣхъ вѣковъ, и владычество Его во всякомъ родѣ и родѣ* (Псал. CXLIV. 11.). Преходящія владычества человѣческія совокупно и повременно являются на позорищѣ свѣта для того, чтобы служить сему невидимому царству, и сильные земли чредою изводятся стрещи стражбы его. Связавъ природу необходимостію, и *оставивъ человѣка въ руцѣ произволенія его* (Сир. XV. 14.), великій Художникъ міра простираетъ свой перстъ въ разнообразное сплетеніе событій естественныхъ и свободныхъ дѣяній, и таинственнымъ движеніемъ, то нѣкихъ сокровенныхъ питей, то видимыхъ орудій, образуетъ и сопрягаетъ все въ единую многохудожную ткань всемірныхъ происшествій, которую время развертываетъ къ удивленію самой вѣчности. Различныя состоянія земныхъ гражданствъ непрестанно направляются Провидѣніемъ къ тому, чтобы онѣ уготовляли въ себѣ гражданъ небесамъ: для сего дѣйствуетъ оно и чрезъ общество на человѣка, и взаимно чрезъ человѣка на общество; для сего *языки, шатающіеся и возстающіе на Господа, пасутся жезломъ желѣзнымъ, и яко сосуды скудельничи сокрушаются* (Псал. II. 1. 2. 9.), обращающіеся *возсозидаются и насаждаются* (Іер XVIII. 9.), искушаемые *проводятся сквозь огнь и воду*, твердые въ испытаніи *вводятся въ покой* (Псал. LXV. 12.); для сего *возносятся избранные отъ людей Господнихъ* (Псал. LXXXVIII. 20.), крѣпкіе, предопредѣленные со-

творить волю Промысла, *поддерживаются за десницу* Десницею Всесильною, которая *уравниваетъ предъ ними горы, и врата мѣдная сокрушаетъ* (Иса. XLV. 1. 2.): и между тѣмъ,— *да смирится высота человѣча, и вознесется Господь единъ* (Иса. II. 17.),— жребій многочисленнѣйшихъ народовъ долго иногда скрывается въ неизвѣстной рукѣ единаго смертнаго; а судьба каждаго сильнаго земли слагается изъ неизчисленныхъ случайностей, которыхъ никакая человѣческая мудрость — объять, никакая земная сила — покорить себѣ не можетъ.

Если сіе всеобъемлющее владычество Божіе подвергаетъ насъ нѣкоторой судьбѣ: то судьбѣ премудрой. Если оно, по видимому, налагаетъ узы: то развѣ на своеволіе и буйство. Если уничижаетъ: то единственно тѣхъ, которые думаютъ быть сами творцами своего величія, мечтаютъ *взыти выше облакъ и быти подобны Вышнему* (Иса. XIV. 14.). Если же оно и возноситъ жребій нечестиваго: то не иначе, развѣ какъ возносится жезлъ, который вскорѣ поразитъ нѣкоего виновнаго, сокрушится, и отвержется. Напротивъ тѣ, которые сами ничего не ищутъ, кромѣ славы Божества и блага человѣчества, обрѣтаютъ въ покореніи себя Промыслу свою надежду и безопасность, въ Его власти основаніе своего могущества, въ Его славѣ источникъ своего величія. И какихъ чудесъ премудрости и благости не творитъ Онъ для совершенія въ ихъ начинаніяхъ Своихъ собственныхъ намѣреній! Онъ призираетъ на нихъ еще прежде, нежели они взираютъ на свѣтъ, и отъ начала до конца ихъ теченія блю-

детъ ихъ, яко зѣницу ока, украшаетъ дарами природы; наставляетъ примѣрами ; умудряетъ опытами; очищаетъ искушеніями; благоденствіемъ укрѣпляетъ; провождаетъ въ путяхъ свѣта, предводитъ стезями мрака; тѣснотою *изводитъ на широту* (2 Цар. XXII. 20.), ограждаетъ въ опасностяхъ ; одушевляетъ въ подвигахъ ; содѣлываетъ спасеніемъ и радостію народовъ въ жизни, вѣнчаетъ въ смерти ; наконецъ въ самый гробъ сопровождаетъ славою и благословеніями.

Человѣческому оку не позволено, Слушатели, проникать въ оную художественную храмину Провидѣнія, гдѣ оно творитъ и уготовляетъ творцевъ народнаго благоденствія: но когда они являются на предопредѣленномъ для нихъ поприщѣ, и совершаютъ свое служеніе, тогда слава нерукотвореннаго Божія орудія просіяваетъ купно съ премудростію Художника. Воззрите на совершившееся уже спасеніе какого либо народа: вы увидите всегда въ его избавителѣ спасеніе Божіе.

Народъ Божій не имѣетъ отечества ; въ землѣ чуждой, подъ тяжкимъ игомъ, истомленный работою, вмѣсто награды, осуждается на истребленіе. Въ сіе время Господь призираетъ на младенца, поверженнаго на смерть ; посылаетъ его во дворъ того самаго царя, воспитываетъ во всей премудрости того самаго народа, съ которыми онъ нѣкогда долженъ препираться ; исполняетъ его сердце любовію къ единоплеменнымъ, раздражаетъ духъ его несправедливостями утѣснителей, искушаетъ бѣдствіемъ и почти рабскимъ, послѣ пребыванія въ цар-

скомъ домѣ, состояніемъ; вооружаетъ Своею силою; укрѣпляетъ Своимъ присутствіемъ: — и вы видите Моисея, безъ оружія побѣдоноснаго Вождя Евреевъ, *бога Фараонова* (Исх. VII. 1.).

Народъ Божій въ отечествѣ угнѣтается иноплеменниками. Но Господь, наказуя, не хощетъ отринуть людей Своихъ: Самъ *возставляетъ имъ судей, и спасаетъ ихъ отъ руки враговъ ихъ* (Суд. II. 18.). Такъ Ангелъ является Гедеону, возвѣщаетъ ему, яко *Господь съ нимъ:* и на утріе сей мирный поселянинъ собираетъ многочисленное воинство; но, да будетъ спасеніе рукою Божіею, съ тремя стами безоружныхъ, побѣждаетъ безчисленныя полчища враговъ; и даруетъ свободу Израилю.

Народъ Божій предается во власть и плѣненіе языковъ. Тотъ, который послалъ сію язву, еще прежде уготовалъ и врача. Еще Іерусалимъ не предчувствуетъ своего паденія: *но сотворивый грядущая* (Иса. XLV. 11.) уже глаголетъ Іерусалиму: *возградися; нарицаяй не сущая, яко сущая* (Рим. IV. 17.), нарицаетъ не родившагося еще Кира *Своимъ пастыремъ и помазанникомъ*, обѣщаетъ *повинуть предъ нимъ языки и крѣпость царей разрушить, да созиждетъ градъ* Господень *и плѣненіе людей* Господнихъ *возвратитъ.* (Иса. XLIV. 28. XLV. I. 13). И се, Киръ — покоритель и обладатель Востока, дабы содѣлаться освободителемъ Израиля, возстановителемъ Іерусалима.

Народъ Божій безъ Правительства, безъ Закона, окрестъ Іерусалима — безъ Отечества; окрестъ храма — безъ Богослуженія Кто бы въ сей день

гнѣва могъ и помыслить о возставленіи низверженнаго Израиля, если бы Отвратившійся отъ него гнѣвомъ, еще разъ не обратился къ нему милосердіемъ? Богъ восхотѣлъ: — и подвигнутый священною ревностію, одушевленный примѣромъ и наставленіемъ Отца, возстаетъ Маккавей; съ горстію истинныхъ сыновъ Израилевыхъ разсѣваетъ многочисленныя ополченія гонителей вѣры; очищаетъ святый градъ; обновляетъ благолѣпіе храма; пріобрѣтаетъ народу Іудейскому могущественныхъ союзниковъ, и — да обратимся паки къ его дѣописанію — содѣлывается безсмертнымъ поспѣшникомъ спасенія Божія: *благопоспѣшно бысть спасеніе рукою его; и огорчи цари многи, и возвесели Іакова въ дѣлѣхъ своихъ, и даже до вѣка память его во благословеніе.*

Но почто, желая *видѣть дѣла Божія* Промысла, *яже положи чудеса на земли*, мы принуждены всегда устремлять взоры наши въ даль прошедшаго? Какъ будто величіе Божіе *преходитъ* также, какъ *образъ міра сего*, и *царство всѣхъ вѣковъ* остается наконецъ только въ развалинахъ древности! Какъ будто Богъ, нарекшій себя нѣкогда для мертвыхъ *Богомъ живыхъ* (Мар. XII. 27.), преображается для живыхъ въ Бога мертвыхъ, и мы уже не можемъ *видѣти благая Господня на земли живыхъ!* О міръ, враждующій на Бога и тогда, когда его исповѣдуешь! Ты соглашаешься искать Его въ отдаленіи временъ, и не хочешь *ощзать Его, недалече отъ единаго коегождо насъ суща* (Дѣян XVII. 27.). Уступаешь Ему чуждую для тебя область прошедшаго, и желаешь въ настоящемъ воцарить слу-

чай, или обоготворить разумъ и самыя страсти человѣческія. Если ты не можешь слышать, какъ непрестанно *день дни отрыгаетъ глаголъ* присносущной славы Божіей: приникни хотя единожды, какъ сей безмолвный гробъ вѣщаетъ о ней сему олтарю, и настоящій день отвѣщаваетъ прошедшимъ, яко единъ есть — *сый, и иже бѣ, и грядый - Вседержитель* (Апок. I. 8.).

Не минута нечаянности сближаетъ предъ нами, Слушатели, память безсмертнаго Михаила съ памятію безсмертнаго Маккавея. Церковь предварила сей союзъ ихъ своимъ желаніемъ и предчувствіемъ: Промыслъ оправдалъ ея желаніе событіемъ. Вы помните оный благознаменитый день вѣры и любви къ Отечеству, когда подвигнутая опасностію его Церковь взывала къ вамъ, именитые Россіяне, предъ симъ самымъ олтаремъ, *да воздвигнетъ изъ васъ Господь новыхъ Маккавеевъ* (а): и кто, кромѣ Провидѣнія, или управилъ желаніе Церкви къ предопредѣленному событію, или устроилъ событіе по ея мольбѣ? Кто, на гласъ сего желанія и мольбы, воздвигнулъ мужа, котораго дѣянія и судьба не могутъ точнѣе быть изображены, какъ дѣописаніемъ Маккавея? — Кто повелѣлъ, чтобы даже имя сего

(а) См. воззваніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода къ Россійскому народу, въ началѣ войны 1812 года, въ Казанскомъ Соборѣ, при собраніи Членовъ Синода, произнесенное Преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, Митрополитомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ.

мужа соотвѣщало имени Маккавея, и оба имена сіи, подобно какъ оба сіи мужи, возглашали единое славословіе: *кто, яко Богъ?* — (а) Но возвратимся по пути жизни Смоленскаго, до его исходищъ, и осяжемъ напечатлѣнные на немъ слѣды Провидѣнія.

Въ дарахъ естественныхъ человѣку низпосылается первое напутствіе для жизни его, и открываются начальныя черты его предопредѣленія. Если бы мы умѣли вѣрнѣе слагать и разрѣшать сіи трудныя черты, и читать въ началахъ послѣдствія: то давно бы можно было узнать въ Михаилѣ человѣка запечатлѣннаго природою, или паче Творцемъ ея, къ великому назначенію. Сей умъ, въ которомъ и высокія знанія и пріятныя искусства, не стѣсняя другъ друга, находили свое мѣсто, — умъ способный, въ одно время, составлять чертежъ брани, соображать къ единой цѣли разнообразныя отношенія союзныхъ и враждебныхъ Державъ, и легкою ногою измѣрять зыблющіяся стези Дворовъ, — долженъ былъ казаться сотвореннымъ не для одного, но для всѣхъ путей общественнаго служенія и славы. Сія твердость, непоколебимая ни страхомъ, ни скорбію, и благодушная покорность своей участи, были предуготовлены для такихъ подвиговъ, среди которыхъ поколебались бы тысящи тысящъ, если бы единая глава не сдержала общаго бремени. Сія глубокая проницательность и неутомимая осторожность, такъ ска

(а) *Имя* Маккавей *съ Еврейскаго толкуется:* кто, яко Ты, Боже? Михаилъ *съ Еврейскаго же значитъ*, Кто, яко Богъ?

зать, указывали на змія коварства, съ которымъ наипаче предопредѣлено было браться нашему Михаилу. – Но Промыслъ, который самъ благовременно устрояетъ и уготовляетъ свои орудія, не являетъ ихъ прежде времени человѣкамъ, которые вмѣсто содѣйствія, иногда положили бы препоны его въ нихъ намѣреніямъ.

Предназначаемый Провидѣніемъ чрезъ даруемыя человѣку способности путь жизни обыкновенно пролагается воспитаніемъ. Воспитаніе Михаила, будучи подобно воспитанію многихъ другихъ, можетъ быть, не предвѣщало всей судьбы его: но совершившаяся судьба его заставляетъ съ уваженіемъ воспоминать о его воспитаніи. Оно заключалось, Слушатели, въ предѣлахъ отеческаго рода и Отечественнаго святилища воинскихъ званій. Такъ новою благостію Провидѣнія избранный сынъ Отечества предохраненъ отъ суевѣрнаго уничиженія предъ идоломъ иноземнаго просвѣщенія и образованности; Отечеству предоставлена сугубая слава имѣть Смоленскаго, и никому за него не быть обязаннымъ: а родителямъ и воспитателямъ остался отъ сего воспитанія тотъ важный для нашихъ дней урокъ, что не иноплеменное наставленіе производитъ достойныхъ сыновъ Отечества

Рано изшелъ Михаилъ изъ рукъ обыкновенныхъ наставниковъ, (а) какъ бы для того, чтобы сохра-

---

(а) Онъ воспитывался въ Артиллерійскомъ Корпусѣ до 15 лѣтъ возраста. Въ 17 лѣтъ правилъ уже ротою въ полку Суворова.

нить цвѣтущій возрастъ и неутомленныя способности для труднѣйшаго и необыкновеннаго къ необыкновенному назначенію образованія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ изведенъ на такое поприще, гдѣ, — между тѣмъ какъ воспитаніе юности его приносило вожделѣнные плоды, и его любовь къ Отечеству ознаменовывалась постепенно рвеніемъ и подвигами, — его дарованіямъ отверзто было высшее и единственное училище великихъ мужей, училище живыхъ примѣровъ, опытовъ и опасностей. Задунайскій, Таврическій, Рымнинскій были, то руководителями его дѣятельности, то свидѣтелями его доблестей, то свѣтильниками его умозрѣній. Онъ шелъ предъ лицемъ или о страну сихъ вождей, въ знаменитыхъ битвахъ, иногда возпося побѣду на грозныя укрѣпленія городовъ и ополченій, иногда устремляясь къ ней чрезъ преграды, поставленныя природою, иногда удерживая оную мужествомъ; иногда уловляя рѣшимостію; и, — если для героя нужно свидѣтельство героя, такъ же какъ и для мудраго важенъ судъ мудрыхъ, — имѣлъ то преимущество, что вождь, который паче прочихъ любилъ и насаждать и собирать свои лавры собственными руками, нарекъ его своею *десницею* (а).

Но, — дабы удержать слово наше въ предѣлахъ, ему предначертанныхъ, — не снидемъ, Слушатели, во всѣ слѣды нашего героя на томъ бранномъ

(а) *По взятіи Измаила Суворовъ сказалъ, что М. И.* шелъ у него на лѣвомъ крылѣ, но былъ его правою рукою.

поприщѣ, гдѣ онъ, хотя изъ зрителя незабвенныхъ примѣровъ содѣлался уже примѣромъ для многихъ, но не отдѣлился еще отъ сонма вождей, какъ безпримѣрный; и гдѣ мы увидѣли бы его болѣе въ блескѣ славы человѣческой, нежели подъ осѣненіемъ славы Божіей, явившейся надъ нимъ наипаче въ послѣдніе дни его. Не будемъ разсматривать тѣхъ побѣдныхъ вѣнцовъ, которые безъ сомнѣнія были бы достаточны украсить иную главу, но на челѣ Михаила становятся едва примѣтными подъ великимъ вѣнцемъ послѣднимъ. Напротивъ остановимся и возблагоговѣемъ предъ оными священными отличіями, которыя нѣкогда возложило на него Провидѣніе, указуя своего избраннаго. Я говорю о его чудесныхъ ранахъ, которыя безъ сравненія болѣе должны были возбудить къ нему вниманіе глубокомыслящихъ, нежели какъ наружные знаки достоинства и чести привлекаютъ взоры легкомыслія. Сей ревностный поборникъ браней Отечества, подвизаясь за его безопасность, не хочетъ примѣчать опасностей собственныхъ; и смерть двукратно проходитъ сквозь его главу, (а) какъ будто бы оружіе Агарянъ особенно искало сихъ очей, въ которыхъ просіявала прозорливость, и сея главы, въ которой со-

(а) *Первую рану получилъ онъ въ первую Турецкую войну, при взятіи Перекопскихъ укрѣпленій пуля вошла въ лѣвый високъ, и вышла у праваго глаза. Вторую рану получилъ въ 1788 году подъ Очаковымъ: пуля вошла въ щоку, и прошла на сквозь въ затылокъ*

зрѣвала мудрость, толико для нихъ послѣ страшныя. Какія прерѣкаемыя знаменія! Тѣ, которые видѣли язвы сіи, еще открытыя, думали, что въ послѣдній разъ видятъ сего язвеннаго; тѣ, которые слышали, что онъ еще живетъ, не вѣрили язвамъ его, доколѣ не осяжуть. но когда Богъ двукратно возвратилъ ему и жизнь и неврежденную цѣлость духа и тѣла: когда самою болѣзнію первой язвы поставилъ его на новую стезю совершенствованія, чтобы онъ, ища здравія, обрѣлъ новый источникъ полезныхъ знаній въ путешествіи, въ обозрѣніи благоустроеннѣйшихъ Государствъ свѣта, въ собесѣдованіи съ прославленными во языкахъ мудрецами брани (а): тогда вѣрующіе Провидѣнію долженствовали *соблюдать глаголы сіи, слагая въ сердцахъ своихъ*, колико драгоцѣнна глава сія Небу, и какого высокаго служенія оно ждетъ отъ нея, обдержа и соблюдая ее столь высокою мышцею!

Впрочемъ послѣ столь знаменательныхъ приключеній судьба Михаила долго хранилась подъ множествомъ печатей, которыя, отъ времени до времени раскрываясь, представляли ее въ различныхъ видахъ: всегда предуготовляли, но и всегда утаевали тайну его послѣдняго назначенія. Уже мечь его или покоится, или только блистаетъ, не имѣя кого по-

---

(а) *Для совершеннаго возстановленія здравія, онъ путешествовалъ на иждивеніи блаженныя памяти Государыни* ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, *по Германіи, Франціи, Англіи: былъ у Фридриха, Лаудона, и пр.*

ражать (а). Не разъ шествуетъ онъ съ оливою къ союзникамъ своихъ Государей или для утвержденія и украшенія новаго мира, или для обновленія древней дружбы (б). Не разъ является посреди отечественныхъ областей неутомимымъ блюстителемъ ихъ внутренняго благоустройства и спокойствія (в). И наконецъ, принесши тремъ Самодержцамъ и Отечеству въ дань благоговѣнія и долга лучшія лѣта жизни, онъ уже начинаетъ, по видимому, преклоняться отъ трудовъ общественныхъ къ покою семейственному (г). Слѣдующее токмо время могло показать, что будучи преносимъ изъ области въ область Отечества, изъ страны въ страну Европы, онъ руководимъ былъ невидимо къ совершеннѣйшему познанію Отечества и Европы, между которыми долженъ былъ стать единственнымъ предѣломъ, и, взвѣсивъ, подвигнуть ихъ сопротивныя взаимно силы; и что высокій путь подвижника Отечества скры-

---

(а) *Съ 1793 до 1805 года М. И. хотя имѣлъ отъ времени до времени подъ своимъ начальствомъ войска, но не былъ въ военныхъ дѣйствіяхъ.*

(б) *Былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополѣ; былъ съ препорученіями при Дворѣ Берлинскомъ, двукратно имѣлъ порученіе встрѣтить за границею и сопровождать Шведскаго Короля.*

(в) *Въ разныя времена онъ былъ Военнымъ Губернаторомъ Литовскимъ, Санктпетербургскимъ, Кіевскимъ, и паки Виленскимъ.*

(г) *Предъ назначеніемъ своимъ въ Армію, посылаемую на помощь Г. И. онъ жилъ нѣкоторое время въ своей деревнѣ.*

вался наконецъ въ смиренныхъ сѣняхъ веси для того, чтобы торжественнѣе открылось позорище для ратоборца Европы.

Вдругъ скипетръ Александра указуетъ ему обширнѣйшее поле дѣйствованія, и воздвигаетъ его въ помощь великой нѣкогда, союзной державѣ противъ возрастающаго исполина, который на развалинахъ престола, превращенныхъ въ лобное мѣсто, созидая новый престолъ, желалъ утвердить и украсить его разрушеніемъ древнихъ, и преліять священные вѣнцы наслѣдія въ тяжелый вѣнецъ насильственнаго преобладанія. Вѣрный подданный, яко праволучная стрѣла, летитъ на намѣреніе прозорливаго и благосердаго Монарха: и, когда спасительная скорость помощи предупреждена пагубною опрометчивостію требовавшихъ помощи, когда Вождь, пришедшій вспомоществовать сильнѣйшимъ войскамъ, сверхъ всѣхъ опасеній, видитъ ихъ въ плѣну, а себя безпомощна, съ частію только своихъ сподвижниковъ, далече отъ предѣловъ отечества, предъ многочисленнымъ и надменнымъ успѣхами непріятелемъ; тогда-то начинаютъ усматривать Отечество и Европа, что Михаилъ уготованъ во главу браней. Не смущенный столь страшною нечаянностію онъ ведетъ малую свою дружину невредиму предъ лицемъ побѣдоноснаго врага, отражаетъ его, поражаетъ (а), восхищаетъ его корысти, плѣнитъ плѣнъ, и содѣлываетъ изъ тяжкаго преслѣдователя только

(а) *При Кремсѣ.*

бременоносца своей добычи. Еще по судьбамъ Вышняго не время было сокрушить выю гордаго: но Михаилу дано было узрѣть своего будущаго противоборца, испытать его, и бросить въ его сердце первыя сѣмена боязни.

Наконецъ приближалась сія мрачная година Отечества, для которой Михаилъ соблюдаемъ былъ, яко свѣтильникъ для нощи. Еще мы думали ходить въ тихомъ свѣтѣ мира, но всепроницающее око Провидѣнія, сокрытое въ небесахъ, уже видѣло тучи, стремящіяся покрыть Россію отъ всѣхъ странъ Европы; и Держащій въ рукѣ сердца Самодержцевъ паки положилъ очи Александра на испытаннаго подвижника, и свою *помощь на сильнаго*. Михаилу вручена брань на Югѣ, которая, не бывъ страшна въ первыхъ своихъ дѣйствіяхъ, могла содѣлаться опасною въ своемъ продолженіи, когда бы чреватый вѣроломствомъ Западъ, прежде ея окончанія, разродился своими чудовищами. Древній побѣдитель и другъ Агарянъ, еще разъ содѣлался и побѣдителемъ ихъ и другомъ. Поколебавъ ихъ троекратно сильнѣйшія полчища, онъ притворяется бѣгущимъ (а), и, обратясь, такъ сказать, поглощаетъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ станомъ и всеоружіемъ: потомъ изумленнаго мужествомъ его врага, сугубо плѣняетъ мудростію, и въ то самое время, когда тлетворное дыханіе Запада отвсюду воздуваетъ на насъ бурю, онъ возстановляетъ тишину на Югѣ, ограждаетъ, разши-

(а) *чрезъ Дунай.*

ряетъ наши предѣлы. Кто уже не видитъ здѣсь *Господа съ сильнымъ крѣпостію*? Кто не видитъ на Югѣ *возжигаемое свѣтило спасенія* (Иса. LXII. 1.) нашего, долженствующее расточить мракъ, объемлющій насъ отъ Запада?

Когда мракъ сей отяготѣлъ надъ нѣкоторыми странами Отечества: гласъ Божій, призывающій Михаила къ служенію спасенія, вновь услышался въ гласѣ народа. Чувствуя, отколѣ происходилъ сей гласъ, и покорствуя священной волѣ Отечества, сей многолѣтный начало-вождь, завоеватель, миротворецъ, забываетъ и старость свою и прежнія заслуги, пріобрѣтшія ему право на спокойствіе и уваженіе, и пріемлетъ сѣкиру, вмѣстѣ съ дружинами ополчающихся за Отечество земледѣльцевъ.

Вскорѣ страшная година искушенія преполовляется. Настаетъ время, предуставленное Провидѣніемъ и воспріятое Монархомъ, дабы устремленію слѣпыхъ силъ едва не цѣлой Европы на единую Россію, изощренному коварною внезапностію, которое не могло быть притуплено иначе, какъ постепеннымъ уступленіемъ, противопоставить наконецъ твердый оплотъ, обновить надеждою духъ утомленнаго неизвѣстностію воинства, обратить уклоняющееся лице брани на врага: и — открывается великое поприще Смоленскаго. Но дерзнетъ ли далѣе сіе слабое слово тещи путь за симъ исполиномъ? Какъ изобразитъ оно ту зарю надеждъ, которая быстро разлилась отъ края до края Отечества вмѣстѣ съ молитвою, что Михаилъ нареченъ Архистратигомъ всѣхъ силъ Россійскихъ? Какъ сотворитъ

оно слышанъ тотъ неслыханный прежде громъ, который онъ бросилъ на врага, какъ скоро ступилъ на поле брани? Какъ изъяснитъ сію проницательность, которая могла предсказать, что *потеря Столицы не есть потеря Отечества*, послѣ того какъ двѣ сильныя нѣкогда державы въ подобномъ несчастіи сего не постигали, но вмѣстѣ съ своими столицами упадали къ ногамъ утѣснителя? Какая сила языка представитъ ту силу духа, съ которою ветхій днями вождь, принужденный для спасенія Отечества принести въ жертву его древнюю столицу, пріемлетъ на единыя свои рамена всѣ несчастія и жалобы ея жителей, всю скорбь подвизавшихся за нее ратниковъ, все состраданіе и опасенія Отечества, и наконецъ тяжкія опустошенной Москвы развалины? И кто изъ васъ, Слушатели, не упреждаетъ уже меня отселѣ мыслію и сердцемъ? Кто изъ васъ не слѣдовалъ за Смоленскимъ стократно чрезъ все поприще побѣдъ и славы его, то желаніями, то радостію, то благодарностію, то удивленіемъ? Кто изъ васъ не *возвеселился въ дѣлѣхъ* сего новаго *Маккавея*, *огорчившаго* трехъ царей въ ихъ собственныхъ лицахъ, и многихъ въ ихъ вождяхъ, плѣнившаго тысящи, поразившаго тьмы, избавившаго грады, отмстившаго за нарушенную святыню храмовъ, извергшаго ужасы злодѣяній изъ Отечества, внесшаго ужасъ праведнаго мщенія въ страны враждебныя и даровавшаго порабощеннымъ надежду освобожденія? Кто не увѣрился, яко Господне *благопоспѣшно бысть спасеніе рукою* сего Вождя, который шествовалъ подъ предводительствомъ свя-

щеннаго изображенія Богоблагодатной *Путеводительницы* (а), и вмѣстѣ съ нею величилъ Бога въ величіи своего смиренія?

Если что еще оставалось Провидѣнію совершить для сего поспѣшника даруемаго намъ спасенія послѣ толикихъ подвиговъ, въ которыхъ онъ сотворилъ всю волю его: то даровать ему такую кончину его теченія, въ которой *благословляющіе память его* на земли вновь узрѣли бы надъ нимъ благословеніе свыше. И какая кончина, Слушатели! Съ какою небесною точностію измѣрено и опредѣлено время ея отъ начала его послѣдняго служенія: четыре Луны—поборникъ Отечества въ предѣлахъ его; четыре луны — каратель неистовыхъ утѣснителей въ ихъ владычествѣ, — и, какъ скоро исполнилъ мѣру своего мщенія до сего равновѣсія, — сынъ покоя вѣчнаго (б)! Какъ вѣнчаемый побѣдоносецъ, онъ вземлется среди непрерывныхъ побѣдительныхъ восклицаній предводимаго имъ воинства; какъ благословляемый защитникъ Церкви, онъ со-

---

(а) *Сіе наименованіе Богоматери заключается въ Греческомъ* одигитріа, *присвоенномъ Смоленской иконѣ Богоматери. Извѣстно, что сія икона находилась въ войскахъ до очищенія Смоленска отъ враговъ.*

(б) 16 *Августа 1812 года М. И. принялъ команду надъ Арміями, отступившими внутрь Россіи; по занятіи Россійскими войсками Бѣлостокской области и Мемеля 15 Декабря, съ 16 числа война продолжалась на всѣхъ своихъ пунктахъ за границею; 16 Апрѣля 1813 года М. И. скончался.*

провождается въ своемъ исходѣ величественнѣйшимъ торжествомъ ея, и проходитъ мрачную дверь смерти среди свѣтлыхъ дней Воскресенія (а). Онъ скончавается тогда, когда не родъ его только, не Отечество едино, — цѣлая Европа чувствуетъ, что его лишается; и священный Помазанникъ Божій не скрываетъ слезъ своихъ о немъ отъ очей своего народа (б). Между тѣмъ самъ Богъ подвизаетъ сердца народовъ, чтобы торжественное возвращеніе въ Отечество, свойственное безсмертному побѣдителю, совершилось надъ смертными останками его. и сей гробъ прошелъ обширныя страны иноплеменныя и отечественныя съ такою славою, какая никогда съ толико свободною ревностію, съ толикимъ единодушіемъ, не была приносима побѣдителямъ въ ихъ жизни. Тако, если Смоленскій не жилъ никогда для себя, но всегда для Отечества и Провидѣнія: то Провидѣніе даровало ему кончину — для него самого.

Дивный въ судьбахъ Твоихъ Господи! Воистину, Ты Самъ былъ неотступно съ симъ избраннымъ Тобою *силнымъ крѣпостію*, и *благоспѣшилъ спасеніе* наше *рукою его:* и Ты *отъялъ*, еже *далъ* (Іов. I. 21) еси, дабы не почивали на видимыхъ дарахъ Твоихъ наши легкомысленныя чаянія, но возносились къ Тебѣ, къ Нему же *вся чаютъ*. Да будетъ

(а) *Скончался въ среду Свѣтлыя недѣли.*

(б) *См. Высочайшій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Рескриптъ къ Княгинѣ Смоленской.*

воля Твоя, Отче небесный, и да внесется неоцѣненный даръ Твой въ сокровища славы Твоей. По милости же Твоей и истинѣ Твоей, соверши надъ нами простираемыя къ намъ доселѣ щедроты Твои, да не когда паки *рекутъ* о насъ *языцы*: *гдѣ есть Богъ ихъ?* Призри на правду нашего дѣла, на страданія толь многихъ народовъ, на возведенныя къ Тебѣ, *отнюдуже приходитъ помощь* наша, очи Россіи, на слезы кроткаго Помазанника Твоего, и даждь, да егда днесь, яко же древле, вземлется на небо преоруженная силою Твоею *Колесница Израилева*, и едина обетшавшая *милоть* остается предъ нами на земли, — даждь, да снидетъ *сугубый духъ* Иліи (4. Цар. II. 12. 15.), — огненный духъ ревности, мужества и крѣпости, на поборниковъ славы Твоея и поспѣшниковъ спасенія нашего.

Россіяне! вы всѣ единодушно желаете, чтобы духъ, данный Смоленскому, не преставалъ ходить въ полкахъ нашихъ, и почивать на вождяхъ нашихъ. Нѣтъ лучшей сего похвалы для отшедшаго; нѣтъ лучшаго наставленія для оставшихся сыновъ Отечества. Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

БЕСѢДЫ

О РАЗНЫХЪ ИЗРЕЧЕНІЯХЪ СВ. ПИСАНІЯ И О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ УЧЕНІЯ ХРИСТІАНСКАГО.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

БЕСѢДЫ

О РАЗНЫХЪ ИЗРЕЧЕНІЯХЪ СВ. ПИСАНІЯ И О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ УЧЕНІЯ ХРИСТІАНСКАГО.

1. БЕСѢДА

О БЛАГОДАРНОСТИ КЪ БОГУ.

Молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ (2 Кор. VI. 1.).

Апостолъ Павелъ, указавъ Киринѳскимъ ученикамъ своимъ на величайшее изъ благодѣяній Божіихъ человѣческому роду — на избавленіе отъ области грѣха чрезъ нисхожденіе въ оную Единороднаго Сына Божія, дабы злотворную и смертоносную силу грѣха разрушить всепроницающею и всепобѣждающею животворною и благотворною силою Божіею: *невѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ*, то есть, жертву за грѣхъ, *сотвори* Богъ Отецъ, *да мы будемъ правда Божія о Немъ*; — указавъ, говорю, на сіе величайшее изъ благодѣяній

Божіихъ, святый Апостолъ тотчасъ присовокупляетъ увѣщаніе, которому, по любви къ увѣщаваемымъ и по сильному желанію, чтобы оное было принято, даетъ видъ просьбы: *молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ.*

Указанной Апостоломъ благодати Божіей не всѣ ли мы участники, братія-Христіане? Посему долгъ имѣемъ и мы повторить вамъ слово Апостольское: *молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ.* Просимъ васъ, чтобы благодѣянія, которыя получили и получаете вы отъ Бога, получаемы были не напрасно. Окажите себя вѣрными Его благодати, достойными Его благодѣяній. Изъяснимся о семъ нѣсколько подробнѣе.

Человѣкъ живетъ непрерывными благодѣяніями Божіими: онъ весь составленъ изъ даровъ и благодѣяній Божіихъ; онъ погруженъ въ благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ въ безднѣ.

Бытіе и жизнь человѣка, въ своемъ началѣ, есть свободное даяніе Творца, — даръ, котораго никто не могъ у Него вынудить, никто не имѣлъ права истребовать; слѣдственно и продолженіе бытія и жизни есть непрерывное продолженіе тогоже даянія Божія. Жизнь временная есть ежеминутное благодѣяніе Божіе. Безсмертіе человѣка есть безсмертное, безконечное благодѣяніе Божіе.

Разберемъ составъ нашъ. Душа, основаніе жизни, есть дыханіе Бога Творца. Тѣло, жилище и орудіе души — дѣло рукъ Божіихъ. Умъ, безъ котораго не существовали бы для тебя ни истина, ни мудрость, сердце, безъ котораго не было бы для

тебя ни блага, ни блаженства, чувства, безъ которыхъ вселенная, тебя окружающая, была бы для тебя закрыта и недоступна, — все сіе не такъ же ли Божіе дѣло, Божіи дары тебѣ — ничтожеству? Точно, ты весь составленъ изъ даровъ и благодѣяній Божіихъ.

Осмотримся во вселенной. Кто положилъ подъ нами землю, которая насъ держитъ надъ бездною, даетъ намъ жилище, одежду, пищу? Кто пролилъ на землѣ воду, которая насъ поитъ и омываетъ? Кто засвѣтилъ въ небесахъ свѣтила, которыя даютъ намъ возможность видѣть вселенную съ ея чудесами, которыя изъ мертвой земли вызываютъ для насъ жизнь, красоту, благоуханіе, сладость, пищу, лекарство, и которыя нашу собственную земную жизнь питаютъ тонкою, но не менѣе земной существенною пищею? Чей это воздухъ, которымъ мы дышемъ? Кто учредилъ намъ день, который возбуждаетъ насъ къ дѣятельности, и ночь, которая благопріятствуетъ нашему покою? Кто далъ злаку благодѣтельный для насъ законъ, — сверхъ немногаго числа сѣмянъ, нужнаго для продолженія рода, производить преизбыточествующее множество, на хлѣбъ намъ? Кто заповѣдалъ древу, сверхъ нужнаго ему сѣменнаго зерна, приносить плодъ, намъ, а не ему надобный? Кто велѣлъ гордому коню смиряться подъ нашею тяжестію, и смиренной овцѣ, даже малому червю — прясть изъ своего тѣла нашу одежду? Кто, на случай скупости солнца, приготовилъ намъ сокровища свѣта и огня въ кремнѣ и стали, въ деревѣ и маслѣ? Не все ли сіе и про-

чее неисчислимое — Божіе устроеніе, Божія собственность, и, когда предоставлено въ пользу нашу, Божіе намъ благодѣяніе? Точно, мы погружены въ благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ въ безднѣ.

Можетъ быть, невнимательный къ благодѣяніямъ Божіимъ скажетъ: я пользуюсь тѣмъ, что въ моей и въ окружающей меня природѣ, посредствомъ собственныхъ моихъ усилій, либо при содѣйствіи другихъ людей, обработалъ, изыскалъ, произвелъ, пріобрѣлъ. Таковому отвѣтствуемъ съ Апостоломъ: *ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Богъ* (1 Кор. III. 7.). Сіе обличеніе ничтожности человѣческихъ дѣйствій, въ сравненіи съ благотворнымъ содѣйствіемъ Божіимъ, столькоже справедливо буквально, въ отношеніи къ обработыванію видимой природы, сколько иносказательно — въ отношеніи къ образованію духовнаго естества въ человѣкѣ. Ты провелъ грубую борозду, или вырылъ яму, бросилъ зерно или посадилъ корень и, можетъ быть, еще брызнулъ водою, если это въ небольшомъ саду. Какія ограниченныя, мертвыя, ничтожныя дѣла! Но что дѣлаетъ между тѣмъ небесный Земледѣлецъ? Въ зернѣ или корнѣ Онъ уже приготовилъ неприметно, и тѣмъ болѣе удивительно, все будущее растеніе и весь илодъ, котораго ты алчешь; въ землѣ, въ которую ты бросаешь сѣмя, какъ въ могилу, Онъ также приготовилъ для него матернюю утробу; далѣе Онъ повелѣваетъ солнцу своему, сквозь темныя и холодныя глыбы, пробиваться свѣтомъ и теплотою, и извлекать изъ погребеннаго сѣмени ростокъ, изъ

ростка стебль, изъ стебля цвѣтъ и плодъ; для споспѣшествованія сему Онъ опять посылаетъ поочередно теплоту и холодъ, влажность и сухость, дожди и росы, вѣтры и тишину; и конечно не насаждающій и напояющій человѣкъ, но возращающій Богъ, изъ однѣхъ и тѣхъ же – земли, воды, воздуха, свѣта, производитъ въ пшеничномъ колосѣ хлѣбъ, а въ виноградной ягодѣ – вино. Мы примѣчаемъ наши ничтожныя дѣла по тому самому, что они ограниченны и малы, потому что начинаемъ ихъ и оканчиваемъ, усиливаемся для нихъ и устаемъ отъ нихъ; и напротивъ не примѣчаемъ иногда благодѣяній Божіихъ по тому самому, что они велики, потому что готовы безъ усилій, повсемественны, всегдашни. Надобно иногда временное и мѣстное отъятіе благотворной руки Божіей, чтобы люди справедливѣе оцѣняли благодѣяніе Божіе, которымъ долго безъ вниманія пользовались. Голодъ изъясняетъ Божіе благодѣяніе хлѣба, тлетворное повѣтріе — благодѣяніе воздуха, засуха — благодѣяніе дождя, безведріе — благодѣяніе солнца, которое не дорого потому, что всеблагій Богъ каждый день сіяетъ имъ на злыя и благія.

При разсмотрѣніи человѣческихъ обществъ, мысль о благодѣющей рукѣ Божіей застѣняется не рѣдко мыслію о свободной волѣ человѣческой. Но Богъ, благодѣтельный Творецъ міра и человѣка, можетъ ли не быть также благодѣтельнымъ Творцемъ общества человѣческаго? Ибо независимое отъ Него и неуправляемое Имъ общество человѣческое препятствовало бы Ему исполнять благодѣтельныя намѣре-

нія о мірѣ и человѣкѣ, ограничивало бы Бога, что противорѣчитъ коренному понятію о Божествѣ.

Никто, признающій Бога Творца и Промыслителя, не станетъ спорить, что общество пчелъ или муравьевъ есть устроеніе Божіе въ природѣ, потому что никакіе избранные члены улья не составляли для него постановленія общественнаго, и никакой философъ муравейника не вымышлялъ басни общественнаго договора. Чтожъ? Общество человѣковъ менѣе ли достойно быть устроеніемъ премудраго Бога и всегдашнимъ предметомъ Его благодѣтельнаго управленія? Существуетъ надъ человѣками человѣческое правленіе, — и сіе нимало не противорѣчитъ тому, что каждый изъ нихъ имѣетъ, по естеству, свободную волю; равнымъ образомъ существованіе сей свободы нимало не противорѣчитъ существованію верховнаго правленія Божія и надъ родомъ человѣческимъ, и надъ семействомъ, и надъ государствомъ. Сіе правленіе Божіе не бездѣйственно отъ того, что невидимо, и средствами достигать своихъ цѣлей оно, безъ сомнѣнія, богатѣе всякаго правленія человѣческаго. Какъ же скоро вѣримъ, что мы и въ общественномъ, также какъ въ естественномъ состояніи находимся подъ всеблагимъ и премудрымъ управленіемъ Божіимъ: то все доброе и благотворное въ общежитіи, — добрые родители, благоразумные воспитатели, просвѣщенные наставники, правдивые судіи, попечительные начальники, а наипаче мудрый и благодѣтельный Государь и его благословенные успѣхи въ благихъ для государства намѣреніяхъ, побѣда надъ

врагомъ, уничтоженіе крамолъ, достиженіе, сохраненіе, утвержденіе мира, возвышеніе или огражденіе общественнаго внутренняго благоустройства, — все сіе умножаетъ никогда нескончаемый счетъ даровъ и благодѣяній Царя царствующихъ, Господа господствующихъ, Отца, *изъ Негоже всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется. Милости Твоя, Господи, во вѣкъ воспою* (Еф. III. 15. Псал. LXXXVIII. 2.), взываетъ Псалмопѣвецъ, и воспѣваетъ *завѣтъ* Божій Давиду, какъ Царю и родоначальнику, благотворный для царства и народа, и молитъ о возобновленіи сихъ *древнихъ милостей* Господнихъ. Если кто думаетъ при семъ, что это было у Іудеевъ; то я говорю съ Апостоломъ: *или Іудеевъ Богъ токмо, а не и языковъ? ей, и языковъ* (Рим. III. 29.). Не ужели Богъ есть Богъ царственно благодѣтельный только для Іудеевъ? право, и для Христіанъ; право, и для Россіянъ.

Сколь впрочемъ ни многи и велики благодѣянія Божіи человѣку въ жизни естественной и гражданственной, но преимущественно велики, важны, неисчислимы, неописанны благодѣянія Божіи, относящіяся къ жизни человѣка духовной и вѣчной. Первые два рода благодѣяній можно почесть только предуготовительными и споспѣшествовательными для послѣдняго. Тамъ даруется ничтожеству бытіе и бытію благоустройство; здѣсь подается грѣшнику непорочность, осужденному — прощеніе, духовно-умершему — жизнь, погибшему — спасеніе и блаженство. Тамъ сотворенное уготовляется и употребляется въ пользу сотвореннаго; здѣсь Творецъ

Самъ приходитъ на помощь твари, служитъ ей, предаетъ ей Самого Себя; Сынъ Божій не пощадѣвается, но за насъ всѣхъ предается; плоть и кровь Богочеловѣка предлагается, какъ пища и питіе, какъ врачевство, какъ источникъ жизни; сердце Божіе отверзается; любы Божія изливается въ сердца наши; Духъ Святый подается; обители многи на небесахъ земнороднымъ отверзаются, и въ сердцѣ человѣка обитель Божія сотворяется. Кто понимаетъ, что душа человѣческая можетъ истинно жить только Богомъ, подобно какъ тѣло живетъ душею, но что Богъ не можетъ жить въ душѣ нечистой; кто имѣетъ довольно самопознанія, чтобы примѣчать, какъ несчастно и какъ почти неизбѣжно обманъ змія и прельщеніе Евы повторяются въ насъ гордостію разума и похотію плоти; какъ всякое неправедное дѣло, даже всякое нечистое желаніе и лукавый помыслъ изгоняютъ душу изъ рая мирной совѣсти; какъ, наконецъ, недостаточны однѣ собственныя усилія, чтобы возникнуть изъ ада совѣсти раздраженной: тотъ можетъ нѣсколько понимать, какъ велико благодѣяніе благодатнаго искупленія, очищенія и прощенія, какъ дивно также благодѣяніе сохраненія человѣка въ состояніи благодатномъ. Что же касается до высшихъ даровъ благодати: просвѣщенія, освященія, соединенія съ Богомъ, о семъ и познавшій прочія благодѣянія Божіи такъ мало можетъ сказать, какъ видѣвшій только мѣлкую милостыню, подаваемую нищимъ на крыльцѣ, не можетъ сказать о томъ, какіе щедрые, драгоцѣнные, сладкіе дары во внутренности чертоговъ

раздаетъ Царь своимъ приближеннымъ, домовладыка—друзьямъ своимъ, исполненный любви отецъ—своимъ присным чадамъ.

Останавливаюсь въ изложеніи благодѣяній Божіихъ не потому, чтобы уже довольно сказалъ, но потому, что никогда не льзя сказать довольно. Останавливаюсь и слушаю, что мнѣ отвѣтствуетъ ваша совѣсть, что говоритъ ваше сердце?

Есть ли какое особенное отношеніе человѣка къ Богу Благодѣтелю? Гребуется ли какое соотвѣтствіе благодѣяніямъ Его? Или совсѣмъ никакого нѣтъ и не нужно? Не думаю, чтобы кто рѣшился сказать сіе послѣднее. И если бы нашелся таковый: то я усомнился бы, сердце ли у него въ груди, а не твердый ли и холодный камень, либо какая-нибудь губа, жадно пьющая чужую влагу, безъ жажды, безъ вкуса и безъ насыщенія; и разумъ ли у него въ головѣ, или нѣчто худшее скотскаго инстинкта, потому что *позна волъ стяжавшаго его, и оселъ ясли господина своего* (Иса. I. 3.); безсловесныя познаютъ человѣка по благодѣяніямъ, и оказываютъ имъ соотвѣтствіе.

Но если должно быть соотвѣтствіе благодѣяніямъ Божіимъ со стороны человѣка: то въ чемъ оно состоять можетъ? Заслуга, просьба, благодарность: вотъ три возможныя соотвѣтствія благодѣяніямъ. Заслуга возможна между человѣками, изъ которыхъ одинъ имѣетъ нужду въ услугахъ другаго, а другой можетъ усердно представить первому свои услуги: но самодовольный Богъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды, и человѣкъ не имѣетъ ничего предста-

вить Богу, что не было бы отъ Бога же полученнымъ благодѣяніемъ; слѣдственно здѣсь нѣтъ мѣста заслугѣ. Просить отъ Бога благодѣяній можно, и хорошо, если человѣкъ сіе дѣлаетъ съ довѣренностію и со смиреніемъ. Но большая часть благодѣяній Божіихъ бываетъ прежде нашего прошенія, лучше нашего прошенія и выше нашего понятія: не льзя просить того, что уже сдѣлано, не льзя просить того, чего нѣтъ и въ мысли. Посему остается самымъ употребительнымъ способомъ соотвѣтствія благодѣяніямъ Божіимъ — благодарность, истинная, какъ истинны благодѣянія Божіи, дѣятельная, какъ дѣятельно благотворитъ намъ Богъ.

И посему *молимъ, не вотще благодать Божію приняти сами.* Окажите себя вѣрными благодати Божіей въ сердцѣ, достойными благодати Его на самомъ дѣлѣ. Сотворилъ ли съ тобою Господь знаменіе во благо избавленіемъ отъ бѣды или опасности: памятуй бывшее, положись на Господа въ будущемъ, употребляй во благо настоящее. Простираетъ ли тебѣ Богъ благодѣющую руку въ земныхъ благахъ: простри благодарную твою руку на помощь нуждающемуся ближнему. Является ли надъ нами благодѣющій промыслъ Божій въ добромъ Государѣ, въ правленіи, споспѣшествующемъ тихому и безмолвному житію: вознесемъ нашу благодарность къ Царю царствующихъ въ радостныхъ славословіяхъ и въ усердной молитвѣ за помазанника Его, и явимъ плоды благодарности въ ревностномъ исполненіи всякой вѣрноподданической обязанности.

Обрѣтаешь ли ты въ сердцѣ твоемъ даръ благодати Божій, — прощеніе грѣховъ, миръ совѣсти, радость спасенія: благодари Бога твердою и непрестанно возобновляемою рѣшимостію — убѣгать отъ грѣховъ, глубокимъ внутреннимъ вниманіемъ къ сохраненію мира совѣсти, скромнымъ, но нелѣностнымъ споспѣшествованіемъ спасенію ближнихъ.

Почтилъ ли кого небесный Подвигоположникъ отличіемъ креста, подвигами искушенія, скорби, страданія: да помышляетъ и сей, что и наказаніе отъ всеблагаго Отца есть благодѣяніе, и даже избранный даръ *на пользу, да причастимся святыни Его* (Евр. XII. 10.), и потому да учится не только не роптать, не малодушествовать, не сѣтовать, но и благословлять имя Господне съ Іовомъ, или благодарственно взывать съ Псалмопѣвцемъ: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ Твоимъ* (Псал. CXVIII. 17.).

О всемъ благодарите: *сія бо есть воля Божія Христъ Іисусъ въ васъ* (1 Сол. V. 18). Аминь.

2. БЕСѢДА

о молитвѣ господней.

Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю? Лук. VI. 46.

Страшный гнѣвъ Господа открывается намъ, слушатели, въ семъ изреченіи Евангелія! Онъ укоряетъ не только тѣхъ, которые хулятъ или забываютъ святое имя Его, но и тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ обносятъ оное въ устахъ своихъ. *Что Мя зовете, Господи, Господи?*

И такъ, не ужели Бога оскорблять можно и молитвою? — Можно, если устная молитва не сопутствуется сердечною, и сердечная не сопровождается творительною молитвою. *Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?*

Пророкъ, изображая отверженіе Іуды предателя, во вдохновенномъ свыше негодованіи вопіетъ: *молитва его да будетъ въ грѣхъ* (Псал. CVIII. 7.)! Но молитва Іуды — если онъ молился — по видимому, долженствовала быть самая святая: поелику

онъ, подобно какъ и мы, у Самого Сына Божія учился призывать *Отца*, *иже есть на небесѣхъ*. Итакъ не должно ли страшиться и другимъ, чтобы святѣйшую и Божественную молитву Господню не употребить столь недостойнымъ и осудительнымъ образомъ?

Размыслимъ о *способѣ правильно и спасительно употреблять молитву Господню.*

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! взываемъ мы, послѣдуя Единородному.

Я говорю: послѣдуя Единородному. Ибо кто бы дерзнулъ произнести сіе призываніе, когда бы *Единородный* не содѣлался *Первороднымъ во многихъ братіяхъ* (Рим. VIII. 29.), облекшися въ плоть нашу; и если бы мы взаимно не облеклися въ Него крещеніемъ? Дщери Евы производятъ на свѣтъ только рабовъ и сыновъ гнѣва. одна Церковь раждаетъ чадъ свободы и благодати. Рожденіе въ рабство совершается безъ нашей воли: рожденіе въ свободу долженствуетъ быть свободное. Гдѣ слабый останокъ первоначальной свободы воздвигается отъ земли, разторгаетъ узы плоти, стремится ко благу духовному: тамъ начинается рожденіе небесное, сыноположеніе Духа, пріемлемое вѣрою.

Часто мы произносимъ имя *Отца небеснаго*: но размышляли ль мы когда о нашемъ правѣ такъ именовать Его? Занимаясь земными мыслями, земными желаніями, земными дѣйствіями, охотно покорствуя суетѣ вмѣстѣ съ тварію, которая покорена ей неволею, безпечно продолжая быть такъ же *плотію*, какъ и *родились отъ плоти* (Іоан. III. 6.), какую

часть имѣемъ мы въ *Отцѣ небесномъ;* и какъ можемъ поставлять себя въ санъ Его сыновъ, вмѣстѣ съ Единороднымъ, *иже есть сіяніе славы и образъ ипостаси Его* (Евр. I. 3.)? Именуя *Отца небеснаго* не для того, чтобы благодарственно исповѣдать наше благодатное усыновленіе, но только для того, чтобы ульстить (если бы то возможно было) Его милосердіе, ужели мы думаемъ нашими воплями обезоружить *правду Бога, испытающаго сердца и утробы?* Нѣтъ,—отвѣщаваетъ Онъ на дерзновенныя взыванія чадъ міра и плоти, — Я не Отецъ вашъ, доколѣ вы не тщитесь внутренно содѣлаться Моими чадами: вы *отца есте* того, коего *вожделѣнія хощете творити* (Іоан. VIII. 44.); Мнѣ подобаетъ быть для васъ токмо Господемъ рабовъ и Судіею повинныхъ.

Дадимъ, Христіане, Богу нашему быть для насъ тѣмъ, чѣмъ Его именуемъ. Отторгнемъ себя отъ земли; взыщемъ отечества небеснаго: тогда неосужденно наименуемъ Отцемъ нашимъ живущаго на небесѣхъ, и Онъ безъ гнѣва услышитъ наши прошенія.

Да святится имя Твое: вотъ первое прошеніе. Божіе имя есть вещь священнѣйшая въ мірѣ. Имъ совершаются наши спасительныя Таинства; имъ печатлѣется вѣрность нашихъ клятвъ и обѣщаній; его полагаемъ мы въ основаніе начинаній нашихъ. Было время, когда оно, исходя изъ устъ рабовъ Божіихъ, владычественно потрясало природу, и низлагало ихъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Сія непостижимая сила есть собственно Божія: но ея дѣйствіе

въ насъ зависитъ отъ нашей вѣры и благочестія. Посему заповѣдано намъ хранить имя Божіе съ благоговѣніемъ, и употреблять съ бережливостію: *да не пріимеши имене Господа Бога твоего всуе* (Втор. V. 11.). Посему признавая себя недостойными хранителями сего небеснаго сокровища, мы молимъ Отца небеснаго, да вѣчно святое въ самомъ себѣ, имя Его, святится и въ насъ: да съ благодатною силою произносимъ его устами; да съ вѣрностію изрекаемъ его дѣлами; да *свѣтъ нашъ просвѣтится предъ человѣки*, и они въ насъ и съ нами *прославятъ Отца нашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. V. 16.).

Но что, если языкъ молящагося, долженствующій освятить имя Божіе, или паче, освятиться имъ, еще не очищенъ отъ празднословія, злорѣчія, лжи, клеветы? Что, если желанія нашихъ сердецъ противоборствуютъ хотѣніямъ нашихъ устенъ? Если гласы молебныхъ пѣній и славословій нашихъ возмущаетъ нами же *возносимый* къ небу *вопль нищихъ* (Іов. XXXIV. 28.), которымъ не благовѣствовали мы Бога, Отца сирыхъ; заглушаетъ *гласъ крове братій нашихъ* (Быт. IV. 10.), въ которыхъ мы не прославили Бога, Судію обидящихъ? Какая въ томъ польза, что мы на языцѣ носимъ славу Божію, если языцы, взирая на нашу жизнь, въ удивленіи вопрошаютъ другъ друга: *гдѣ есть Богъ ихъ* (Псал. LXXVIII. 10.)?

Сколько можешь, *удержи языкъ твой отъ зла, сотвори благо* (Псал. XXXIII. 14. 15.) всѣмъ

сердцемъ твоимъ· тогда не вотще молиться будешь, да *святится имя Божіе.*

Да придетъ царствіе Твое : вотъ второе прошеніе сыновъ царствія.

Царство Божіе — *царство всѣхъ вѣковъ* (Псал. CXLIV. 13.): и еще прежде, нежели родились вѣки, Богъ былъ Царемъ Своей сокровенной вѣчности. Нынѣ во времени Онъ открываетъ владычество Творца и Промыслителя въ царствѣ природы, и въ царствѣ благодати любовь Отца и Спасителя: впрочемъ такъ, что мы *видимъ* Его здѣсь токмо *якоже зерцаломъ въ гаданіи* (1 Кор. XIII. 12.). Наконецъ оба сіи царства, постепенно достигая предопредѣленнаго совершенія, преобразятся въ единое царствіе славы, въ которомъ Онъ явится сынамъ царствія *лицемъ къ лицу* , и будетъ возводить ихъ отъ славы въ славу. Грядущее такимъ образомъ отъ Бога къ человѣкамъ царствіе многихъ въ торжественномъ пришествіи своемъ обыдетъ и оставитъ ошую: только избранные, и носящіе въ себѣ внутреннее сѣмя царствія призваны будутъ *наслѣдовать уготованное имъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. XXV. 34.). И такъ моленіе наше о царствіи Божіемъ есть благоговѣйное желаніе, чтобы Богъ совершилъ *чаяніе твари, откровенія сыновъ Божіихъ чающей* (Рим. VIII. 19.) , и насъ сподобилъ достойно срѣтить сіе вожделѣнное для всего міра событіе.

Искренно ли въ насъ такое желаніе? Мы желаемъ царствія Божія, и знаемъ, что сіе царство *нѣсть отъ міра сего* (Іоан. XVIII. 36.) ; но не

многіе ли изъ насъ въ легкомысленныхъ мечтаніяхъ созидаютъ здѣсь каждый собственное царство? Сынъ силы думаетъ мечемъ начертать другимъ законъ страха и уничиженія; мнящійся быть мудрымъ хочетъ владычествовать перомъ въ царствѣ мнѣній; легкомысленный мечтаетъ быть законодателемъ въ удовольствіяхъ и забавахъ; корыстолюбивый устрояетъ темное царство, и собираетъ бездушныхъ подданныхъ въ своихъ сокровищницахъ. Мы желаемъ царствія Божія, и вѣримъ, что въ него вводятъ *узкая врата и тѣсный путь* (Матѳ. VII. 14): однако не часто ли, упреждая другъ друга, поспѣшаемъ занять широкій путь, и вступить во врата пространныя? Мы любимъ поставлять себя одесную другихъ, не представляя того, что, по самому естественному послѣдствію, идя такимъ образомъ на встрѣчу Господу, мы обрящемся ошуюю Его. Мы желаемъ царствія Божія, и слышали, что *нудится* (Матѳ. XI. 12.) оно: и такъ дѣлаемъ ли себѣ какое насильствіе для пріобрѣтенія его; и не для того ли только молимся о немъ, чтобы трудъ сего великаго дѣла сложить на единаго Бога?

Возревнуемъ о служеніи Богу, подобно какъ мы ревнуемъ о господствованіи въ мірѣ; изыдемъ во срѣтеніе царствію Божію путемъ креста и смиренія: тогда молитва о его пришествіи не будетъ лицемѣріемъ.

Третіе прошеніе: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.*

Богъ нашъ на небеси и на земли творитъ вся, елика хощетъ: *воли бо Его кто противится мо-*

жетъ (Рим. IX 19)? И такъ, безъ сомнѣнія, не умноженія могущества желаемъ мы Всемогущему въ нашей молитвѣ. Тварь, одаренная волею, но которая видитъ все свое блаженство въ единой волѣ Творца своего, молитъ, да Его воля благая и совершенная покоритъ себѣ ея волю несовершенную и слабую, и будетъ въ ней *и еже хотѣти и еже дѣяти* (Фил. II. 13.). Но что есть воля Божія *на земли, яко на небеси?* — Ангелы суть небо; человѣки суть земля: когда земнородные будутъ служить Богу съ любовію столь пламенною, съ ревностію столь неудержимою, какъ Ангелы; тогда исполнится воля Его, яко на небеси, и на земли. — Церковь вѣрующихъ есть небо на земли; омраченный и заблуждающій міръ есть токмо земля; когда и погибшія овцы познаютъ спасительный гласъ Пастыря, и сѣдящіи во тьмѣ и сѣни смертнѣй видятъ свѣтъ велій: тогда исполняется воля Отца свѣтовъ, яко на небеси, и на земли. — Духъ есть, нѣкоторымъ образомъ, небо въ человѣкѣ; плоть — земля: когда *внутренній человѣкъ, сославдающійся закону Божію*, подчинитъ себѣ *законъ сущій во удѣхъ* (Рим. VII. 22. 23.), а плоть останется тѣмъ, чѣмъ ей должно быть,—покорною рабынею: тогда исполнится воля Бога духовъ, яко на небеси, и на земли.

Много мы говоримъ о волѣ Божіей: но едва ли не болѣе помышляемъ о исполненіи своей воли. Мы желаемъ видѣть землю, по исполненію воли Божіей, подобною небу, или самымъ небомъ; но начинаемъ ли мы сіе великое превращеніе съ самихъ себя? Любовь Ангельская! ты выше насъ: я не осмѣ-

люсь искать тебя. Любовь Христіанская! Гдѣ ты обитаешь? Гдѣ ты дѣйствуешь, ревность благочестивая? Гдѣ почиваешь ты, кроткая преданность волѣ Божіей? Вмѣсто возвышенія отъ земли къ небу, отъ жизни Христіанской къ Ангельской, не болѣе ли примѣтно въ насъ низхожденіе отъ неба къ землѣ, униженіе духа предъ плотію, низпаденіе отъ благословеннаго царства благодати въ мятежное владычество разтлѣнной природы?

Возненавидимъ прежде злую волю собственную: и потомъ уже молиться будемъ о благой въ насъ волѣ Божіей.

Три прошенія молитвы Господней, о которыхъ я сказалъ, слушатели, тѣмъ съ большею осмотрительностію и благоговѣніемъ должны быть приносимы нами Господу, что простираются отъ времени до вѣчности. Слѣдующія за оными четыре прошенія относятся болѣе до времени: но мы должны памятовать, что благоразумное или неблагоразумное попеченіе о временномъ пріобрѣтаетъ намъ благоволеніе, или воздвигаетъ на насъ гнѣвъ Вѣчнаго.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.

Симъ желаніемъ должны ограничиваться наши попеченія о благахъ міра. Жизнь есть благо потому, что ею можно заслужить блаженную вѣчность: потому только благо для насъ и то, что служитъ къ сохраненію жизни. Кто знаетъ, сколько долженъ онъ сдѣлать для вѣчности: тотъ не много имѣетъ времени заботиться о жизни настоящей. Къ счастію, благій Промыслитель слагаетъ съ насъ сей послѣд-

ній трудъ, какъ скоро мы пріемлемъ на себя первый: *ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ VI. 13). И по сему вѣрные чада Божіи просятъ не у рабовъ, но у *Отца:* просятъ не суетныхъ украшеній и пичтожныхъ драгоцѣнностей, но *хлѣба*; хлѣба не вкуснаго, но *насущнаго;* не въ житницы на лѣта многа, но только *днесь* на трапезу. *Довлѣетъ*, говорятъ они, настоящему *дневи злоба его* (Матѳ. IV. 34.): почто заранѣе стужать попечительному Отцу о такихъ нуждахъ, которыхъ, можетъ быть, заутра не будетъ болѣе? Но и при толь ограниченномъ требованіи, не столько помышляютъ они о хлѣбѣ насыщающемъ тѣло, какъ о томъ *насущномъ* хлѣбѣ, который питаетъ и укрѣпляетъ *существенную* часть человѣка: ибо *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. IV. 4.).

Всѣ ли мы умѣемъ хотя чувствовать спасительный гладъ слова Божія, если не обрѣтать для онаго сродную пищу? Не часто ли подавляется сей духовный гладъ алчностію плоти, которая требуетъ не насыщенія, но пресыщенія; не одежды, но убранства; не здравія для отправленія дѣлъ, но нѣги и бездѣйствія? Удовлетворивъ себѣ въ обыкновенныхъ временныхъ потребностяхъ, мы вымышляемъ для себя случаи напредвидимые и нужды въ будущихъ лѣтахъ, которыя никогда къ намъ не придутъ. Наконецъ, не довольствуясь оскорблять Бога столь излишними желаніями, мы еще оставляемъ Его, и обращаемся съ опыми къ сильнымъ земли, къ хитростямъ,

къ неправдамъ, и такимъ образомъ присовокупляемъ къ дерзости невѣріе.

Будемъ умѣреннѣе въ нашихъ желаніяхъ, и благоразумнѣе въ выборѣ потребнаго для насъ: одна благоразумная умѣренность умѣетъ просить хлѣба у *Хлѣба животнаго* (Іоан. VI 35.).

И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Сколь многочисленны долги наши Богу! Есть долгъ наслѣдственный. Нашъ первый Праотецъ купилъ запрещенный плодъ цѣною жизни своея и своего потомства. мы родимся должниками. Есть долги собственные. Богъ невидимо намъ раздаетъ многоцѣнные *таланты*, внутренніе и внѣшніе, *коемуждо противу силы его* (Матѳ. XXV. 15.). употребленіе ихъ во благо и во славу Его есть лихва, имъ требуемая: каждое беззаконное дѣйствіе, каждое порочное желаніе, каждый лукавый помыслъ изчитаются Всевѣдѣніемъ, и составляютъ ужасное множество долговъ нашихъ. Они неоплатимы. Но какой легкій договоръ намъ о нихъ предлагается! *ще отпустите человѣкомъ согрѣшенія ихъ; отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Матѳ. VI. 14.). Для сего-то священнаго договора мы приводимъ предъ Него съ собою нашихъ должниковъ; указуемъ Его милосердію на наше милосердіе: и если бы такимъ образомъ всѣ до единаго старались изглаждать предъ очами Божіими зло, содѣланное человѣками; то рукописанія грѣховъ нашихъ постепенно бы оскудѣвали, доколѣ наконецъ взаимныя прощенія всѣхъ и каждаго составили бы единое все-

общее оправданіе, къ непзреченной славѣ Помилователя, къ несказанному блаженству помилованныхъ.

Не такъ же ли удобно, скажутъ, Милосердію безконечному и безъ условія простить погрѣшности и заблужденія слабыхъ смертныхъ, сколько бы ни были онѣ многочисленны? — Но не удобнѣе ли тебѣ простить несравненно меньшія оскорбленія твоего ближняго? То истинно, что милосердіе Божіе безконечно: потому-то и хощетъ оно, чтобы не ты одинъ, но и всѣ получили прощеніе; и, подая его тебѣ, какъ-бы проситъ его у тебя твоимъ братіямъ. О человѣкъ, который живешь и дышешь единою милостію Господа! Если ты отвергаешь Его у тебя ходатайство за ближнихъ твоихъ; какъ можетъ Онъ пріять за тебя ходатайство Сына Своего? Тогда въ прошеніи *оставленія долговъ нашихъ, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*, уже заключается и осудительный на насъ приговоръ: *судъ безъ милости не сотворшему милости* (Іак. II. 13.).

Не забудемъ, Христіане, миловать прежде, нежели будемъ просить помилованія. *Блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ* (Матѳ. V. 7.).

И не введи насъ во искушеніе.

Безполезно было бъ и прощеніе грѣховъ, если бы мы всегда возвращались къ нимъ съ прежнею слабостію. Но какъ трудно не пасть когда-либо среди непрестанной брани противу плоти, міра и духа злобы! Левъ рыкаетъ; лисы коварствуютъ. Если мы противопоставляемъ лукавству прозорливость; то крѣпость измѣняетъ намъ: если ярости силу; то

коварство насъ обманываетъ. Нѣтъ для насъ иной надежды, развѣ когда единый Побѣдитель всѣхъ враговъ нашихъ, не попуститъ на насъ болѣе нападеній, нежели мы можемъ выдержать, или даруетъ намъ столько искусства и силъ, сколько нужно для совершенной побѣды.

И мы молимся, слушатели, о сохраненіи насъ отъ искушеній: но не приближаемся ли къ нимъ сами, прежде нежели онѣ постигаютъ насъ? Молимся, да не поработитъ насъ плоть: но не сами ли слишкомъ заботливо питаемъ и грѣемъ врага сего, и служимъ ему какъ другу и владыкѣ? Молимся, да не очаруетъ насъ міръ: но не мы ли отверзаемъ ухо къ его тлетворнымъ обаяніямъ? Молимся, да не соблазнитъ насъ око: но не мы ли его пригвождаемъ къ земнымъ прелестямъ? Противъ кого въ такомъ случаѣ обращается наша молитва, если не противъ насъ самихъ? *Кійждо искушается отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ* (Іак. I. 14).

Отъ насъ зависитъ нейти на встрѣчу искушеніямъ; молитвою отвращать должно тѣ, которыя противъ воли нашей съ нами срѣтаются.

Но избави насъ отъ лукаваго.

Есть наконецъ нѣкоторый родъ зла въ поврежденной природѣ, которое находится не столько во внутреннемъ существѣ вещей, сколько во мнѣніи, въ дѣйствіи токмо наружномъ и преходящемъ ощущеніи. Оно не всегда есть бичь карающаго Правосудія; но часто поражающій жезлъ любви, горькое врачество, и, такъ сказать, благо несозрѣвшее. Убожество, болѣзнь, печаль, униженіе, го-

неніе, суть зло развѣ тогда, когда мы виновны въ нихъ: но немощная природа содрогается при одномъ видѣ страданія. И сколь велико снисхожденіе Отца небеснаго, Который позволяетъ намъ просить Его, да успокоитъ насъ и отъ сихъ призраковъ зла, да ускоритъ разсѣять и сіи легкія тѣни, пробѣгающія по юдоли жизни!

Но тѣмъ дерзновеннѣе и неблагодарнѣе мы, когда употребляемъ во зло толикое снисхожденіе. Сколь многіе вопіютъ къ Богу на несчастія, которыя суть дѣло ихъ собственныхъ рукъ! Тотъ, который неумѣренностію сокрушилъ крѣпость свою, приходитъ жаловаться на свои немощи; тотъ призываетъ судъ Божій на оскорбляющихъ его, кто самъ осуждается предъ ними своею совѣстію; тотъ окаяваетъ свою нищету, кто привлекъ ее расточительностію. Просить ли таковымъ избавленія отъ лукаваго, или лучше благодарить Промыслъ за предстоящее обличеніе и внушаемое исправленіе лукаваго сердца?

Будемъ, слушатели, съ радостію сносить наказаніе, когда мы виновны; когда невинны, безъ нетерпѣливости молиться о избавленіи отъ бѣдствія. *Вѣсть Отецъ нашъ небесный, ихже требуемъ* (Матѳ. VI. 32.).

Воистинну, Отче Всевѣдущій! Ты не дашь чадамъ Твоимъ *камня* вмѣсто *хлѣба*, и *зміи* вмѣсто *рыбы* (Матѳ. VII. 9. 10.). Но мы и *о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы* (Рим. VIII. 26). Скоро находимъ мы недостатки нашей молитвы: но безъ Тебя не достигнемъ въ ней совер-

шенства. *Исправи* ее Самъ, *яко кадило предъ Тобою*, да не едины уста, но и мысль, и сердце, и желанія, и дѣянія, и духъ, и плоть, и *вся кости наша рекутъ: Господи, Господи* (Псал. XXXIV. 10.)! *Яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки*. Аминь.

5. БЕСѢДА

О БЛАГОСЛОВЕННОМЪ РОЖДЕНІИ ДѢТЕЙ

Благословлю же ю, и дамъ тебѣ отъ нея чадо: и благословлю е, и будетъ въ языки, и царіи языковъ изъ него будутъ. Быт. XVII. 16.

Какъ счастливы наконецъ Авраамъ и Сарра! Долго безчадствовали они: за то, и чадо имѣть будутъ, и прежде рожденія его уже знаютъ, что оно будетъ благословенно.

Кто изъ желающихъ сдѣлаться, или уже сдѣлавшихся родителями, не пожелалъ бы имѣть дѣтей добрыхъ, благословенныхъ? Но какъ не всѣ дѣти соотвѣтствуютъ желаніямъ родителей: то естественно раждается вопросъ, какъ достаются дѣти добрые, благословенные?

Поелику добрые дѣти бываютъ не только у добрыхъ, но иногда и у худыхъ родителей, такъ какъ и напротивъ у добрыхъ родителей бываютъ не только добрые, но иногда и худые дѣти: то неглубокіе наблюдатели, въ изъясненіе сихъ разнообразныхъ

явленій, говорятъ, что это такъ случается. Просилъ бы я сихъ людей истолковать сіе таинственное для меня изреченіе: *такъ случается.* Когда пшеница родится на полѣ, гдѣ пшеница посѣяна: вы не говорите, что это такъ случается. Но когда видите пшеничный колосъ, выростшій на лугу, гдѣ пшеница не сѣяна: вы говорите, что это такъ случилось. Что же хотите вы сказать? Безъ сомнѣнія не то, что колосъ родился безъ сѣменнаго зерна, или что сѣменное зерно само собою сдѣлалось изъ земли, или не что нибудь подобное; но развѣ то, что вамъ неизвѣстно, какъ сѣменное зерно занесено сюда вѣтромъ, или уронено здѣсь прохожимъ. Посему изреченіе: *такъ случается*, есть только легкое средство уклониться отъ разрѣшенія труднаго вопроса, или благовидный способъ безъ стыда объявить свое незнаніе. Слѣдственно мысль, что добрые или худые дѣти достаются родителямъ, какъ случится, — мысль, которая могла бы приводить въ уныніе особенно добрыхъ родителей, и даже выражала бы нѣкую несправедливость судьбы противъ нихъ, по счастію, неосновательна, и совсѣмъ ничтожна; это слова, которыя выражаютъ не болѣе, какъ отсутствіе мысли, способной изъяснить событіе.

Какъ же достаются добрые дѣти? — Не долго искать на сіе закона, если видимъ добрыхъ дѣтей у родителей также добрыхъ, благоразумныхъ и попечительныхъ о воспитаніи. Вопросъ разрѣшается, если скажемъ, что сіе также естественно, какъ то, когда на полѣ, гдѣ посѣяна пшеница, пшеница же и родится, а не плевелы.

Врачи не признаютъ ли за несомнѣнное, что нѣкоторыя болѣзни переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ? А то еще менѣе можетъ подлежать спору, что здоровье родителей есть наслѣдственно для дѣтей, если особенныя причины не похитятъ у нихъ сего естественнаго наслѣдія. Также смотря на лице дѣтей не ищемъ ли мы обыкновенно сходства съ лицемъ родителей? Итакъ, если мы находимъ, что родители себѣ самимъ обязаны за нѣкоторыя тѣлесныя совершенства или недостатки своихъ дѣтей: что̀ препятствуетъ то же въ нѣкоторомъ степени заключить и о высшихъ свойствахъ душевныхъ, о предварительныхъ склонностяхъ и расположеніяхъ?

Можетъ быть, спросятъ: какимъ образомъ что-нибудь душевное можетъ сообщаться отъ родителей дѣтямъ чрезъ рожденіе, когда душа есть существо несложное, и потому ничего не можетъ отдѣлить отъ себя для сообщенія другой душѣ? — На сіе отвѣтствую, во-первыхъ, что утверждаемое мною сообщеніе нѣкоторыхъ нравственныхъ склонностей и благихъ расположеній отъ родителей дѣтямъ совершается, не чрезъ одно рожденіе, но съ помощію благоразумнаго воспитанія; во-вторыхъ, вопрошаю взаимно: какъ можетъ что-нибудь тѣлесное переходить отъ родителей къ дѣтямъ, и оказываться въ ихъ жизни, когда тѣло ихъ совершенно вновь образовалось изъ безобразнаго вещества, заимствованнаго отъ тѣла родителей, управляется собственною душею, непрестанно измѣняется посредствомъ питанія и разрѣшенія? Но недоумѣніе о томъ, какъ сіе бываетъ, не уничтожаетъ опыта, что сіе подлинно

бываетъ. Осмѣлюсь сказать болѣе : не есть ли даже удобопонятнѣе открытіе чего нибудь наслѣдственнаго въ душѣ, которая, какъ существо несложное, всѣ свои способности и силы раскрываетъ изъ себя самой, изъ внутренняго духовнаго корня бытія, полученнаго съ рожденіемъ, нежели въ тѣлѣ, котораго устроеніе такъ много зависитъ отъ внѣшней, стихійной природы?

Но дабы не поставить истину въ зависимость отъ *помышленій человѣческихъ*, которыя всѣ безъ исключенія *суть суетны* предъ *вѣдѣніемъ Господнимъ*, призываю васъ предъ судъ сего вѣчно—непреложнаго вѣдѣнія, и вопрошаю: кому дано сіе благословеніе Божіе: *раститеся и множитеся*, тѣлу ли человѣка, которое безъ души и не понимаетъ сего благословенія, и не можетъ исполнить онаго, или цѣлому человѣку, и особенно душѣ его? Къ тѣлу ли относится сіе слово писанія: *сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его* (Быт. I. 27.)? Богъ безтѣлесенъ: слѣдственно человѣкъ сотворенъ по образу Божію въ душѣ. Послѣ сего еще одинъ вопросъ: и мы получимъ разрѣшеніе на многое. Что значитъ написанное о Адамѣ: *роди сына по виду своему и по образу своему* (Быт. V. 3.)? То ли, что между Адамомъ и Сиѳомъ было сходство въ чертахъ лица и въ строеніи тѣла? Стоило ли труда вносить столь мѣлочное замѣчаніе въ повѣствованіе, столь священное, и при томъ столь краткое? И сличеніе представляемаго теперь *образа Адамова* съ недавно указаннымъ *образомъ Божіимъ* не ясно ли даетъ разумѣть, что Священный Писа-

тель говоритъ о внутреннемъ образѣ, духовномъ и нравственномъ? Творческое слово: *раститеся и множитеся,* насадило въ Адамѣ способность раждать благословенныхъ чадъ, и передавать имъ въ наслѣдіе образъ Божій, по которому онъ самъ сотворенъ: но когда грѣхомъ поврежденъ сей образъ въ немъ; тогда хотя, по силѣ первоначальнаго творческаго слова, и могъ онъ родить сына, но не могъ сообщить ему болѣе того, что въ самомъ оставалось, *роди сына,* не по образу Божію полному и совершенному, но *по виду своему и по образу своему,* то есть, съ нѣкими останками образа Божія, и съ нѣкимъ примѣшеніемъ грѣха и поврежденія Адамова. Вотъ и первоначальный Божественный, и послѣдовательный естественный законъ рожденія человѣческаго! Будучи внесенъ къ книгу Бытія по случаю рожденія Сиѳова, онъ никогда не уничтоженъ. И теперь естественно, чтобы родители раждали дѣтей *по виду своему и по образу своему*, — чтобы отъ грѣшниковъ раждались грѣшники, подобно какъ отъ чахотныхъ родятся чахотные, но чтобы отъ тѣхъ, которые свободнымъ упражненіемъ въ покаяніи, молитвѣ и дѣланіи добра, при помощи благодати Божіей, ослабили въ себѣ грѣховныя, и усилили добрыя склонности, раждались и дѣти съ нѣкоею предварительною помощію къ добру, противъ силы грѣха, впрочемъ всегда преодолимой свободою и наипаче благодатію.

Примѣчательное указаніе на сей законъ рожденія представляетъ Священная Исторія въ лицѣ жены Маноевой. Ангелъ является ей, и предсказываетъ,

что она, бывъ дотолѣ неплодна, родитъ сына, что *Назорей Богови будетъ сіе отроча отъ чрева* (Суд. XIII. 51.). И съ симъ вмѣстѣ онъ велитъ ей, съ сего времени начать, и продолжать во время беременности, Назореямъ свойственный образъ воздержанія: *отъ всего, еже исходитъ изъ винограда, да не ястъ, и вина и сикера да не піетъ* (Суд. XIII. 3—5. 14.). Это почти тоже, какъ если бы онъ сказалъ ей: сынъ твой долженъ быть Назореемъ; но чтобы сіе вѣрнѣе могло сдѣлаться, приготовь его къ сему образу жизни, когда будешь носить его во чревѣ твоемъ; веди образъ жизни свойственный Назореямъ; и такимъ образомъ приготовь въ немъ способность и склонность къ Назорейскому образу жизни.

Чтобы общій законъ рожденія согласить съ особенными случаями, которые, по видимому составляютъ исключеніе изъ онаго, и даже противорѣчатъ оному, когда, напримѣръ, отъ добрыхъ родителей родятся дѣти ихъ недостойные, или добрые дѣти отъ родителей недостойныхъ, или отъ родителей обыкновенныхъ дѣти необыкновенные, — для сего надлежитъ вспомнить, что Богъ есть сколь всемогущій и неизмѣнный въ судьбахъ Своихъ Законодатель міра, столь же премудрый и всесвободный Правитель онаго, и всеправедный Судія не только видимыхъ дѣлъ, но и сокровеннѣйшихъ расположеній человѣческихъ. Чтобъ избѣжать долгихъ разсужденій, объяснимся скорѣе примѣрами.

Одинъ и тотъ же Адамъ какихъ разнообразныхъ раждаетъ дѣтей, — Каина, Авеля, Сиѳа! Гдѣ же

тутъ одинъ общій законъ рожденія? Будьте внимательны, и примѣчайте. Адамъ, свѣжимъ, такъ сказать, ядомъ недавно содѣланнаго грѣха напоенный, и недавнимъ обѣтованіемъ избавленія поставившій себя въ нѣкую еще незрѣло-обдуманную дерзость надежды, раждаетъ Каина, дерзкаго грѣшника. Адамъ, въ несчастномъ рожденіи Каина испытавшій тягость проклятія, привлеченнаго грѣхомъ, обманутый надеждою, уничиженный суетою, раждаетъ Авеля, кроткаго, но непрочнаго. Наконецъ, Адамъ продолженіемъ скорбей, глубже укоренившійся въ смиреніи, терпѣніемъ утвержденный въ надеждѣ, и надеждою въ терпѣніи, раждаетъ Сиѳа, надежное основаніе своего потомства.

Отъ одного Авраама раждается Исмаилъ, — *дикій оселъ*, по выраженію предсказанія о немъ, и Исаакъ — благословеніе всѣхъ народовъ. Отъ чего такая разность? — Отъ того, что мятежная рабыня Агарь, повредила въ Исмаилѣ благословенію Авраамову; а добродѣтельная и смиренная Сарра съ благословеніемъ Авраама, самымъ чистымъ и совершеннымъ образомъ, сочетала въ Исаакѣ и свое благословеніе, по реченному о ней къ Аврааму: *благословлю же ю, и дамъ тебѣ отъ нея чадо: и благословлю е, и будетъ въ языки, и цари языковъ изъ него будутъ.*

Еще страннѣе казаться можетъ, отъ Исаака и Ревекки, однимъ разрѣшеніемъ утробы рожденіе столь непохожихъ одинъ на другаго сыновъ, какъ Исавъ и Іаковъ. Что же можно сказать въ изъясненіе сего необычайнаго явленія? — То, что сказано

Богомъ самой Ревеккѣ: *два языка во утробѣ твоей суть.* Два противоположныя начала во одно время дѣйствовали во чревѣ ея,—прирожденный грѣхъ Адамовъ, и Божіе благословеніе; одно усилилось въ Исавѣ, другое превозмогло въ Іаковѣ.

Возмемъ еще одинъ примѣръ превратнаго нравственнаго хода рожденій изъ Исторіи Царей Іудейскихъ. Сынъ идолопоклонника Ахаза былъ благочестивый Езекія; а сынъ Езекіи Манассія, опять идолопоклонникъ, хотя впрочемъ ненераскаянный. Сія превратность изъяснилась бы, можетъ быть, очень просто, если бы мы имѣли достаточныя свѣдѣнія о воспитаніи сихъ царей: ибо у людей знаменитыхъ и богатыхъ судьба дѣтей много иногда зависитъ отъ дѣтоводителей и наставниковъ, изъ коихъ добрые становятся благотворными орудіями Провидѣнія, а худые орудіями наказанія за пороки родителей, и за небреженіе о воспитаніи Но кромѣ сего надлежитъ принять въ разсужденіе, что Божескія благословенія и наказанія въ родахъ не всегда идутъ слѣдомъ за добродѣтелями и пороками каждаго лица въ родѣ: но иногда ускоряютъ, чтобы пресѣкать зло и усиливать благо, въ человѣчествѣ вообще, а иногда отстаютъ, чтобы дать мѣсто долготерпѣнію, или чтобы сберечь доброе на время, когда оно наиболѣе нужно. *Господь*, какъ взываетъ Онъ Самъ о себѣ, *Господь Богъ щедръ, и милостивъ, долготерпеливъ и многомилостивъ, и истинѣнъ, и правду храняй, и творяй милость въ тысящи, отъемляй беззаконія, и неправды, и грѣхи, и повиннаго не очиститъ, наводяй грѣхи отцевъ*

на чада, и на чада чадъ, до третіяго и четвертаго рода (Исх. XXXIV. 6. 7.). Если бы кто сталъ жаловаться на строгость, *наводящую грѣхи отцевъ на чада до третіяго и четвертаго рода:* всеблагій Богъ съ избыткомъ оправдываетъ суды свои *милостію*, которую простираетъ не на *четыре* только рода, но на *тысящи* оныхъ.

Мнѣ кажется, сіи рамышленія и примѣры показываютъ, что супружество и званіе родителей не суть такіе предметы, которые бы можно было ненаказанно предавать въ жертву страстямъ, и въ игралище легкомыслію, и что желающіе имѣть достойныхъ дѣтей благоразумно поступятъ, если предварительно самихъ себя сдѣлаютъ достойными родителями. Аминь.

4. БЕСѢДА

О НОВОМЪ РОЖДЕНІИ СВЫШЕ.

Не дивися, яко рѣхъ ти: подобаетъ вамъ родитися свыше. Іоан. III. 7.

Не удивительно, если рожденіе нѣкоторыхъ людей, которыхъ жизнь особенно угодна Богу, и благотворна для прочихъ человѣковъ, и предусматривается съ обѣщаніемъ радости, и воспоминается праздникомъ. Такъ о рожденіи Великаго Предтечи Господня предрекъ Ангелъ: *мнози о рождествѣ его возрадуются* (Лук. I. 14.). Но когда видимъ, что и день рожденія каждаго человѣка обычай дѣлаетъ праздникомъ личнымъ или домашнимъ: тогда раждаются помыслы недоумѣнія, и даже удивленія.

Рожденіе, за которымъ слѣдуетъ убѣгающая жизнь и неизбѣжная смерть, достойно ли быть предметомъ праздника? Человѣкъ, говоритъ Іовъ, *рожденъ отъ жены малолѣтенъ, и исполнь гнѣва* (Іов. XIV. 1.): это ли праздновать? *Въ беззаконіихъ зачатъ есмь*, говоритъ Давидъ, *и во грѣсѣхъ роди мя мати*

моя (Псал. L. 7.): что туть праздновать ? — Блаженъ, кто можетъ праздновать то рожденіе, которымъ восполняются недостатки, исправляются несовершенства, прекращаются бѣдствія сего перваго рожденія, — рожденіе новое, рожденіе духовное, рожденіе свыше.

Подобаетъ вамъ родитися свыше: сказалъ Господь Никодиму въ ночной, уединенной съ нимъ бесѣдѣ. Не сказалъ: надобно *тебѣ* родиться вновь, хотя говорилъ съ однимъ только человѣкомъ; но сказалъ: *подобаетъ вамъ:* дабы видно было, что рѣчь идетъ не о потребности сего или другаго человѣка въ особенности, но что изрекается законъ всѣмъ вамъ, которые желаете быть истинными учениками небеснаго Учителя Іисуса Христа. *Подобаетъ вамъ родитися свыше.*

Ученіе Господне о возрожденіи человѣка страннымъ показалось Никодиму, хотя ему нельзя приписывать ни неблагонамѣренности, поелику онъ призналъ Божественное посланничество Іисуса по Его чудесамъ, — ни грубой необразованности, потому, что былъ Князь и Фарисей. Сперва возсталъ въ немъ чувственный разумъ, разсуждающій о предметахъ по понятіямъ тѣлеснаго только міра, и вопросилъ: *како можетъ человѣкъ родитися, старъ сый? еда можетъ второе внити во утробу матере своея и родитися?* А когда сіе грубо-стихійное мудрованіе опровержено понятіемъ о высшемъ рожденіи водою и духомъ: тогда еще вступилъ въ состязаніе разумъ философскій, и требовалъ объясненія и доказательства: *како могутъ сія быти?* Не

бываетъ ли подобнаго сему и нынѣ? Что такое возрожденіе? Что за мысль — человѣка въ теченіи его бытія, производить вновь, тогда какъ онъ, безъ сомнѣнія, долженъ оставаться однимъ и тѣмъ же лицемъ? Къ чему сіе изысканное мудрствованіе, сія непонятная таинственность? Не довольно ли быть просто добрыми Христіанами? Такія слова противъ глубокаго Христіанскаго ученія не вырываются ли у нѣкоторыхъ, какъ камни, бросаемые наудачу, безъ сознанія, что ими поразить желаютъ? Знайте же, что дѣло идетъ не о произвольно возносящемся мудрствованіи, поелику съ Апостоломъ, и я желаю *всякому сущему въ васъ не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати* (Рим. XII. 3.), не о пристрастіи къ темной таинственности, которую впрочемъ, не знаю, кто захотѣлъ бы предпочесть ясности возможной; не объ уклоненіи отъ простоты, о которой со Апостоломъ, и я забочусь, *да не како истлѣютъ разумы ваша отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Кор. XI. 3.): но дѣло идетъ о томъ, чтобъ или пріобрѣсть, или утратить царствіе Божіе. Возрожденіе требуется не для того, чтобы сдѣлаться мудрецомъ или таинственникомъ, но для того, чтобы пріобрѣсть Царствіе Божіе. Если ты удаляешь отъ себя мысль о возрожденіи: то удаляешь отъ себя возможность видѣть царствіе Божіе. *Аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти Царствія Божія*, глаголетъ Господь. Итакъ повторяю: блаженъ, кто можетъ праздновать свое рожденіе свыше.

На сіе вы можете сказать: почему же намъ и не

поздравить себя съ блаженствомъ возрожденія, когда мы рождены водою и духомъ во святомъ крещеніи? — Вотъ мысль, достойная внимательнаго изслѣдованія, въ ученіи о возрожденіи.

Различимъ крещеніе водою и крещеніе духомъ, какъ различаетъ ихъ Самъ Іисусъ Христосъ въ Своемъ изреченіи къ Апостоламъ: *Іоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. I. 5.), и спросимъ: крещеніе, котораго мы сподобились, есть ли только крещеніе водою? — Нѣтъ безъ сомнѣнія. Если бы оно было только крещеніе водою: то почти не разнилось бы отъ простыхъ очистительныхъ омовеній, употреблявшихся во времена ветхаго Завѣта; оно было бы обрядъ, и не заслуживало бы наименованія Таинства, которое отличительно даетъ оному Церковь; владычественное имя Отца и Сына и Святаго Духа представлялось бы въ Крещеніи странно бездѣйственнымъ; утверждать, что мы крестились во имя Святаго Духа, но не крестились духомъ, было бы непримиримое само въ себѣ противорѣчіе. *Елицы во Христа крестистеся*, сказуетъ Апостолъ, *во Христа облекостеся* (Гал. III. 27.): безъ сомнѣнія, сего не можетъ сдѣлать вода, но развѣ духъ. Если же крещеніе наше есть болѣе, нежели крещеніе только водою: то не льзя не признать, что оно есть крещеніе водою и духомъ, или, по слову Господню, рожденіе водою и духомъ, и по выраженію Апостола, *баня пакибытія* (Тим. III. 5.); однимъ словомъ, возрожденіе. Итакъ подлинно во святомъ крещеніи мы сподобились возрожденія,

порождени, какъ изъясняетъ Апостолъ, *не отъ сѣмене истлѣнна, но неистлѣнна, словомъ живаго Бога, и пребывающа во вѣки* (1 Петр. I. 23.), — силою имени Отца и Сына и Святаго Духа.

Что жъ ? Итакъ подлинно есть Царствіе Божіе внутрь насъ? — Должно быть такъ. Итакъ мы блаженны? — Пусть и сіе скажетъ о себѣ, кто можетъ; а я не смѣю, потому что вижу слишкомъ много такого, что сему противорѣчитъ; вижу болѣе явленій и дѣлъ человѣка невозрожденнаго, ветхаго, нежели возрожденнаго, новаго, болѣе бѣдности Адамовой, нежели блаженства Хрістова.

Посмотрите, какими чертами описываетъ истинно возрожденныхъ Священное Писаніе.

Всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творитъ, яко сѣмя Его въ немъ пребываетъ; и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть (1 Іоан. III. 9.). То есть: благодать Божія, какъ сѣмя, какъ начало новой жизни въ человѣкѣ, одушевляя его вѣрою и любовію къ Богу, непрестанно производитъ въ немъ добрыя помышленія, намѣренія и дѣла; и потому совсѣмъ не сродно ему дѣлать грѣхъ и находить въ немъ удовольствіе. Всякой ли изъ насъ крещенныхъ отважится сказать о себѣ, что онъ таковъ ?

Всякъ рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ (1 Іоан. V. 4.). Всякой ли изъ насъ чувствуетъ себя такимъ побѣдителемъ ? Не многихъ ли изъ насъ побѣждаетъ корысть, или слава, или суета міра, и влекутъ въ плѣнъ его прелести ?

Вы, пишется къ возрожденнымъ, *помазаніе има-*

те отъ Святаго и вчете вся (1 Іоан. II 20.). *И не требуете, да кто учитъ вы, яко то само помазаніе учитъ вы о всемъ* (27). Укажите мнѣ здѣсь хотя одного изъ сихъ вѣдущихъ вся, чтобы мнѣ научиться отъ него разрѣшенію трудностей излагаемаго теперь ученія.

Мы стали теперь между противоположностями. Съ одной стороны есть причины думать, что мы причастны духовнаго возрожденія чрезъ святое крещеніе; съ другой есть признаки, по которымъ не льзя не признаться, что въ насъ большею частію не достаетъ свойствъ и дѣйствій человѣка возрожденнаго. Какъ же изъяснить и согласить сіи несообразности?

Здѣсь приличествуетъ слово притчи Господней: *подобно есть царствіе небесное сокровищу сокровену на селѣ* (Матѳ. XIII. 44.). Село, или поле, изображаетъ человѣка. Глубина, въ которой скрыто сокровище, означаетъ сердце или внутренность человѣка, болѣе или менѣе открытую вѣрою. Сюда въ таинствѣ крещенія Духъ Божій, *дышущій идѣже хощетъ*, дхнулъ невидимо, и внесъ въ Своемъ дыханіи сокровище, нетлѣнное сѣмя возрожденія, новую жизнь отъ Бога. Итакъ сокровище положено, и точно есть на полѣ нашемъ: но каждый ли изъ насъ сдѣлалъ съ своей стороны то, чего далѣе требуетъ притча? *Обрѣлъ* ли оное глубокимъ самопознаніемъ и вхожденіемъ внутрь себя? *Скрылъ* ли отъ невидимыхъ татей, смиреніемъ? *Продалъ ли вся, елика имать*, отвергся ли міра и плоти, отдалъ ли безъ остатка страсти и пожеланія, чтобы взять внутрен-

нее сокровище и употребить къ своему блаженству? Если мы ничего такого не сдѣлали; если совсѣмъ не позаботились проникнуть, что̀ скрыто на нашемъ полѣ; если мы только на поверхности его насемся чувственнымъ удовольствіемъ, какъ безсловесное злакомъ; если скрытое сокровище глубже и глубже зарываемъ уметами и дрязгомъ помысловъ и дѣлъ суетныхъ, нечистыхъ, беззаконныхъ: то сокровище лежитъ, но мы имъ не пользуемся; нетлѣнное въ насъ сѣмя не прозябаетъ, не цвѣтетъ, не плодоноситъ; духовная жизнь наша или въ зародышѣ, или въ обморокѣ; надобно желать, чтобы о нашемъ возрожденіи вновь попекся кто-нибудь, какъ Святый Павелъ о возрожденіи, крещенныхъ еще прежде, Галатовъ, когда онъ писалъ къ нимъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. IV. 19.). То есть: какъ раждающая мать, нахожусь я въ подвигѣ и страданіи, дабы споспѣшествовать вашему духовному рожденію, и притомъ уже не въ первый разъ: сперва сіе было нужно, когда надлежало посредствомъ вѣры и крещенія положить въ сердцахъ вашихъ начатокъ духа; но когда вы, *начеше духомъ, нынѣ плотію скончаваете* (Гал. III. 3.), то потребенъ новый болѣзненный подвигъ, дабы погребенное подъ преобладающею плотію духовное сокровище открыть, дабы задержанный ростокъ духа возрастить до приношенія плодовъ духовныхъ, дабы впечатлѣнный въ душу крещеніемъ образъ Христовъ прояснить и проявить во всѣхъ ея способностяхъ, силахъ, расположеніяхъ и дѣлахъ Христо-

подобныхъ и Богоугодныхъ. *Паки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ.*

Кто соглашается съ сими размышленіями въ томъ, сколь важно и необходимо для истиннаго Христіанства возрожденіе; а между тѣмъ въ своей жизни, дѣлахъ и совѣсти не обрѣтаетъ успокоивающаго свидѣтельства, что онъ дѣйствительно пользуется плодами возрожденія: тому надлежитъ не безъ заботы подумать, въ какомъ же онъ состояніи находится, и къ чему сіе ведетъ. Судъ Христовъ произнесенъ и, вѣрно, не перемѣнится. Какъ судилъ Онъ въ безмолвную ночь въ присутствіи одного Никодима: такъ же будетъ судить и въ славный послѣдній день въ присутствіи всѣхъ Ангеловъ и всѣхъ человѣковъ: не рожденный свыше, не можетъ видѣти Царствія Божія!

Иные думаютъ: можно ли опредѣлить всѣ шаги къ Царствію небесному? Можетъ быть, спасемся какъ-нибудь и мы.— Это походитъ на то, какъ если бы кто, примѣтивъ трудность и неизвѣстную надежду земледѣлія, сказалъ: можетъ быть, родится хлѣбъ и безъ воздѣлыванія и безъ посѣва. *Сѣяй въ духѣ*, говоритъ Апостолъ, *отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. VI. 8.). Если не сѣемъ: то вѣрно и жать нечего будетъ.

Иной, напротивъ, скажетъ: хорошо же; я непремѣнно буду сѣять въ духѣ, и сдѣлаюсь возрожденнымъ.—Нѣтъ, возлюбленный! И это не есть надежный путь. Ни безпечное: *можетъ быть*, ни самонадѣянное: *непремѣнно*, негодятся въ дѣлахъ духа. Кто какъ будто на заказъ думаетъ сдѣлаться воз-

рождённымъ · тотъ всего скорѣе сдѣлается мечтателемъ Не можетъ младенецъ родиться, когда и какъ захочетъ: родить его должна мать, по порядку природы. Равнымъ образомъ не можетъ человѣкъ возродиться, когда и какъ захочетъ: возродить его долженъ Духъ Божій, по порядку благодати.

Между крайностями безпечной недѣятельности и самонадѣянной предпріимчивости лежитъ скромный, но дѣятельный путь духа, который указуетъ Апостолъ слѣдующими словами: *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Фил. II. 12.). *Содѣвайте спасеніе*, а не думайте, что оно содѣлается само собою, но содѣвайте *со страхомъ и трепетомъ*, не полагаясь на то, что дѣлаете сами, и остерегаясь непрестанно, чтобы не противиться дѣйствованію въ васъ Божію. *Богъ бо есть дѣйствуяй въ васъ, и еже хотѣти, и еже дѣяти о благоволеніи* (13.).

Хотите ли знать въ особенности о возрожденіи, что наиболѣе зависитъ отъ насъ, и что наиболѣе нужно съ нашей стороны? Посмотрите, по указанію Апостола, на образъ возрожденія, представленный въ рожденіи естественномъ. Не одна рождающая болѣзнуетъ родами, но и раждаемое болѣзнуетъ и плачетъ. Вотъ живая притча для ученія о возрожденіи. Болѣзнуй о ветхой, плотской жизни, отъ которой ты еще не разрѣшился; плачь о грѣхахъ своихъ, не только потому, что адъ угрожаетъ тебѣ за нихъ, но еще болѣе потому, что ты Богу, тебя сотворившему, и тебя любящему, не былъ вѣренъ, что предъ Христомъ, за тебя пострадавшимъ, явил-

ся неблагодаренъ, что Святаго Духа опечалилъ; плачь слезами сердечными, слезами печальной любви; найди себѣ пищу въ сихъ слезахъ, по написанному. *быша слезы мнѣ хлѣбъ день и нощь* (Пс. XLI. 4.). *Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяние нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII. 10.)— покаяніе не словесное только, но дѣятельное, не кратковременное, но рѣшительное и постоянное, то, которое въ крещенныхъ Церковь знаменательно называетъ вторымъ крещеніемъ, и слѣдственно существенною принадлежностію возрожденія, то, о которомъ радость бываетъ на небесахъ.

Познайте, ищущіе быть чадами Божіими, духовный вкусъ чистой, Божественной печали, и познаете возрожденіе, и вкусите новую жизнь, на радость себѣ и Небу, на радость полную, неотъемлемую во вѣки. Аминь.

5. БЕСѢДА

О ПРИКОСНОВЕНІИ ВѢРЫ КО ХРИСТУ.

И весь народъ искаше прикасатися Ему: яко сила отъ Него исхождаше, и исцѣляше вся. Лук. VI. 19.

Чудное зрѣлище показываетъ намъ Святый Евангелистъ Лука. Господь Іисусъ, послѣ всенощной молитвы на горѣ, и по избраніи себѣ утромъ двѣнадцати Апостоловъ, сходитъ на равнину; Апостолы слѣдуютъ за Нимъ; соборъ прочихъ учениковъ Его, встрѣчаетъ и принимаетъ Его; великое множество людей, не только изъ многолюднаго Іерусалима, но изъ всей земли Іудейской, и даже изъ приморскихъ мѣстъ Тирскихъ и Сидонскихъ, окружаетъ Его. Хотятъ слышать Его ученіе; хотятъ получить отъ Него исцѣленія: но какъ обыкновенно многолюдство затрудняетъ само себя; то что̀ дѣлаетъ народъ? Онъ тѣснится къ Учителю и Цѣлителю, уже не для того, чтобы слушать, или вопрошать, не для того, чтобы просить исцѣленій, и ожи-

дать, или возложенія рукъ, или слова, разрѣшающаго грѣхи; но бросается къ Нему, какъ кому случится, только чтобы достигнуть до Него, и прикоснуться или къ живоносному тѣлу Его, или къ освященнымъ и, такъ сказать, напоеннымъ текущею изъ Него спасительною силою одеждамъ Его. *Весь народъ искаше прикасатися Ему: яко сила отъ Него исхождаше, и исцѣляше вся.*

Зрѣлище по истинѣ чудное, и достойное не просто удивленія, но и благоговѣйнаго размышленія, и не только размышленія, но и поревнованія. Кто не возжелалъ бы спасительнаго прикосновенія къ Господу, отъ Котораго исходитъ сила исцѣляющая все? Посмотримъ же въ Евангеліи, какъ достигали сего желавшіе, и увидимъ, какъ и намъ достигать сего должно.

Дабы желавшіе спасительнаго прикосновенія къ Іисусу Христу, могли самымъ дѣломъ сего достигнуть, для сего нужно было со стороны Его снисхожденіе, и снисхожденіе крайнее. Когда Онъ былъ на горѣ; они не могли прикасаться къ Нему: ибо, вѣроятно, даже не знали, гдѣ найти Его, и какъ приближиться къ Нему. Надобно было, чтобы Онъ сошелъ съ горы на мѣсто ровное, гдѣ ожидалъ Его народъ: и сіе сошествіе было только малый, чувственный образъ Его великаго и многоразличнаго снисхожденія. Подумайте, что надлежало Ему оставить на горѣ: — сладкое и блаженное молитвенное собесѣдованіе съ Отцемъ Своимъ небеснымъ: однако жъ Онъ нисходитъ. А что найдетъ Онъ внизу? —

смѣшенное многолюдство, въ которомъ иные хотятъ слушать Его, а иные, можетъ быть, уловить Его въ словѣ; въ которомъ каждый готовъ приступить къ Нему съ своимъ требованіемъ, но, вѣроятно, есть и не вѣдающіе, чего просятъ; во множествѣ ищущихъ прикоснуться къ Нему, вѣроятно, есть и такіе больные, къ которымъ мы, подверженные подобнымъ немощамъ, не захотѣли бы приближиться, есть и такіе грѣшники отъ которыхъ мы, будучи также грѣшники, удалились бы, если бы видѣли сердца ихъ, какъ Онъ видитъ. Однако жъ Онъ не сходитъ; Онъ приближается. И что еще? Сіи несчастные и погибающіе, которые имѣютъ въ Немъ нужду, какъ въ Помощникѣ и Спасителѣ, поступаютъ съ Нимъ, по видимому, съ нарушеніемъ должнаго къ Божественному Чудотворцу благоговѣнія, и очевидно съ нарушеніемъ обыкновеннаго человѣческаго уваженія и приличія. Они, какъ въ другомъ случаѣ о подобномъ дѣйствіи народа изъяснился одинъ изъ самыхъ Апостоловъ, *одержатъ* Его *и гнѣтутъ;* обезображенные болѣзнями, покрытые ранами, вергутся на Него безъ разбора, бѣснуемыхъ влекутъ и привергаютъ къ Нему другіе: все терпитъ Онъ; всему снисходитъ. Какъ чистая и глубокая рѣка пріемлетъ всѣхъ почерпающихъ изъ нея, не возмущаясь и не истощаясь: такъ безконечная спасительная сила Его допускаетъ всѣхъ приступающихъ къ Нему, не истощаясь множествомъ ихъ, не возмущаясь ихъ недостоинствомъ. *Сила отъ Него исхождаше, и исцѣляше вся.*

Христіане! Если нужно снисхожденіе Божествен-

наго Спасителя, какъ и безъ сомнѣнія оно нужно, — дабы и мы могли спасительно прикасаться къ Нему: то со стороны Его не будетъ въ семъ недостатка. Не съ горы только сошелъ Онъ на мѣсто, равное для нѣсколькихъ тысячъ народа Іудейскаго и сосѣдственнаго съ Іудеею. Онъ сошелъ съ высоты небесъ для всѣхъ милліоновъ людей жившихъ, живущихъ, и когда бы то ни было, имѣющихъ жить на землѣ. Поелику Божественная сила Его, будучи выше самыхъ небесъ, и чище самыхъ небесъ, недостижима была низкому и недостойному естеству человѣческому: Онъ низвелъ ее въ самое человѣчество; вліялъ ее въ сосудъ плоти подобострастной намъ, кромѣ грѣха, для исцѣленія отъ коего и потребна намъ особенно сія сила; по избытку милосердія Своего къ намъ, Онъ, такъ сказать, переполнилъ сосудъ пречистыя плоти Своея, Своею Божественною силою, такъ что ею оросилась самая одежда Его, и уврачевала кровоточивую; а когда, по воскресеніи, *дадеся* Ему *всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. XXXIII. 18.), когда воспріятую Имъ плоть нашу вознесъ Онъ съ Собою, и посадилъ одесную Бога Отца, тогда *сшедый и возшедый превыше всѣхъ небесъ, исполнилъ всяческая* (Ефес. IV. 10.), слѣдственно, и всю землю, на всѣ времена, Своею Божественною, спасительною, не только тѣлесно, но и наипаче духовно *вся исцѣляющею силою.* Желаете ли и нынѣ даже чувственнаго доказательства близости и снисхожденія къ намъ Іисусъ-Христова? — Мы имѣемъ оное каждый день на семъ Олтарѣ, гдѣ Онъ всегда ту же,

какъ и прежде, Божественную и спасительную силу Свою, сіе *исполненіе Божества живущее въ Немъ тѣлеснѣ* (Колос. II. 9.), покрываетъ видомъ хлѣба и вина, и допускаетъ насъ не только прикасаться къ Нему, но Плоть Его ясти, и Кровь Его пити во исцѣленіе и жизнь вѣчную.

Но мы видимъ далѣе въ Евангеліи, что для достиженія спасительнаго прикосновенія къ Господу Іисусу, нужно было не только со стороны Его снисхожденіе, но и взаимно со стороны желающихъ сего блага,—исканіе и приближеніе. *Весь народъ искаше прикасатися Ему.* Исканіе же не должно разумѣть здѣсь просто; и приближеніе не должно воображать только тѣлесно. Были ищущіе, которые искали Іисуса — убити; были приближающіеся къ Нему,—чтобы ударить Его въ ланиту: безъ сомнѣнія, не для такихъ людей исходила отъ Него всеисцѣляющая сила. Самъ Іисусъ Христосъ ясно различаетъ приближеніе ко всеисцѣляющей Его силѣ, отъ всякаго другаго къ Нему приближенія, когда, тѣснимый множествомъ окружающаго народа, не чувствуетъ ничьего приближенія, кромѣ приближенія одного человѣка: *прикоснуся*, говоритъ, *Мнѣ никто*; *Азъ бо чухъ силу изшедшую изъ Мене* (Лук. VIII. 46.). Въ чемъ же состоитъ сей особенный образъ приближенія ко Христу, сопровождаемый не мертвымъ приближеніемъ, но живымъ прикосновеніемъ, извлекающимъ изъ Него спасительную силу? — Сіе также ясно показываетъ Господь въ лицѣ кровоточивой, которая, изъ множества тѣснящагося къ Нему народа, одна умѣла къ Нему

приближиться и прикоснуться, и чрезъ прикосновеніе получила исцѣленіе. Ибо что говоритъ Онъ ей? — *Дерзай дщи, вѣра твоя спасе тя* (Лук. VIII. 48.). Итакъ то, что̀ предъ очами тѣлесными было приближеніе и *прикосновеніе*, по созерцанію духовному, Господь называетъ *вѣрою*. Такъ должно разумѣть и то исканіе, приближеніе, прикосновеніе, въ слѣдствіе котораго надъ множествомъ народа ознаменовалась сила Господня исцѣляющая всѣхъ. По вѣрѣ искали Его, съ вѣрою приближались къ Нему, вѣрою духовно прикасались къ Его силѣ, прикасаясь тѣлесно къ Его пречистому тѣлу или ризамъ. Такъ *весь народъ искаше прикасатися Ему*, или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ народа, которые по вѣрѣ своей послужили образцемъ для другихъ. И какая вѣра видна въ сихъ людяхъ! Не та малая и какъ-бы не примѣтная, которой бы нужно было доискиваться, какъ и подлинно Господь Самъ искалъ ее въ двухъ слѣпцахъ, просившихъ зрѣнія, вопрошая ихъ: *вѣруета ли, яко могу сіе сотворити* (Матѳ. IX. 28.)? Не та вѣра слабая и колеблющаяся, съ которою отецъ отрока бѣснуемаго и просилъ отъ Господа помощи, и въ тоже время не надѣялся: *аще что можеши, помози*; которую онъ и признавалъ въ себѣ, и въ тоже время не вѣрилъ собственному признанію: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію* (Марк. IX. 22. 24.). Не та вѣра медленная и полумертвая, которая въ слѣпцѣ Виѳсаидскомъ, послѣ живоноснаго плюновенія Господня на очи его, по двукратномъ возложеніи рукъ Его, едва пробудилась къ принятію совершеннаго исцѣле-

нія Вѣра искавшихъ прикасатися Іисусу, не ожидаетъ себѣ возбужденія отъ Него, не колеблется сомнѣніемъ о Его силѣ, не смущается мыслію о своемъ недостоинствѣ, не требуетъ отъ Него никакого дѣйствія, ниже слова; прямо, твердо и свободно идетъ Она къ Источнику благодати, и почерпаетъ изъ него, какъ будто силою похищаетъ она всеисцѣляющую силу Спасителя. *Сила отъ Него исхождаше и исцѣляше вся.* Но что въ такомъ чрезвычайномъ избыткѣ открывало сію цѣлебную силу? — Не иное что, какъ чрезвычайное дерзновеніе вѣры народной: *народъ искаше прикасатися Ему.*

Послѣ сего, Христіанинъ, если скажешь, что и ты желалъ бы сподобиться спасительнаго прикосновенія ко Господу; отвѣтъ на сіе не труденъ. Ищи, приближайся, прикасайся: только по вѣрѣ ищи, съ вѣрою приближайся, вѣрою прикасайся. Гдѣ мнѣ, скажешь, искать Господа? какъ приближаться и прикасаться къ Нему? Ищи Его мыслію — на небесахъ, любовію — въ сердцѣ, благоговѣніемъ — въ храмѣ, вездѣ ищи Его — дѣлами, для Него предпріемлемыми и совершаемыми. Приближайся къ Нему, какъ оный вѣрующій народъ, желаніемъ послушати Его, и желаніемъ исцѣлитися, то есть, поученіемъ въ словѣ Его, и молитвою къ Нему. Прикасайся къ Нему въ священныхъ знаменіяхъ и Таинствахъ, которыми Онъ, какъ ризою, облекаетъ въ Церкви Свою Божественную и спасительную силу, наипаче же прикасайся Ему въ таинствѣ Тѣла и Крови Его. Отъ тебя самого зависитъ болѣе или менѣе успѣвать въ таковомъ исканіи; въ твоей волѣ болѣе,

или менѣе воспользоваться таковымъ приближеніемъ и прикосновеніемъ ко Господу, для твоего спасенія и блаженства. Каковы бы ни были твои душевные недуги: чѣмъ совершеннѣе увѣруешь, тѣмъ совершеннѣе получишь отъ нихъ исцѣленіе силою Христовою, которая и слѣпотствующее око ума твоего просвѣтитъ познаніемъ истины, и разслабленныя силы духа Твоего укрѣпитъ для добродѣтели, и отъ духовъ искусителей тебя избавитъ, и отъ мертвыхъ дѣлъ воскреситъ въ жизнь духовную и святую. Но если ищешь Его невнимательно, приближаешься къ Нему только устами, прикасаешься святынѣ Его только наружно, безъ живой вѣры и усердія: то ты уподобляешься тому народу, который только угнѣталъ идущаго Іисуса, но не достигалъ Его спасительной силы.

Горькій упрекъ сдѣлалъ Самъ Господь нѣкоторымъ неправильно, то есть, не по вѣрѣ искавшимъ Его: *Аминь аминь глаголю вамъ, ищете Мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко ясти есте хлѣбы и насытистеся* (Іоан. VI. 26.). О, если бы никто изъ пришедшихъ нынѣ взыскать Господа во храмѣ семъ, не заслужилъ подобнаго упрека, невниманіемъ къ сокровищу вѣры и благодати, исканіемъ только видимыхъ и временныхъ благъ и чувственныхъ утѣшеній! Присоединимъ къ воспоминанію Господня обличенія, Господне и наставленіе: *дѣлайте брашно не гиблющее; дѣлайте дѣла Божія; се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, его же посла Онъ* (Іоан. VI. 27—29.). Аминь.

6. БЕСѢДА

О МОЛИТВѢ СЪ ДОЛЖНЫМЪ ПРИГОТОВЛЕНІЕМЪ.

Прежде даже не помолишися, уготови себе, и не буди, яко человѣкъ, искушая Господа. Сир. XVIII. 23.

Какъ пріятенъ видъ нивы, покрытой колосьями, которые зыблетъ тихій вѣтеръ, и полнота плода клонитъ долу: такъ пріятенъ видъ Церкви, наполненной молящимися, въ которыхъ вѣяніе Духа Божія производитъ кроткія движенія сердецъ, и которыхъ, плодотворное въ нихъ, благочестіе преклоняетъ предъ Богомъ и Его Таинствами. Не изъ воображенія беру я сей образъ, но изъ Евангелія. Оно, изъясняя себя и свое дѣйствіе, уподобляетъ ученіе сѣмени, проповѣдующаго—сѣятелю, слушающихъ—землѣ воздѣлываемой, а увѣровавшихъ—землѣ воздѣланной и насѣянной, которая *плодитъ прежде траву, потомъ класъ, таже исполняетъ пшеницу въ класѣ* (Мар. IV. 28.).

Но должно признаться, что таже притча, которая, какъ чистое зеркало, усугубляетъ пріятность того,

что́ вижу предъ собою въ церкви, не позволяетъ мнѣ безпечно предаться пріятности сего видѣнія. *Земля плодитъ прежде траву, потомъ класъ, таже исполняетъ пшеницу въ класѣ.* Итакъ есть не только трава безъ колоса, потому что молода; — есть души еще младенчествующія въ Христіанствѣ, и потому не приносящія плода духовнаго; но есть и класъ безъ зерна; — есть души, которыя имѣютъ наружный образъ благочестія, безъ внутренней силы онаго. Колосъ безъ зерна походитъ на колосъ полный; образъ благочестія походитъ на истинное благочестіе: какъ это обманчиво! Чѣмъ долѣе колосъ не наполняется зерномъ, тѣмъ онъ ближе къ состоянію конечной пустоколосицы, въ которой ничего не найдется для житницы; — чѣмъ далѣе человѣкъ остается при одномъ поверхностномъ образѣ благочестія, не исполняясь возраждающею силою онаго, тѣмъ онъ ближе къ конечному закоснѣнію въ семъ состояніи духовнаго безплодія, въ которомъ ничего не найдется годнаго для царствія небеснаго: какъ это опасно! А при томъ вотъ что наиболѣе внушаетъ заботу: колосъ не виноватъ, если небо и земля не наполнили его зерномъ: но чтобы человѣкъ исполненъ былъ плодовъ благихъ, для сего Небо всегда готово съ своими благодатными вліяніями; онъ самъ виновенъ, если нерадитъ привлекать оныя вѣрою, молитвою, всецѣлымъ преданіемъ себя вліяніямъ Неба.

« Что жъ дѣлать? Я молюсь, и призываю вліяніе « Неба. Не въ моей то власти, чтобы молитва моя » исполнилась. » — Не сіе ли думаютъ нѣкоторые, и,

можетъ быть, многіе? Въ отвѣтъ на сіе предлагаю наставленіе Мудраго о томъ, что состоитъ въ нашей власти, дабы молитва наша была Богопріятна. *Прежде даже не помолишися, уготови себе, и не буди, яко человѣкъ, искушая Господа.*

Нечего дивиться, если не успѣшно дѣлается такое дѣло, къ которому приступаютъ, какъ случится, наудачу. Если хочешь побѣдоносно сражаться: приготовься приличнымъ вооруженіемъ себя, и обученіемъ искусно владѣть оружіемъ. Если хочешь переплыть рѣку: приготовься снятіемъ съ себя одежды, которая связала бы тебя, отягчила и погрузила въ глубину. Подобно сему, если хочешь молиться съ пользою и успѣхомъ: *прежде даже не помолишися, уготови себе.*

Но въ чемъ состоять можетъ приготовленіе къ молитвѣ?

Скажемъ ли: должно знать Бога, не токмо, какъ сотворившаго насъ въ началѣ, но и какъ пекущагося о насъ ежедневно, ежечасно?

Скажемъ ли: должно вѣровать, что Божіе о насъ промышленіе совершается, не только посредствомъ законовъ, данныхъ отъ Бога природѣ всѣхъ существъ, но и независимо отъ законовъ природы, всевластною и вседѣйствующею волею Божіею; что воля Божія, по человѣколюбію, преклоняется къ нашей волѣ, чтобы ее исполнить; что Богъ не только позволяетъ, но и хощетъ, чтобы мы возносили къ Нему наши непорочныя желанія въ молитвѣ?

Скажемъ ли: должно уповать, что не смотря на ничтожность нашу по самой природѣ, не смотря на

недостоинство наше, по причинѣ грѣха, Богъ, по безпредѣльному милосердію Своему, не отвергнетъ и нашей молитвы, какъ увѣряетъ насъ непреложное слово Господне: *аще вы лукави суще умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага,—дастъ Духа Святаго,—просящимъ у Него* (Матѳ. VII. 11. Лук. XI. 13.)?

Скажемъ ли: должно, по изреченію и примѣру Давида, *предзрѣть Господа предъ собою* (Пс. XV. 8.), съ твердою увѣренностію представлять себѣ, что Богъ, невидимо, но дѣйствительно присутствуетъ при нашей молитвѣ, насъ видитъ, слышитъ, испытуетъ наше сердце, чтобы дать намъ по сердцу нашему?

Все сіе должно быть уже извѣстно каждому молящемуся. Это такія приготовительныя къ молитвѣ расположенія, безъ которыхъ не только молитва не можетъ быть успѣшна, но и едва ли можетъ быть молитва.

Есть еще нѣкоторыя приготовленія къ молитвѣ, которыхъ потребность можетъ быть не примѣчена, или забыта, безъ которыхъ молитва можетъ начаться и продолжаться, но не можетъ имѣть истиннаго и полнаго успѣха.

Одно изъ такихъ приготовленій къ молитвѣ есть прощеніе врагамъ и примиреніе со всѣми ближними нашими, то есть, со всѣми человѣками. Ибо что́ говорите вы въ той молитвѣ, которая ни для кого не можетъ быть чуждою, и въ которой ничего не можно перемѣнить, потому что образъ молитвы, пре-

данный Самимъ Господомъ, безъ сомнѣнія, есть и самъ въ себѣ совершенъ, и каждому молящемуся приличенъ? - Вы говорите: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ;* то есть: прости намъ грѣхи наши, какъ и мы прощаемъ всякому оскорбившему насъ Если вы говорите сіе безъ особеннаго вниманія, безъ предварительнаго испытанія своего сердца: то легко можетъ случиться, что во время молитвы вашей, въ немъ таиться будетъ вражда, или огорченіе на ближняго, и слѣдственно слова устъ: какъ мы прощаемъ, такъ прости намъ, отъ состоянія сердца, по необходимости, получатъ превратный смыслъ: какъ мы не прощаемъ, такъ и намъ не прости. Чтобы предохранить себя отъ сей погрѣшности, которая, очевидно, испровергаетъ дѣйствіе молитвы, нужно тщательно испытывать миролюбивое расположеніе нашего сердца; одно мысленное испытаніе онаго не надежно; тогда только можемъ быть увѣрены, что мы съ своей стороны совершенно примирились съ ближнимъ нашимъ, если самымъ дѣломъ исполнили все для насъ возможное, чтобы и съ его стороны примиреніе совершилось. Сія предосторожность, сіе приготовленіе къ молитвѣ такъ нужно, что даже начатую безъ онаго молитву Господь повелѣваетъ прекратить, и обратиться къ приготовленію. *Аще*, говоритъ, *принесеши даръ твой ко Олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ Олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ* (Матѳ. V. 23. 24.).

Примѣтимъ, какъ строга заповѣдь примиренія. *Помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя:* сіе случается иногда такъ, что ты не находишь въ себѣ никакой вины противъ сего брата. Но Господь и сего случая не изключаетъ изъ обязанности искать примиренія прежде молитвы: *шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ.* Какая нужда въ сей строгости? — спроситъ иной. Почему не могу я совершить своей молитвы, не заботясь о томъ, какъ расположенъ ко мнѣ братъ?—На сіи вопросы я могу отвѣтствовать просто: не знаю. Заповѣдь Господня ни мало не потеряетъ отъ того своей силы. Если бы твой заимодавецъ прощеніе такого долга, за который ты могъ бы умереть въ темницѣ, предлагалъ тебѣ подъ условіемъ, чтобы ты простилъ маловажный долгъ твоему должнику: безумно было бы не принять сего легкаго и выгоднаго условія потому только, что ты не догадываешься, почему оно предложено. Подобно сему, когда Богъ прощеніе грѣховъ, за которые подлежалъ бы ты вѣчной смерти, обѣщаетъ тебѣ, подъ уловіемъ, чтобы ты простилъ ближнему какое-нибудь оскорбленіе, примирился съ нимъ послѣ какого-нибудь недоразумѣнія: безумно было бы лишать себя великаго прощенія Божія, потому только, что ты не догадываешься, для чего такъ настоятельно требуется твое малое прощеніе ближнему, или примиреніе съ нимъ.

Какая нужда, говоришь ты, въ сей строгости, съ которою требуется отъ тебя подвигъ примиренія? — Нужда такъ не малая, какъ никогда не бываютъ малы намѣренія Божіи. Строгость сія есть милость, и

притомъ бо́льшая, нежели ты воображаешь. Ты хочешь быть благополученъ, и о томъ хочешь молиться. Богъ хощетъ болѣе; Онъ хощетъ, чтобы благополучны были всѣ Его созданія, поколику онѣ сіе принять могутъ; посему хощетъ Онъ, чтобы по возможности благополученъ былъ и ты, но также и братъ твой, который *имать нѣчто на тя*, и который отъ того безпокоенъ, или, что тоже, не благополученъ. Если ты съ любовію и смиреніемъ будешь искать примиренія съ симъ несчастнымъ братомъ: то ты его сердце, въ которое вонзилась вражда или досада, освободишь отъ сей занозы; оно сдѣлается и спокойнѣе, и чище прежняго; такимъ образомъ ты будешь служителемъ Провидѣнія Божія въ дѣлѣ благополучія твоего брата. Видишь ли, какая важная и прекрасная нужда требуетъ отъ тебя подвига примиренія, и какая въ строгости сего требованія заключается милость?

Почему, говоришь ты, не могу я совершить моей молитвы, не заботясь о томъ, какъ расположенъ ко мнѣ братъ?—Потому, что если ты не заботишься о братѣ, который *имать нѣчто на тя*, то ты не заботишься о спокойствіи его духа, и о чистотѣ его сердца, и слѣдственно о его благополучіи; если не заботишься о его благополучіи, то ты его не любишь; *не любяй брата*, по свидѣтельству возлюбленнаго ученика истинной любви, *пребываетъ въ смерти* (1 Іоан. III: 14.); мертвый ничего дѣлать не можетъ; слѣдственно ты, будучи мертвъ духовно, яко не любяй, не можешь и духовнаго дѣла молитвы совершить, какъ должно. Таже не

любовь, которая не отверзаетъ сердца твоего къ ближнему, держитъ оное заключеннымъ и для Бога. Шедъ смирися съ братомъ; положи въ сердце твое искру чистой любви; сія искра поможетъ, да исправится молитва твоя, яко кадило предъ Богомъ.

Другое, важное для успѣха въ молитвѣ, приготовленіе къ оной есть воспріятіе искренняго желанія и твердаго намѣренія оставить всякій грѣхъ, которому мы подвержены, и жить по волѣ Божіей. *Обратися ко Господу*, поучаетъ Премудрый, *и остави грѣхи; помолися предъ лицемъ, и умали претыканія; восходи къ Вышнему, и отвратися отъ неправды, и зѣло возненавиди мерзость* (Сир. XVII. 21-23.). И Апостолъ *основаніе* духовнаго зданія Божія въ человѣкѣ означаетъ сею вѣрною отличительною и охранительною *печатью*: да *отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* (2 Тим. II. 19). Какъ-бы такъ сказалъ онъ: если ты именуешь имя Господне во исповѣданіи, въ призываніи, въ молитвѣ, и отступаешь отъ неправды; то въ тебѣ есть твердое основаніе, и вѣрное знаменіе новаго, спасаемаго человѣка, котораго Богъ возсозидаетъ благодатію Своею изъ ветхаго, погибающаго: а если ты не отступаешь рѣшительною волею отъ неправды, то хотя ты и призываешь имя Господне; основаніе твое не твердо, знаменіе твое сомнительно, и молитвѣ твоей столько недостаетъ силы, сколько не достаетъ чистоты. *Уклоняй ухо свое не послушати закона*, говоритъ Соломонъ въ притчѣ, *самъ и молитву свою омерзилъ* (Прит. XXVIII. 9.). Посему не удиви-

тельно, если Господь не приклоняется къ такой молитвѣ соизволеніемъ на просимое, и даже отвращается отъ нея. *Что Мя зовете, Господи, Господа, и не творите, яже глаголю* (Лук. VI. 46.)? — Пророкъ Исаія, слышавъ конечно жалобы Іудеевъ на безуспѣшность ихъ молитвъ, вотъ какъ вразумляетъ ихъ о причинѣ сей безуспѣшности: *еда не можетъ рука Господня спасти? или отягчилъ есть слухъ Свой, еже не услышати? Но грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ; и грѣхъ ради вашихъ отврати лице Свое отъ васъ, еже не помиловати. Руцѣ бо ваши осквернены кровію, и персты ваши во грѣсѣхъ, устнѣ же ваши возлаголаша беззаконіе, и языкъ вашъ неправдѣ поучается* (LIX. 1 – 3.).

Какая же мнѣ надежда, скажетъ грѣшникъ, если самая молитва, которою желаю испросить прощеніе грѣха, не пріемлется Богомъ? — Отвѣтствую ему: надежда твоя есть сія самая молитва, но соединенная съ покаяніемъ неизмѣннымъ, съ рѣшительнымъ оставленіемъ грѣха. — Но какъ мнѣ освободиться отъ грѣха безъ помощи благодати Божіей, которую желаю пріобрѣсть молитвою? — То правда, что нельзя освободиться отъ грѣха, безъ благодати Божіей: но и благодати Божіей не свойственно, освободить тебя отъ грѣха безъ воли твоей; потому что благодать не хощетъ сдѣлать принужденія твоей волѣ; не хощетъ отнять у тебя прекрасный даръ свободы, который ты такъ худо употребилъ, продавъ себя въ рабство грѣху, за скоропреходящее и обманчивое удовольствіе. Сдѣлай же свое, малое; и тогда

молись, и благодать сотворитъ съ тобою свое великое. Оставь грѣхъ, рѣшительнымъ желаніемъ не дѣлать его болѣе: и тогда молись, и благодать самымъ дѣломъ освободитъ тебя отъ его владычества. Оставь грѣхъ вольный; и тогда молись, и благодать избавитъ и предохранитъ тебя отъ грѣха невольнаго, и содѣланный невольный грѣхъ въ вину тебѣ не поставитъ. Оставь грѣхъ сердцемъ,—не люби, а возненавидь оный; оставь грѣхъ умомъ,—старайся и не думать о его прелестяхъ; и тогда молись; и благодать поможетъ тебѣ стяжать чистое сердце, чистый умъ, чистую душу и тѣло, чистую жизнь.

Кто, не уготовавъ себя предварительно таковыми расположеніями, приступаетъ къ молитвѣ, кто проситъ отъ Бога милостей и благодѣяній, не подумавъ о томъ, какъ бы завтра не оскорблять Его грѣхами, въ которыхъ виновенъ предъ Нимъ сего дня. тотъ по истинѣ, какъ изъяснился Премудрый, есть *яко человѣкъ, искушаяй Господа*. Ибо если бы вмѣстѣ съ словами молитвы обратить въ слова и то, что кроется въ сердцѣ молящагося безъ желанія своего исправленія: то чтобы это было? «Господи, прости мнѣ грѣхи, которыми я оскорбилъ Тебя, но я не намѣренъ прекратить подобныя оскорбленія; исполни мое желаніе, но я не обѣщаюсь исполнять Твою волю.» Если бы съ подобными рѣчами обратился кто къ земному властелину или судіи: не всякой ли здравомыслящій принялъ бы сіе не за прозьбу, а за безразсудное покушеніе вывесть изъ терпѣнія и раздражить? Кольми паче предстоящій Богу съ словами устъ молитвенными, и съ расположеніями серд-

ца мятежными, есть дерзновенный, *искушаяй Господа*, до чего простираться можетъ Его долготерпѣніе. Оно простирается уже очень далеко, если такой молитвенникъ не поражается правосудіемъ Божіимъ. А отсюда конечно еще не очень близко до благодатнаго пріятія и исполненія молитвы.

Христіанинъ! *не буди яко человѣкъ, искушаяй Господа.* Не приноси злобы предъ лице Всеблагаго, нечистоты предъ лице Всечистаго. *Прежде даже не помолишися, уготови себе.* Наполни елеемъ свѣтильникъ, чтобы онъ горѣлъ ясно и долго. Наполни миромъ сердце, чтобы молитва твоя была свѣтла и постоянна. Ускори позаботиться, чтобы удалить отъ духовнаго кадила смрадъ житія нечистаго и неисправляемаго. Будь вѣренъ и тщателенъ въ сихъ начальныхъ приготовленіяхъ къ молитвѣ: и Духъ Божій, Который есть Духъ молитвы, ходатайствуя за тебя воздыханіями неизглаголанными, наставитъ тебя въ дальнѣйшемъ совершеніи сего духовнаго дѣланія, да принесешь плодъ Богови, собираемый въ животъ вѣчный. Аминь.

7. БЕСѢДА

ИЗЪ СЛОВЪ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА О МОЛИТВѢ ДУХОМЪ И УМОМЪ.

Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ: воспою духомъ, воспою же и умомъ. 1 Кор. XIV. 15.

Молитва есть дѣло толикой важности въ жизни духовной, что если бы кто хотѣлъ разрѣшить для себя недоумѣніе, находится ли онъ на пути къ совершенству жизни духовной, то ему надлежало бы примѣчать, имѣетъ ли онъ какой-нибудь успѣхъ въ молитвѣ. Ибо если взять въ разсужденіе слово Господне: *вся, елика аще вопросите въ молитвѣ вѣрующе, пріимите*: то по необходимости должно заключить, что кто умѣетъ съ вѣрою въ молитвѣ просить всего, потребнаго къ совершенству жизни духовной, тотъ все сіе и пріемлетъ, и потому, безъ сомнѣнія, идетъ къ совершенству жизни духовной, и наконецъ достигаетъ онаго.

Судя по толикой важности молитвы для жизни

духовной, мы должны быть очень заботливы о лучшемъ и надежнѣйшемъ способѣ совершать молитву.

Будемъ же внимательны. Вотъ, Апостолъ сказуя, какъ лучше желалъ бы молиться онъ самъ, чрезъ сіе даетъ намъ самое надежное наставленіе, какъ и намъ лучше молиться. *Помолюся*, говоритъ, *духомъ, помолюся же и умомъ: воспою духомъ, воспою же и умомъ.*.

Въ изреченіи Апостола представляются, во-первыхъ, два внѣшніе вида молитвы: *помолюся, воспою*;—молитва словесная и молитва пѣсненная.

О сихъ видахъ молитвы довольно замѣтить вкратцѣ, какъ вѣрно святая Церковь слѣдуетъ примѣру и учрежденію Апостольскому, поелику и нынѣ употребляетъ въ Богослуженіи поперемѣнно чтеніе и пѣніе, молитву словесную и молитву пѣсненную; и какъ общеупотребительнымъ и общеполезнымъ должно почитать сіе учрежденіе, не только для малосвѣдущихъ и водимыхъ чувственными впечатлѣніями, но и для людей возвышенно мыслящихъ, поелику и Богомудрый Апостолъ наравнѣ со всѣмъ народомъ вѣрующихъ, желаетъ не только молиться духомъ и умомъ, но и пѣть отъ избытка Боголюбиваго сердца и умиленнаго чувства!

Во-вторыхъ, представляются въ изреченіи Апостола два нѣкіе особенные способа молитвы: молитва духомъ и молитва умомъ. *Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ.*

Чтобы разумѣть сіи высшіе образы молитвы, надлежитъ вникнуть, что значатъ слова: духъ и умъ въ языкѣ Апостольскомъ. Когда слышимъ Апостола го-

ворящаго, что *сущіи по плоти плотская мудрствуютъ, а иже по духу, духовная* (Рим. VIII. 5.): тогда разумѣемъ, что духъ есть нѣчто высшее въ человѣкѣ, противоположное плоти или чувственности. Когда тотъ же Апостолъ гогоритъ еще: *самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію, плотію же закону грѣховному* (Рим. VII. 25.): изъ сего усматриваемъ, что и умъ есть нѣчто высшее въ человѣкѣ, противоположное *плоти*. Посему, кажется, что духъ и умъ составляютъ почти одно, какъ и подлинно соединяетъ ихъ Апостолъ, когда излагаетъ истину, или существо Христіанскаго ученія, состоящее въ томъ, чтобы *обновлятися духомъ ума*. Если можно здѣсь примѣчать какое различіе *ума* отъ *духа:* то развѣ такое, что *духъ* представляется въ самомъ *умѣ* чѣмъ-то болѣе возвышеннымъ, болѣе внутреннимъ, открывающимся въ умѣ, подобно какъ душа открывается въ чувствахъ.

Но какъ въ изреченіяхъ Апостола о молитвѣ дѣятельность ума представляется въ нѣкоторой противоположности съ дѣятельностію духа, какъ напримѣръ: *духъ мой молится, а умъ безъ плода есть*: то надлежитъ между ими быть не малому, и весьма ощутительному различію. Дабы открыть сіе различіе, прочитаемъ слова Апостола нѣсколько въ большей полнотѣ: *аще бо молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть. Что убо есть? Помолюся духомъ, помолюся же и умомъ: воспою духомъ, воспою же и умомъ.* Теперь видимъ, что выраженіе: помолюся духомъ, поставлено на мѣсто прежде употребленнаго выраженія:

молюся языкомъ. Слѣдственно *молитва духомъ* составляетъ одно съ *молитвою языкомъ*; и дабы понять молитву духомъ, надобно имѣть понятіе о молитвѣ языкомъ.

Чтобы не утомлять васъ долѣе тяжкимъ изыскательнымъ словомъ, поспѣшимъ сказать, въ чемъ состоитъ дѣло. Когда Апостолы по вознесеніи Господнемъ, *вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи;* и въ десятый потомъ день *исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, яко же Духъ даяше имъ провѣщавати* (Дѣян. II. 4.); и такимъ образомъ даръ говорить иными неизученными языками открылся, какъ весьма блистательный плодъ молитвы, и какъ весьма торжественное знаменіе сошедшаго и дѣйствующаго Святаго Духа: съ того времени молитва и ревность вѣрующихъ взяла особенное направленіе и стремленіе къ достиженію сего дара, сколь полезнаго въ тѣ времена для распространенія Христіанскаго ученія, столь же пріятнаго для обладающихъ онымъ, какъ очевидно увѣрительнаго въ присутствіи благодати Божіей. Поелику сіе стремленіе вѣрующихъ соотвѣтствовало намѣренію благодати, распространить Христіанство: то благодать щедродаровито снисходила сему стремленію, и такимъ образомъ въ собраніяхъ церковныхъ не рѣдко случалось, что духъ молящихся восторгался къ Духу Божію, Духъ Божій низходилъ на духъ молящихся и, какъ неудержимый потокъ, изливался чрезъ уста ихъ молитвами, пѣснопѣніями, славословіями, пророчествами, на разныхъ языкахъ. Обиліе сего дара

было такъ велико, что иногда объятые духомъ произносили молитвы, воспѣвали Божественныя пѣсни на такихъ языкахъ, которыхъ большая часть присутствующихъ, или даже никто изъ нихъ совсѣмъ не разумѣли. На сей-то случай сказалъ Апостолъ: *аще молюся языкомъ*,—то есть, языкомъ неизвѣстнымъ, открывшимся только по дарованію Святаго Духа,—*духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть*; — умъ безъ плода потому, что его не понимаютъ другіе, и отъ того слово молитвы, сѣемое языкомъ его, не приноситъ въ другихъ плода подобной молитвы

Послѣ сего, надѣюсь, нѣсколько понятно, что *молитва духомъ* есть такое молитвенное состояніе, въ которомъ человѣкъ, воскрыляемый вѣрою и любовію, самою такъ сказать вершиною существа своего, своею высшею способностію и силою, которою онъ какъ бы сопредѣленъ съ Божественнымъ, стремится и восторгается къ Духу Божію, пріемлетъ наитіе Духа Божія, предается сему наитію, такъ что уже тогда не столько самъ человѣкъ молится, сколько *дышетъ* въ немъ *Духъ* Святый, дышущій, *идѣже хощетъ*, — *Самъ Духъ* Святый *ходатайствуетъ* о немъ *воздыханіи неизглаголанными* (Рим. VIII. 26.), или глаголами, не рѣдко превышающими разумѣніе человѣка чувственнаго.

Различаемая отъ сего состоянія у Апостола *молитва умомъ* есть такой образъ молитвы, когда умъ молящагося хотя возвышается къ Богу съ благоговѣйными мыслями, съ благочестивыми желаніями, со святыми чувствіями умиленія или радости, но не

предается влеченію духовнаго восторга неограниченно, а управляетъ своими мыслями, желаніями, чувствіями такъ, что въ семъ случаѣ духовныя силы дѣйствуютъ въ обыкновенномъ, имъ свойственномъ порядкѣ, а потому молитвенныя прошенія и славословія изрекаются общевразумительно, почему и слышащихъ могутъ возбуждать къ участію въ молитвѣ.

Оба сіи образа молитвы одобряетъ и предлагаетъ къ употребленію Святый Апостолъ, когда говоритъ къ Коринѳянамъ: *помолюся духомъ, помолюся же и умомъ.* То есть: не желаю, и не совѣтую вамъ употреблять одинъ изъ сихъ образовъ молитвы исключительно; а за лучшее признаю, иногда молиться духомъ, а иногда молиться умомъ, попеременно, по требованію обстоятельствъ, — молиться духомъ, для себя и для Бога, — молиться умомъ, для Бога, и для себя, и для назиданія ближнихъ.

Не можно при семъ пройти безъ особеннаго замѣчанія, и даже безъ удивленія того, что Апостолъ предлагаетъ молитву духомъ, которая есть даръ Духа Божія, наравнѣ съ молитвою умомъ, которая есть свободное дѣло духа человѣческаго. Какъ? Не ужели мы также властны употреблять молитву духомъ, какъ и молитву умомъ? Помыслилъ ли ты о семъ, Святый Наставниче? — Безъ сомнѣнія, братія, Духъ Святый во святомъ Павлѣ не погрѣшаетъ въ преподаваемыхъ намъ наставленіяхъ. Видно, подлинно властны мы молиться духомъ, какъ скоро подлинно и совершенно предаемся Духу Божію, который есть Духъ молитвы; — видно властны, пото-

му что, подобно сему, по дивному снисхожденію къ намъ Духа Божія, и Пророки властны въ употребленіи духа Пророческаго, какъ о томъ ясно свидѣтельствуетъ тотъ же Апостолъ: *и духи пророчестіи Пророкомъ повинуются* (1 Кор. XIV. 32.).

Но еще болѣе должны мы удивиться тому, что благодатную молитву духомъ, Апостолъ старается не усилить и распространить, но нѣкоторымъ образомъ ограничить и удержать въ ея стремленіи. Онъ жалуется на избыточествующее употребленіе молитвы духомъ. Съ нѣкимъ негодованіемъ противъ молитвы духомъ говоритъ онъ: *духъ мой молится, а умъ мой безъ плода есть.* Онъ какъ-бы предпочитаетъ молитву умомъ, и преимущественно къ ней побуждаетъ: *въ церкви*, говоритъ, *хощу пять словесъ умомъ глаголати, да инѣхъ пользую, нежели тмы словесъ языкомъ.* Что же сіе значитъ? — То, что благодать Святаго Духа въ первенствующей Церкви разливалась, какъ море; что тогда многихъ вѣрующихъ нужно было не побуждать къ молитвѣ, не влещи къ дѣламъ духа, но умѣрять ихъ безпредѣльную ревность, чтобы они, погружаясь въ духѣ, не забывали обыкновенныхъ обязанностей внѣшняго общежитія человѣческаго и Христіанскаго.

Если отъ сего духовнаго зрѣлища первенствующей Церкви обратимся къ настоящему ея состоянію и къ самимъ себѣ: то не должно ли намъ притти въ удивленіе другаго рода, или, можетъ быть, въ страхъ и ужасъ, отъ печальной разности настоящаго съ прошедшимъ? Многіе ли между нами погружены въ молитву духа такъ, чтобы нужно было ихъ

изъ моря духа извлекать на брегъ ума? Многіе ли, хотя сколько нибудь, испытали молитву духа? Многіе ли довольно понимаютъ ее, когда о ней говорится?

Скажутъ: за чѣмъ же ты намъ и говоришь о сей молитвѣ, которая такъ необыкновенна, и такъ мало понятна? — Пусть на сіе жалуется, кто хочетъ; а я именно потому и говорю о сей возвышенной молитвѣ, что въ наше время она такъ необыкновенна, и что такъ мало ее понимаютъ. Надобно, чтобы вѣкъ сей зналъ, что въ немъ сдѣлались необыкновенными такіе дары благодати, которые нѣкогда были весьма обыкновенны; что мудрецамъ его сдѣлались непонятны такія описанія благодатныхъ дѣйствій, которыя понятны были простолюдинамъ, слушавшимъ Апостола Павла, или читавшимъ его Посланія. Какъ же скоро знаетъ сіе сей поздный и сумрачный вѣкъ: тотчасъ говорю ему то, что еще ранѣе повелѣно было сказать Ангелу Ефесскія Церкви: *помяни убо, откуду спалъ еси, и покайся, и первая дѣла сотвори* (Апок. II 5.).

По истинѣ, братія, глубоко низпали мы отъ благочестивой ревности, отъ духовнаго преспѣянія первенствующихъ Христіанъ, когда не только чудесная молитва духа оскудѣла, но часто и молитва ума невнимательна, молитва сердца хладна, молитва устъ не одушевлена молитвою ума и сердца.

Покаемся и поревнуемъ первымъ дѣламъ первыхъ Христіанъ; понудимъ себя *терпѣти въ молитвѣ и моленіи*, то есть, пребывать въ ней, по возможности, постоянно и неослабно; станемъ на стражѣ

ума и чувствъ нашихъ со вниманіемъ, чтобы отгонять отъ молитвы нашей суетные помыслы, страстныя желанія, и чувственныя развлекающія впечатлѣнія и воспоминанія подобно какъ древле Патріархъ Авраамъ отгонялъ хищныхъ птицъ отъ своей жертвы; да приближаемся къ Богу не устами только, но наипаче сердцемъ; да помолимся и воспоемъ умомъ, по усердію нашему, да помолимся и воспоемъ наконецъ и духомъ, по дару Святаго Духа, Ему же слава со Отцемъ и Сыномъ, во вѣки. Аминь.

8. БЕСѢДА

О СТРАХѢ БОЖІЕМЪ.

Тѣмжде царство непоколебимо пріемлюще, да имамы благодать, ею же служимъ благоугодно Богу, съ благоговѣніемъ и страхомъ. Евр. XII. 28.

Сіи увѣщательныя слова написалъ Святый Апостолъ Павелъ къ Христіанамъ изъ Евреевъ; а глаголавшій въ Немъ Духъ Святый преподалъ въ нихъ наставленіе Христіанамъ всѣхъ народовъ и временъ, слѣдственно и намъ.

Какъ увѣщаніе простираетъ Апостолъ не ко властямъ, а ко всѣмъ Христіанамъ безъ различія: то изъ сего должно заключить, что *пріятіемъ непоколебимаго царства* означаетъ онъ участіе не во власти царской, а въ преимуществахъ и благахъ непоколебимаго царства.

Благодать, о которой говоритъ здѣсь Апостолъ, не какъ даруемой отъ Бога человѣку, а какъ воздаваемой человѣкомъ Богу, очевидно есть благодарность.

По симъ замѣчаніямъ разумъ Апостольскаго наставленія есть слѣдующій. Если благость Божія даруетъ намъ участіе въ преимуществахъ и благахъ непоколебимаго царства: то мы должны имѣть въ сердцѣ благодарность къ Богу, и, по чувству благодарности, должны Ему служить благоугоднымъ Ему образомъ, съ благоговѣніемъ и страхомъ.

Слѣдуя сему Апостольскому побужденію къ благодарности предъ Богомъ, долженствующей обратиться въ служеніе Богу, не оставимъ, братія, безъ особеннаго вниманія, какого качества отъ нашего благодарнаго служенія Богу требуетъ Апостольское слово. *Да служимъ*, говоритъ Апостолъ, *благоугодно Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ.*

Надобно нѣсколько болѣе углубиться въ основаніе, на которомъ утвердилъ Апостолъ сію заповѣдь. Сперва сказалъ онъ Христіанамъ: *приступисте къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному и тмамъ Ангеловъ, торжеству и Церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ:* потомъ на сей мысли основалъ заключеніе: *тѣмже царство непоколебимо пріемлюще, да имамы благодать, ею же служимъ Богу.* Изъ сего видно, что неопредѣленнымъ наименованіемъ царства *непоколебимаго* Апостолъ указуетъ собственно на царство небесное и вѣчно блаженное. И если сіе царство имѣемъ мы въ виду; и даже пріемлемъ оное, и тѣмъ побуждаемся къ благодарности и благодарному служенію предъ Богомъ: то, кажется, всего ближе было бы требовать, чтобы мы служили Богу съ надеждою, съ радостію, съ весе-

ліемъ. Но не такъ разсуждаетъ Апостолъ. Онъ говоритъ: *да служимъ благоугодно Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ.*

Еще болѣе удивиться можно сему разсужденію Апостола, если вспомнимъ, что онъ въ другомъ случаѣ страхъ полагаетъ принадлежностію рабскаго состоянія человѣковъ, жившихъ подъ закономъ ветхаго Завѣта, какъ-бы чуждаго Христіанъ, сущихъ подъ благодатію новаго Завѣта. *Не пріясте*, говоритъ, *духа работы паки въ боязнь, но пріясте духа сыноположенія* (Рим. VIII. 15.). И еще: *Не даде намъ Богъ духа страха, но силы и любве и цѣломудрія* (2 Тим. I. 7.). Подобно и другой Апостолъ говоритъ о страхѣ, какъ о несовершенствѣ, отъ котораго можно наконецъ освободиться: *совершенна любы вонъ изгонитъ страхъ; яко страхъ муку имать; бояйся не совершился въ любви* (1 Іоан. IV. 18.).

Какъ же согласить сіи различныя воззрѣнія на одинъ предметъ? И не должно ли опасаться, что стремящіеся къ совершенству любви оставятъ позади себя страхъ, и слѣдственно нарушатъ заповѣдь о служеніи Богу со страхомъ, или, напротивъ, держащіеся страха задержатъ себя въ восхожденіи къ совершенству любви?

Сіи вопросы показываютъ, что не къ юнымъ только дѣтямъ обращать можно сіе приглашеніе вѣнценоснаго наставника: *придите чада, послушайте Мене, страху Господню научу васъ* (Псал. XXXIII. 12.).

Не думаю, чтобы нужно было учить, что есть

вообще страхъ Божій. То, что довольно ясно по простому ощущенію опытному, не рѣдко становится темнѣе отъ искуственныхъ опредѣленій. Если вы знаете, что такое страхъ раба предъ царемъ, обвиненнаго и повиннаго предъ нелицепріятнымъ судіею: то увеличивъ мѣру даже до безмѣрія, вы можете понять, что такое долженъ быть страхъ человѣка предъ Богомъ.

Въ отвращеніе недоразумѣній, необходимо нужно различить особенные виды, въ которыхъ сей страхъ является, и степени, по которымъ онъ восходитъ или нисходитъ, въ различныхъ людяхъ, или же въ различныхъ внутреннихъ состояніяхъ одного и того же человѣка. Чтобы различеніе не было произвольнымъ, заимствуемъ оное изъ самаго Апостольскаго слова. *Не приняте духа работы паки въ боязнь:* итакъ есть видъ страха, который можно назвать *рабскимъ*, а сему противоположить можно страхъ *сыновній*. Страхъ рабскій, при служеніи Богу, есть внутреннее расположеніе души, которая боится Бога, карающаго грѣхъ, и потому отвращается и убѣгаетъ грѣха, и всего Богу неугоднаго. Страхъ сыновній есть внутреннее расположеніе души, благоговѣйно любящей Бога, какъ всеблагаго отца, и по любви боящейся оскорбить Его. Высшая степень сыновняго страха есть страхъ *чистый*, совершенно проникнутый любовію, и освобожденный отъ рабской боязни. Напротивъ того, нисшая степень рабскаго страха есть страхъ раба *лукаваго и лѣнивaго*, — такое внутреннее состояніе человѣка, въ которомъ онъ боится не столько Бога, сколько му-

ченія за грѣхъ, и потому хотя отчасти служитъ Богу по наружности, но внутренно не ненавидитъ грѣха, не подвизается противъ него для добродѣтели, и готовъ предаться ему, какъ скоро можетъ представить его не такъ тяжкимъ, чтобы за него угрожала вѣчная казнь.

Послѣ сихъ различеній не трудно уже опредѣлить и взаимно согласить истинный смыслъ разнообразныхъ священныхъ изреченій относительно страха Божія въ человѣкѣ. Если Апостолъ говоритъ намъ Христіанамъ, что *не даде намъ Богъ духа страха:* то, безъ сомнѣнія, онъ разумѣетъ здѣсь страхъ рабскій, или по собственному его выраженію, *духъ работы въ боязнь*, а не страхъ сыновній, который не чуждъ дарованному намъ *духу сыноположенія*, потому что есть одно изъ движеній сего самаго духа. Подобнымъ образомъ, если другой Апостолъ сказуетъ, *что совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ:* то и сей говоритъ о страхѣ рабскомъ; страха же сыновняго и чистаго не имѣетъ нужды изгонять любовь, которая сама въ немъ дѣйствуетъ. Чистое не подлежитъ отверженію, почему и говоритъ писаніе о *страхѣ Господнемъ чистомъ*, что онъ *пребываетъ въ вѣкъ вѣка* (Псал. XVIII. 10).

Остановиться на степени страха однѣхъ наказаній, безъ сомнѣнія, было бы низко для Христіанина: онъ долженъ подвизаться, чтобы очищать свой страхъ, и отъ рабскаго восходить къ сыновнему. Но и напротивъ, если бы кто сказалъ: хочу водиться духомъ сыноположенія, и не забочусь о

страхѣ, или: предаюсь любви совершенной, и отлагаю страхъ: таковый, въ дерзновенномъ возношеніи помысла, былъ бы недалекъ отъ паденія Богъ даровалъ тебѣ духа сыноположенія; но не сказалъ тебѣ: не имѣй болѣе страха. И возлюбленный ученикъ Христовъ, провозвѣстникъ любви совершенной, не уполномочиваетъ тебя изгонять изъ сердца твоего страхъ, а только открываетъ тебѣ тайну совершенства, что совершенная любовь, когда приходитъ, сама изгоняетъ страхъ безъ твоего усилія, безъ твоего участія, и, можетъ быть, даже безъ твоего вѣдома, и то, можетъ быть не па-всегда; потому что, между тѣмъ какъ любовь изгоняетъ страхъ, да насладится человѣкъ торжествомъ благодати, смиреніе обратно призываетъ страхъ, да не забудетъ облагодатствованный своего недостоинства. И если ты удалишь отъ себя страхъ: то кто же приведетъ тебя къ любви? Потому что, какъ сказуетъ Премудрый, *страхъ Господень на стезяхъ люблѣнія поставляетъ* (Сирах. I. 13.).

Кто принесъ на землю, и даровалъ человѣкамъ сыноположеніе Божественное? Не единородный ли Сынъ Божій, Который для сего и воплотился, и кровію Своею написалъ намъ отпущеніе изъ рабства грѣха, отягченнаго страхомъ смерти, въ свободу чадъ Божіихъ? Что жъ? Освободилъ ли Онъ насъ и отъ обязанности страха предъ Богомъ? Напротивъ, Онъ проповѣдалъ ее сильнѣе и настоятельнѣе, нежели кто-либо изъ учениковъ Его. *Не убойтеся*, глаголетъ, *отъ убивающихъ тѣло, и потомъ немогущихъ лишше что сотворити. Сказую же*

вамъ, кого убойтеся: убойтеся имущаго власть по убіеніи, воврещи въ дебрь огненную. Ей, глаголю вамъ, Того убойтеся (Лук. XII. 4. 5.).

И такъ уже не станемъ удивляться, что Святый Павелъ, который и совершенную любовь зналъ, и сыноположеніе проповѣдывалъ, тѣмъ не менѣе заповѣдывалъ служить Богу, *со страхомъ*. Позаботимся же еще больше о исполненіи сей заповѣди, нежели о ея изслѣдованіи. Исполненіе паче изслѣдованія должно показать ея достоинство, силу и благотворность.

Если страхъ Божій предводитъ васъ на служеніе Богу во храмъ: онъ не укоснитъ принести васъ сюда, какъ на крилахъ; поставитъ васъ здѣсь точно предъ лицемъ Божіимъ; отверзетъ умъ вашъ для глубокаго вниманія Слову Божію, сердце для принятія благодати Тайнодѣйствія; онъ не позволитъ мыслямъ и взорамъ блуждать по землѣ, когда они должны быть устремлены къ небу, откуда испрашивается и приходитъ помощь, не допуститъ васъ утратить блаженную бесѣду съ Богомъ ради празднословія съ человѣкомъ; онъ содѣлаетъ ваше въ Богослуженіи участіе и Богу благоугоднымъ, и душѣ вашей сладостнымъ и питательнымъ.

Если страхъ Божій отъ храма сопровождаетъ васъ въ жизнь домашнюю и общественную: онъ будетъ для васъ вѣрнымъ стражемъ отъ опасныхъ встрѣчъ, твердою стѣною противъ враждебныхъ стрѣлъ, скромнымъ ходатаемъ высокихъ благъ.

Опасаешься ли обаянія грѣха? — *Страхъ Господень отрѣяетъ грѣхи* (Сирах. I. 21.).

Ищешь ли премудрости?—*Начало премудрости страхъ Господень* (Притч. I. 7.); и не только начало, но и *исполненіе премудрости, еже боятися Господа* (Сирах. I 16.).

Угрожаешься ли бѣдою или смертію?—*Боящійся Господа ничего убоится, и не устрашится*; *Той бо надежда ему* (Сирах. XXXIV. 14.). *Страхъ Господень источникъ жизни, творитъ же уклонятися отъ сѣти смертныя* (Притч. XIV. 27.).

Кто есть человѣкъ бояйся Господа? — ищетъ Пророкъ, какъ ищутъ человѣка, которому спѣшатъ объявить щастливую вѣсть; — *кто есть человѣкъ бояйся Господа? Законоположитъ ему на пути, его же изволи. Душа его во благихъ водворится, и сѣмя его наслѣдитъ землю. Тайна Господня боящимся Его, и завѣтъ Его явитъ имъ* (Псал. XXIV. 12–14).

Только при страхѣ Божіемъ благозаконенъ подвигъ, вѣрна надежда, безопасна радость. Посему сказано: *работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Псал. II. 11.).

Если вы даже святые: то и святымъ вамъ скажется: *бойтеся Господа вси святіи Его* (Псал. XXXIII. 10.). Если же не дерзаете сего достоинства приписать себѣ: то тѣмъ паче *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Фил. II. 12.), *творяще святыню въ страсть Божіи* (2 Кор. VII. 1.). Аминь.

9. БЕСѢДА

О БЛАГОМЪ ИГѢ ХРІСТОВОМЪ.

Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть. Матѳ. XI. 30.

Господь Іисусъ призываетъ къ Себѣ труждающихся и обремененныхъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи;* обѣщаетъ имъ душевное успокоеніе: *Азъ упокою вы, — обрящете покой душамъ вашимъ.* Какой пріятный зовъ! Какое вожделѣнное обѣщаніе! Но какое средство употребитъ Онъ для успокоенія труждающихся, и для облегченія обремененныхъ? Сниметъ ли съ нихъ бремя, которое ихъ удручало? Избавитъ ли ихъ отъ трудовъ, которые ихъ изнуряли? Безъ сомнѣнія, Онъ сіе сдѣлаетъ: но на первый разъ Онъ имѣетъ въ намѣреніи совсѣмъ другое. Онъ хочетъ, чтобы они приняли на себя новое иго: *возмите*, говоритъ, *иго Мое на себе.* О милосердый Господи! Утружденныхъ ли посылать на новый трудъ? На обремененныхъ ли налагать новое бремя? Таковы ли у Те-

бя средства покоя? — Не смущайтесь; Господь вѣдаетъ, что творитъ; и несообразныя съ нашимъ мудрованіемъ средства Его, сообразны съ намѣреніями Его премудрости. Утружденные дѣлами плоти и міра найдутъ покой, если примутъ на себя новый трудъ духовный; обремененные игомъ діавола, связанные злыми привычками, отягченные въ совѣсти грѣхами, гонимые и удручаемые бичами страстей найдутъ облегченіе и свободу, если подклонятъ выю подъ иго Христово: *иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.*

Христіане! Когда Самъ Іисусъ Христосъ, который есть Вѣчное Слово и Вѣчная Истина, нашелъ нужнымъ сказать, что *иго* Его *благо, и бремя* Его *легко есть*: то сіе, во-первыхъ, удостовѣряетъ насъ, что ученіе жизни Христіанской, къ исполненію котораго мы призываемся, воистину есть благотворно и удобно къ исполненію; во-вторыхъ, сіе показываетъ, что дѣйствительно нужно, приступающихъ работати Господеви удостовѣрять въ удобоисполнимости ученія Христіанскаго.

Слышимъ еще и нынѣ жалобу, на которую такъ давно уже отвѣтствовалъ Божественный Учитель и Спаситель душъ, — жалобу на тягость ига Его, на строгость Его ученія, на трудность исполнять Его заповѣди. На чемъ же основывается сія жалоба? Въ чемъ состоитъ сія трудность? Безъ сомнѣнія въ томъ наиболѣе, что ученіе Христово повелѣваетъ человѣку итти противъ нѣкоторыхъ естественныхъ склонностей, преодолѣвать ихъ, умерщвлять, приносить въ жертву; и что требуетъ отъ Христіанина строгаго

очищенія не только наружныхъ, но и внутреннихъ дѣйствій и движеній, не только дѣлъ и словъ, но и желаній и помышленій. Разберемъ сіи обвиненія человѣческія противъ Божественной Истины.

Истина не запирается, что она даетъ людямъ заповѣди, не такъ легкія, какъ дѣтскія игрушки, но такъ тяжелыя, какъ иго, коимъ обременяютъ работный скотъ. *Возмите иго.* Жалующіеся на Истину должны быть довольны симъ откровеннымъ признаніемъ истины. Но чѣмъ болѣе откровенно ея признаніе въ томъ, что ея заповѣди суть иго: тѣмъ болѣе убѣдительно должно быть ея увѣреніе, что иго сіе благо, и бремя сіе легко. *Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.*

Люди, сколько нибудь благоразумные, и не совсѣмъ низкіе въ чувствованіяхъ, конечно не рѣшатся объявить требованіе на то, чтобы всегда быть и оставаться только дѣтьми, вѣчно заниматься только игрушками Но если вы помышляете восходить выше сего состоянія: то надобно перейти къ занятіямъ дѣльнымъ, къ трудамъ, къ подвигамъ, — принять на себя *иго.*

На что *иго?* — скажутъ непокоривые; — человѣкъ не то, что работный скотъ; человѣкъ одаренъ разумомъ; для чего жъ бы не вести его изъ состоянія дѣтства къ возрасту совершенства путями разума, правилами понятными разуму, легкими волѣ, пріятными чувствамъ? На что бы отягчать его игомъ, — правилами часто непонятными разуму, трудными волѣ, непріятными чувствамъ ?

Хорошо, разумные почитатели разума; откройте мнѣ сіи простыя, легкія и пріятныя правила, посредствомъ которыхъ могъ бы человѣкъ безъ труда, какъ будто въ нѣкую игру, выиграть совершенство и благополучіе. Только я боюсь, чтобы правила сіи не были слишкомъ легки, или, яснѣе сказать, легкомысленны. Ибо, вопреки сему самонадѣянному разуму, неоспоримый опытъ свидѣтельствуетъ, что въ сей земной жизни человѣка, никакая способность его не образуется, никакое знаніе не пріобрѣтается, никакой успѣхъ не достигается безъ того, чтобы онъ не впрягъ себя въ какое нибудь ярмо, не понесъ какого нибудь бремени. Чтобы научить отрока граматѣ, не впрягаете ли вы его въ жестокое для него ярмо учебныхъ часовъ, не отягчаете ли бременемъ непонятныхъ для него книгъ, не принуждаете ли цѣлый день твердить безсмысленныя и безвкусныя буквы? Что сказать о высшемъ образованіи сего самаго разума, который хочетъ быть законодателемъ легкой нравственности? Чтобы сдѣлаться достойнымъ своего имени, не преклоняется ли онъ подъ иго наставниковъ, не силится ли поднять вѣками собранныя бремена учености, и, чтобы понести оныя, не мучитъ ли тѣла безсонницею, не утомляетъ ли головы напряженными размышленіями? Чтобы сдѣлаться богатымъ, не отказываетъ ли себѣ человѣкъ надолго въ пріятностяхъ роскоши, не связываетъ ли себя строгимъ закономъ бережливости? Чтобы получить жатву, не пріобщаетъ ли земледѣлецъ и самого себя къ ярму орющаго скота, и жнецы не наклоняютъ ли хребта

своего передъ малымъ колосомъ, прежде нежели онъ послужитъ имъ въ пищу? Чтобы сдѣлать одежду для прикрытія и защищенія отъ воздушныхъ перемѣнъ тѣла человѣческаго, сколько нужно разныхъ искусствъ, разныхъ трудовъ, разныхъ орудій? Вотъ обыкновенные опыты человѣческой жизни! Какъ же люди, которые по природѣ думаютъ быть умнѣе и могущественнѣе природы, хотятъ легче научить человѣка добродѣтели, нежели граматѣ? Легче сдѣлать его совершеннымъ духовно, нежели какъ онъ дѣлается образованнымъ по-мірски? Легче доставить ему вѣчное блаженство, нежели какъ пріобрѣтается тлѣнное богатство? Легче достать живую пищу для безсмертной души, нежели какъ приготовляется безжизненная пища для смертнаго тѣла? Легче устроить нерукотворимую ризу правды и славы, нежели какъ устрояютъ рукодѣльную одежду нужды и стыда?

Если свидѣтельствъ природы не довольно для людей, которые хотѣли бы лучше слушаться природы, нежели Евангелія: буду отважнѣе; сошлюсь на свидѣтельство сихъ самыхъ людей въ томъ, что не легкость и пріятность, но трудность и пожертвованіе ознаменовываютъ истинную и возвышенную добродѣтель или совершенство въ человѣкахъ. Пускай сіи люди, которымъ Христіанскіе подвиги потому только не нравятся, что трудны, — пускай они скажутъ, удивляются ли они дѣламъ, которыя никакого труда не стоятъ, не требуютъ никакой побѣды надъ собою, никакого пожертвованія? Великое ли дѣло, когда богатый не грабитъ и не мздо-

имствуетъ? Не гораздо ли важнѣе то, когда неимѣющій насущнаго хлѣба не хочетъ пріобрѣсти его неправдою? Когда обиженный отмщаетъ: что тутъ важнаго? И звѣри то же дѣлаютъ. Но когда онъ щадитъ низложеннаго врага. тогда не только любомудрые, но и зрѣлищные цѣнители дѣлъ болѣе превозносятъ побѣдителя за побѣду надъ собственнымъ гнѣвомъ, нежели надъ силою врага. Что такъ въ общепринятомъ мнѣніи возвышаетъ надъ многими другими подвигами подвиги военные и смерть за Отечество, если не пожертвованіе собственною безопасностію за безопасность Отечества? Итакъ, если отъ добродѣтели требуется подвигъ и пожертвованіе, чтобы она была достойна міра и его мнѣнія: можно ли менѣе требовать для того, чтобы она была достойна Бога и Его праведнаго избранія? И если надобность подвига и законъ пожертвованія не дѣлаютъ неудобоисполнимою добродѣтели мірской: то какъ можно неудобоисполнимою почитать добродѣтель Христіанскую потому только, что она соединена съ тою же надобностію подвига, подчинена тому же закону пожертвованія?

Но чтобы прямѣе отвѣтствовать, почему Іисусъ Христосъ налагаетъ на Своихъ послѣдователей нѣкое иго и бремя, и какъ иго сіе оказывается благимъ, и бремя легкимъ, приведемъ на память знающимъ и пріемлющимъ свидѣтельства Священныхъ Писаній, что *человѣкъ*, нѣкогда *въ чести сый, не разумѣ* превосходства своего Ангелоподобнаго состоянія, и, обманутый прельщеніемъ искусителя, добровольно *приложися скотомъ несмысленнымъ*,

и уподобися имъ (Псал. XLVIII. 13.), потому что прилѣпился къ чувственной природѣ, преимущественно предъ духовною. Сколько по естественному послѣдствію сего дѣйствія, столько же по праведному наказанію сего преступленія, онъ естественно находится нынѣ подъ игомъ чувственности, такъ что и старанія сдѣлать пріятнымъ иго плоти крушатъ духъ его, и усилія вырваться изъ-подъ ига сего другимъ образомъ удручаютъ его; поелику грубое иго крѣпко налегло на него, приросло къ нему, и онъ, какъ впряженный скотъ, не имѣетъ орудій самъ себя разрѣшить отъ онаго. Такимъ образомъ человѣкъ, по Апостольскому выраженію, *естествомъ чадо гнѣва*, всегда *труждается*, безъ успокоенія; всегда *обременяется*, безъ облегченія. Въ семъ состояніи обрѣтаетъ его Хрістосъ: и, — примѣчайте, какъ напрасно труждающійся и обремененный жалуется на облегчителя и успокоителя; — не теперь въ первые налагаетъ, но только перемѣняетъ иго его; — перемѣняетъ иго злое и тяжкое на благое и легкое, — иго похотей и страстей погибельныхъ на иго заповѣдей спасительныхъ. И Хрістовы заповѣди суть *иго*; потому что скотскія похоти надлежитъ обуздать, звѣрскія страсти укротить, и даже заклать чувственное удовольствіе, и принести въ жертву закону духовному: но иго Хрістовыхъ заповѣдей есть *иго благое*, потому что находящійся подъ симъ игомъ ведется отъ состоянія болѣе или менѣе скотоподобнаго въ состояніе истинно человѣческое, Ангелоподобное, даже Богоподобное; — есть *бремя легкое*, потому что Господь,

возлагающій оное, въ то же время благодатно подаетъ соразмѣрную силу нести оное. Иго Хрістово благо, и бремя легко· потому что чѣмъ охотнѣе человѣкъ несетъ оное, тѣмъ болѣе самъ становится благимъ; а чѣмъ болѣе самъ становится благимъ, тѣмъ легче для него становится исполнять благія заповѣди, такъ что наконецъ онъ творитъ волю Господню съ большею легкостію и удовольствіемъ, нежели собственную, и такимъ образомъ иго на раменахъ его совсѣмъ исчезаетъ, или превращается въ крылія, которыя непрестанно несутъ его на Небо.

Въ сихъ размышленіяхъ уже заключается оправданіе истины Христіанской и противъ другаго обвиненія, будто она слишкомъ строга, когда требуетъ отъ своего послѣдователя очищенія не только наружныхъ, но и внутреннихъ дѣйствій и движеній. Подлинно, строгость заповѣдей Хрістовыхъ преслѣдуетъ и слова праздныя, и взоры нецѣломудренные, и желанія нечистыя, и помышленія суетныя: но какъ сему и быть иначе, когда *прильжитъ помышленіе человѣку прильжно на злая отъ юности его* (Быт. VIII. 31.); а намѣреніе Хрістово есть возвести сего человѣка къ Богу, Которому никакое зло, никакая нечистота, никакая суета, приближиться не можетъ?

Кто желалъ бы, чтобы законъ Хрістовъ снисходительно взиралъ на безпорядочныя блужденія человѣческихъ желаній и помышленій: того можно спросить, согласится ли онъ, чтобы по сему снисходительному закону поступали съ нимъ его дѣти

или его друзья?—Отцу было ли бъ пріятно узнать, что его сынъ, видимо почтительный, втайнѣ жаждетъ его наслѣдства, и ждетъ дня, въ который оно ему достанется? Какой другъ былъ бы доволенъ ласками и услугами своего друга, если бы узналъ, что въ душѣ его нѣтъ любви и усердія, которыхъ оныя кажутся выраженіемъ? Если человѣкъ, который не видитъ мыслей, и не знаетъ желаній своего ближняго, не удовлетворяется, когда не видитъ въ немъ внутренняго къ себѣ расположенія: то колико необходимѣе, чтобы чистоты желаній и мыслей требовалъ отъ человѣка Богъ, испытующій сердца и утробы?

А что сія строгость Евангельской нравственности не жестока, и ея требованія, при содѣйствіи благодати, въ данной каждому мѣрѣ, удобоисполнимы. въ томъ да увѣряетъ насъ, новоначальныхъ учениковъ Христовыхъ, благословенные, вѣками оправданные, опыты учениковъ Его совершенныхъ, изъ которыхъ многіе конечно живо чувствовали благодатную легкость, когда не только носили всецѣлое иго необходимыхъ заповѣдей, но и добровольно приложили къ нему иго совѣтовъ Евангельскихъ; отреклись не только отъ любостяжанія, но и отъ самаго стяжанія; не только въ наслажденіи отказывали плоти своей, но и необходимыя требованія тѣла ограничивали, чтобы тѣмъ удобнѣе распространять свою дѣятельность въ области духа.

Упокоенные и прославленные Иеросцы Христовы! Вашими оставленными намъ примѣрами, наста-

вленіями, молитвами вспомоществуйте намъ труждающимся и обремененнымъ бременами плоти и міра, и съ вѣрою воспринимать, и съ любовію нести благое иго Христово, и въ немъ обрѣтать покой душамъ нашимъ. Аминь.

10. БЕСѢДА

о нищетѣ духовной.

Блаженни нищіи духомъ: яко ваше есть царствіе Божіе. Лук. VI. 20.

Вотъ начальное ученіе, которое преподалъ Божественный Учитель и Господь нашъ Іисусъ Хрістосъ, когда на нѣкоемъ *мѣстѣ равнѣ* окружалъ Его *народъ ученикъ Его, и множество много людей отъ всея Іудеи и Іерусалима, и поморія Тирска и Сидонска, иже пріидоша послушати Его, и исцѣлитися отъ недугъ своихъ.*

И мы здѣсь *на мѣстѣ равнѣ*: потому что здѣсь и высокій вельможа не выше прочихъ, и низкій простолюдинъ не ниже прочихъ, предъ Богомъ, Который въ вышнихъ живетъ, и на смиренныя призираетъ. И здѣсь *народъ ученикъ Его:* ибо всѣ Христіане суть ученики Хрістовы. Сіе *множество много людей пришло* сюда, чтобы приближиться, и, поколику можно, прикоснуться святынѣ и силѣ Божіей, и чрезъ то *исцѣлитися отъ недугъ своихъ*, какіе

кто чувствуетъ душевно или тѣлесно. надѣюсь, что пришло, или, по крайней мѣрѣ, должно было притти, и съ тою мыслію, дабы *послушати* ученія Христова.

Не постыдитесь, давние, и, такъ сказать, природные ученики Христовы, если предложимъ вамъ начальное ученіе Христово: но тѣмъ съ большимъ вниманіемъ *послушайте* ученія, которое давно пора вамъ исполнить, и въ которомъ остаться незнающими не только стыдно было бы, но и погибельно.

Блажени нищіи духомъ: яко ваше есть царствіе Божіе.

Благословенъ возлюбленный Учитель за сіе начало ученія! Если бы Онъ, предпріемля говорить народу о царствіи Божіемъ, всѣмъ безъ различія вдругъ сказалъ то, что наединѣ сказалъ человѣку, который самъ почитался *учителемъ Израилевымъ: аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія:* то къ вопросамъ Никодимовымъ. *како можетъ человѣкъ родитися старъ сый? еда можетъ второе внити во утробу матере своея и родитися* (Іоан. III. 3. 4.)? сколько бы еще присоединилось вопросовъ неудоборазрѣшимыхъ для плотскихъ человѣковъ! Или, если бы не приготовленнымъ ученикамъ предложилъ Онъ ученіе о крестѣ, которое, и послѣ приготовленія, самые Апостолы съ трудомъ уразумѣли: *не разумѣша глагола сего, бѣ бо прикровенъ отъ нихъ, да не ощутятъ его* (Лук. IX. 45.): какъ трудно было бы слушать Его, и принимать слышанное! Теперь снисходя къ немощи слушающихъ, Онъ не поражаетъ

высотою, не устрашаетъ трудностію ученія: но прежде всего дѣлаетъ оное любезнымъ, и привлекаетъ къ нему сердца сладкими именами *блаженства, царствія Божія.*

Кто не ищетъ блаженства, гдѣ и какъ умѣетъ? Кто не желаетъ царствія Божія? Какой безумный или безчувственный можетъ быть холоденъ или невнимателенъ, когда ему предлагаютъ блаженство, когда ему обѣщаютъ царствіе Божіе? Смотрите же. Вотъ путь къ блаженству; вотъ дверь въ царствіе Божіе — нищета духа. *Блажени нищіи духомъ: яко тѣхъ есть царствіе Божіе.* Не правда ли, что можно бросить цѣлый міръ, чтобы пріобрѣсть сію нищету, которая доставляетъ блаженство и царствіе Божіе?

Христіанинъ! Ученикъ блаженства! Ученикъ царствія Божія! Не пронзаютъ ли уха твоего сіи первые звуки ученія Христова? Не разширяется ли сердце твое, чтобы поглотить оное! Не жаждетъ ли умъ твой познать, что такое нищета духа? Не пробуждаетъ ли тебя духъ къ спасительной заботѣ, какъ бы тебѣ содѣлаться однимъ изъ блаженныхъ нищихъ духомъ? Слушай и учись.

Блажени нищіи духомъ: яко ваше есть царствіе Божіе.

Паки благословенъ Премудрый Учитель, что премудрое ученіе облекаетъ простотою слова, такъ что утаенное отъ премудрыхъ и разумныхъ открывается даже младенцамъ. Что болѣе загадочно, какъ блаженство, котораго всѣ вездѣ ищутъ, и никто

нигдѣ не находитъ? Что непостижимѣе царствія Божія, потому что все Божіе непостижимо? Просто ли по сему изъяснить способъ достигнуть блаженства и Царствія Божія? Напротивъ того, что знакомѣе и простѣе, какъ нищета, которую повсюду между собою встрѣчаемъ? И ею-то безпримѣрный Учитель изъясняетъ тайну, какъ достигнуть блаженства и царствія Божія. Смотри на бѣдственную нищету плоти, размышляй, и уразумѣешь блаженную нищету духа.

Нищій не имѣетъ ничего, а всего ищетъ у другихъ, и, какъ милости, проситъ необходимаго для жизни, какъ-то, пищи, одежды, жилища. Если духъ твой, воспоминая райское жилище, изъ котораго онъ въ прародителяхъ изгнанъ, райскую одежду свѣта, отъ которой грѣхомъ обнаженъ, райскую пищу отъ древа жизни, которой лишенъ, чувствуетъ себя въ крайней скудости всякаго добра, и въ опасности умереть вѣчною смертію; а потому непрестанно прибѣгаетъ и припадаетъ къ Богу, ищетъ и проситъ себѣ духовнаго жилища—въ Церкви Его, духовной одежды—въ благодати Сына Его Іисуса Христа, дабы, въ Него крестившись, въ Него и облещись, духовной пищи — во всякомъ словѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ: по таковымъ расположеніямъ Богъ, богатый милостію, видитъ и пріемлетъ тебя, какъ нищаго духомъ, и, даруя тебѣ просимыя блага, даруетъ въ нихъ самое царствіе Божіе. Признавать, что въ насъ, и для насъ въ мірѣ, нѣтъ истиннаго духовнаго блага, и усердно просить духовной милости отъ Подателя всѣхъ благъ Бога есть дѣло

нищаго духомъ. Смиренная молитва и молящееся смиреніе составляютъ нищету духа.

Если судить по тому, что лишеніе райскихъ и духовныхъ благъ есть общій отъ прародителей жребій всѣхъ живущихъ на земли: то надлежало бы, кажется, всѣмъ безъ изъятія быть нищими духомъ. И подлинно, по сему разсужденію богатыхъ духомъ собственно нѣтъ между человѣками: но, что всего хуже, есть *богатящіеся*, то есть, нищіе, которые выдаютъ себя за богатыхъ. Они бываютъ, если можно такъ изъясниться, богаты гордостію, тщеславіемъ, лицемѣріемъ, невѣжествомъ и слѣпотою; и потому не приходятъ въ спасительное ощущеніе духовной нищеты. Одинъ сдѣлалъ нѣсколько добрыхъ или благотворительныхъ дѣлъ; и думаетъ, что уже обогатился добродѣтелями. Другаго похвалили; и онъ увѣряетъ себя, что уже достигъ совершенства. Иной умѣлъ только скрыть свои пороки: и за тѣмъ уже не нуждается въ добродѣтеляхъ. Иной, привыкши удовлетворять только требованіямъ плоти, почти не знаетъ потребностей духа, изобиліемъ благъ земныхъ закрываетъ отъ себя недостатокъ благъ небесныхъ, удовольствіями чувственными притупляетъ вкусъ духовный, и, если домъ его полонъ, одежда украшена, тѣло насыщено или пресыщено, онъ весьма доволенъ; и, точно какъ богатый на нищихъ, смотритъ на людей, которые говорятъ ему о гладѣ духовномъ, о наготѣ грѣховной, о бѣдственномъ земномъ изгнанничествѣ нашемъ изъ нерукотвореннаго и нетлѣннаго дома Отца небеснаго. *Имѣяй ухо, да слышитъ, что на сіе Духъ глаго-*

летъ. Глаголеши, яко богатъ есмь, и обогатихся и ничтоже требую, и не вѣси, яко ты еси окаяненъ, и бѣденъ, и нищь, и слѣпъ, и нагъ (Апок. III. 13. 17.). Да слышимъ и то, какая судьба опредѣлена отъ Бога таковымъ ложно и мечтательно богатящимся. *Алчущія исполни благъ, и богатящіяся отпусти тщи* (Лук. I. 53.). Чему и быть иному? Кто думаетъ, что онъ богатъ; тотъ не чувствуетъ нужды: кто не чувствуетъ нужды; тотъ не проситъ: кто не проситъ; тотъ не пріемлетъ, по реченному Апостоломъ: *не имате, зане не просите:* ибо небесный Податель благъ, какъ намъ не велитъ метать бисеръ предъ свиніями, такъ и Самъ сего не дѣлаетъ; и съ другой стороны, не просящій отъ Бога благодати не способенъ принять ее, имѣя заключенное сердце. Посему сказано еще. *просяй пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзается* (Матѳ. VII. 8.) внутрь сокровенное царствіе Божіе.

Христіане! Тотъ, Который въ Евангеліи поучаетъ насъ нищетѣ духовной, *насъ ради, богатъ сый, обнища, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. VIII. 9.). Если бы изъ послушанія къ Нему, изъ благодарности, для участвованія въ пріобрѣтенномъ Имъ для насъ безчисленномъ богатствѣ, то есть, въ безконечномъ блаженствѣ царствія Божія, надлежало намъ изъ богатыхъ сдѣлаться нищими: чего жалѣть? Но намъ нечего терять по внутреннему нашему, духовному человѣку, если не обогатила насъ благодать Христова; содѣлаться нищими духомъ значитъ только познать ясно, и при-

знать искренно нищету, которая съ нами родилась и живетъ съ нами. Можно ли нерадѣть о семъ? Можно ли упорствовать противъ сего? Если тебѣ и кажется, что ты стяжалъ нѣкоторыя добродѣтели: *что имаши, его же нѣси пріялъ?* Не отъ Бога ли пріялъ ты законъ добра, свѣтъ ума, въ которомъ ты увидѣлъ сей законъ, чувство сердца, которымъ ты возлюбилъ его, свидѣтельство совѣсти, которое не позволило тебѣ отречься отъ него, или забыть его, силу воли, которою ты подвигся къ исполненію его, средства, которыми ты могъ исполнить его? *Аще же пріялъ еси; что хвалишися, яко не пріемь* (1 Кор. IV. 7.)? Отчти и отложи изъ присвояемаго тобою духовнаго богатства то, что пріялъ ты отъ Бога: и осмотрись, остается ли у тебя что, кромѣ твоей наслѣдственной нищеты? А что, если плоды правды твоей, какъ внутреннимъ червемъ, повреждены нечистыми намѣреніями и побужденіями? Что, если противъ нѣсколькихъ динаріевъ, которые ты считаешь въ духовномъ твоемъ сокровищѣ, Богъ и ближніе могутъ считать на тебѣ многія тысячи динаріевъ долговъ, то есть, грѣховъ и неправдъ? Не должно ли въ семъ случаѣ признаться, что ты изъ нищихъ нищій? Если, вмѣсто сего признанія, ты заглушаешь чувствованіе сей нищеты, полагая свое удовольствіе въ тлѣнномъ земномъ богатствѣ, или отягчая сердце свое объяденіемъ и пьянствомъ, и предаваясь другимъ чувственнымъ и скотскимъ вожделѣніямъ: ты дѣлаешь то, что изображенный въ Евангеліи распутный сынъ, когда онъ въ недостаткѣ пищи, свойственной человѣку, *жела-*

ше насытитися отъ рожецъ, яже ядяху свинія (Лук. XV. 16.).

Возчувствуемъ, участники всеобщей нищеты, возчувствуемъ каждый во своемъ духѣ нищету нашу въ благахъ духовныхъ и смиримся; признаемъ нашу грѣховность, и покаемся; будемъ часто прибѣгать къ дому Отца небеснаго, и просить отъ Него духовной милости, ради Христа, Единороднаго Сына Его для насъ обнищавшаго, и намъ богатство благодати стяжавшаго кровію Своею; нѣтъ сомнѣнія, что по сему ходатайству *дастъ* Онъ *Духа Святаго просящимъ у Него* (Лук. XI. 13.) съ вѣрою, и сей Утѣшитель паче слова опытомъ научитъ насъ, какъ *блажени нищіи духомъ*, и что воистину *ихъ есть царствіе Божіе*. Аминь.

11. БЕСѢДА

СЪ ОЧИЩЕНІИ СЕРДЦА.

Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ. Матѳ. V. 8.

Если видѣть царя земнаго, и особенно видѣть не по случаю, а по данному доступу, почитается счастіемъ: то какое блаженство узрѣть небеснаго Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, Котораго и не можно увидѣть по случаю, но единственно по Его благоволенію и благодати! Что можетъ видѣть видящій царя? — Славу, могущество, мудрость, благость, все сіе, можетъ быть, въ высокой степени, однако все ограниченное. Какія могутъ быть послѣдствія сего видѣнія? — Удивленіе, любовь, надежда, безопасность, и, можетъ быть, нѣкоторое причастіе славы, однако не царской. Но что узритъ тотъ, кто сподобится узрѣть Бога? — Благость и самое благо, всесовершенное и единственное, премудрость, и, самый предметъ мудрости, истину высочайшую и всеобъемлющую, могущество неогра-

ничтожное и силу всѣхъ силъ, славу и красоту, которой никакое слово изобразить, никакое воображеніе представить не можетъ. И какой плодъ сего созерцанія?—Не только восторгъ удивленія, восхищеніе любви, исполненіе всѣхъ надеждъ, безопасность, неприкосновенная никакому злу, которое не можетъ произникнуть въ благодатное присутствіе Божіе, но дѣйствительное причастіе всей полноты созерцаемаго: ибо, по увѣренію Апостола, *откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе въ той же образъ преобразуются отъ славы въ славу* (2 Кор. III. 18.).

Желаетъ ли кто зрѣть Бога, и блаженствовать въ семъ созерцаніи? Пусть вступитъ на путь, къ сему ведущій; сей путь указанъ Іисусомъ Христомъ, Который Самъ есть *путь*, и вѣрнѣйшій путеуказатель; сей путь есть чистота или очищеніе сердца. *Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ.*

Что такое нечистота сердца, сіе больше или меньше всякому понятно, по опыту, къ несчастію, не рѣдко слишкомъ очевидному. *Отъ сердца*, говоритъ Сердцевѣдецъ, *исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы. Сія суть сквернящая человѣка* (Матѳ. XV. 19. 20.). Когда злыя помышленія, исходя отъ сердца, видимо сквернятъ человѣка словами хулы на Бога, или клеветы на ближняго, дѣлами татьбы, любодѣянія, прелюбодѣянія, убійства: тогда въ скверныхъ дѣлахъ или словахъ кто не узнаетъ нечистаго сердца? Отсюда само собою видно и то, что человѣкъ, приступающій

къ очищенію своего сердца, долженъ отречься отъ дѣлъ, сквернящихъ человѣка, то есть, отъ дѣлъ порочныхъ и беззаконныхъ. Безъ сего нѣтъ надежды не только лицезрѣнія Божія, но ниже какого либо малѣйшаго участія въ царствіи Божіемъ. *Или не вѣсте,* говоритъ Апостолъ, *яко неправедницы царствія Божія не наслѣдятъ? Не льстите себе* (1 Кор. VI. 9.). Не прельщайте себя никакою надеждою, которая не согласна съ сею непреложною истиною.

Но вотъ чего нѣкоторые, или не примѣчаютъ, или не хотятъ примѣчать: какъ не чисто иногда бываетъ сердце и такого человѣка, который не оскверняетъ себя дѣлами порока или беззаконія. Повторимъ изреченіе Сердцевѣдца: *отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы; сія суть сквернящая человѣка.* Примѣчайте, какъ Онъ въ одномъ изображеніи, не только видимую нечистоту обличаетъ, но и невидимую обнажаетъ. Когда злыя помышленія исходятъ отъ сердца въ дѣла: тогда оныя сквернятъ всего человѣка, и внутренняго и наружнаго, и сердце и внѣшніе члены, и душу и тѣло. Но когда злыя помышленія, хотя отъ сердца не исходятъ, однако въ сердцѣ гнѣздятся: что тогда? — Очевидно, что тогда оныя сквернятъ сердце, внутренняго человѣка, душу. Сія внутренняя нечистота человѣка можетъ быть непримѣтною, и какъ-бы ничѣмъ, для другаго человѣка, который смотритъ на его лице и дѣла: но для Бога, Который зритъ на сердце, оная, не меньше наружной нечистоты дѣлъ, и явна, и омерзительна. Посему

Господь и называетъ злыя помышленія тѣми же отвратительными именами, какими означаемъ мы злыя дѣла: *помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы.* Не убилъ ты человѣка, но въ сердцѣ пожелалъ ему погибели: слыши, сіе злое помышленіе Господь называетъ уже убійствомъ. Не отверзлись уста твои, чтобы произнести хулу на Бога, но сердце твое подвиглось дерзкими и ропотными помышленіями о судьбахъ Его: берегись; вѣроятно, Сердцевѣдецъ уже слышалъ отъ тебя хулу. Отсюда можно усмотрѣть, что дѣйствительное очищеніе сердца, которое бы содѣлало человѣка способнымъ узрѣть Бога, должно совершиться отреченіемъ не только отъ всѣхъ дѣлъ беззаконныхъ и порочныхъ, но и отъ всякаго помышленія злаго, въ которомъ злое дѣло, какъ плодъ въ зародышѣ или сѣмени, скрывается.

Какъ строго! — скажутъ тѣ, которые совсѣмъ не хотятъ приняться за трудъ очищенія внутренняго.—Какъ трудно!—скажутъ и тѣ, которые сей трудъ нѣсколько испытали.

Строго, или не строго, требованіе отреченія отъ всѣхъ злыхъ помышленій: не мы сіе требованіе изобрѣли, не мы поставили оное условіемъ тому, чтобы узрѣть Бога, и насладиться Божественнымъ блаженствомъ; но Тотъ, Который сказалъ: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.* Не желаешь подвергнуться строгости: не обвиняй никого, кромѣ себя, если не обрящешь благодати. Но въ самомъ ли дѣлѣ строго требованіе чистоты сердечной? Строгъ ли тотъ, кто отъ имѣющаго не ясѣ-

ное, или совсѣмъ потерявшаго зрѣніе, потребовалъ бы болѣзненнаго очищенія органа зрѣнія отъ грубой плевы его покрывающей, или влаги, его потемняющей, и за сіе обѣщалъ бы чистое и совершенное зрѣніе? Злыя помышленія, отъ которыхъ человѣкъ не отрекся, и слѣдственно къ которымъ страстно привязанъ, какъ бѣльма, или темная вода, помрачаютъ око душевное, такъ, что не видитъ оно свѣта даже близкой къ нему естественной истины; на примѣръ, омраченный помысломъ гнѣва не видитъ свѣта правды, и не различаетъ вины отъ невинности; объятый страстію плотоугодія не видитъ свѣта цѣломудрія, Божескому и человѣческому взору пріятнаго, и не примѣчаетъ, какъ самъ свое здравіе разрушаетъ. Удивительно ли, что для такихъ душъ не доступенъ сверхъ-естественный свѣтъ Божества? И строгость ли то, или милосердіе, что ихъ еще не хотятъ оставить избранной ими тьмѣ, но хотятъ, чрезъ внутреннее очищеніе, не только возвратить ихъ къ естественному духовному свѣту мудрости и добродѣтели, но и возвести къ Божественному свѣту вѣчной истины и вѣчнаго блаженства?

Что касается до труда, съ которымъ соединено внутреннее очищеніе: не спорю въ томъ, что оно трудно; и даже если бы кто назвалъ оное невозможнымъ, и въ томъ спорить не буду. Но трудность разрѣшается, невозможность изчезаетъ, какъ скоро приложимъ вѣру къ слову, все изъ ничего сотворившаго Слова: *не возможнал у человѣкъ возможна суть у Бога* (Лук. XVIII. 27.); *вся воз-*

можна вѣрующему (Мар. IX 23.). При помощи благодати Божіей не трудно возненавидѣть злые помыслы, которые для непотерявшаго совѣсть по самому естеству ненавистны и отвратительны; отъ возненавидѣнныхъ не трудно отречься; по рѣшительномъ отреченіи отъ нихъ не трудно изгонять ихъ изъ сердца силою помысловъ благихъ, молитвы, страха Божія, и наипаче всякое зло разрушающимъ именемъ Господа Іисуса; если же и будутъ возвращаться, или случайно встрѣчаться съ нами противъ воли нашей, то или не въ силахъ будутъ осквернить сердца, ихъ отвергающаго, или, бросивъ на него кратковременную тѣнь, изгладятся смиренною мыслію и скорбію покаянія.

Не облѣнимся, братія, и не устрашимся труда: станемъ твердо въ подвигѣ, *да очистимъ себя отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. VII. 1.). Наипаче же благодатію Самъ *сердце чисто созижди въ насъ, Боже*; и, какъ бы ни былъ великъ или продолжителенъ трудъ очищенія сердечнаго, только наконецъ чрезъ сіе очищеніе сподоби насъ блаженнаго зрѣнія славы Твоея во царствіи Твоемъ. Аминь.

12. БЕСѢДА

О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ УСЕРДІИ.

Тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе. Рим. XII. 11.

Говорить о благочестивомъ усердіи подаетъ мнѣ мысль не одинъ Святый Павелъ своимъ Богодухновеннымъ наставленіемъ, но и многочисленный соборъ Святыхъ своими примѣрами.

Тѣ, которые въ настоящее собраніе приведены благочестивымъ усердіемъ, можетъ быть, не безъ утѣшенія услышатъ нѣчто такое, что сообразно съ свидѣтельствомъ ихъ собственной совѣсти. Вообще же, никто не долженъ почитать ни маловажнымъ, ни постороннимъ для себя то, чему Апостолъ Христовъ Христіанъ поучаетъ.

Тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе. Послѣднимъ изъ сихъ трехъ увѣщаній Апостолъ убѣждаетъ насъ дѣятельно исполнять обязанности наши къ Богу: а двумя предъидущими

опредѣляетъ, съ какими душевными расположеніями надлежитъ исполнять оныя.

Дѣло раба работать господину своему· такъ дѣло Христіанина работать Господеви. Какимъ образомъ? Работать надъ своимъ умомъ, чтобы просвѣтить его познаніемъ истиннаго Бога и святой воли Его; работать надъ своимъ сердцемъ, чтобы очистить его отъ страстей и похотей, дабы оно могло сдѣлаться достойною жертвою Богу, и обителію благодати Его; работать всѣми своими силами и способностями, чтобы все дѣлать для Бога, и благоугоднымъ Ему образомъ, какъ то, для Него честно исполнять дѣла званія и должности, для Него благотворить бѣднымъ, для Него терпѣливо переносить скорби. Земные господа удовлетворяются только такою работою, которая приноситъ выгоду, а прозьбы и добрыя слова своихъ рабовъ и наемниковъ конечно не поставятъ въ счетъ работы къ воздаянію: но Господь небесный, не ищущій отъ насъ никакой выгоды, и не имѣющій ни въ чемъ нужды, а пріемлющій нашу работу для того только, чтобы намъ же благодѣтельствовать, пріемлетъ и наши къ Нему молитвы и славословія, какъ службу и работу Ему благоугодную. Изъ сего не трудно усмотрѣть, какъ многообразна работа Господеви, и какъ она простирается на всю жизнь человѣка внѣшнюю и внутреннюю, до великой субботы, — успокоенія въ Самомъ Богѣ. Очень худо было бы, если бы такая работа производилась безъ старанія и съ лѣностію. Лѣнивый не дѣлаетъ того, что дѣлать должно; нестарательный дѣлаетъ кое-какъ, не заботясь о успѣ-

хѣ и совершенствѣ дѣла. Такіе работники не годными почитаются и у земныхъ господъ; кольми паче непотребны они предъ очами Господа небеснаго. Посему вѣрный приставникъ дѣлъ Его взываетъ ко всѣмъ, Ему работающимъ: *тщаніемъ не лѣнивии!* Не будьте лѣнивы и нестарательны! Но, не довольствуясь симъ, Онъ присовокупляетъ: *духомъ горяще!* Имѣйте горячность духа, пламенную ревность, кипящее усердіе служить Богу, и творить волю Его!

Живое усердіе къ Богу есть черта, которая много значитъ въ характерѣ Христіанина, и въ опредѣленіи того, чѣмъ быть, и чего достигнуть онъ можетъ.

Во-первыхъ, оно есть собственно то, что въ человѣкѣ работу Господню дѣлаетъ угодною Богу. Сіе объяснить можно близкимъ простымъ примѣромъ, и доказать вашимъ собственнымъ дѣломъ. Предъ святымъ Образомъ ты возжигаешь свѣщу; и полагаешь, что тѣмъ совершилъ нѣкоторое служеніе Богу. Но ты знаешь, что Богу и Святымъ Его, пребывающимъ во свѣтлостяхъ святыхъ, небесныхъ, нѣтъ никакой нужды въ земномъ, вещественномъ свѣтильникѣ; ты видишь, что и во храмѣ иногда безъ него можно было бы обойтись при помощи великаго, вседневнаго свѣтильника Божія на небѣ. Что жъ значитъ твое служеніе возженною свѣщею, и какъ оно можетъ быть угодно Богу и Святымъ Его? — Оно должно быть видимымъ знаменіемъ горящаго въ тебѣ духа, твоего благочестиваго усердія. Духъ Божій распредѣлилъ въ Церкви образы служенія

по чину и по способностямъ: предстоятель Олтаря молится, славословитъ, тайнодѣйствуетъ, поучаетъ: меньшіе служители Олтаря возбуждаютъ молитву и духовное разумѣніе священнымъ чтеніемъ или пѣснопѣніемъ, указаніемъ чина священнодѣйствія и предметовъ молитвы; тебѣ, которому досталось въ безмолвіи слушать и возбуждаться, дабы ты не казался устраненнымъ отъ дѣятельнаго участія въ Богослуженіи, бездѣйственнымъ членомъ Церкви, предоставлено знаменательное дѣйствіе возжечь свѣщу предъ святымъ Образомъ, и когда ты сіе дѣлаешь, совѣсть твоя получаетъ свидѣтельство, что ты участвуешь въ служеніи Богу, Церковь утѣшается, заключая по знаменію, что ты горишь духомъ, и Богъ благоугождается жертвою твоего сердца. По сему примѣру надлежитъ разсуждать и о другихъ дѣлахъ благочестія. Человѣкъ не видитъ сердца *ближняго своего*. но и онъ не удовлетворяется *одною видимостію и вещественностію* дѣлъ, а старается по примѣтамъ угадывать, съ искреннимъ ли усердіемъ оныя дѣлаются, и когда сіе находитъ, высоко цѣнитъ дѣла, и много утѣшается. Богъ ли сердцевѣдецъ можетъ быть доволенъ видимымъ и вещественнымъ дѣломъ благочестія и добродѣтели, когда не видитъ въ сердцѣ человѣка благочестиваго усердія? *Богъ зритъ на сердце. Даждь Ми сердце твое*, говоритъ Его премудрость человѣку; и взаимно *дастъ ти Господь по сердцу твоему*. По сердцу Іерусалимской вдовицы, положившей въ церковное сокровище двѣ лепты, произнесенъ судъ Христовъ, что малый даръ ея больше

всѣхъ великихъ. Малую деньгу безцѣнною предъ Богомъ дѣлаетъ благочестивое усердіе.

Во-вторыхъ, благочестивое усердіе помогаетъ человѣку въ работѣ Господней, облегчаетъ для него подвиги служенія Богу, и ускоряетъ шаги его по пути къ духовному совершенству. Когда человѣкъ міра и плоти слышитъ заповѣди, по которымъ должно поступать человѣку Божію: не люби міра, ни того, что въ мірѣ; отрекись отъ имѣнія, то есть, или раздай оное бѣднымъ, или управляй имъ съ такимъ равнодушіемъ, какъ-бы ты не имѣлъ онаго; умѣрь любовь къ отцу и матери, къ женѣ и дѣтямъ, чтобы тебѣ не любить ихъ больше, нежели Бога; отвергнись себя; возми крестъ: онъ ужасается тягости роботы Господней, и не понимаетъ, какъ можетъ кто нибудь понести оную. Напротивъ того не только всесильный Подвигоположникъ говоритъ: *иго Мое благо, и бремя Мое легко есть;* но и подобострастный намъ рабъ Его сказуетъ, что *заповѣди Его тяжки не суть.* Какъ же согласить столь различные между собою виды одного и того же дѣла? — Соглашеніе сіе заключается въ понятіи благочестиваго усердія. *Путь заповѣдей Твоихъ текохъ*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *егда разширилъ еси сердце мое* (Пс. CXVIII. 32). Онъ даетъ чрезъ сіе разумѣть, что путь заповѣдей Божіихъ, путь жизни благочестивой и духовной, кажется труднымъ, человѣкъ коснитъ на немъ, колеблется, претыкается, воспящается, не умѣетъ переставить ноги, дотолѣ, доколѣ сердце его сжато, холодно, не возбуждено къ добру: но когда оно разширяется духовнымъ

жаромъ, возбуждается Божественнымъ желаніемъ, тогда человѣкъ бѣжитъ путемъ Божіимъ легко и скоро. Опытный разумѣетъ сіе. а дабы удобнѣе было разумѣть каждому, пусть обратятъ вниманіе на то, какъ много дѣлаетъ горячность духа въ обыкновенныхъ дѣлахъ человѣческихъ. Укажу на одинъ случай, въ которомъ вдругъ можно видѣть и дѣйствительный, обыкновенный опытъ, и вмѣстѣ притчу, имѣющую высшее, духовное знаменованіе. Іаковь самъ себя отдалъ въ работу Лавану на семь лѣтъ съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто платы, получить Рахиль въ супружество: *и бѣша предъ нимъ*, говоритъ дѣписаніе, *яко малы дни, занеже любяше ю* (Быт. XXIX. 20.). Рахиль, красная взоромъ, знаменуетъ красоту созерцанія духовнаго. Если въ духѣ человѣка зажглась любовь къ красотѣ Божества и Божественнаго: то хотя и многіе годы должно будетъ провести въ трудныхъ подвигахъ благочестія для пріобрѣтенія полной радости спасенія; будутъ предъ нимъ, яко малы дни, занеже любитъ то, для чего работаетъ.

Симъ образомъ изъясняется то, какъ Апостолы среди гоненій проходили съ проповѣдію Евангелія вселенную отъ края до края, и не утомлялись; какъ Мученики радовались во страданіяхъ; какъ Преподобные въ суровомъ и скудномъ пустынножительствѣ находили блаженство, и не хотѣли промѣнять онаго ни на какую иную жизнь.

Въ-третьихъ, горячность усердія къ Богу можетъ быть полезна въ особенности, для охраненія человѣка отъ искушеній со стороны плоти и міра, и ду-

ховъ злобы и прелести. Духовные наблюдатели изъясняютъ сіе простымъ подобіемъ. Когда котелъ кипитъ на огнѣ: тогда не смѣютъ къ нему приближиться, ни насѣкомое, чтобы осквернить, ни наглое домашнее животное, чтобы похитить пищу, приготовляемую въ немъ для человѣка. Но когда снимется съ огня и остынетъ, тогда насѣкомыя роятся около него, и падаютъ въ него, и наглый песъ можетъ приближиться, осквернить, похитить. Подобно сему, когда душа человѣка кипитъ огнемъ Божественнаго желанія: сей духовный огнь служитъ ей въ одно время и силою для дѣйствованія, и бронею для защиты. Но если небреженіе допускаетъ угаснуть сему огню; и благочестивое усердіе остываетъ: то суетные, лукавые, нечистые помыслы родятся и роятся въ области чувственной, падаютъ во глубину души, и оскверняютъ ее, и можетъ притти наглая страсть, и расхитить въ душѣ, что въ ней уготовлялось для благоугожденія Богу.

Что мнится вамъ братія? Не есть ли горячность духа къ Богу качество, преимущественно вожделѣнное? Такъ подлинно. И сію мысль находимъ у Самого Спасителя Нашего. *Огня пришохъ воврещи на землю*, глаголетъ Онъ, *и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. XII. 49.). То-есть, какъ желалъ бы я, чтобы онъ уже горѣлъ! Что жъ это за огнь, столь вожделѣнный Пришедшему спасти человѣка? Безъ сомнѣнія, не огнь разрушающій, но огнь оживляющій, огнь духа, ввергаемый въ землю сердца, который по выраженію Пророка, *разваряетъ и очищаетъ, яко сребро, и яко злато; и очиститъ сы-*

ны Левіины, то есть, сыновъ сердца; *и преліетъ я, яко злато, и яко сребро, и будутъ Господеви приносяще жертву* духовную *въ правдѣ* (Мал. III. 3.). Сей Божественный огнь, которымъ Іисусъ Христосъ такъ желалъ воспламенить сердца человѣковъ, горѣлъ уже тогда въ собственномъ Его сердцѣ, какъ въ своемъ источникѣ, какъ то обнаруживаютъ, непосредственно за вышеприведенными слѣдующія слова Его: *крещеніемъ же имамъ креститися*, то есть, крестнымъ страданіемъ; *и како удержуся, дондеже скончаются* (50)! То есть, какъ Я томлюсь, доколѣ сіе совершится! Что значитъ сіе томленіе, какъ не то, что Его сердце горѣло желаніемъ страданія и крестной смерти, дабы сею жертвою умилостивить Бога Отца, и совершить спасеніе человѣковъ?

Послѣ таковыхъ размышленій не болѣзненно ли, братія, помыслить, что есть и въ называющихся Христіанами сердца, остающіяся только землею, въ которую еще не ввержень огнь Христовъ, хладною, чуждою жизни Божіей? Не печально ли примѣчать, что нѣкоторые работаютъ Господеви только во внѣшнихъ дѣлахъ благочестія и добродѣтели, поверхностно, принужденно, безъ возбужденія духовнаго, безъ усердія искренняго и глубокаго? Бѣдные! Они понимаютъ, что слишкомъ опасно было бы не работать Господеви совсѣмъ; но работая не усердно, дѣлаютъ сами себѣ двоякій вредъ: и увеличиваютъ тягость своей работы, и не достигаютъ всего плода, отъ нея возможнаго.

Могутъ нѣкоторые сказать: мы желали бы имѣть

горящій къ Богу духъ, но что дѣлать, если сіе намъ не дается? На сіе отвѣтствуемъ: если Божественный Спаситель нашъ во дни плоти Своея такъ желалъ ввергнуть Божественный огнь Свой въ сердца человѣковъ: думаете ли вы, что Онъ менѣе желаетъ сего нынѣ? *Іисусъ Христосъ вчера, и днесь, той же и во вѣки.* Въ немъ и нынѣ, какъ всегда, и для каждаго, какъ для всѣхъ, — въ Немъ животъ и свѣтъ человѣковъ, свѣтъ непрестанно просвѣщающій, животъ непрестанно оживляющій. *Приступите къ Нему, и просвѣтитеся.* Положите предъ Нимъ землю сердца вашего, и Онъ возжжетъ въ ней Свой животворный огнь. Сдѣлайте для Него не многое, что теперь есть въ вашей возможности, и Онъ сотворитъ для васъ, что есть въ Его всемогуществѣ и всеблагости. Возбуждайте сердце ваше воспоминаніемъ безчисленныхъ и непрестанныхъ благодѣяній Бога Творца и Промыслителя, и размышленіемъ о безпредѣльной любви Искупителя, который недовольствуясь быть вашимъ благодѣтелемъ, содѣлалъ Себя вашею жертвою и вашею пищею,—сохраняйте, сколько можно, совѣсть вашу не возмущенною и мирною, а если она возмущена грѣхомъ, не медлите очищать и умирять ее покаяніемъ; заставляйте себя безлѣностно и безропотно работать Господеви со страхомъ, доколѣ не дастся вамъ работать Ему съ радостію; не приписывайте себѣ успѣховъ, какіе дадутся въ служеніи Богу, но воспишуйте все благое благодати Его, держите себя чрезъ молитву и смиреніе, непрестанно поверженными предъ Богомъ, какъ земля предъ солнцемъ.

Вѣренъ Богъ, сіяющій видимымъ солнцемъ Своимъ на злыя и благія, по обѣтованію благодати Своея, возсіять и въ сердцахъ вашихъ, согрѣть и воспламенить ихъ духомъ Своимъ Святымъ, да будете *духомъ горяще, Господеви работающе*, не только, яко вѣрные раби, тщательно, по усердію, но и яко присныя чада, радостно, по любви, да имѣете утѣшеніе внутреннее, да достигнете воздаянія вѣчнаго. Аминь.

15. БЕСѢДА

ИЗЪ ПРИТЧИ О ПЛЕВЕЛАХЪ, ГОВОРЕННАЯ 8 НОЯБРЯ 1825 ГОДА.

Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ? Откуду убо имать плевелы? Матѳ. XIII. 27.

Подъ руководствомъ притчи Евангельской *о плевелахъ* нѣчто говорить хочу: призовемъ въ помощь верховнаго Сѣятеля добраго сѣмени, чтобы не плевелы посѣялись чрезъ слово сіе, но чтобы въ ничтожныхъ плевахъ нашихъ обрѣлось зерно добраго сѣмени, способное прозябнуть въ мягкой землѣ послушныхъ сердецъ, и принести плодъ для жизни вѣчной.

А на чтобы и говорить о плевелахъ? -- подумаетъ кто-либо. Призванному сѣятъ доброе сѣмя не лучше ли и заниматься только добрымъ сѣменемъ, а не плевелами негодными? -- И я желалъ бы поступить такимъ образомъ. *О, да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ* (Псал. XVI. 4.)! О если бы я могъ не говорить о дѣлахъ человѣче-

скихъ, сустныхъ и погибельныхъ, а только о дѣлахъ Божіихъ, благихъ и спасительныхъ! Дерзаю догадываться, что и Самъ Творецъ и первоначальный Истолкователь притчи о плевелахъ не желалъ бы говорить о плевелахъ. Но что дѣлать? Если есть опасность, что тогда, какъ сѣется доброе сѣмя, родятся и плевелы; или, если тогда, какъ посѣвъ уже взошелъ, дѣйствительно явились и плевелы: какъ въ сихъ случаяхъ не заниматься и плевелами? Какъ не подумать, что̀ съ ними дѣлать?

Рабы, не знающіе таинъ небеснаго земледѣлія, хотѣли бы тотчасъ полоть, силою исторгать и истреблять плевелы: но Премудрый Господинъ поля не позволяетъ. *Ни: да никогда восторгающе плевелы, восторгните купно съ ними и пшеницу.*

Что же однако дѣлать, чтобы плевелы не усилились, и не заглушили пшеницы? — О семъ думаю я извлечь нѣкоторое наставленіе изъ разсматриванія того, что такое плевелы, и откуда онѣ взялись на полѣ.

Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ? Откуду убо имать плевелы?

Что такое плевелы? — Въ изъясненіе сего Самъ Творецъ *притчи плевелъ сельныхъ* глаголетъ: *плевелы суть сынове непріязненніи*; или, по ближайшему преложенію изреченія Господня, какъ оно написано у Евангелиста Матѳея на Греческомъ: *плевелы суть сынове лукаваго.* Въ семъ изъясненіи не трудно примѣтить, — а примѣтить сіе нужно для дальнѣйшаго разумѣнія, — что притча подъ именемъ плевелъ заключаетъ нѣкоторыхъ человѣковъ,

не по существу человѣческому: подобно какъ и въ другомъ изъясненіи, что *доброе сѣмя, сіи суть сынове царствія*, наименованія добраго сѣмени и сыновъ царствія относятся не къ существу человѣческому. По существу своему всѣ человѣки равно происходятъ первоначально отъ Бога Творца, послѣдовательно отъ подобныхъ себѣ человѣковъ родителей: въ жизни раздѣляются они на доброе сѣмя и плевелы, становятся сынами царствія, или сынами лукаваго. *Сѣявый доброе сѣмя* не новое поколѣніе на земли посѣялъ; но въ томъ поколѣніи, какое нашелъ въ мірѣ, посѣялъ сыновъ царствія, и распространилъ ихъ во всѣ поколѣнія міра. Изъ сего должно заключить, что доброе сѣмя означаетъ духъ и свойство сыновъ царствія; почему и сказано, согласно съ симъ изъясненіемъ, въ изъясненіи другой притчи, что *сѣмя есть слово Божіе* (Лук. VIII. 11.); поелику отъ слова Божія происходитъ въ человѣкахъ духъ и свойство сыновъ царствія. А посему и въ противоположную сторону притчи также должно заключить, что плевелы означаютъ духъ и свойство сыновъ лукаваго въ нѣкоторыхъ человѣкахъ. Какъ развитіе добраго духовнаго сѣмени въ человѣкѣ есть истина вѣры, благо любви, сила надежды, чистая мысль, непорочное желаніе, здравое слово, праведное и святое дѣло, духовная, небесная, Ангельская, Хрістова жизнь: такъ напротивъ прозябеніе душевныхъ плевелъ есть ложь невѣрія или суевѣрія, зло нелюбленія, ложная сила самонадѣянія или безсиліе отчаянія, нечистая мысль, порочное желаніе, не вѣрное

или не цѣломудренное слово, неправедное и беззаконное дѣло, жизнь плотская, земная, скотская, адская, или, — тоже однимъ словомъ, — не Христіанская.

Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ Твоемъ? Ты сѣялъ на земли то, что принесъ на нее съ Собою съ небесъ: а принесъ Ты съ Собою на землю духъ Божественный, свойство небесное. Селомъ Твоимъ, или полемъ Твоимъ были сердца избранныхъ человѣковъ; Ты посѣялъ въ нихъ слово Божіе; согрѣлъ оное въ нихъ теплотою Духа Святаго; напоилъ Твоею Божественною кровію. Оно прозябло, процвѣло, принесло плодъ въ жизнь вѣчную, *ово сто, овоже шестьдесятъ, ово тридесять*, въ Апостолахъ, въ Мученикахъ, во Святыхъ всякаго рода; чрезъ нихъ засѣяло страны, народы, вѣки. Сверхъ сего, чтобы сѣмя Твое, для поля Твоего, сохранить всегда чистымъ, и никогда неоскуднымъ, Ты *завѣщалъ наполнить гоморъ отъ манны сея въ скровъ въ роды наша* (Исх. XVI. 32.), — наполнить, то есть, опредѣленную мѣру священныхъ Писаній словомъ Божіимъ, такъ, чтобы, какъ нѣкогда, изъ Божественныхъ рукъ Твоихъ, отъ немногихъ хлѣбовъ, брали и насыщались тысящи алчущихъ, но количество хлѣба отъ того не уменьшалось, а увеличивалось, подобно сему, изъ немногихъ Книгъ Божественныхъ, тысящи тысящь научились, но тайны, и откровенія таинъ премудрости Твоея отъ того не истощались, а непрестанно становились обильнѣе.

Господи! Коль *доброе сѣмя*, и съ какимъ пре-

мудрымъ попеченіемъ о его добротѣ и чистотѣ, *сѣялъ ли еси на селѣ Твоемъ!*

Откуду убо имать плевелы? На Твоемъ, Господи, полѣ, откуда взялись плевелы? Если бы они явились тамъ, гдѣ ничего не сѣяно; или если бы злое растѣніе взошло тамъ, гдѣ злое и сѣмя сѣяно: не чему дивиться. Если между язычниками заблужденія и пороки: чего иного и ждать отъ сей земли дикой и не воздѣланной? Но на полѣ Христіанства, которое воздѣлано крестомъ Богочеловѣка, насѣяно Словомъ Божіимъ, откуда плевелы языческіе? Откуда заблужденія ума между вами, ученики Слова Божія? Откуда пороки сердца между вами, питомцы Духа Святаго?

На сіи не легкіе, но не безполезные вопросы, есть у насъ легкіе, но весьма вредные отвѣты. Заблужденія, говорятъ, отъ ограниченности человѣческой; пороки отъ слабости человѣческой. Прекрасное родословіе заблужденій и пороковъ,—прекрасное для того, чтобы люди, преданные заблужденіямъ, и погрязшіе въ порокахъ, люди, которыхъ Евангельская притча называетъ *сынами лукаваго*, могли увѣрять себя и другихъ, что они не худаго рода! Невинное дѣло быть ограниченнымъ; не стыдно признавать слабость силъ человѣческихъ: а изъ сего заключаютъ, что и быть суевѣрнымъ или безвѣрнымъ, также невинное дѣло; что и въ порокахъ пребывать также не стыдно.

Заблужденія отъ ограниченности? —Полно правда ли, что ограниченность есть мать заблужденій?

Ограниченность есть неплоды; она не раждаетъ ничего; потому что и сама не есть нѣчто, а только предѣлъ, край, недостатокъ существенности. Возмемъ въ примѣръ способность зрѣнія. Глазъ твой ограниченъ: по сей причинѣ удаляющійся отъ тебя предметъ въ извѣстномъ разстояніи ты перестаешь видѣть, и болѣе ничего. Но если глазъ твой вводитъ тебя въ заблужденіе, представляя окружающіе тебя предметы въ ложномъ движеніи кружащимися и падающими, отъ чего и ты падаешь: напрасно сталъ бы ты искать сему причины въ ограниченности глаза; причины сему должно искать въ твоемъ головокруженіи, происшедшемъ отъ употребленія одуряющаго зелія, или вина въ излишествѣ. По сему разсуждай и о духовномъ зрѣніи ума. Умъ твой ограниченъ: по сей причинѣ удаленные отъ мысленныхъ взоровъ его предметы для него неизвѣстны, или непонятны, и болѣе ничего. Но если въ умѣ твоемъ оказываются понятія, которыя противны естественному, всѣми здравомыслящими согласно примѣчаемому и признаваемому порядку вещей, которыми ты думаешь всю вселенную обратить вверхъ дномъ, но вмѣсто того низвергаешь самъ себя въ нелѣпости: можно ли сіе изъяснить ограниченностію, которая не есть начало дѣйствующее, и которая есть недостатокъ, общій всѣмъ человѣкамъ? Не должно ли, напротивъ, по необходимости производить сіе отъ упоенія нечистымъ и бродящимъ виномъ, или одуряющимъ зеліемъ такой мудрости, которая хотя по области явленія ея называется земною и человѣческою, но ко-

горой источникъ хуже, нежели что нибудь просто земное, которой корень ниже человѣчества?

Пороки отъ слабости! — По этому, чтобы добродѣтельнымъ быть, надобно быть исполиномъ! А мы, напротивъ, какъ изъ священныхъ сказаній знаемъ что когда *исполини бяху на земли, тогда умножишася злобы человѣковъ на земли* (Быт. VI. 4. 5.); такъ и нынѣ видимъ не рѣдко, что люди, и крѣпостію духа болѣе другихъ хвалящіеся, и менѣе другихъ имѣющіе причины жаловаться на тѣлесныя слабости или недостатки, впадаютъ въ пороки болѣе тѣхъ, которые и тѣлеснымъ немощамъ и недостаткамъ болѣе другихъ подвержены, и отличной крѣпости духа себѣ не приписываютъ. Пороки отъ слабости! — А напротивъ, даже язычникъ замѣтилъ, что *мы тогда бываемъ лучше, когда немощны*. Пороки отъ слабости! — Согласимся, что и сіе бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ: на примѣръ, когда голодный нищій крадетъ кусокъ хлѣба у богатаго. Но когда напротивъ того видимъ, что богатый, не только отказываетъ въ кускѣ хлѣба нищему, но и грабительствуетъ, и разоряетъ бѣдныхъ, между тѣмъ какъ есть нищіе, которые сохраняютъ безкорыстіе: какъ можно изъяснить сіе одною слабостію человѣческою? Не видны ли здѣсь двѣ противоположныя силы: въ одномъ сила добра, можетъ быть выше, нежели человѣческая, въ другомъ сила зла, безъ сомнѣнія хуже, нежели человѣческая?

Перестанемъ обманываться; отложимъ о происхожденіи нашихъ заблужденій и пороковъ такія мнѣ-

нія, которыя способны только уполномочивать заблужденія и пороки, не будемъ почитать плевелъ обыкновеннымъ порожденіемъ и естественною принадлежностію пшеницы. И если не можемъ догадаться, откуда они подлинно: то вопросимъ о семъ Господа, и отъ Него примемъ вразумленіе. *Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ Твоемъ? Откуду убо имать плевелы?* — Онъ отвѣтствуетъ: *врагъ человѣкъ сіе сотвори, — спящимъ человѣкомъ приде врагъ его, и всѣя плевелы посредь пшеницы, и отъиде; — врагъ всѣявый ихъ есть діаволъ.*

Мнѣ кажется, что если бы мы чаще и съ большею вѣрою думали о семъ происхожденіи нашихъ душевныхъ плевелъ: то не такъ легко попускали бы имъ разраждаться и разрастаться. *Врагъ всѣявый ихъ есть діаволъ* онъ посѣялъ ихъ въ легкомысленныхъ или зломысленныхъ сочиненіяхъ, въ изнѣженныхъ пѣсняхъ, въ соблазнительныхъ зрѣлищахъ, въ вольномъ обращеніи, въ нескромныхъ и не постоянныхъ обычаяхъ. За симъ врагъ скрывается: *сѣя плевелы посредь пшеницы, и отъиде.* Ты думаешь, что позволяешь себѣ невинныя, только не совсѣмъ строгія, удовольствія зрѣнія, слуха, воображенія, чувствованія: но будь внимателенъ; сквозь сіи удовольствія сѣются плевелы лукаваго, адское сѣмя внѣдряется въ сердце; возчувствуй отвращеніе; убойся; возпріими осторожность.

Осторожность: ибо притча говоритъ, что *спящимъ человѣкомъ пріиде врагъ.* Что значитъ здѣсь сонъ, сего Творецъ притчи не изъясняетъ: но безъ

опасенія погрѣшности полагать можно, что сонъ значитъ здѣсь безпечность и недостатокъ бдительнаго вниманія къ себѣ самому, и къ своимъ дѣйствіямъ. Спятъ человѣки духовно, когда безпечно смежаютъ очи ума, и не стараются взирать на свѣтъ истины Евангельской и закона Божія, чтобы непрестанно имъ просвѣщаться, и просвѣщать пути жизни своей; когда, подобно во снѣ мечтающимъ, не управляютъ мыслями своими, не обуздываютъ желаній своихъ, попускаютъ воображенію своему блуждать по предметамъ чувственнымъ и суетнымъ Такъ спятъ они: а врагъ между тѣмъ не дремлетъ; онъ крадется во тмѣ забвенія о Богѣ и законѣ Его, и сѣетъ въ пшеницѣ плевелы, во снѣ человѣкомъ мечты адскія, въ легкомысленномъ нерадѣніи о добродѣтели и спасеніи, мысли нечистыя, желанія грѣховныя, дѣла беззаконныя и погибельныя. Не спи, или пробудись, возлюбленная душа; изощряй выну око твое ко свѣту Божію; ходи въ присутствіи Божіемъ; смотри бдительно не только за дѣлами, но и за желаніями и за помышленіями своими; просвѣщайся внутренно Словомъ Божіимъ и молитвою, дабы и во время сна тѣсснаго заря духа не угасала въ сердцѣ твоемъ, и не допускала до тебя врага темнаго, сѣющаго плевелы.

Сыновє царствія, въ которыхъ посѣяно сѣмя доброе! Притча сказуетъ, что плевелы становятся виднѣе, по мѣрѣ возрастанія и созрѣванія пшеницы, по мѣрѣ приближенія жатвы О, какъ уже нынѣ видны плевелы на нивѣ Господней! Не близка ли потому и великая жатва? Ибо точно, по сказанному:

соберите первые плевелы, и свяжите их въ снопы, — плевелы уже начинаютъ сами себя приготовлять къ послѣднему связанію въ снопы для сожженія: - люди, которые предавались нечестію и беззаконіямъ каждый по себѣ, время отъ времени болѣе и крѣпче связываются въ сообщества, въ скопища, въ соумышленія. Да не спимъ, братія, но да бодрствуемъ; и да стрежемъ и возращаемъ каждый въ сердцѣ своемъ зерно духа, которое Божественный Сѣятель посѣялъ въ насъ крещеніемъ и поученіемъ Евангельскимъ

А вы, небесные жатели, Ангели Божіи! Прежде нежели явитесь предъ нами съ трубнымъ гласомъ, возвѣстить жатву, вожделѣнную и страшную, глаголите къ намъ тихимъ гласомъ кроткаго возбужденія къ покаянію и бдѣнію духовному, *да не когда уснемъ во грѣхѣ въ смерть Ополчайтесь окрестъ* насъ, и избавляйте насъ отъ врага, сѣющаго въ насъ плевелы, пищу огня геенскаго. Аминь.

14. БЕСѢДА

О СОБЛАЗНАХЪ

Не ктому убо другъ друга осуждаемъ: но сіе паче судите, еже не полагати претыканія брату или соблазна. Рим. XIV. 13.

Въ житіи Богоноснаго Отца нашего Сергія находимъ, что Онъ, во время своего Игуменства, услышавъ однажды изшедшее изъ устъ брата его Стефана, слово любоначалія: *кто есть Игуменъ на мѣстѣ семъ? не азъ ли прежде сѣдохъ на мѣстѣ семъ?*—немедленно вышелъ изъ обители, чтобы поселиться на другомъ удаленномъ и сокровенномъ мѣстѣ. Очевидны въ семъ поступкѣ терпѣніе, кротость и смиреніе Святаго. Но вотъ что недоумѣнно: почему не вразумилъ онъ брата, по долгу Игумена? Какъ, за одного человѣка, оставилъ всю братію и служеніе, въ которое поставленъ священною властію?—Есть особенные пути Святыхъ, предъ которыми всѣ должны благоговѣть, поелику они особенною благодатію Божіею управлены, и оправданы въ

своихъ послѣдствіяхъ; по которымъ не всякой имѣетъ право послѣдовать, потому что было бы дерзновенно, если бы каждый сталъ приписывать себѣ туже благодать. Таковъ случай, теперь разсматриваемый

Если у отца сынъ или у начальника подчиненный безчинствуетъ: берегитесь молчать, и оставлять его безъ обличенія и исправленія. Вспомните грозное прещеніе и наказаніе, которымъ за небреженіе сего рода Богъ поразилъ несчастнаго Илія: *отмщу Азъ на домъ его до вѣка въ неправдахъ сыновъ его, о нихже вѣдяше, яко злословиста Бога сынове его, и не наказа ихъ* (1 Цар. III. 13.). Если отъ какого нибудь искушенія или неудовольствія приходитъ тебѣ желаніе бѣжать отъ мѣста, на которомъ ты поставленъ законною властію: остерегись; можетъ случиться, что вину своеволія понесешь; отъ зла путемъ своего произвола не избѣгнешь, и преслѣдуемаго тобою спокойствія не уловишь.

Но если Святый Сергій въ извѣстномъ случаѣ, не по симъ обыкновеннымъ правиламъ дѣйствовалъ: то по какимъ же? Ибо святому по святымъ правиламъ дѣйствовать надлежитъ. Мы уразумѣемъ дѣло его, если приложимъ къ его поступку правило Апостола: *сіе паче судите, еже не полагати претыканія брату или соблазна.* Видѣлъ прозорливый Сергій, что не удобно было прямо обличить любоначальствующаго; потому что въ семъ случаѣ обличеніе казалось бы препирательствомъ за Начальство, и видъ личной распри между Игуменомъ и старшимъ по немъ, и притомъ между родными братія-

ми по плоти, былъ бы не безъ претыканія и для прочихъ братій обители.

Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ премудрый Старецъ нашелъ средство, не только не положить претыканія съ своей стороны, но и положенный другимъ соблазнъ уничтожить Онъ никому не сказалъ о поступкѣ брата, и своимъ удаленіемъ отъ начальствованія подалъ и сильнѣйшее врачество противъ страсти любоначалія. Богъ же, оправдывая путь Угодника своего, чрезъ его добровольное изгнанничество паче прежняго утвердилъ въ любви къ нему братію его первоначальной обители, и возвратилъ его къ ней властію Святителя Алексія.

Вотъ примѣчательное указаніе на важность Апостольскаго правила: *еже не полагати претыканія брату или соблазна*. Святый примѣръ да возбудитъ насъ къ дѣятельному наблюденію онаго въ нашей жизни.

Но что такое *претыканіе*? Что такое *соблазнъ*? — Если ты идешь, и объ камень, лежащій на дорогѣ, внезапно ударяешься ногою, отъ чего происходитъ замѣшательство движеній и опасность паденія: въ такомъ случаѣ камень есть для тебя *претыканіе*. Сей чувственный образъ переноситъ Апостолъ къ душѣ: ибо онъ заботится конечно не о претыканіи на дорогѣ, но о претыканіи въ жизни нравственной и духовной. Притомъ, онъ различаетъ отъ претыканія *соблазнъ*, безъ сомнѣнія, какъ нѣчто болѣе тяжкое, какъ причину не только преткновенія, но и паденія. Претыкаемся въ мысляхъ; падаемъ въ дѣлахъ. Претыкаемся — сомнѣніями, ложными мнѣ-

ніями, смущеніемъ помысловъ и разстройствомъ чувствованій душевныхъ; падаемъ — во грѣхъ, въ преступленіе. Если мы предъ ближнимъ нашимъ говоримъ такія слова, или дѣлаемъ такія дѣла, которыя произведутъ въ немъ худые помыслы и разстройство душевное; то мы полагаемъ ему претыканіе: если нашими словами или дѣйствіями даемъ ему поводъ, побужденіе, поощреніе ко грѣху, то полагаемъ ему соблазнъ. Итакъ притчею изображенное увѣщаніе Апостольское: *еже не полагати претыканія брату или соблазна*, означаетъ то, что мы должны тщательно наблюдать, чтобы ни словами, ни дѣломъ, не подать ближнему повода, побужденія, поощренія къ худымъ помысламъ, къ душевнымъ возмущеніямъ и движеніямъ страстей, и наконецъ къ самымъ дѣламъ грѣховнымъ.

Для точности ученія различимъ еще виды соблазна, по его предметамъ. Предметомъ соблазна могутъ быть дѣла не только грѣховныя, но и позволительныя, и даже святыя.

Не ужели, скажете, и святыя дѣла могутъ быть предметомъ соблазна? — Могутъ, безъ сомнѣнія: поелику о семъ свидѣтельствуетъ непогрѣшительное Слово Божіе. Что можетъ быть святѣе, какъ проповѣдывать людямъ спасительное ученіе о Христѣ Распятомъ? Но сіе было предметомъ соблазна, какъ сказуетъ Апостолъ: *мы проповѣдуемъ Христа, распята, Іудеемъ соблазнъ* (1 Кор I. 23.). Это соблазнъ не отъ проповѣдующихъ, которыхъ дѣло было чисто и свято, а отъ самихъ соблазняющихся, которые изъ спасительнаго для вѣрующихъ ученія о

Крестѣ, мудрованіемъ плотскимъ, гордостію и невѣріемъ извлекали для себя вещество соблазна, подобно какъ паукъ извлекаетъ ядъ изъ цвѣтка, дающаго пчелѣ медъ. Изъ сего примѣра не трудно вывесть правило, какъ должно поступать въ отношеніи къ соблазну сего рода. Если бы Апостолы, убоясь соблазна Іудеямъ, не стали проповѣдывать Христа распята: то міръ не услышалъ бы спасительнаго ученія, и не спасся бы Итакъ очевидно, что имъ должно было творить дѣло, приносящее спасеніе міру, и не измѣнять своего дѣйствованія для людей, которые сами себя соблазняютъ, и сами себя погубляютъ. Соблазнъ Креста не совсѣмъ кончился, братія; случается и нынѣ, что чада міра и плоти возмущаются при видѣ сильнаго и рѣшительнаго стремленія къ дѣламъ духа и къ мудрованію Христову, крестному. Не сюда относится Апостольское предостереженіе противъ соблазна. Да дѣлаемъ свободно дѣла святыни и спасенія. Плоть да не будетъ судіею духа. Міръ да не предписываетъ законовъ дѣлу Божію.

Что дѣло позволительное можетъ быть предметомъ соблазна, сіе можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ изреченій Святаго Апостола Павла. *Брашно насъ не поставляетъ предъ Богомъ; ниже бо аще ямы, избыточествуемъ, ниже аще не ямы, лишаемся* (1 Кор. VIII. 8.). Нѣтъ нужды входить въ разбирательство, къ какому случаю, и къ какому употребленію пищи относится сіе изреченіе. то ясно, что Апостолъ говоритъ здѣсь о употребленіи пищи, какъ дѣлѣ, не заключающемъ въ себѣ ни особен-

наго достоинства, ни особенной виновности предъ Богомъ, слѣдственно говоритъ о дѣлѣ позволительномъ. И о семъ самомъ дѣлѣ онъ говоритъ далѣе: *аще брашно соблазняетъ брата моего : не имамъ мяса ясти во вѣки, да не соблазню брата моего* (13.) Въ сихъ словахъ, вмѣстѣ съ указаніемъ на соблазнъ отъ дѣла позволительнаго: *аще брашно соблазняетъ брата моего*, находимъ и особенное правило предосторожности противъ сего рода соблазна: *не имамъ мяса ясти во вѣки, да не соблазню брата моего*. Удивительное соединеніе силы увѣщанія съ кротостію совѣта! Какъ строгъ святый Павелъ къ самому себѣ, когда дѣло невинное запрещаетъ себѣ на вѣки, чтобы не соблазнить брата однажды ; и какъ сильно сею строгостію къ себѣ, побуждаетъ и другихъ къ предосторожности противъ соблазна! Съ тѣмъ вмѣстѣ какъ онъ снисходителенъ къ поучаемымъ, когда не заповѣдуетъ имъ *не ясти мяса во вѣки , да не соблазнятъ брата*, но строгость запрещенія обращаетъ на себя, а другимъ предоставляетъ послѣдовать его примѣру, сколько могутъ.

Что дѣла грѣховныя бываютъ предметомъ соблазна, сіе не требуетъ ни доказательства, ни объясненія. Только для нашей невнимательности , можетъ быть, не излишне замѣтить, сколь обыкновенно грѣхъ сопровождается соблазномъ, и чрезъ соблазнъ размножается; какъ длинна бываетъ цѣпь, какъ обширенъ кругъ соблазновъ, которые влечетъ за собою, и распространяетъ отъ себя, одинъ грѣхъ. Въ книгѣ Судей Израилевыхъ повѣствуется, что нѣкто

Миха изваялъ кумиръ для себя и для своего дома, потомъ нанялъ Левита, чтобы приносить ему жертвы; отъ Левита вывѣдали о семъ домашнемъ кумирѣ воины племени Данова, и похитили оный; и такимъ образомъ идолослуженіе одного человѣка изъ одного дома сдѣлалось грѣхомъ города и племени. Таковъ обыкновенно ходъ грѣха путемъ соблазна. Лукавый помыслъ изваяетъ невидимый кумиръ грѣха; нечистое желаніе вноситъ его въ душу; грѣховное дѣло выставляетъ его, и дѣлаетъ видимымъ; тщетно скрываемая тайна грѣха похищается и разносится; соблазнъ родится, и грѣхъ размножается; поползновенные увлекаются худымъ примѣромъ; другіе впадаютъ въ грѣхъ злорѣчія и осужденія ближняго. Что сказать о грѣхахъ, которые, или по свойству своему неудобоскрываемы, или по дерзости открыто дѣлаются, или отъ положенія согрѣшающихъ между людьми получаютъ особенную силу распространять соблазнъ? — Какой обильный сѣвъ, какая необъятная жатва плевелъ!

Какъ печально, и вмѣстѣ какъ грозно говорилъ о соблазнахъ Господь нашъ! *Горе міру отъ соблазнъ! — Горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ* (Матѳ. XVIII. 7.)! — *Уне ему было бы, аще жерновъ осельскій облежалъ бы о выи его, и вверженъ въ море, неже да соблазнитъ отъ малыхъ сихъ единаго* (Лук. XVII. 2.). — О милосердый Господи! о грѣхахъ и грѣшникахъ глаголеши съ толикимъ покоемъ, съ толикою кротостію: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Матѳ. IX. 13.): а о соблазнахъ и соблазняющихъ

такъ плачевно, и такъ грозно! .. *Разумѣхъ, Господи, яко правда судьбы твоя* (Пс. CXVIII. 75); воистину, плачевенъ грѣхъ, и страшенъ; но соблазнъ болѣе. Грѣхъ мой, при помощи Благодати Твоея, могу я прекратить, и покаяніемъ очистить; но соблазна, если онъ виною моею поданъ, и перешелъ къ другимъ, уже не властенъ я ни прекратить, ни очистить.

Да страшимся, братія, соблазна; и осторожность противъ соблазна да содѣйствуетъ намъ въ осторожности противъ грѣха, хотя впрочемъ грѣха убѣгать должно не по одному опасенію соблазна, но по внутреннему отвращенію отъ зла, и по любви къ Богу, какъ исповѣдалъ о себѣ Псалмопѣвецъ: *не правду возненавидѣхъ и омерзихъ, законъ же Твой возлюбихъ* (Псал. CXVIII. 163.).

Да страшимся же какъ подавать соблазнъ, такъ и принимать поданный: ибо грѣхъ по случаю поданнаго соблазна есть тѣмъ не менѣе грѣхъ, и можетъ породить новый соблазнъ. Не продолжай рода порожденій ехидниныхъ; но спѣши сокрушить главу змія, — грѣховный помыслъ побѣдоносною силою Агнца непорочна и пречиста Христа Аминь.

15. БЕСѢДА

О УПОКОЕНІИ ТРУЖДАЮЩИХСЯ И ОБРЕМЕНЕННЫХЪ.

Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Матѳ. XI. 28.

Слышите, зовутъ: надобно ли кому итти на сей зовъ? Призываютъ *труждающихся и обремененныхъ*: есть ли здѣсь таковые? Или намъ легко и не трудно, и потому нѣтъ дѣла до сего призыванія? Обѣщаютъ *упокоить*: надобенъ ли кому покой? Или не стоитъ труда итти за нимъ; а хочется намъ радости, веселія, забавы?

Спросимъ нѣсколько иначе: желаете ли вы быть благополучны? Безъ сомнѣнія, никто не отречется отъ сего. Но какъ назовете вы душевное состояніе человѣка благополучнаго? Мнѣ кажется, нѣтъ сему приличнаго имени болѣе, какъ одно изъ двухъ: спокойствіе, радость. Но дѣйствіе радости, обыкновенной на земли, подобно дѣйствію вина; состояніе радости есть состояніе упоенія; а упоеніе не продолжительно, и оставляетъ по себѣ чувство

лишенія, или даже тягости. Спокойствіе есть состояніе души здравой и трезвой; оно чувствуется не такъ живо, какъ радость, но за то болѣе постоянно. Итакъ не прогнѣвайтесь, любители радости, веселія, забавы: мы желаемъ, — и думаемъ, что для вашего благополучія обязаны желать вамъ, — болѣе спокойствія, нежели радости, веселія, забавы. А кто такъ пріучилъ свой вкусъ къ земнымъ радостямъ, такъ легко находитъ веселіе, такъ неутомимо замѣняетъ трудъ забавами, что ни въ какую цѣну не ставитъ спокойствія. тому,—хотя, можетъ быть, сіе уже и слишкомъ суровымъ покажется, — желаемъ даже того, чтобы онъ нѣсколько испыталъ состояніе *труждающихся и обремененныхъ*. Въ сей суровости желанія мы подражаемъ нѣкоторому, весьма доброжелательному впрочемъ мужу: *исполни*, такъ молилъ онъ Бога — исполни *лица ихъ безчестія, и взыщутъ Имени Твоего, Господи!*

Но можетъ быть, состояніе труждающихся и обремененныхъ, и не рѣдко, и не чуждо многимъ изъ насъ: а въ такомъ случаѣ и успокоенія искать нужно, и къ Упокоителю поспѣшить должно.

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, — воззвалъ Господь Іисусъ, когда предъ очами Его находились Іудеи, среди которыхъ Онъ проповѣдывалъ. Какое на нихъ Онъ могъ видѣть иго, которое бы затрудняло ихъ, и бремя, которое бы ихъ отягчало? — Во-первыхъ, бремя грѣховъ, подъ которымъ и сильный Царь Израилевъ изнемогалъ подобно рабу, страждущему болью въ костяхъ

отъ несоразмѣрнаго силахъ ношенія тяжестей: *нѣсть мира въ костехъ моихъ*, говорилъ Онъ, *отъ лица грѣхъ моихъ; яко беззаконія моя превзыдоша главу мою; яко бремя тяжкое, отяготѣша на мнѣ* (Пс. XXXVII. 4. 5.). Во-вторыхъ, иго *закона Моисеева*, который Апостолъ Петръ именно называетъ *игомъ, его же* — говоритъ Онъ въ изъясненіе сего названія — *ни отцы наши, ни мы возмогохомъ понести* (Дѣя. XV. 10.); котораго при томъ тяжесть, въ послѣдніе дни Іудейства, удвоена и утроена была ученіями и заповѣдями человѣческими отъ книжниковъ и фарисеевъ; *связ)ютъ бо*, глаголетъ о нихъ Господь, *бремена тяжка и бѣдны носима, и возлагаютъ на плеща человѣческа* (Матѳ. XXIII. 4.). Въ-третьихъ, иго и бремя многихъ и различныхъ золъ и бѣдъ, лежавшихъ на Іудейскомъ народѣ вообще, и упадавшихъ на многихъ изъ онаго порознь: напримѣръ, иго власти языческой, изъ-подъ котораго хотя и силились гордые Іудеи восклонять голову, и вопіять: *сѣмя Авраамле есмы, и никому же работахомъ николи же* (Іоа. VIII. 33), но которое тѣмъ не менѣе тяготѣло на выѣ ихъ, и восходило выше головы ихъ, поелику — лежало даже на Первосвященствѣ ихъ, и на самомъ облаченіи первосвященническомъ, которое Римляне держали запертымъ въ своей крѣпости; — иго Синагоги, которая преслѣдовала исповѣдающихъ истину, не угодную ея предразсудкамъ и властолюбію; — наконецъ, частныя бремена нищеты, угнѣтенія отъ сильныхъ, неправеднаго суда, болѣзней, печалей.

Таковыми и подобными бременами отягченныхъ, трудностями утомленныхъ, всѣхъ призывалъ къ Себѣ Господь Іисусъ Христосъ: и поелику призываетъ всѣхъ безъ изъятія; поелику Богъ *Отецъ* послалъ Его *Спасителя міру* (1 Іоан. IV. 14.), а не одному народу или времени, поелику *словеса Его не прейдутъ* даже и тогда, когда *прейдутъ небо и земля* (Мар. XIII. 31.); то и теперь Онъ еще глаголетъ, и между нами *труждающихся и обремененныхъ* ищетъ, и къ Себѣ призываетъ.

Человѣкъ, знающій за собою грѣхъ! Не *труждаешься* ли ты? Не *обремененъ* ли? Чувствуя уязвленную совѣсть, не усиливаешься ли ты бѣжать самъ отъ себя, безплоднымъ однакожъ усиліемъ: подобно какъ раненный елень бѣжитъ по лѣсу, но уже не можетъ убѣжать отъ раны, которую несетъ съ собою, а только истощается въ силахъ? Не мечешься ль иногда, какъ рыба поглотившая уду, безполезными однако же порывами: потому что иго, тебя вяжущее, и бремя тяготящее, находится внутри тебя? Не есть ли для тебя грѣхъ, частію бремя; поколику тяготитъ душу воспоминаніемъ содѣланнаго; частію иго, поколику лишаетъ тебя свободы, затрудняетъ, изнуряетъ привычкою, подобно какъ ярмомъ связуется, затрудняется, изнуряется работное животное? Если же тогда, какъ живешь во грѣхѣ, ты еще не знаешь и не чувствуешь въ немъ ига и бремени: тѣмъ не лучше. Въ семъ случаѣ ты подобенъ дикому подъ ярмомъ и бременемъ животному, которое несется по стремнинамъ, и чѣмъ менѣе испытываетъ затрудненія, чѣмъ менѣе

чувствуетъ тяжесть, тѣмъ скорѣе можетъ низринуться въ пропасть, и совсѣмъ погибнуть: и потому въ семъ случаѣ, — какъ сказано и прежде, — желательно, чтобы ты лучше вошелъ ощутительно въ непріятное состояніе *труждающихся и обремененныхъ*, нежели оставался въ опасномъ состояніи необузданности. Но ты, знающій беззаконіе свое, какъ иго и бремя, не медли узнать и надежду облегченія: *пріиди, труждающійся и обремененный.*

Человѣкъ, подвизающійся въ добродѣтели! Не *труждаешься* ли и ты? И ты не *обремененъ* ли? Правда, если участь грѣшника есть иго и бремя: то удѣломъ добродѣтели должна быть легкость и свобода. Но какъ иго и бремя грѣха ощущается уже послѣ того, какъ онъ сдѣланъ: такъ и добродѣтель даетъ чувствовать легкость и свободу тогда, когда уже совершена будетъ. А легко ли достигнуть въ ней совершенства? Путь ея идетъ на гору; крутъ, узокъ, усѣянъ терніемъ. И познавать путь духовнаго совершенства, и дѣйствительно восходить по нему, трудно уже и по тому одному, что, какъ говоритъ опытный подвижникъ мудрости и добродѣтели, *тѣло тлѣнное отягощаетъ душу, и земное жилище обремененяетъ умъ многопечителенъ* (Прем. IX. 15.). Тѣло же, кромѣ того, что тлѣнно, и потому не выдерживаетъ всего напряженія безсмертной души, но, или ее въ ея стремленіи задерживаетъ, или подвергается опасности отторгнуться отъ нея и разрушиться, — кромѣ сего, заражено грѣхомъ, связано привычками, противными

добродѣтели: а также и умъ, кромѣ того, что развлекается попеченіями о земномъ жилищѣ своемъ, — кромѣ сего связуется предразсудками, помрачается и увлекается страстями сердца, вводится въ обманъ призраками чувствъ и воображенія. А сколько еще посторонннихъ препятствій подвигу въ добродѣтели! Обилие благъ земныхъ прельщаетъ, недостатокъ ихъ искушаетъ, примѣры совращаютъ съ пути; неправыя сужденія людей полагаютъ претыканія; гоненія устрашаютъ; тамъ, гдѣ, по видимому, кончится *брань къ плоти и крови*, вновь начинается брань *къ началамъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего духовомъ злобы поднебеснымъ*. Кто подвизается не для того только, чтобы достать венѣцъ добродѣтели отъ людей, но для того, чтобы одержать истинную, внутреннюю побѣду надъ страстями и пороками: тому понятны жалобы, которыя слышимъ изъ устъ одного изъ самыхъ ревностныхъ подвижниковъ: *не живетъ во мнѣ, сирѣчь во плоти моей, доброе. Еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю. Не еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю. — Обрѣтаю убо законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ. — Окаяненъ азъ человѣкъ* (Рим. VII. 18. — 24.)! Познай же и ты, для котораго самый законъ добра есть, какъ иго для выи необученныя, какъ бремя на хребтѣ безсильнаго, — познай и нужду и надежду твоего или облегченія, или укрѣпленія: *приди, труждающійся и обремененный*.

Человѣкъ, постигнутый бѣдствіемъ, страданіемъ, печалію! Тебя не нужно испытывать, находишься ли ты, и полагаешь ли себя, въ числѣ *труждающихся и обремененныхъ.* Опасаться должно не того, что ты не довольно сіе знаешь, но того, не чрезмѣрно ли сіе чувствуешь; и избыткомъ сего чувствованія не затрудняешь ли самъ для себя познаніе средствъ успокоенія. Единственное вѣрное средство само себя тебѣ открываетъ; собери остатки расточенныхъ силъ; приближься узнать и принять оное: *пріиди, труждающійся и обремененный.*

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ — глаголетъ Іисусъ Христосъ — *упокою вы.* Прибѣжище вѣрное! Пристанище безопасное! Помощь всесильная! Защита всепобѣждающая! Облегченіе небесное! Покой Божественый! Только пріидите. Только не отрекитесь.

Іисусъ Христосъ облегчаетъ отягченныхъ бременемъ грѣховъ: ибо хотя бы грѣхи цѣлаго міра на тебѣ лежали, Онъ подъемлетъ съ тебя все сіе бремя, переноситъ оное на Себя, и тѣмъ уничтожаетъ. *Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра.* Если ты побѣжденъ грѣхомъ: Агнецъ Божій побѣждаетъ его въ тебѣ. Если ты проданъ подъ грѣхъ: искупляетъ тебя. Если ты связанъ грѣхомъ, какъ ярмомъ: разрѣшаетъ тебя. Если ты падаешь подъ бременемъ грѣха: возставляетъ тебя. Если даже ты умерщвленъ грѣхомъ: Богъ воскресившій Христа, и *мертваго* тебя *прегрѣшеньми сооживитъ Христомъ* (Еф. II. 5.); *кровь Христова, иже Духомъ Свя-*

тымъ себе принесе непорочна Богу, очиститъ совѣсть твою отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже служити тебѣ Богу живу и истинну (Евр. IX 14).

Іисусъ Христосъ упокоиваетъ труждающихся подъ игомъ закона, тѣхъ, которые, подвизаясь въ добродѣтели, болѣе испытываютъ тягость и препоны подвига, нежели успѣхи онаго, и съ продолженіемъ онаго болѣе, по видимому, изнемогаютъ, нежели возмогаютъ: ибо Христосъ, Божія Сила и Божія Премудрость, даруетъ и свѣтъ чистаго познанія, и силу совершеннаго исполненія, и подвигъ облегчаетъ, и подвижника укрѣпляетъ, и препоны отъемлетъ, и помощь посылаетъ, и сквозь опасности безвредно проводитъ, и враговъ нашихъ въ насъ побѣждаетъ, и Свою въ насъ побѣду вѣнчаетъ. Подвижникъ, который недавно въ изнеможеніи, почти безъ надежды, вопіялъ: *окаянень азъ человѣкъ!* приближается ко Христу, и уже не находитъ въ себѣ инаго чувства, кромѣ благодарности къ Нему за свое успокоеніе: *благодарю Бога моего*, восклицаетъ онъ, *Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ!* Со Христомъ подвизающемуся, *заповѣди Божіи тяжки не суть* (1 Іоа. V. 3.). *Иго бо* Христово *благо, и бремя* Его *легко есть*. Съ Нимъ и самый безсильный можетъ сказать: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. IV. 13.).

Іисусъ Христосъ облегчаетъ и упокоиваетъ бѣдствующихъ, страждущихъ, печальныхъ: ибо не только, яко избавитель, всегда можетъ Онъ отвратить или пресѣчь бѣдствіе, прекратить страданіе, уничтожитъ причину печали; но, яко совершенный

побѣдитель зла, въ самой области зла устрояющій Собственное царство блага, Онъ можетъ среди самаго бѣдствія открыть въ человѣкѣ чувство благополучія, самое страданіе растворить удовольствіемъ, самой печали дать вкусъ радости. Его сіе дѣло, что Іовъ, послѣ безвинной потери имѣнія и дѣтей, благословляетъ Бога, и въ несносной болѣзни, на гноищѣ, не соглашается роптать; что Петръ, въ темницѣ, и въ оковахъ, какъ будто въ праздникъ, поетъ всенощную пѣснь; что Павелъ радуется въ страданіяхъ; что Кипріанъ, на смертный о себѣ приговоръ, отвѣтствуетъ: *слава Богу!*

Таковъ, Христіане, поистинѣ еще на земли небесный, и прежде смерти безсмертный и блаженный *покой душъ нашихъ*, который *обрѣтается* во Христѣ; и котораго искать, если бы мы собственною нуждою нашею не вразумились, то всеблагій и всемилостивый Спаситель нашъ Самъ ищетъ и призываетъ всѣхъ насъ, чтобы даровать намъ покой Свой.

Можно сказать, что мы и приведены уже, и неоднократно приводимся къ покою душъ нашихъ во Христѣ. когда приведены къ Нему крещеніемъ, и каждый разъ, когда приходимъ къ Нему въ молитвѣ, въ покаяніи, въ общеніи Тѣла и Крови Его. Что жъ? Вкусили ль мы покой сей? Сохранили ль, и сохраняемъ ли въ себѣ силу онаго? Или опять мы безпокойны, опять *труждающіеся и обремененны?* Долго ли же? Не ужели дотолѣ, какъ наконецъ, столь долго тщетно призывавшій насъ Христосъ, оставитъ не внемлющихъ, или непосто-

янныхъ; а напротивъ адъ, въ угодность котораго мы труждаемся въ суетѣ, и обременяемся грѣхами, приступитъ, и скажетъ: довольно вы для меня трудились, и носили мои бремена; теперь придите, я упокою васъ, какъ знаю: постелю подъ вами огнь не угасающій, и покрою васъ червемъ не умирающимъ?

Послѣдуемъ лучше, братія, благодатному призыванію Христову; перестанемъ откладывать; послѣдуемъ рѣшительно; перестанемъ возвращаться вспять. *Да убоимся*, со Апостоломъ говорю, *да не когда оставлену обѣтованію внити въ покой Его, явится кто отъ васъ лишився* (Евр. IV. 1.). *Днесь*, говорилъ Духъ Святый еще *въ Давидѣ*; — *днесь*, говорилъ Онъ чрезъ нѣсколько вѣковъ потомъ въ Павлѣ; — дивно Божіе долготерпѣніе, что и теперь еще есть время сказать: *днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ* (Евр. III. 7.).

Пріидемъ отнынѣ ко Христу ревностнымъ и неуклоннымъ послѣдованіемъ Его ученію и житію; *внидемъ въ покой Его вѣровавшіи* вѣрою сердечною, живою и дѣятельною, предшествуемые сущими отъ вѣка подвижниками вѣры и добродѣтели, истинными послѣдователями Іисуса Христа, отъ всякаго ига и бремени земнаго обрѣтшими у Него покой небесный, къ которому и насъ примѣромъ своимъ приглашаютъ, да купно съ ними славимъ Единаго Упокоителя и *Спасителя всѣхъ человѣковъ, паче же вѣрныхъ*. Аминь.

16. БЕСѢДА

О НАШЕМЪ ЖИТІИ НА НЕБЕСѢХЪ.

Наше бо житіе на небесѣхъ есть, отонуду же и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа, иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его. Филипп. III. 20. 21.

Какъ бы ни пріятно кто жилъ на сей темной землѣ: однако никто, надѣюсь, не станетъ спорить, что несравненно пріятнѣе должно быть житіе на свѣтлыхъ небесахъ, если туда кто можетъ переселиться.

Посему не достойна ли полнаго вниманія нашего вѣсть, которую слышимъ отъ Апостола о житіи на небесахъ, что оно дѣйствительно есть, и даже что оно для насъ не чуждо? *Житіе наше на небесѣхъ есть.*

Небесный житель, который, видно, еще живя на земли обладалъ небеснымъ житіемъ, потому что все земное пренебрегъ и оставилъ, и потому что еще

тогда силу небесной жизни проявлялъ въ себѣ духовною прозорливостію, исцѣленіями, властію надъ преисподними силами, Преподобне Отче Сергіе! Твоею молитвою и благословеніемъ споспѣшествуй намъ возвести помышленія и сердца наши къ небесному житію, да не погрязнемъ въ сустѣ житія земнаго.

Разуму земному страшнымъ показаться можетъ Апостольское возвѣщеніе, что *житіе наше на небесѣхъ есть*. Онъ скажетъ: и птицы небесныя не на небесахъ живутъ, хотя мы уступаемъ имъ преимущество называться *небесными*; мы меньше птицъ можемъ отдѣлять себя отъ земли. Наша жизнь стоитъ на землѣ, какъ на основаніи; питается земною пищею; покрывается земною одеждою; укрывается въ земномъ жилищѣ. Какъ же можно сказать, что *житіе наше на небесѣхъ есть*? Иное дѣло, если бы сказано было: житіе наше на небесѣхъ будетъ. Но и сіе кому извѣстно? А то какъ возможно?

Вы оправдаете меня, братія, въ томъ, что я не соглашусь поправлять, или ослаблять словъ Апостольскихъ въ угодность непонимающихъ. Я стою твердо въ Апостольскомъ увѣреніи, что *житіе наше на небесѣхъ есть*. Чтобы сдѣлать истину сію внятною и ощутительною, надлежитъ различить и сравнить жизнь временную и вѣчную, тѣлесную и духовную.

Если бы городскаго жителя, во время путешествія, въ полѣ, или въ деревнѣ, спросили: гдѣ онъ живетъ? безъ сомнѣнія, онъ не сказалъ бы: вотъ здѣсь на дорогѣ, или вотъ здѣсь въ сельской гостинницѣ; но сказалъ бы, что живетъ въ городѣ,

гдѣ у него домъ и семейство, хотя бы во время вопрошенія и далеко былъ отъ города. И справедливо: ибо мы живемъ не тамъ, гдѣ случайно странствуемъ, гдѣ ночуемъ въ постояломъ домѣ, но гдѣ имѣемъ постоянное пребываніе. Примѣните сіе къ Апостолу: и просто будетъ его необычайное по первому виду изреченіе. Святый Павелъ жизнь временную представлялъ только странствованіемъ, землю — не больше, какъ постоялымъ домомъ; какъ мысль странника упреждаетъ его, и находится уже въ домѣ, когда онъ еще на пути, такъ сердце Апостола, во время земнаго странствованія, было уже тамъ, идѣже есть сокровище его, гдѣ Богъ живетъ во свѣтѣ, гдѣ Христосъ царствуетъ во славѣ, гдѣ обители Святыхъ и жизнь ихъ истинная и вѣчная. Такъ онъ мыслилъ и чувствовалъ, такія мысли и чувствованія предполагалъ и во всѣхъ Христіанахъ, какъ участникахъ той же вѣры, какъ наслѣдникахъ той же вѣчной жизни: и потому не о себѣ только, но вмѣстѣ съ собою и о всѣхъ насъ увѣрительно сказалъ: *житіе наше на небесѣхъ есть.*

Какъ жизнь временная есть едва примѣтное мгновеніе предъ вѣчною: такъ жизнь тѣлесная, или чувственная, едва заслуживаетъ названіе жизни въ сравненіи съ духовною. Святый Апостолъ, тогда какъ возвѣщаетъ житіе небесное, съ горестію и негодованіемъ отвергаетъ преобладающую въ нѣкоторыхъ людяхъ жизнь тѣлесную или чувственную. *Мнози бо ходятъ, ихже многажды глаголахъ вамъ, нынѣ же и плача глаголю, враги креста Христова, ихже кончина погибель, ихже богъ чрево, и слава въ*

студъ ихъ, иже земная мудрствуютъ (Фил. III. 18. 19.). И не духовный человѣкъ оскорбится, если ему скажутъ, что онъ живетъ только чревомъ: такъ низко думаютъ о чревѣ и о жизни чрева даже и такіе люди, которые не духовно мыслятъ. Но если всякій поклонникъ безъ сомнѣнія много ниже своего Божества: то подумайте, какъ низки люди, *имъ же богъ чрево*, которые идолу чувственнаго наслажденія приносятъ въ жертву время и жизнь, тѣло и душу, дары природы и пріобрѣтенія въ мірѣ! Если это жизнь, то развѣ скотская: а жизни человѣческой, кольми паче Христіанской, ни искры тутъ нѣтъ. Какая же быть можетъ жизнь, которую намъ не стыдно было бы назвать нашею жизнію? скажутъ ли: жизнь сердца? или: жизнь разума? На сіе скажу относительно жизни сердца, что, если она не возвышена особеннымъ средствомъ, то близко граничитъ съ жизнію чувственности, и потому легко низвергается въ туже пропасть низости, которую мы не давно указали; или же удобно переходитъ въ жизнь звѣря, который находитъ удовольствіе въ томъ, что терзаетъ; что касается до жизни разума, кромѣ того, что она съ трудомъ, и то въ немногихъ, восходитъ до нѣкоторой высоты, земный разумъ также виситъ надъ пропастью чувственности, и нѣтъ въ природѣ человѣческой силы, которая была бы достаточна безопасно поддержать его. Почему Апостолъ, тѣхъ, *иже земная мудрствуютъ*, ставитъ рядомъ съ тѣми, *имже богъ чрево и слава въ студъ ихъ*, то есть, которые, предавшись чувственности, полагаютъ славу въ дѣлахъ по-

стыдныхъ, и *имже кончина погибель.* Какая же, спрошу еще разъ, быть можетъ жизнь, которую мы могли бы назвать нашею, не подвергаясь стыду и опасности? — Не иная, какъ только жизнь духа, — жизнь, въ которой *уды сущіе на земли*, то есть, чувственныя похоти и страсти, *умерщвляются* крестомъ Христовымъ, то есть, чрезъ повиновеніе заповѣдямъ Его, и чрезъ послѣдованіе примѣру Его, — жизнь, въ которой *разумъ плѣняется въ послушаніе вѣры*, и отъ нея получаетъ и чистый свѣтъ, дабы видѣть истину, и силу, дабы непоколебимо стоять въ оной, — жизнь, въ которой *вселяется Христосъ вѣрою въ сердца* человѣковъ, *и любовію дѣйствуетъ* въ нихъ къ миру внутреннему, къ благополучію внѣшнему, къ благоустройству общественному, къ блаженству вѣчному. Сія жизнь не есть земная, потому что она земное умерщвляетъ; не есть земная, потому что раждается отъ сѣмени небеснаго и Божественнаго. Она есть небесная жизнь, потому что хотя сѣется на земли, но растетъ въ небо, и даже превыше небесъ, она есть небесная, еще прежде окончанія видимой жизни земной, потому что намъ *возвѣщенъ животъ вѣчный, иже бѣ у Отца, и явися намъ*, и въ слѣдствіе сего есть *общеніе наше со Отцемъ и съ Сыномъ Его Іисусомъ Христомъ* (1 Іоан. I. 2. 3.), есть *общеніе Святаго Духа со всѣми нами* (2 Кор. XIII. 13); а сіе общеніе, безъ сомнѣнія, есть небесное и пренебесное.

Познаемъ, возчувствуемъ, Христіане, достоинство Христіанства. Повѣримъ возвѣщенію Апостольскому,

уразумѣемъ сіе возвѣщеніе, возрадуемся о семъ возвѣщеніи, что *житіе наше на небесѣхъ есть* И если между тѣмъ устрашаютъ насъ превратности жизни временной, озабочиваютъ нужды жизни тѣлесной, возмущаютъ искушенія плоти, да возводимъ взоры наши отъ темной и коловратной земли къ свѣтлому и неподвижному небу, *отонудуже и Спасителя ждемъ, Господа нашего Іисуса Христа*, Который и превратности времени, и нужды тѣла, и искушенія плоти окончательно прекратитъ, когда *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его*, что предначалъ Онъ для насъ, и въ чемъ обнадеживаетъ насъ Своимъ преображеніемъ, воскресеніемъ, вознесеніемъ.

Житіе наше на небесѣхъ есть! Въ семъ Апостольскомъ словѣ, подаю вамъ, чада Церкви воинствующей, оружіе противъ многаго, что сражается съ вами на земли.

Тяготитъ тебя печаль о добромъ и возлюбленномъ умершемъ. Скажи себѣ: *житіе наше на небесѣхъ есть*; не благоразумно было бы разслаблять себя на пути печалію о томъ, кто упредилъ насъ; лучше напрягать силы и вниманіе, чтобы вѣрнымъ путемъ итти туда, гдѣ житіе обоихъ.

Искушаетъ тебя любовь къ земнымъ вещамъ и желаніе многаго пріобрѣтенія. Скажи опять: *житіе наше на небесѣхъ есть*, а здѣсь мы путешествуемъ; не надобно путешественнику слишкомъ увеличивать ношу путеваго запаса; нелѣпо было бы останавливаться на дорогѣ, и строить себѣ великолѣпный домъ для ночлега.

Обижаютъ тебя, лишаютъ собственности, чести, награды. Еще скажи себѣ: *житіе наше на небесѣхъ есть*; тамъ наши сокровища некрадомыя, вѣнцы нетлѣнные, воздаянія вѣчныя. Не нужно заботиться много, если отнимаютъ лепту на пути; позаботимся лучше, чтобы сохранить безцѣнное наслѣдіе въ домѣ Отца небеснаго.

Такъ сильною мыслію о небесномъ, вѣрою въ небесное, любовію къ небесному, надеждою небеснаго возмогай, земнородный, надъ земнымъ и преисподнимъ; и подвизайся непрестанно, да будетъ въ тебѣ небо Благодатію, да будешь наконецъ ты въ небѣ со славою вѣчною. Аминь.

17. БЕСѢДА

О НЕБЕСНОЙ НАГРАДѢ.

Возрадуйтеся въ той день, и взыграйте: се бо мзда ваша многа на небеси. Лук. VI. 23.

Господь Іисусъ повелѣваетъ возрадоваться и взыграть; обѣщаетъ награду, великую награду, небесную награду. Достанется ли кому изъ насъ сія награда, безъ сомнѣнія совершенная; потому что Судія, который опредѣляетъ ее, и праведенъ, чтобы опредѣлить награду достойную, и благъ, чтобы опредѣлить награду щедрую, и всемогущь, чтобы исполнить Свое опредѣленіе во всей силѣ онаго? Внидетъ ли кто изъ насъ въ сію радость, безъ сомнѣнія, блаженную; поелику призывающій къ ней есть Источникъ блаженства?

Возрадуйтеся въ той день. Какой это день, предназначенный для радости? Придетъ ли онъ и къ намъ? Доживемъ ли мы до него?

Прочитаемъ въ большей полнотѣ слова Христовы, предназначающія день сей, чтобы намъ узнать его.

Блажени будете, глаголетъ Онъ, *егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы и поносятъ, и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына человѣческаго ради. Возрадуйтеся въ той день и взыграйте.*

Итакъ день, въ который Христіанамъ должно возрадоваться и взыграть, есть время, когда ихъ, за имя Хрістово, ненавидятъ, разлучаютъ, безславятъ. Теперь хотите ли дожить до сего дня, насладиться сею радостію? Или, еще не видя его, желаете, чтобы онъ прошелъ мимо васъ, и уже не хотите вкусить радости, которой вкуса не знаете? Не льзя осуждать того, кто скажетъ въ семъ случаѣ слова Хрістовы: *да мимо идетъ отъ мене чаша сія*, то есть, чаша ненависти отъ человѣковъ, гоненія, безславія: но также не льзя не восхвалить того, у кого достанетъ духа непрерывно договорить и слѣдующія: *обаче не яко же азъ хощу, но яко же Ты*, Отче Небесный!

Премудрымъ и непостижимымъ судьбамъ Божіимъ предоставляя избирать достойныхъ къ трудному подвигу, и возводить къ высокому блаженству — страдать за Христа, не пропустимъ безъ особеннаго вниманія того, для всѣхъ вообще удобонаставительнаго, слова Хрістова, которое побуждаетъ, для совершенія подвиговъ, и для перенесенія страданій, достаточную силу и ободряющую надежду почерпать изъ помышленія о небесной наградѣ: *се бо мзда ваша многа на небеси.*

Есть и такія, вѣроятно не многія, возвышенныя души, которыя, въ сердечныхъ помышленіяхъ и

желаніяхъ, проходя мимо, и оставляя позади себя всякую, не только земную, но и небесную награду, прямо, чисто, единственно стремятся ко благоугожденію предъ Богомъ, и къ соединенію съ нимъ любовію. *Что ми есть на небеси?* восклицаетъ Псалмопѣвецъ къ Богу, *и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ* (Псал. LXXII. 25. 26). Не желаю, говоритъ, ничего земнаго; и на небесахъ не ищу ничего, кромѣ Бога небеснаго; не чувственныхъ удовольствій алчетъ плоть моя, не любви тварей жаждетъ сердце мое; самую завидную между человѣками долю безъ зависти уступаю всякому желающему; моя доля есть Богъ; сердце мое хочетъ исчезнуть тамъ, гдѣ Его не находитъ, и возродиться тамъ, гдѣ обрѣсти Его можно; самая плоть моя томится желаніемъ единственнаго *насыщенія*, — *внегда явитимися славѣ Его.* О семъ состояніи нѣкоторыхъ благочестивыхъ душъ, для многихъ изъ слушающихъ сіе, не знаю, что сказать, развѣ сіи слова Господни, сказанныя объ одномъ изъ особенныхъ состояній благодатныхъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ.*

Впрочемъ, если желаніе награды и не есть совершенство, Богъ однакоже не возбраняетъ человѣку помышлять о наградѣ; и даже Самъ употребляетъ мысль о наградѣ для поощренія человѣка къ исполненію заповѣдей и къ достиженію совершенства. *Чти отца твоего и матерь твою*: вотъ заповѣдь. И вотъ въ слѣдъ за нею награда, поощряющая къ исполненію ея: *да благо ти будетъ, и да*

долголѣтенъ будеши на земли блазѣ (Исх. XX. 12.). *Аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ:* вотъ требованіе совершенства. И вотъ непосредственно за симъ награда, поощряющая къ достиженію сего совершенства: *и имѣти имаши сокровище на небеси* (Матѳ. XIX: 21.) *Возрадуйтеся въ той день,— егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы и поносятъ, и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына человѣческаго ради:* вотъ великое требованіе подвига, для котораго нужна необыкновенная сила духа и непоколебимое терпѣніе. Для сего вотъ и великая награда, способная возбудить и поддержать необыкновенную силу духа: *се бо мзда ваша многа на небесѣхъ.*

Ветхій Завѣтъ, какъ приготовительный къ совершенству Христіанскому, открытымъ образомъ говоритъ наиболѣе о наградахъ земныхъ; потому что, примѣняясь къ понятіямъ людей, которымъ былъ данъ, по необходимости долженъ былъ и духовныя созерцанія небеснаго блаженства облекать въ чувственныя изображенія благополучія земнаго. Завѣтъ Новый, какъ открывающій совершенство царствія небеснаго, въ его духовной силѣ и высокой чистотѣ, обыкновенно указуетъ своимъ подвижникамъ и страдальцамъ награды небесныя: а земныя не только пренебрегаетъ, какъ маловажныя, но иногда почитаетъ даже урономъ наградъ небесныхъ. *Воспріемлютъ мзду свою*, говоритъ Господь о лицемѣрахъ, ищущихъ посредствомъ добродѣтели, славы человѣческой: то есть, они получили свою награду

на земли, отъ человѣковъ, и потому не получатъ ея на небеси, отъ Бога Вмѣсто того, что древній Законъ ласкалъ земнымъ благополучіемъ: *благо ти будетъ; долголѣтенъ будеши на земли блазъ;* Евангеліе земнымъ благополучіемъ угрожаетъ, какъ опаснымъ, а презрѣніе сего благополучія полагаетъ залогомъ небеснаго блаженства: *кая польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, и отщетитъ душу свою? Любяй душу свою погубитъ ю; и ненавидяй души своея въ мірѣ семъ въ животъ вѣчный сохранитъ ю* (Іоан. XII. 25.).

По сему разсужденію, каждый изъ слышащихъ сіе имѣетъ случай предложить себѣ, и можетъ просто для себя рѣшить, — не маловажный, надѣюсь, для каждаго изъ насъ вопросъ: истинный ли я Христіанинъ, или нѣтъ? Если ты истинный Христіанинъ: то ты вѣрно не привязанъ душею ко временному благополучію, не пристрастенъ къ земнымъ наградамъ; поощряешь и утѣшаешь себя мыслію о наградѣ небесной и вѣчной. А если ты забываешь о небесной и вѣчной наградѣ, домогаясь временной корысти, чести, удобства жить въ свое удовольствіе: не прельщайся; такія расположенія не показываютъ духа истинно Христіанскаго. Кто управляется и одушевляется желаніемъ только земной награды: тотъ есть земный Ветхозаветникъ, далекій отъ совершенства духовнаго, и отъ стяжанія сокровища небеснаго. Кто дѣлаетъ добрыя дѣла для временной корысти, или для славы человѣческой: тотъ еще не вышелъ изъ области язычества; онъ вырабатываетъ кумиры добродѣтелей на про-

дажу или на зрѣлище: онъ воспріемлетъ мзду свою отъ человѣковъ, и потому небеса и Богъ ничѣмъ болѣе не должны ему.

Не скажутъ ли, что сіе разсужденіе слишкомъ строго, и затворяетъ всѣхъ подъ грѣхомъ? Ибо не естественно ли, скажутъ, человѣку и на землѣ искать, гдѣ лучше, подобно какъ рыба ищетъ, гдѣ глубже? — Если кто подлинно сіе скажетъ: тотъ пусть знаетъ, что не мы строгимъ разсужденіемъ затворяемъ его подъ грѣхомъ; но судъ Слова Христова и нерадѣніе послѣдовать сему Слову, затворяютъ его подъ грѣхомъ. Если и естественно желать лучшаго земнаго: но не согласно съ разумомъ искать онаго съ забвеніемъ и утратою наилучшаго небеснаго И если вы хотите держаться только естественнаго: то смотрите, не отпадаете ли чрезъ сіе отъ благодатнаго, которое выше естественнаго? Опираясь на мнимыя естественныя ваши права, не отвергнете ли вы сихъ положеній благодатнаго закона: *не сребролюбцы нравомъ, довольни сущими* (Евр. XIII. 5.); — *честію другъ друга больша себе творяще* (Рим. XII. 10); — *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. XIII. 14.)?

Но если уже вамъ непремѣнно угодно естественное: подлинно ли естественно исканіе земныхъ воздаяній, какое столь обыкновенно примѣчается между нами; если естественнымъ называть должно не то, чего требуютъ не управляемыя желанія и не удерживаемыя страсти, но то, что изъ истинныхъ потребностей естества человѣческаго происходитъ, имъ соотвѣтствуетъ, имъ удовлетворяетъ? Когда

наемникъ желаетъ платы, достаточной для пропитанія, не только во дни работы, но и на дни необходимаго потомъ отдыха: не спорю, что естественно ему желать такого воздаянія. Но когда богатый не хочетъ ничего сдѣлать безъ того, чтобы не извлечь изъ дѣла выгоды, даже, если можно, двойной и тройной выгоды: что тутъ естественнаго? Когда проходящій какое-либо служеніе за каждый годъ, или за каждое сколько нибудь особенное дѣйствіе служенія, хочетъ большей и большей платы, высшаго и высшаго званія или отличія: что и тутъ естественнаго? Требуетъ ли того природа человѣка, и служитъ ли то къ его совершенству, чтобы на него сыпали деньги, названія, украшенія?

Не лучше ли было бы, напротивъ, и для естественнаго состоянія человѣковъ, если бы они взирали не столько на земныя воздаянія, всегда малыя въ сравненіи съ трудами для нихъ употребляемыми, и мало радующія въ сравненіи съ непріятностями исканія, соревнованія, лишенія, сколько на небесную награду, всегда великую, вполнѣ радующую, никогда не отъемлемую? Если бы каждый непрестанно имѣлъ предъ очами свою *мзду многую на небеси*, которую и властенъ каждый имѣть предъ очами непрестанно: то, удовлетворяемый чаяніемъ оныя, каждый не такъ страстно искалъ бы воздаяній земныхъ и утѣшеній временныхъ; продающій менѣе бы корыстолюбствовалъ; судящій охотнѣе предпочелъ бы безчестной мздѣ неправды безмездную правду; обязанный служить обществу рѣшительнѣе предпочиталъ бы общую выгоду своей лич-

ной, и не отрекался бы отъ служенія общему благу, хотя бы и не отдавали всей справедливости его служенію: поставленный въ подчиненность и послушаніе удобнѣе забывалъ бы свою волю, и менѣе тяготился взыскательностію начальствующаго; рабъ усерднѣе и веселѣе работалъ бы и нещедрому господину; кратко сказать, мыслію о небесной наградѣ поддерживаемое безкорыстіе каждаго непрестанно увеличивало бы сокровище общаго блага человѣковъ, и внутреннее сокровище добродѣтели въ сердцѣ каждаго.

Господи, щедрый въ обѣщаніи, и вѣрный въ исполненіи! Утверди насъ въ благотворномъ памятованіи и чаяніи *мзды многія на небеси*, да и воздаянія земныя не будутъ для насъ приманчивы, и скорби или потери временныя не будутъ несносны. Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

РѢЧИ.

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

РѢЧИ.

1. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ, ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ, ГОВОРЕННАЯ АВГУСТА 25 ДНЯ 1823 ГОДА.

Предъ Богомъ срѣтаемъ Тебя, благочестивѣйшій государь! и благодаримъ Его, что утѣшаетъ насъ Тобою; и молимъ Его, да утѣшитъ и Тебя нами.

Воззри еще на сей царелюбивый народъ; и утѣшься его любовію, которая и сокрываемому въ глубокой нощи пришествію Твоему не допустила утаиться, но воспріяла Тебя гласомъ восторга.

Воззри еще на сей много-вѣковый царственный градъ, который дано Тебѣ, въ краткое время, изъ развалинъ и пепла возродить; и утѣшься симъ, какъ знаменіемъ того, что Богъ, посѣтившій неправды наши, еще сохранилъ здѣсь благословеніе

праведныхъ: ибо въ *благословеніи правыхъ возвысится градъ*, говоритъ Слово правды (Притч. XI. 11.).

Богъ благословеній да споспѣшествуетъ Тебѣ вы-ну и въ важнѣйшемъ царственномъ зиждительствѣ Твоемъ, — въ зиждительствѣ и возвышеніи нравственнаго и духовнаго порядка, въ утвержденіи вѣры и правды, которыми и цари велики, и царства непоколебимы.

Господи! спаси царя, и благослови, и *сохрани вхожденіе Его и исхожденіе Его*, ко спасенію царства.

2. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ, ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОВОРЕННАЯ ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ, АВГУСТА 30 ДНЯ, 1823 ГОДА.

Благочестивѣйшій Государь!

Тогда, какъ вся Россія приноситъ Богу радость о благоденствіи Твоемъ, и молитву о продолженіи онаго, мы, обитатели сей столицы, имѣемъ еще то дополненіе радости, что видимъ Тебя Самого участвующаго въ нашей молитвѣ, и что Ты можешь видѣть нашу радость.

Тотъ, Который обѣщалъ исполнить молитву двухъ или трехъ человѣкъ, приносимую въ вѣрѣ и единодушіи, да совершитъ молитву, которую нынѣ единодушно приносятъ о Тебѣ многіе милліоны Твоихъ вѣрноподданныхъ; а намъ да даруетъ чаще наслаждаться сею полнотою радости въ Твоемъ лицезрѣніи.

5. РѢЧЬ

ПРИ ВСЕНАРОДНОМЪ ОТКРЫТІИ, ХРАНЯЩАГОСЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ, ЗАВѢЩАТЕЛЬНАГО АКТА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, О НАЗНАЧЕНІИ НА НАСЛѢДСТВЕННЫЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ, ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, ГОВОРЕННАЯ ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ 1825 ГОДА.

По собраніи въ большомъ Успенскомъ Соборѣ Правительствующаго Сената, Военныхъ и Гражданскихъ Чиновъ и народа, Архіепископъ Московскій, въ полномъ облаченіи, въ предшествіи прочаго духовенства, вышелъ изъ Святаго Олтаря, неся надъ головою сребряный ковчегъ, остановился у приготовленнаго на предъолтарномъ Амвонѣ стола, и, имѣя предъ собою ковчегъ, говорилъ:

Внимайте, Россіяне!

Третій годъ, какъ въ семъ Святомъ и освящающемъ Царей Храмѣ, въ семъ ковчегѣ, который вы видите, хранится великая воля Благословеннаго Александра, назначенная быть послѣднею Его волею.

Ему благоугодно было закрыть ее покровомъ тайны: и хранители не смѣли прежде времени коснуться сего покрова.

Прошла послѣдняя минута Александра; настало время искать Его послѣдней воли: но мы долго не знали, что настало сіе время.

Внезапно узнаемъ, что Николай, съ наслѣдованною отъ Александра кротостію и смиреніемъ, возводитъ старѣйшаго Брата; и въ тоже время повелѣваетъ положить новый покровъ тайны на Хартію Александра.

Что намъ было дѣлать? Можно было предугадывать, какую тайну заключаетъ въ себѣ Хартія, присоединенная къ прежнимъ Хартіямъ о наслѣдованіи Престола. Но не льзя было не усмотрѣть и того, что открыть сію тайну въ то время, значило бы раздрать на двое сердце каждаго Россіянина. Что же намъ было дѣлать?

Ты видишь, Благословенная Душа, что мы не были невѣрны Тебѣ: но вѣрности нашей не оставалось инаго дѣла, какъ стеречь сокровище, которое не время было вынести на свѣтъ; — какъ оберегать молчаніемъ то, что не позволено было провозгласить. Надлежало въ семъ ковчегѣ, какъ-бы во гробѣ, оставить Царственную тайну погребенною, и Небесамъ предоставить минуту воскресенія.

Царь царствующихъ послалъ сію минуту. Теперь ничто не препятствуетъ намъ сокрушить сію печать, раскрыть сей, Государственную жизнь сокрывающій, гробъ. Великая воля Александра воскреснетъ.

Россіяне! двадцать пять лѣтъ мы находили свое счастіе въ исполненіи Державной воли Александра Благословеннаго. Еще разъ вы ее услышите, исполните, и найдете въ ней свое счастіе.

Послѣ сего снята съ ковчега печать, вынутъ изъ него конвертъ, и по освидѣтельствованіи на немъ печати и собственноручной надписи въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, открытъ и прочитанъ Архіепископомъ Высочайшій Манифестъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича съ приложеннымъ при немъ оригинальнымъ Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича отреченіемъ отъ права на наслѣдованіе Престола. За симъ приступлено къ присягѣ на вѣрность подданства Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу съ установленною торжественностію.

4. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ, ГОВОРЕННАЯ АПРѢЛЯ 30 ДНЯ, 1826 ГОДА.

Благочестивѣйшая Государыня!

Нѣкто видѣлъ, и вопрошалъ внезапное видѣніе: *кто сія проницающая аки утро* (Пѣсн. VI. 9.)?

Мы видимъ, и не какъ внезапно явившуюся вопрошаемъ, но какъ всегда вожделѣнную, Тебя призываемъ: пріиди, *проницающая аки утро*, сквозь остающійся еще сумракъ, послѣ глубокой предшествовавшей нощи, — восходящая, какъ тихая заря, предвѣстница новаго Солнца, изъ Тебя Россіи возсіявшаго, нами съ нетерпѣніемъ ожидаемаго.

Пріиди, Матерь Царей! Отецъ Свѣтовъ да благословитъ входъ Твой; и да совершитъ приносимую намъ Тобою надежду, вскорѣ увидѣть въ полнотѣ Священной славы, уже сіяющаго Царскими доблестями, Николая, — Твое и наше утѣшеніе.

5. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ ДЛЯ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ И МУРОПОМАЗАНІЯ, ГОВОРЕННАЯ АВГУСТА 22 ДНЯ, 1826 ГОДА.

Благочестивѣйшій Государь!

Наконецъ ожиданіе Россіи совершается. Уже Ты предъ вратами Святилища, въ которомъ отъ вѣковъ хранится для Тебя Твое наслѣдственное освященіе.

Нетерпѣливость вѣрноподданническихъ желаній дерзнула бы вопрошать: почто Ты умедлилъ? если бы не знали мы, что какъ настоящее торжественное пришествіе Твое намъ радость, такъ и предшествовавшее умедленіе Твое было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ Ты явить намъ Твою славу, потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты грядешь наконецъ, яко Царь, не только наслѣдованнаго Тобою, но и Тобою сохраненнаго царства.

Не возмущаютъ ли при семъ духа Твоего прискорбныя напоминанія? — Да не будетъ! И крот-

кій Давидъ имѣлъ Іоава и Семея (3 Цар. II. 5—8.): не дивно, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сіи плевелы; а преемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву: что жъ, если и преемнику Александра палъ сей жребій Соломона? — Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ народу, что̀ даровалъ ему Богъ въ Соломонѣ.

Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости. Твоей и нашей! *Царь возвеселится о Господѣ. Сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ.* Да *начнетъ все множество хвалити Бога: благословенъ грядый Царь во имя Господне!* Всеобщая радость, воспламеняя сердца, да устроитъ изъ нихъ одно кадило предъ Богомъ, чтобы совознести ѳиміамъ Твоего сердца, да снидетъ благодатное осѣненіе Царя царствующихъ на Тебя и Твое царство.

Вниди, Богоизбранный и Богомъ унаслѣдованный Государь Императоръ! знаменіями Величества облеки свойства истиннаго Величества. *Помазаніе отъ Святаго* да запечатлѣетъ все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долгодѣйственнымъ и вѣчнымъ.

6. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, ПРИ СРѢТЕНІИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ, ГОВОРЕННАЯ СЕНТЯБРЯ 25 ДНЯ, 1826 ГОДА.

Боговѣнчанный Государь и Помазанникъ Божій!

Съ сихъ священныхъ высотъ, которыя предъ очами Твоими, пять нескудныхъ достопамятностями вѣковъ привѣтствуютъ сію минуту, которая умножаетъ достопамятности сего мѣста.

Здѣсь, гдѣ Димитрій Донскій искалъ совѣта къ побѣдѣ, Петръ великій — безопасности, многіе Твои Предки и предшественники — подкрѣпленія и ободренія духа, для великихъ подвиговъ великаго званія, — здѣсь являешься и Ты, чтобы положить Царственные совѣты души Твоей предъ Олтаремъ Трiипостаснаго Бога, при гробѣ избраннаго раба Божія. Новый, къ прежнимъ, подвигъ царскаго благочестія! Новая посему надежда нѣбесныхъ благословеній на Царя и царство.

Если бы кто въ особенности спросилъ, что значитъ сіе путешествіе къ пустынному Олтарю; вско-

рѣ послѣ Царственныхъ молитвъ и Царственнаго освященія Твоего въ Твоемъ Первопрестольномъ Градѣ: въ изъясненіе сего можно указать еще древнѣйшій примѣръ, какъ новый, но уже помазанный и *укрѣпившійся на царствѣ своемъ*, Царь народа Божія, отъ *Кивота Господня*, бывшаго въ престольномъ градѣ Іерусалимѣ, восходилъ съ молитвою въ Гаваонъ, *къ Скинии свидѣнія Божія, юже сотвори Моисей рабъ Божій въ пустыни*; тамъ особенно приближился къ Богу, просилъ отъ Него Царской мудрости, и, за сіе превосходное прошеніе, преизбыточто награжденъ и мудростію, и богатствомъ, и славою (2 Пар. I. 1—12.).

Таковыми воспоминаніями вразумленные о духѣ настоящаго событія, мы вновь спѣшимъ, Благочестивѣйшій Государь, и здѣсь въ пустынѣ, подобно какъ прежде въ Столицѣ, къ Твоей Царской молитвѣ присоединиться общими моленіями: да *дастъ Ти Господь по сердцу Твоему, и весь совѣтъ Твой исполнитъ*, да пребудетъ *Вѣнецъ* Твой присносіяющъ мудростію, *Держава* Твоя непобѣдимо сильна правдою и благостію, *Скипетръ* Твой благодвиженъ посредствомъ закона и порядка; да содѣлается Царство Твое образцемъ царствъ благоуправляемыхъ, да сохранится Августѣйшее Семейство Твое, какъ образецъ семействъ благословенныхъ!

7. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ, ГОВОРЕННАЯ СЕНТЯБРЯ 29 ДНЯ, 1830 ГОДА, ВО ВРЕМЯ ОТКРЫВШЕЙСЯ ВЪ МОСКВѢ ГУБИТЕЛЬНОЙ БОЛѢЗНИ.

Благочестивѣйшій Государь!

Цари обыкновенные любятъ являться Царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ какъ Царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ Твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать. Такое Царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели Христіанской. Царь небесный провидитъ сію жертву сердца Твоего, и милосердо хранитъ Тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ Крестомъ срѣтаетъ Тебя, Государь, да идетъ съ Тобою воскресеніе и жизнь.

8. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ, ГОВОРЕННАЯ СЕНТЯБРЯ 20 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Благочестивѣйшій Государь!

Каждый годъ является весна, каждый день восходитъ солнце: но явленіе ихъ всегда ново, всегда радостно для земли, которая въ нихъ чувствуетъ свою собственную жизнь. Такъ радость лицезрѣнія Твоего, вѣнчанный Свѣтъ нашъ, по благости Твоей къ намъ уже не рѣдкая, и теперь, какъ-бы въ первый разъ, нова для насъ, и полна, потому что сердца наши чувствуютъ въ Тебѣ душу народной жизни.

Да будетъ же наша о Тебѣ радость, радостна и Тебѣ; ибо кромѣ сего нѣтъ для Тебя за насъ достойной на земли награды.

Царь царствующихъ да продолжитъ сохранять Тебя, такъ же во всемъ Твоемъ царствѣ, какъ и въ Твоемъ благословенномъ семействѣ, Отцемъ о чадѣхъ веселящимся.

9. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ, ГОВОРЕННАЯ СЕНТЯБРЯ 8 ДНЯ, 1834 ГОДА.

Благочестивѣйшій Государь!

Объ одномъ изъ Благочестивѣйшихъ Царей народа Божія написано: *и вселися Іосафатъ во Іерусалимъ, и паки изыде къ людемъ отъ Вирсавіи даже до горы Ефремли, и возврати ихъ ко Господу Богу отецъ своихъ* (2 Пар. XIX. 4.). Вотъ древнѣйшій образецъ повременныхъ путешествій Царя по Царству, для блага народа.

Въ сумракѣ древности, Ты могъ не примѣтить сего образца Твоихъ путей, управляемыхъ собственною Царскою мудростію и отеческимъ попеченіемъ о нашемъ благѣ. но тѣмъ паче примѣчательно для насъ, что, такъ сходно съ древнимъ Священнымъ образцемъ, *и паки сходиши къ людемъ*, отъ столицы до столицы, отъ области до области Твоей великой Державы; и въ самую сію

минуту, высокимъ примѣромъ Твоего благочестія возвышаешь сердца людей сихъ *ко Господу Богу отецъ Своихъ.*

Такъ на необъятномъ разстояніи временъ и мѣстъ, виденъ опытъ одной и той же истины, что пути Благочестивыхъ Царей имѣютъ сходное между собою направленіе, потому что ихъ направляетъ одна невидимая рука; потому что *сердце Царево въ рукѣ Божіей.*

Посему предъ симъ Святилищемъ Божіимъ, привѣтствуемъ Тебя, Благочестивѣйшій Государь, не только по чувству любви радостнымъ, но и по чувству благоговѣнія священнымъ привѣтствіемъ: *благословенъ грядый во имя Господне!* Господь Самъ да благословляетъ Царскія пути Твои миромъ и всякимъ благомъ для Тебя и вѣрнаго Богу и Тебѣ Твоего народа.

10. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, ПО СЛУЧАЮ ПРИБЫТІЯ ВЪ МОСКВУ БЛАГОВѢРНАГО ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ПРЕСТОЛА, ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА И ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ВЪ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ, ГОВОРЕННАЯ ОКТЯБРЯ 19 ДНЯ, 1834 ГОДА.

Благочестивѣйшій Государь!

Столица, радующаяся при одной мысли, что ей даровано быть колыбелью Твоего Первенца, — естественно, съ живѣйшею радостію видитъ въ годъ совершеннолѣтія Того, Котораго приняла она въ день рожденія отъ самаго нѣдра Благочадныя Матери. Радость сія возвышается и еще — восхитительною мыслію, что Твоя любовь даритъ намъ нынѣ сію нечаянную радость.

Такая радость не нашла бы для себя довольно словъ Но за нее можетъ говорить простая сердечная молитва: да хранитъ Господь выну Тебя — нашъ миръ и нашу радость, и Твоего Возлюблен-

наго Наслѣдника — нашу надежду, и да продолжитъ умножать Твои семейственныя радости, которыми такъ отечески дѣлишься съ Твоимъ же, обширнымъ семействомъ — Твоихъ вѣрноподданныхъ.

11. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ВЪ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ, ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИЗЪ ЗАКАВКАЗСКАГО ПУТЕШЕСТВІЯ, ОКТЯБРЯ 27 ДНЯ, 1837 ГОДА.

Благочестивѣйшій Государь!

Слава Богу. Ты возвращаешься. Ты перешелъ горы, и горы отпялъ отъ нашихъ сердецъ, озабоченныхъ трудностями Твоихъ исполинскихъ путей по землямъ и морямъ Твоей исполинской державы.

Но конецъ заботливымъ помысламъ. Осталось съ удивленіемъ радоваться.

Продолжая и усовершая начатое Преобразователемъ Россіи,—давно ли, подобно ему, Ты стоялъ на брегѣ Невы, и, подъ Собственными глазами Твоими созданный корабль, собственнымъ мановеніемъ устремлялъ въ воды западныхъ морей? И уже Ты приходишь къ намъ изъ того восточнаго края, гдѣ дальновидный Петръ едва успѣлъ поста-

вить стопу ноги, и гдѣ Ты твердо и обширно владычествуешь.

А между тѣмъ—тамъ—твердыни, которыми Ты ограждаешь нашу безопасность, становились еще тверже подъ Твоими стопами. Тамъ—горы, освященныя Апостоломъ Россіи, смирялись подъ Твоими колѣнопреклоненіями предъ древнею святынею. Тамъ—поля Вознесенскія содрагались, тамъ—волны Черноморскія трепетали, отъ Твоихъ громовъ, мирныхъ, но сильныхъ, какъ бранные, мирныхъ, но тѣмъ не менѣе побѣдоносныхъ: ибо Твоимъ предусмотрительно благоустроеннымъ воинствомъ и среди мира Ты непрестанно побѣждаешь и низлагаешь, если не враговъ, то самый духъ вражды и тревоги, который привыкъ было колебать Европу.

Благочестивѣйшій Государь! подвиги не утомляютъ Тебя. Но если, по слову Премудраго, *время всякой вещи*, а слѣдственно должно быть нѣкоторое время и покою: то пріиди, много ради насъ подвизающемуся Духу Твоему дай опочить—на нашихъ сердцахъ.

Благословеніе же Господне, которое одно даетъ и утверждаетъ истинный миръ и покой, да почиваетъ выну на Тебѣ, и на Твоемъ Августѣйшемъ Семействѣ, и на Твоей Россіи.

12. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ, СЕНТЯБРЯ 4 ДНЯ, 1839 ГОДА, ПОСЛѢ ОТКРЫТІЯ БОРОДИНСКАГО ПАМЯТНИКА.

Благочестивѣйшій Государь!

Съ благоговѣніемъ слышалъ Твой древлепрестольный градъ, какъ Ты, воздая честь подвигамъ рода минувшаго, въ тоже время поучалъ подвигамъ родъ настоящій и грядущій, — какъ освящалъ славу благочестіемъ, — какъ чуждую нѣги жизнь воинскаго стана услаждалъ для воиновъ — Твоимъ примѣромъ.

Наконецъ и видитъ Тебя Твой древлепрестольный Градъ, и радостными взорами особенно ищетъ теперь увидѣть во взорахъ Твоихъ отсвѣтъ радости, озарившей недавно Твой Благословенный Домъ.

Твой Первенецъ возвратился въ Твои объятія, плѣнивъ сердца и чуждыхъ народовъ доблестями, которыя наслѣдовалъ отъ Тебя рожденіемъ, и которыя Ты образовалъ въ Немъ воспитаніемъ.

Любовь къ Отечеству Твоей первой Дщери, при Твоемъ Родительскомъ попеченіи, навсегда упрочила Ее для Россіи, содѣлавъ и Супруга Ея Сыномъ Россіи.

Вниди въ сіе царственное святилище соединить Твою благодарную молитву съ нашею; и новыя благодѣянія Неба да орошаютъ выну Твое благодарное предъ Богомъ сердце.

13. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, ПРИ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ЗАЛОЖЕНІИ ХРАМА ВО ИМЯ ХРІСТА СПАСИТЕЛЯ, ВЪ МОСКВѢ, СЕНТЯБРЯ 10 ДНЯ, 1839 ГОДА.

Благочестивѣйшій государь!

Есть для нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ особенная судьба Провидѣнія Божія, по которой одному избранному дается возвышенная мысль, а другому предоставляется величественное исполненіе. Въ ожиданіи сего плотскому оку представляется, что дѣло не успѣваетъ: но предъ очами Провидѣнія оно преуспѣваетъ. Вмѣсто одного избраннаго имѣетъ оно двухъ; и сквозь одно дѣло просіяваетъ много добродѣтелей: въ предпріемлющемъ—не только доброе намѣреніе, но и смиреніе, и терпѣніе, и покорность судьбамъ Божіимъ, когда онъ долженъ уступить другому исполненіе,—въ исполняющемъ — не только благое дѣланіе, но и безкорыстіе, велико-

душіе, братолюбіе, когда исполняетъ мысль другаго какъ-бы свою.

Такъ Давидъ, благодарный Богу за утвержденіе своего царства, помышляетъ создать Ему храмъ въ Іерусалимѣ, и въ семъ утверждается совѣщаніемъ съ Наѳаномъ. Мысль прекрасна; Пророкъ изобрѣлъ се; Пророкъ одобрилъ: однако и два Пророка не угадали судьбы Провидѣнія, пока она имъ не явилась. Исполнителемъ мысли Давидовой Богъ назначаетъ Соломона. *Той созиждетъ домъ имени Моему, и управлю престолъ его до вѣка* (2 Цар. VII. 13.).

Такъ Александръ Благословенный, благодарный Богу за спасеніе Своего Царства, помышляетъ создать, для священныхъ воспоминаній и благодарныхъ молитвъ, Храмъ Христу Спасителю, въ Столицѣ, бывшей всесожженіемъ за спасеніе Отечества, и возрожденной изъ пепла. Мысль Его провозглашена; Церковь благословляла начинаніе Благословеннаго. Ты единъ изъ Братій Его стоялъ тогда подлѣ Него: и — теперь мы видимъ, что Тебѣ еще тогда указалъ Вседержитель исполнить Священный обѣтъ Державнаго Брата Державною рукою.

Итакъ, Россіяне, мы въ современныхъ происшествіяхъ читаемъ древнюю книгу Богоправимыхъ Царствъ! Священныя времена проходятъ предъ нами въ дѣяніяхъ нашихъ Царей! Какое утѣшеніе для вѣры! Какая надежда для Отечества!

Благочестивѣйшій Государь! Да *утвердится*

сердце Твое во Господѣ; да *вознесется рогъ Твой въ Бозѣ Твоемъ*; Спаситель міра, спасшій Россію, да благоспѣшитъ Тебѣ *создати сей Домъ имени Его, и да управитъ Престолъ Твой до вѣка.*

14. РѢЧЬ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ЕГО ИМПЕРАТОСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СЪ ВЫСОКОНОВОВРАЧНЫМИ, ГОСУДАРЕМЪ НАСЛѢДНИКОМЪ ПРЕСТОЛА, ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ, ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ, И ГОСУДАРЫНЕЮ ЦЕСАРЕВНОЮ, ВЕЛИКОЮ КНЯГИНЕЮ МАРІЕЮ АЛЕКСАНДРОВНОЮ, ВЪ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ, МАІЯ 14 ДНЯ, 1841 ГОДА

Благочестивѣйшій Государь!

Уже сердце Россіи трепетало радостію при вѣсти о радости Твоего родительскаго сердца и двухъ сердецъ, соединенныхъ на радость Россіи. Твой Первородный, исполнивъ Собою высокія надежды Отечества, исполняетъ его пріятными надеждами, избравъ и соединивъ съ Собою священными узами достойную Сонаслѣдницу благословеній, которыми ущедрено свыше Твое Августѣйшее Семейство.

Но нынѣ, по любви Твоей, къ подданнымъ Отеческой, Ты благоволилъ и наградить, и еще возвысить вѣрноподданническую радость Твоей древней

Столицы, даруя ей счастіе лицезрѣнія Твоего и Виновниковъ Твоей и нашей радости.

Святая же Церковь свойственною ей духовною радостію радуется, когда Ты, Благочестивѣйшій Государь, среди веселія Твоего Дома, воспомянувъ святыню сего древняго Дома Божія, притекаешь въ сіе святилище Царей, чтобы Твою и Чадъ Твоихъ радость благодарственно и молитвенно принести Богу, ее даровавшему.

Царь царей да исполняетъ во благихъ желанія Твои, и благословеніемъ благостыннымъ, обильнымъ, потомственнымъ, да благословитъ Благовѣрныхъ Александра и Марію, якоже благословилъ Благочестивѣйшихъ Николая и Александру.

15. РѢЧЬ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ, ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ВЪ МОСКОВСКІЙ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ, АВГУСТА 4 ДНЯ, 1837 ГОДА.

Благочестивѣйшая Государыня!

Древняя Столица юнѣетъ отъ радости, встрѣчая Твой пресвѣтлый Материнскій взоръ, отражающійся въ цвѣтущихъ взорахъ Первороднаго изъ Твоихъ Сыновъ и Первородныя изъ Твоихъ Дщерей.

Какъ счастлива Москва, которой суждено было принять Твоего Первенца въ свои объятія, при самомъ Его рожденіи, — какъ она счастлива, что ей же даровано видѣть Его возвращеніе въ Твои объятія, послѣ первыхъ подвиговъ Его, въ жизни возмужавшей.

Возвращаясь, Онъ приноситъ Тебѣ радость, которою возрадовались о Немъ милліоны Россіянъ. Тобою рождена вся сія радость. Такъ благословилъ

Тебя Господь, купно съ Твоимъ Августѣйшимъ Супругомъ.

Да благословляетъ душа Твоя Господа святою радостію и благодареніемъ. Господь же Твое благодарное предъ Нимъ сердце да продолжитъ исполнять новыми благословеніями и радостями.

16. РѢЧЬ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВСЕРОССІЙСКАГО ПРЕСТОЛА НАСЛѢДНИКУ, ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ, ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ, АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ, ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ВЪ МОСКОВСКІЙ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ, ІЮЛЯ 24 ДНЯ, 1837 ГОДА.

Благовѣрный Государь!

Всегда свѣтло для насъ Твое пришествіе, какъ заря отъ Солнца Россіи, но на сей разъ новые виды, новыя чувствованія и думы.

Съ особенною радостію срѣтаемъ Тебя послѣ Твоего путешествія даже въ другую часть Свѣта, хотя все въ одномъ и томъ же Отечествѣ; ибо сердце наше трепетно слѣдовало за Твоимъ раннимъ, дальнимъ и быстрымъ полетомъ.

Но что значитъ сіе путешествіе? Не то ли, что сказалъ древній мудрецъ: *обходя страны умножитъ мудрость?* Тебѣ должно наслѣдовать мудрость, объемлющую огромнѣйшее изъ царствъ земныхъ: и дальновидная попечительность Августѣйшаго Родителя Твоего, сверхъ домашняго руководства къ сей мудрости, назначила для Тебя учебною храминою — Россію.

И что же? *Обходя страны* Россіи, уже Ты простерся далѣе, нежели кто либо изъ ея Царей. Собственное око Твое собираетъ или повѣряетъ и умножаетъ свѣдѣнія о ея силахъ, средствахъ и потребностяхъ. Какихъ вожделѣнныхъ плодовъ должна надѣяться отъ сего Россія!

Се и на древлепрестольный градъ простираешь наблюдательные взоры. Глубокая мысль ведетъ Тебя почтить здѣсь святыню, освящающую Царей и хранящую приснопамятный покой освященныхъ ею Твоихъ родоначальниковъ. Здѣсь наипаче прикасаешься Ты сердцу Россіи, и его жизненную силу, которая есть наслѣдственная любовь къ наслѣдственнымъ Государямъ, отразившую въ прежнихъ и нынѣшнемъ вѣкахъ столько враждебныхъ силъ, видишь въ ея свободной игрѣ,—въ сихъ волнахъ стремящагося къ Тебѣ народа, въ сихъ восторженныхъ взорахъ, въ сихъ торжественныхъ восклицаніяхъ.

Любовь Россіянъ да содѣлаетъ Тебѣ легкимъ трудъ, внушенный любовію къ Россіи.

Когда же возвратишься къ Возлюбленному Тебѣ и намъ Твоему Родителю: возвѣсти Ему, что Россія чувствуетъ Его дальновидную о ней попечительность; что мы благословляемъ Его какъ за себя самихъ, такъ и за потомство; что мы молимся, чтобы родъ и родъ потомства возрасталъ и созрѣвалъ предъ очами Его и Твоими, дабы за себя и за насъ благословлять Его и Тебя.

17. РѢЧЬ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, ВСЕРОССІЙСКАГО ПРЕСТОЛА НАСЛѢДНИКУ, ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ, ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ВЪ СВЯТО-ТРОИЦКУЮ СЕРГІЕВУ ЛАВРУ, АВГУСТА 2 ДНЯ, 1837 ГОДА.

Благовѣрный Государь!

Въ другихъ мѣстахъ предметомъ изслѣдованія Твоего были богатства природы, способы искусства, дѣйствія власти. Здѣсь наблюдательный взоръ Твой усмотритъ, что̀ можетъ одинъ человѣкъ, безъ пособій природы, искусства, власти, съ одною силою, часто непримѣтною для міра,—съ силою благочестія. Здѣсь была пустыня, и жили звѣри; потомъ была пу̀стыня, и жилъ одинъ отшельникъ.

Но какъ его удаленіе тѣломъ отъ міра было стремленіе сердцемъ къ Богу: то благословенія и силы Неба пролились на него, и оросили мѣсто его. Пустыня его превратилась въ вѣковую обитель, въ разсадникъ ученія и жизни духовной, въ сокровищницу даровъ благодатныхъ: и, поелику *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще*

живота нынѣшняго, также какъ *и грядущаго*, — Сергіева обитель сдѣлалась твердынею, на которую иногда могла опереться Столица и Россія. Подъ сими стѣнами сокрушились волны, которыя поглотили было Столицу и Россію отъ того, что потрясенъ былъ ея твердѣйшій оплотъ, — вѣрное наслѣдованіе Престола.

Благоговѣйное посѣщеніе Преподобнаго Сергія въ обители его, всегда было по сердцу Благочестивѣйшихъ Государей нашихъ. Что Ты наслѣдовалъ сіе благочестивое чувство, подобно какъ и все возвышенное, достойное Твоего рода, — тому свидѣтель — нынѣшній день.

Вниди, Благовѣрный Сыне Царя Благочестивѣйшаго! Предъ олтаремъ Тріипостаснаго Бога, предай желанія чистаго сердца неземному молитвеннику, который еще паче очиститъ и возвыситъ ихъ, и которому ближе положить ихъ на небесный Олтарь.

Намъ же даруй утѣшеніе вмѣстѣ съ Тобою молиться за безцѣнное долгоденствіе и благоденствіе Твоихъ Августѣйшихъ Родителей, и Твое.

18. РѢЧЬ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ, ЦЕСАРЕВИЧУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ, ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ВЪ СЕРГІЕВУ ЛАВРУ СЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ГОСУДАРЫНЕЮ ЦЕСАРЕВНОЮ ВЕЛИКОЮ КНЯГИНЕЮ МАРІЕЮ АЛЕКСАНДРОВНОЮ, МАЯ 8 ДНЯ, 1841 ГОДА.

Благовѣрный Государь!

Не въ долгое время вторично Ты шествуешь симъ Царскимъ путемъ: Царскимъ, говорю, потому что уже нѣсколько вѣковъ Государи Россійскіе и Ихъ Семейства по временамъ, шествуютъ отъ Престольнаго града сюда,—къ смиренному Обитателю пустыни.

Такова сила Вѣры Она и отрекшагося отъ міра дѣлаетъ подвижникомъ Отечества, паче пребывающаго въ мірѣ, и не только въ жизни, но и по смерти; и высокое преклоняетъ къ смиренному; и съ отжившимъ земный вѣкъ продолжаетъ живыя общенія.

Съ такими мыслями срѣтая Тебя, Благовѣрный

Государь, едва смѣемъ упомянуть, что мы здѣшніе радуемся Твоему пришествію; ибо не сіе достойно Твоего вниманія; но паче свидѣтельствуемъ, что пришествіе Твое въ сію Обитель радостно для всей Православной Россіи: поелику оно являетъ, что Ты шествуешь Царскимъ Родительскимъ и Прародительскимъ путемъ благочестія, ведя съ Собою тѣми же стопами и избранную Тобою Сопутницу жизни; и что для новыхъ надежд жизни взыскуешь новыхъ благословеній свыше.

Въ Троицѣ славимый Богъ, толикократно благословлявшій Царственныя молитвы, приносимыя Ему на мѣстѣ семъ, при предстательствѣ Угодника Своего, да срѣтитъ Васъ, Порфирородные Молитвенники, новыми дарами Своей вседержавной благости, и въ высокомъ счастіи жизни Вашей да даруетъ всегдашнее утѣшеніе Августѣйшимъ Родителямъ Вашимъ, и залогъ ненарушимаго благоденствія Отечеству.

19. РѢЧЬ

КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ЕПИСКОПУ ДМИТРОВСКОМУ КИРИЛЛУ, ПО РУКОПОЛОЖЕНІИ ЕГО ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ, ОКТЯБРЯ 26 ДНЯ 1824 ГОДА.

Многое и великое совершилось нынѣ надъ тобою: и отъ тебя востребовалось многое и великое. Ты принялъ великій даръ: и далъ великіе обѣты. Въ преподанномъ тебѣ дарѣ заключается для тебя залогъ многихъ благъ: а данные тобою обѣты призываютъ тебя ко многимъ подвигамъ. Привѣтствую тебя, ущедреннаго великимъ даромъ Божіимъ: страшусь вмѣстѣ съ тобою, испытуя бремя общихъ намъ обѣтовъ.

Съ какими же помышленіями, съ какими чувствованіями отпущу тебя отсюда, послѣ совершившагося надъ Тобою тайнодѣйствія? Съ помышленіями страха? Но церковь, призвавшая тебя въ служеніе мира для нея, не имѣла намѣренія взять отъ тебя твой собственный миръ; и притомъ возмущеніе духа страхомъ трудностей и опасностей не уменьшаетъ трудностей, не отвращаетъ опасностей, если не приближаетъ и не увеличиваетъ оныхъ. Съ чув-

ствованіями радости? Боюсь на земли радости, которая думаетъ, что ей нечего бояться. Умѣрь страхъ вѣрою во благодать, тебя посѣтившую, и надеждою на Того, Который избралъ и пріялъ тебя: умѣрь радость, недовѣріемъ къ самому себѣ, и ненадѣяніемъ на собственныя силы, и между страхомъ и радостію, какъ между двумя оградами отъ унынія и дерзости, узкимъ, но безопаснымъ путемъ, *иди въ миръ!*

Дабы вѣрнѣе утвердиться на пути служенія, на который ты нынѣ поставленъ, обрати взоры твои туда, гдѣ путь сей начинается. Начинается онъ, сколько я могу видѣть, отъ Іерусалима, и въ немъ отъ нѣкоего дома, *идѣже, сущи поздѣ, во едину отъ субботъ, и дверемъ затвореннымъ, бяху собрани ученицы* (Іоан. XX. 19.) Пастыреначальника нашего. Виждь Его тамо, ставшаго посредѣ ихъ, оглашающаго ихъ миромъ, дающаго имъ осязать Его воскресшее тѣло, исполняющаго ихъ страхомъ и радостію, дышущаго на нихъ Духомъ Святымъ, и такимъ образомъ, убитыхъ смертію Его воскрешающаго и возраждающаго въ причастіе воскресшей Его жизни, и тотчасъ указующаго имъ путь, который они въ сей силѣ Духа протекать должны. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы* (21). Виждь потомъ сихъ посланниковъ, протекающихъ вселенную, сѣющихъ слово истины и спасенія, раздающихъ сокровище благодати Святаго Духа, и, по достиженіи предѣла своего земнаго поприща, тоже посланничество предающихъ Богоноснымъ Отцамъ нашимъ. Виждь Богоносныхъ Отцевъ, простирающихъ

Апостольское преданіе изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, непрерывно и неизмѣнно, такъ что и до тебя нынѣ дошедшій жребій есть тотъ же, который вышелъ изъ рукъ Апостольскихъ; и тебѣ предлежащій нынѣ путь есть продолженіе того же пути, который проложили первые посланники Христовы. Какая дивная цѣпь посланничества! *Якоже посла Отецъ Небесный* Сына Своего Единороднаго; и Единородный Сынъ Божій послалъ Апостоловъ; и Апостолы, или паче Духъ Святый чрезъ Апостоловъ, послалъ Богоносныхъ Отцевъ нашихъ, а сіи паки другихъ, преемствовавшихъ имъ; и такимъ образомъ наконецъ и мы, аще и бренные или скудельные, присоединены къ златой, чистой и Божественной цѣпи посланниковъ Господнихъ. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы.*

Мысль о Божественномъ посланничествѣ Господа нашего Іисуса Христа, какъ первоначальномъ образѣ воспріемлемаго нынѣ тобою служенія, да будетъ тебѣ всегдашнимъ напутствіемъ въ прохожденіи онаго. *Отецъ посла Сына Спасителя міру:* подвизайся, послѣдуя Единому Верховному Спасителю, быть орудіемъ спасенія душъ человѣческихъ. *Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити, и дати душу Свою избавленіе за многихъ* (Матѳ. XX. 28.): по сему совершеннѣйшему примѣру, тщися и ты, какъ можно болѣе служить ради любви, а ради смиренія, какъ можно менѣе допускать, да послужатъ тебѣ; воспріими духъ пастыря добраго, душу свою полагающаго за овцы. *Азъ*, говоритъ Господь Пилату, *на сіе ро-*

дихся, и на сіе пріидохъ, да свидѣтельствую истину (Іоан. XVIII. 37): дерзай и ты за Нимъ на сіе идти, да свидѣтельствуешь истину, не страшась враговъ ея, и не смущаясь видомъ сильныхъ земли: *глаголи о свидѣніяхъ* Его *предъ цари, и не стыдися* (Псал. CXVIII. 46.). По образу кротости Его, берегись, чтобы *и трости сокрушенны не преломить, и льна курящася не угасить* (Матѳ. XII. 20.): а если обрящешь продающія и купующія въ Церкви, тебѣ ввѣренной; помяни снѣдавшую Его ревность Дома Божія. Если бы затрудненія и даже опасности тебя встрѣтили: вспомни, что и предъ Нимъ была чаша, которая еще прежде крестнаго страданія изпивала кровь Его; и однако ни крайняя опасность не была Ему смертоносна, ни даже самымъ дѣломъ совершившаяся смерть не была Ему опасна; притомъ помысли, что Прошедшій сквозь всякую опасность и самую смерть въ жизнь воскресенія и нынѣ посредѣ насъ; что Его дуновеніе, подающее Духа Святаго, и сюда простирается отъ Іерусалима, что слово: *Азъ посылаю вы*, не умолкло до нынѣ, а сіе слово есть творческое, слѣдственно, когда мы *по Христѣ посольствуемъ* (2 Кор. V. 20.), должно несомнѣнно вѣровать и уповать, что Посылающій насъ въ тоже время творитъ намъ силу, и приготовляетъ истинную, духовную безопасность: *Жезлъ силы послетъ тебѣ Господь* (Псал. CIX. 2.).

Таковыми размышленіями укрѣпляясь, благодушествуй, возлюбленный о Господѣ братъ, вступая на поприще тебѣ открытое; и помощію твоею облег-

чай мнѣ часть бремени, столько же и мнѣ, какъ тебѣ, страшнаго, но вмѣстѣ, ради Возложившаго и ради тѣхъ, которыхъ тяготы носить намъ должно, возлюбленнаго бремени.

Се вручаю тебѣ и жезлъ, частію какъ знаменіе силы, посылаемой тебѣ отъ Господа, частію какъ знаменіе пастырскаго попеченія о словесномъ стадѣ, отъ тебя ожидаемаго.

Возмогай о Господѣ, и нестѣсненнымъ сердцемъ возноси къ горнему Престолу Его молитвы о Святой Церкви Его, и о Благочестивѣйшемъ Помазанникѣ Его, и о послужившихъ настоящему твоему освященію.

20. РѢЧЬ

КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ЕПИСКОПУ ТАМБОВСКОМУ ЕВГЕНІЮ, ПО РУКОПОЛОЖЕНІИ ЕГО ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ, ІЮНЯ 9 ДНЯ, 1829 ГОДА.

Благодатію Всесвятаго Духа совершилось нынѣ надъ тобою дѣло, видимое въ своихъ знаменіяхъ, невидимое въ существѣ своемъ; таинственное въ отношеніи между знаменіями его и существомъ его, — дѣло, имѣющее видъ человѣческаго по своимъ орудіямъ, по воистину Божественное по силѣ въ немъ дѣйствующей, не столько понятное для разума, сколько ощутимое вѣрою, — можетъ быть, не довольно ощущаемое по нашему несовершенству, тѣмъ не менѣе существенное и дѣйствительное.

Святый Апостолъ говоритъ о *дарованіи*, которое *дается съ возложеніемъ рукъ свящественническихъ*, и которое *живетъ* въ человѣкѣ, пріявшемъ оное (1 Тим. IV. 14.). Какъ въ привитомъ деревѣ живетъ сила, производящая плодъ по роду и качеству прививка: такъ и въ человѣкѣ, которому священнымъ тайнодѣйствіемъ, такъ сказать, прививается благо-

датная сила, живетъ она потомъ, дѣйствуетъ чрезъ него, и производитъ благодатный плодъ по роду степени, въ какомъ сообщена.

Да не испытуетъ неукрощенное любопытство, какимъ образомъ при возложеніи рукъ, или священныхъ писменъ, или ризъ, передается духовная сила: но пусть благоговѣйный умъ наблюдаетъ и соображаетъ какъ еще въ тѣ времена, когда токи благодати не такъ отверзты были, какъ отверзлись въ язвахъ распятаго Спасителя, — еще, говорю, въ тѣ времена, Илія, напримѣръ, повергаетъ ризы свои на Елисея, и сей чувствуетъ непреодолимое побужденіе оставить все, чтобы вдругъ изъ простаго земледѣльца переродиться въ сына пророческаго; какъ опять тотъ же Илія въ минуту своего вознесенія низвергаетъ милоть свою на Елисея, и сей получаетъ съ нею сугубый духъ своего посвятителя; или какъ самый не благодатный изъ Архіереевъ (потому что произнесъ осужденіе на самую благодать и истину), еще обнаруживаетъ въ себѣ внѣшнюю пророческую силу, потому только, что онъ Архіерей: *не о себѣ рече,* замѣчаетъ Святый Евангелистъ, *но Архіерей сый, пророче* (Іоан. XI. 51.). Если еще во времена сѣней и гаданій такъ ясно иногда проявала таинодѣйственная сила: что должно думать о временахъ самой благодати и истины? Если въ сосудѣ..полномъ адскихъ вліяній, еще продолжала дѣйствовать прежде-вліянная въ него благодать Архіерейства: что сказать о сосудахъ, не только освященныхъ въ свое время таинодѣйствіемъ, но и сохраняющихъ, умножающихъ, возобновляю-

щихъ свое освященіе чистою вѣрою, чистою молитвою, чистою жизнію, очистительнымъ покаяніемъ?

Итакъ, Боголюбезный братъ и сопричастникъ тайнодѣйственныя благодати, вступивъ нынѣ во Святилище сіе съ вѣрою, что примешь *дарованіе* Божіе, изыди отсюдѣ съ новою вѣрою, что *живетъ* въ тебѣ отнынѣ сіе дарованіе: и сею вѣрою возбуждаемый, со страхомъ носи сокровище, которое *имамы въ скудельныхъ сосудахъ* (2 Кор. IV. 7.) нашей немощи и недостоинства, — *не нерадѣй*, — напоминаемъ тебѣ словомъ того же Апостола, который далъ намъ свидѣтельство о дарованіи Святительскомъ, — *не нерадѣй о дарованіи живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть*, нынѣ *съ возложеніемъ рукъ* Архіерейства. Напоминаніе не строгое, чтобы не устрашить тебя великостію требованія, впрочемъ довольно знаменательное, чтобы указать тебѣ твои обязанности, и достаточное, чтобы руководствовать тебя къ исполненію оныхъ.

Нѣтъ причины предполагать, чтобы много было, наипаче между служителями Таинствъ, людей, упорно отвергающихъ дарованіе Божіе. Но печальный опытъ сего останка временъ показываетъ, что не много и такихъ, въ которыхъ бы дарованіе Божіе приносило плодъ такъ обильный и очевидный, какъ въ Апостолахъ и Богоносныхъ Отцахъ нашихъ. Чѣмъ же наполняется обширная средина между сими крайностями? Безъ сомнѣнія людьми, которые не довольно радятъ о дарованіи въ нихъ Божіемъ. И такъ *не нерадѣй* о немъ: и возможешь съ симъ, толь краткимъ и простымъ правиломъ, идти такъ близ-

ко за самыми Апостолами, какъ Святый Тимоѳей за Святымъ Павломъ.

Видишь ли себя знающимъ Божественные догматы: не помышляй, что знаешь довольно, и не переставай *снимать ученію* для самого себя: *не неради.* Поучаешь ли народъ: не вознеради, сравнивая себя съ другими, рѣже въ семъ упражняющимися; но поревнуй Павлу, который день и ночь со слезами училъ своихъ, и отъ того истина словъ его была, какъ животворное солнце, а слезы его, какъ благотворный дождь, для духовной нивы.

Встрѣтишь ли въ паствѣ твоей невѣжествующихъ и заблуждающихъ: не обезпечивай себя мыслію, что они сдѣлались такими при твоихъ предшественникахъ: *не неради.* Безуспѣшность предшественниковъ не оправдаетъ безуспѣшности преемника.

Усмотришь ли Христіанъ не христіански живущихъ: не раздражайся, но и не смотри равнодушно: *не неради.* Обличи злое дѣло кроткимъ словомъ, и еще болѣе обличи добрымъ примѣромъ.

Особенно *не неради* употреблять дарованіе разума духовнаго на безпристрастное испытаніе и осмотрительное руководствованіе тѣхъ, которымъ будешь давать участіе во благодати Священства, и святую ревность на очищеніе Дома Божія отъ соблазновъ, сѣемыхъ недостойными служителями Олтаря. Для сего со страхомъ воспоминай нерадѣніе первосвященника Илія, которое кончилось погибелію его и его дѣтей, и уничтоженіемъ самой святыни Кивота Божія.

Се, въ знаменіе твердости правленія и благора-

зумной строгости вручаемъ тебѣ и священный жезлъ. Употребляй его сколько можно болѣе, какъ жезлъ пасущій, и сколько можно менѣе, какъ палицу наказующую; болѣе угрожай, нежели поражай, и все безъ нерадѣнія, со вниманіемъ, съ разсужденіемъ, со страхомъ Божіимъ.

Самъ же Пастыреначальнихъ да упасетъ и тебя и ввѣренное тебѣ стадо, *утѣшая* тебя и подкрѣпляя невидимымъ *жезломъ* Своего верховнаго всеспасительнаго Провидѣнія и управленія. Аминь.

21. РѢЧЬ

ПО РУКОПОЛОЖЕНІИ ПРЕОСВЯЩЕННАГО АГАПИТА, ЕПИСКОПА ТОМСКАГО И ЕНИСЕЙСКАГО, ГОВОРЕННАЯ ВЪ 12-Й ДЕНЬ АВГУСТА, 1834 ГОДА, ВЪ УПЕНСКОМЪ СОБОРѢ,

Преосвященный Епископъ Агапитъ!

Бога Отца прозрѣніемъ и предуставленіемъ, Царственнымъ вкупѣ и Священноначальственнымъ мановеніемъ Господа нашего Іисуса Хріста, благодатію и дѣйствіемъ Святаго Духа, при молитвенномъ и рукоположительномъ служеніи Соепископовъ, пріялъ ты нынѣ часть Епископскаго дарованія, предназначеннаго, по изъясненію Апостола, *къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Хрістова* (Ефес. IV. 12.).

Часть Епископскаго дарованія, — сказалъ я, не уменьшая твое настоящее пріобрѣтеніе, но изъ указанія на цѣлое, къ которому принадлежитъ сія часть, желая извлечь полезныя и утѣшительныя для тебя мысли.

Какое жъ это цѣлое, котораго часть досталась тебѣ въ нынѣшнемъ дарованіи? Не меньше, какъ Епископство Христово. Ибо Самого Іисуса Христа Апостолъ Петръ называетъ, по Славенскому переводу Посланія, *пастыгителемъ*, по Греческому подлиннику, *Епископомъ душъ* (1 Петр. II. 25.). Онъ, раздѣляя Свое собственное Епископство душъ, примѣнительно къ потребностямъ Церкви, коей Онъ есть *глава* (Кол. I. 18.), *далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовѣстники, овы же Пастыри и Учители* (Ефес. IV. 11.).

Видишь, какого чуднаго достоянія часть пріялъ ты нынѣ: — часть того дарованія, которымъ Благовѣстники предали и неповрежденнымъ сохранили Евангеліе Христово, которымъ Пророки освѣщали мракъ сокровеннаго и будущаго, которымъ Апостолы преобразили міръ языческій въ Христіанскій, которымъ Іоаннъ возгремѣлъ о Богѣ Словѣ, которымъ Петръ поколебалъ Синагогу, которымъ Павелъ *отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнилъ благовѣствованіе Христово* (Рим. XV. 19.), которымъ Аѳанасій, Василій, Григорій утвердили Православіе и низложили ереси, отъ котораго Іоаннъ златыми струнами ученія усладилъ и напоилъ Церковь.

Помышляй о семъ, и воскриляй твой духъ, и возбуждай твою ревность, и утверждай твое упованіе на помощь свыше.

Немощь ли устрашаетъ тебя? — Вспомни, что и Апостолу сказалъ Господь: *сила Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII. 9.).

Озабочиваетъ ли тебя то, что не на готовый идешь престолъ, но долженъ будешь самъ поставить и утвердить твое сѣдалище, и при томъ на такой землѣ, гдѣ не многопасѣянную ниву Христову окружаютъ и плевелы и терніе? — Воззри на Павла, который не только не приходилъ въ смущеніе отъ подобныхъ затрудненій, но еще любилъ *благовѣстити не идѣже именовася Христосъ, и не на чужомъ основаніи созидать* (Рим. XV. 20.).

Затрудняетъ ли тебя отдаленность паствы, тебѣ ввѣряемой? – Опять воззри на Павла, который, не довольствуясь тѣмъ, что своимъ служеніемъ наполнилъ пространство отъ Іерусалима до Иллирика, еще побуждаемъ былъ Апостольскою ревностію распространить свои подвиги до Рима и до Испаніи; или — если трудно смотрѣть такъ далеко, — воззри на собственномъ твоемъ пути на Святаго Стефана Пермскаго, на Святаго Иннокентія Иркутскаго. Не добрые ли это предшественники? Не благъ ли путь, который лежитъ по слѣдамъ ихъ?

Пріими же благодушно и благонадежно сей, частію, если угодно, и путническій, наипаче же пастырскій жезлъ; и гряди въ крѣпости Господней, и совершай спасеніе людей Божіихъ. По образу древняго Патріарха, *съ жезломъ симъ прейди* предѣлъ Европы, и да дастъ Господь, да *будеши* болѣе, нежели *въ два полка* (Быт XXXII. 10.) спасаемыхъ.

22. РѢЧЬ

КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИСИДОРУ, НОВОРУКОПОЛОЖЕННОМУ ЕПИСКОПУ ДМИТРОВСКОМУ, ГОВОРЕННАЯ НОЯБРЯ 11 ДНЯ, 1834 ГОДА.

Послѣ того, какъ соединенною молитвою сопастырей призвана тебѣ Божественная благодать *проручествующая*, то есть, чрезъ рукоположеніе нисходящая и возводящая; — послѣ того, какъ сія благодать, чрезъ открытый ею самою протокъ молитвы и рукоположенія, безъ сомнѣнія, дѣйствительно излилась на душу твою; — послѣ того, какъ нашими смиренными руками, она же облекла тебя въ полноту священныхъ одеждъ, — священныхъ, потому, что онѣ суть не просто украшенія, но знаменія даровъ и добродѣтелей, которыми Пастыреначальникъ Господь Іисусъ облачаетъ души Богу посвящаемыя; — наконецъ послѣ того, какъ сія же благодать обновила въ тебѣ свой даръ тайнодѣйствованіемъ и чрезъ тебя съ нами; — чинъ святыя Церкви повелѣваетъ мнѣ, начатое словомъ молитвы заключить словомъ напоминанія и совѣта.

Что же скажу? Не хощу сказать тебѣ моего слова, немощнаго и безжизненнаго. Чтобы запечатлѣть живое дѣло Святаго Духа, ищу живаго слова, тѣмъ же Духомъ вдохновеннаго.

Даждь намъ нуждающимся въ заемъ, Божественный Павле, твое слово, которое нѣкогда послалъ ты къ святому Тимоѳею. *Воспоминаю тебѣ*, говоритъ, *возгрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею* (2 Тим. I. 6.).

Тимоѳей былъ рукоположитель, какъ видно изъ завѣщанія ему отъ Апостола: *руки скоро не возлагай ни на когоже* (1 Тим. V. 22.). Тимоѳей былъ правитель и судія пресвитировъ, какъ видно изъ другаго ему завѣщанія: *на пресвитера хулы не пріемли, развѣ при двою или тріехъ свидѣтелехъ* (ст. 19.). Слѣдственно Тимоѳей былъ Епископъ, — былъ то, чѣмъ и тебя нынѣ таже благодать сотворила

Для особеннаго твоего настоящаго положенія, можетъ быть, не излишне будетъ замѣтить и то, что Тимоѳей является у Апостола не самостоятельнымъ Епископомъ града Ефеса, но какъ-бы мѣстоблюстителемъ, или, по нынѣшнему иноязычному названію, *Викаріемъ* святаго Павла, какъ усмотрѣть можно изъ слѣдующихъ словъ посланія Павла: *сія пишу тебѣ, уповая пріити къ тебѣ скоро; аще же замедлю, да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива* (1 Тим. III. 14. 15.). Слова сіи показываютъ, что святый Павелъ самъ дѣйствовалъ, и намѣренъ былъ лично дѣйствовать въ управленіи Церковію Ефесскою; а

между тѣмъ употреблялъ и руководствовалъ святаго Тимоѳея, сперва какъ своего сотрудника и содѣйствователя, а потомъ, по мѣрѣ надобности, и какъ самостоятельнаго дѣйствователя въ Церковномъ управленіи.

Думаю, что и слушающіе насъ не совсѣмъ безъ пользы сіе услышатъ, но найдутъ въ моихъ замѣчаніяхъ пріятное для ихъ вѣры свидѣтельство, что въ Церкви Апостольской, даже до нынѣ, все происходитъ по образцамъ Апостольскимъ. Тебѣ же, Боголюбезный братъ, сказанное мною должно показать, что не по случайному примѣненію, но по истинному праву и приличію, даже по обязанности, могу, и долженъ я, обратить къ тебѣ слово Святаго Павла, посланное къ Тимоѳею: *воспоминаю тебѣ возгрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ рукъ* нашихъ.

Видишь ли, что показуетъ тебѣ непогрѣшительное Апостольское слово? — *Даръ Божій живущій въ тебѣ возложеніемъ рукъ.*

Даръ Божій! — Не помысли о своемъ достоинствѣ; не обопрись на свою силу; не присвой себѣ того, что есть единственно Божіе; не припиши *Хрістова благоуханія* сосуду, въ которой оно положено.

Даръ Божій! — Смиряй, но не низлагай себя мыслію о своемъ недостаточествѣ или недостоинствѣ; не изнемогай въ своей немощи. Вседержительный Дародатель не требуетъ богатаго пріимателя; сила Божія не нуждается въ силѣ человѣческой.

Даръ Божій возложеніемъ рукъ! — Объими и у-

держи непоколебимою вѣрою сей даръ Святаго Духа, какъ тотъ самый, который Богъ Слово преподалъ Апостоламъ словомъ, но при томъ и дхновеніемъ, ради единосущія со Святымъ Духомъ; Который Духъ Святый низвелъ на Апостоловъ въ *дыханіи бурномъ*, но при томъ и въ *огненныхъ языкахъ*, ради единосущія съ Богомъ Словомъ; и Который наконецъ въ Апостолахъ, и преемникахъ ихъ, какъ орудіяхъ Духа, избралъ себѣ также орудіемъ и знаменіемъ руку, какъ многодѣятельнѣйшее изъ орудій.

Даръ Божій живущій въ тебѣ! — Такъ! Нѣтъ сомнѣнія, что присноживущій Источникъ жизни Богъ живые дастъ и дары. Но для сей тайны благодати совсѣмъ нѣтъ у меня слова; а есть только, для тебя и для себя, боязненное и дерзновенное, недоступное и неотступное вѣрованіе, желаніе, упованіе, стремленіе и поверженіе всего себя въ смертныя язвы Жизни за насъ умершей, изъ которыхъ единственно просіяваетъ, дышетъ и течетъ истинная жизнь, въ насъ живущая.

Но, о бѣдная смертность, или, что почти тоже, грѣховность наша! И сія, въ столь глубокомъ, въ столь неистощимомъ, въ столь чистомъ и свѣтломъ Источникѣ почерпаемая жизнь можетъ въ насъ не только возмутиться и потемнѣть, но истощиться, изсякнуть, угаснуть, отъ нашего нерадѣнія И посему-то, какъ участнику жизни благодатной, наипаче же, какъ орудію для распространенія оной, Апостолъ воспоминаетъ Тимоѳею, и я воспоминаю тебѣ, и ты самъ себѣ отнынѣ прилѣжно воспоминай,

возгрѣвати даръ Божій живущій въ тебѣ, возбуждать, питать, возращать оной приличными средствами и пособіями, какъ-то: молитвою, Словомъ Божіимъ, ревностію и вѣрностію въ порученномъ дѣйствованіи, терпѣніемъ въ трудностяхъ, любовію креста Хрістова, неуклоннымъ зрѣніемъ на образъ Хрістовъ, который долженъ быть нашимъ отличіемъ, не столько на персяхъ и на сердцѣ, сколько въ персяхъ и въ сердцѣ.

Онъ Самъ,—Верховный Пастыреначальникъ нашъ, да упасетъ и управитъ тебя, и дарованный тебѣ нынѣ даръ Свой да сохранитъ въ тебѣ, и возраститъ, и многоплоднымъ сотворитъ, въ оправданіе благопопечительнаго избранія Державной и Священной Власти, въ благопотребное и полезное служеніе Церкви, и, — если мнѣ позволено не забыть и сего, — въ облегченіе бремени, на мою немощь возложеннаго. Да будетъ жезлъ сей твой и моею на время подпорою!

23. РѢЧЬ

КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ІОСИФУ, ЕПИСКОПУ ДМИТРОВСКОМУ, ПО РУКОПОЛОЖЕНІИ ЕГО, ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСІЯ, 1842 ГОДА, ДЕКАБРЯ ВЪ 27 ДЕНЬ.

Священнымъ призваніемъ и совершившимся нынѣ освященіемъ пріобщенный къ собору сосвященноначальствующихъ и наставляющихъ въ Церкви, по Ея же уставу, ты стоишь на краткое время здѣсь еще, какъ священноначальствуемый и церковнонаставляемый. Безъ сомнѣнія, и ты не желалъ бы утратить сіи минуты, и я призванъ споспѣшествовать, чтобы онѣ для тебя не были утрачены.

И безъ меня разумѣешь, что̀ совершилось нынѣ надъ тобою: но, по Апостольскому слову и примѣру, и знаемое напомнить, *мнѣ убо нелѣпостно*, тебѣ же *твердо* (Фил. III. 1.).

Исповѣдалъ ты нынѣ *доброе исповѣданіе*, *предъ многими свидѣтелями*. Исповѣдалъ святые догматы Вѣры, священныя правила Церкви, обязанности новаго твоего служенія, Бога Помощника служенію вѣрному, Бога Отмстителя служенію невѣрному.

Симъ ты утѣшилъ и облагонадежилъ о себѣ Церковь, оправдалъ твое избраніе, поставилъ себѣ двѣ крѣпкія опоры: надежду на Бога Помощника въ подкрѣпленіе подвиговъ служенія вѣрнаго и ревностнаго, страхъ Бога Отмстителя противу колеблемости служенія небрежнаго, или невѣрнаго.

Средй высокой Трисвятой пѣсни пріяли мы тебя во Святилище, и, такъ сказать, во среду торжественнаго славословія Пресвятыя Троицы погрузили тайнодѣйствіе освященія твоего. Симъ назначено какъ то, что отъ славы Пресвятыя Троицы таинственно возсіяваетъ свѣтъ благодати Святительскія, такъ и то, что преимущественное назначеніе низпосланія сея благодати есть служеніе таинству и славѣ Пресвятыя Троицы.

Преклонилъ ты среди насъ колѣна предъ Престоломъ невидимо присутствующаго Великаго Архіерея, прошедшаго небеса, предъ Которымъ преклоняется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ. Поминай сіе, когда будешь стоять на возвышенномъ мѣстѣ, и представлять высокій образъ Его для Церкви:—поминай, что можешь быть возвышенъ въ Церкви Хрістовой потолику, поколику еси колѣнопреклонный рабъ Хрістовъ.

Словеса Святаго Евангелія пріосѣнили твою главу. Да владычествуетъ въ тебѣ надъ всякою мыслію Слово Хрістово, надъ всякимъ мудрованіемъ человѣческимъ — Божія премудрость. Сила Слова Хрістова преподана тебѣ, какъ *духовное оружіе сильное Богомъ, на разореніе твердемъ, да помышленія низлагаешь, и всяко возношеніе взимающееся*

на разумъ Божій, и да плѣняешь всякъ разумъ въ послушаніе Христово (2 Кор. X. 4. 5).

Что скажу о тайнодѣйствіи молитвъ и рукоположенія сопастырей? Чинъ ли только это Церковный? Человѣческое ли только служеніе? — Словомъ человѣческимъ создать Строителя таинъ Божіихъ? Руками человѣческими содѣлать дѣло Божіе? Кто возмечталъ бы сіе? Кто на сіе отверзъ бы несмысленно уста? Кто простеръ бы дерзновенно руку? Благословенъ Богъ, дивный во Святыхъ! *Духъ Святый постави Епископы* вначалѣ: Онъ поставляетъ ихъ и до скончанія вѣка Онъ дышалъ на Апостоловъ силою Своею въ подобіи дыханія бурнаго: и еще дышетъ въ движеніи таинственныхъ словесъ на тайнодѣйствующаго и тайнодѣйствуемаго. Онъ почилъ на Апостолахъ въ огненныхъ языкахъ, и на ученикахъ Апостольскихъ — въ рукоположеніи Апостольскомъ: Онъ почиваетъ и нынѣ на избираемыхъ Имъ и освящаемыхъ въ таинственномъ рукоположеніи отъ освященныхъ прежде преемствомъ того же Духовнаго рукоположенія. Такъ вѣруешь ты купно съ нами. и потому, когда и ты вознесешь тайнодѣйственный глаголъ, когда и ты простреш тайнодѣйствующую руку; всею силою вѣры и божественнаго желанія предавай себя въ смиренное орудіе Духу Божію: и будешь низводить благодать, и будешь размножать живыя порожденія Духа Божія и сосуды благодати.

Облаченъ ты въ Святительскія одежды и знаменія. Да, это все знаменія того, какъ долженъ ты со дня на день благолѣпнѣе и совершеннѣе облачаться въ

свойства и добродѣтели Верховнаго Святителя исповѣданія нашего, Іисуса Хріста, въ Его премудрость, въ Его ревность по славѣ Божіей, въ Его чистоту, въ Его смиреніе, въ Его человѣколюбіе, какъ подобаетъ тебѣ и образъ Божественной любви Его, и крестъ Его терпѣнія существеннѣе носить въ сердцѣ, нежели на сердцѣ.

Послѣ прочихъ, пріими и знаменіе твоего болѣе внѣшняго дѣланія,—пастырскій жезлъ Да напоминаетъ онъ тебѣ и жезлъ Аароновъ, прозябшій съ цвѣтомъ и плодомъ, и жезлъ Моусеевъ, пресѣкшій море. И твоего начальствованія жезлъ да цвѣтетъ и благоухаетъ словомъ истины и благочестія, да изращаетъ плоды дѣлъ благихъ, и да пресѣкаетъ препоны, дабы открывать людемъ Божіимъ путь спасенія. *Внимай себѣ и стаду:* и Господь да пасетъ тебя и пасомыхъ на мѣстѣ злачнѣ, на водѣ покойнѣ да питаетъ насъ!

Наипаче молимъ, Боголюбезный Братъ, творити молитвы о Благочестивѣйшемъ Самодержцѣ нашемъ Николаѣ Павловичѣ, благотворномъ Защитникѣ Святыя Церкви и Покровителѣ служащихъ Ей, и о всемъ Августѣйшемъ Домѣ Его, о мирѣ и благосостояніи Святыхъ Божіихъ Церквей и благоденствіи Православной Россіи, наконецъ и о тѣхъ, которые, по волѣ Божіей, послужили твоему избранію и освященію.

24. РѢЧЬ

ПРИ ОТКРЫТІИ ДОМА ТРУДОЛЮБІЯ ВЪ МОСКВѢ, АВГУСТА 10 ДНЯ 1824 ГОДА.

Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ: яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго. Пріиде бо Сынъ человѣческій взыскати, и спасти погибшаго. Матѳ. XVIII. 10. 11.

Предпріемлющіе нынѣ призрѣніе малыхъ сихъ, знаютъ, кто сей Великій Сынъ Человѣческій, который такъ заботится о малыхъ дѣтяхъ человѣческихъ, что не просто запрещаетъ презирать ихъ, но велитъ беречься сего презрѣнія, какъ бѣды, или преступленія, и слѣдственно заповѣдуетъ пещись о нихъ съ любовію и уваженіемъ.

Какъ же скоро вы знаете, кто даетъ сію малую заповѣдь пещись о малыхъ: сего уже довольно, чтобы она содѣлалась для васъ великою и любезною. Если пріятно услышать и исполнить облагодѣтельствованному слово благодѣтеля, помилованному слово помилователя, избавленному отъ погибели

слово спасителя: то какъ должно быть пріятно услышать и исполнить Христіанину слово Христово? Благочестивые предки наши знали силу и увлекающую сладость сего чувствованія. Отъ слова: *подай Христа ради*, отверзались желѣзныя двери сокровищницъ. Отъ слова: *прости Христа ради*, сокрушались оковы, и мечь упадалъ изъ руки правосудія. Уповаю, что и предпріемлющимъ сіе призрѣніе бѣдныхъ дѣтей, дѣло сіе пріятно, какъ исполненіе заповѣди Того, Который, будучи *Богъ Благословенный во вѣки*, насъ ради содѣлался не только сыномъ человѣческимъ, но бѣднѣйшимъ на земли младенцемъ.

Но не оставимъ безъ особеннаго вниманія тѣхъ побужденій къ призрѣнію малыхъ, которыя Онъ предлагаетъ.

Первое побужденіе не презирать малыхъ. *яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца небеснаго.*

Смотря на дѣтей очами плоти, мы усматриваемъ въ нихъ немощь, несовершенство, часто даже неблагообразіе и нечистоту. Отъ того люди, склонные къ нѣгѣ, мало иногда пекутся даже о тѣхъ дѣтяхъ, съ которыми связаны узами природы. Отъ того лучшее въ отношеніи къ малымъ симъ естественное чувствованіе, можетъ быть, есть жалость о ихъ безпомощности, а не уваженіе къ сему малому и слабому существу: но сего-то уваженія требуетъ Господь *Блюдите, да не презрите* Что же дѣлаетъ Онъ, дабы вдохнуть сіе благодатное чувствованіе

человѣколюбія? — Отъемлетъ завѣсу плоти; отверзаетъ предъ нами духовный міръ, и, на мѣстѣ младенца и няни, показываетъ намъ душу и Ангела ея. Теперь осмѣлимся ли пренебрегать? И что еще сказываетъ онъ? — *Ангели ихъ на небесьхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* Почему говоритъ Онъ о ихъ только Ангелахъ? А мы возрастные развѣ не имѣемъ также Ангеловъ? Развѣ наши Ангелы не *выну вядятъ лице Отца небеснаго? Не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми, за хотящихъ наслѣдовати спасеніе?* Ахъ! трудно говорить о нашихъ Ангелахъ такъ, какъ объ Ангелахъ младенцевъ. Кто знаетъ, не уклоняются ли уже отъ насъ Духи свѣта, будучи отражаемы дѣлами и помышленіями нашими? Можетъ быть, и тогда, когда они приближаются къ намъ для нѣкоего служенія, принуждены ограждать себя облакомъ отъ нашей нравственной нечистоты, несносной для нихъ, и не могущей сносить прикосновенія чистаго свѣта ихъ. Но Ангелы Хранители младенческаго сердца, еще не омраченнаго страстію, не растлѣннаго порокомъ, безъ препятствія обращаются между малыми сими и Отцемъ небеснымъ, и пріемлемымъ отъ Него свѣтомъ ограждаютъ ихъ отъ мрачныхъ силъ, и своимъ сообщеніемъ съ ними даютъ имъ то, что въ дѣтяхъ и незнающіе Ангеловъ признаютъ Ангельскимъ. Итакъ благо человѣкамъ, которые Христіанскимъ попеченіемъ о малыхъ сихъ входятъ въ участіе небеснаго Ангельскаго служенія, охраняя ихъ и руководствуя со стороны видимаго міра, подобно какъ Ангелы

охраняютъ ихъ и руководствуютъ со стороны міра невидимаго. Сіе значитъ дружиться съ ихъ и своими Ангелами небеснымъ содружествомъ.

Другое побужденіе не презиратъ малыхъ: *пріиде бо Сынъ человѣческій взыскати, и спасти погибшаго.*

Помышленіе о цѣли пришествія Сына Божія на землю есть самый обильный, самый чистый источникъ благотворительныхъ расположеній во всякомъ родѣ. Если Сынъ человѣческій *пріиде взыскати и спасти погибшее*, то, что уже погибло: то можно ли послѣдователямъ Его, то, что Имъ такъ чудесно спасено, по нерадѣнію вновь предавать опасности погибнуть? Если Онъ съ небесъ пришелъ на землю искать погибшаго: простительно ли было бы намъ не перейти отъ одного состоянія человѣческаго къ другому состоянію, дабы приближиться къ тому, что имѣетъ нужду въ помощи или сохраненіи? Если Онъ оставилъ Божественное блаженство, чтобы доставить спасеніе бѣдному человѣчеству: велико ли, когда мы удѣлимъ часть дарованныхъ отъ Него временныхъ благъ на призрѣніе малыхъ сихъ, которые равно съ нами суть наслѣдники вѣчнаго блаженства? И какъ великое дѣло, симъ малымъ средствомъ, совершиться можетъ! Спасенные Великимъ Спасителемъ становятся орудіями спасенія, и, такъ сказать, малыми спасителями для малыхъ сихъ, и, если не дерзновенно сіе сказать, нѣкоторымъ образомъ благодѣтелями своего Спасителя: ибо Онъ сказалъ *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе.* Если

вы призрѣніемъ и попеченіемъ спасли жизнь, здравіе. благоденствіе, чистоту сердца, одному изъ малыхъ сихъ: вы сдѣлали благодѣяніе Мнѣ. *Мнѣ сотвористе.*

Да благословитъ Господь открывающееся здѣсь нынѣ учрежденіе къ призрѣнію и воспитанію малыхъ сихъ. Да дастъ благодать всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ сего призрѣнія и воспитатія, чтобы они творили дѣло сіе въ Духѣ Хрістовомъ. Да дастъ благодать призираемымъ, чтобы они познали Отца Небеснаго, Который далъ имъ земныхъ родителей, и теперь даруетъ еще другихъ, въ замѣнъ первыхъ, и чтобы, возрастая по внѣшнему человѣку, сохранили младенческую чистоту и простоту сердца, любезную человѣкамъ и Ангеламъ, и которой Царь и Судія небесный присудилъ право на Царствіе небесное.

25. РѢЧЬ

ПРИ ЗАЛОЖЕНІИ ВЪ МОСКВѢ ТРІУМФАЛЬНЫХЪ ВОРОТЪ, ГОВОРЕННАЯ АВГУСТА 17 ДНЯ, 1829 ГОДА

По державной волѣ Благочестивѣйшаго Императора Николая Павловича, на семъ мѣстѣ должны воздвигнуться торжественныя врата въ память незабвенныхъ дней Александра Благословеннаго, въ память отечественныхъ бѣдствій, вознагражденныхъ побѣдами и славою, въ память возрожденія сего Царствующаго Града, ожесточеніемъ враговъ почти разрушеннаго, Провидѣніемъ Божіимъ дивно сохраненнаго, любовію къ Отечеству возстановленнаго съ большимъ прежняго благолѣпіемъ и великолѣпіемъ.

Посему мы собраны здѣсь нынѣ, чтобы призвать благословеніе Божіе на основаніе и созиданіе сего памятника. Правило Христіанское, чтобы всякое дѣло и начинаніе *освящалось словомъ Божіимъ и молитвою.*

Съ мыслію о памятникѣ всего чаще соединяется мысль о славѣ людей и дѣлъ, которыя составляютъ

предметъ памятника; но если бы только славолюбію человѣческому свойственно было созидать памятники, то тщетно старались бы мы освятить дѣло, у котораго его духъ и намѣреніе отнимали бы внутреннее достоинство, подобно какъ червь у плода, въ которомъ онъ скрывается. Итакъ, дабы благонадежно призвать благословеніе Божіе на видимое основаніе памятника, надлежитъ прежде благонадежно утвердить его невидимое основаніе, то есть, побужденіе и намѣреніе, съ какимъ онъ созидаемъ быть долженъ.

Естественное, простое, и по простотѣ своей чистое побужденіе къ созиданію общественныхъ памятниковъ должно полагать въ любви къ Отечеству и благодарности къ людямъ, которые по общеполезнымъ подвигамъ достойны жить въ памяти Отечества. Чтобы въ семъ удостовѣриться, возведемъ нашу мысль къ началу памятниковъ частныхъ, которые въ происхожденіи должны были предшествовать общественнымъ, такъ какъ семейство предшествовало Государству. — Сынъ любитъ сидѣть подъ древомъ, подъ которымъ часто видѣлъ сидящимъ отца своего, и наслаждался бесѣдою отеческой любви и опытной мудрости: въ семъ случаѣ дерево есть памятникъ отца для сына, и то, что дѣлаетъ оное памятникомъ, есть любовь сыновняя; по колику они напоминаютъ прошедшее только одному знающему оное, а человѣкъ желаетъ и для другихъ сдѣлать памятнымъ то, что для него незабвенно: то отъ недостатка и несовершенства памятниковъ естественныхъ должна была родиться мысль устроить

искуственные памятники. Что дѣлалъ человѣкъ, то по времени сталъ дѣлать народъ, который есть тотъ же человѣкъ, только умноженный: и такимъ образомъ произошли общественные памятники.

Если любовь къ Отечеству изобрѣтаетъ памятники общественные: то пользуется симъ изобрѣтеніемъ Государственная мудрость. — Памятникъ есть безмолвный проповѣдникъ, который, въ нѣкоторомъ отношеніи, можетъ быть превосходнѣе говорящаго, потому что не прекращаетъ порученной ему проповѣди, и такимъ образомъ она доходитъ до цѣлаго народа, и до многихъ послѣдовательныхъ родовъ. — Памятникъ есть книга, которой не нужно искать въ книгохранилищѣ, потому что она лежитъ на пути; и такимъ образомъ читается и тѣми, которые не думали раскрывать ее. Примѣтивъ сіе, мудрость Государственная благопріятствуетъ устроенію памятниковъ, дабы они въ свою очередь внушили народу ту самую любовь къ Отечеству, которая внушила мысль устроять ихъ, и дабы, возвѣщая добродѣтели и подвиги предковъ, къ тѣмъ же добродѣтелямъ и подвигамъ поощряли потомковъ.

Такъ, если Богъ благоволитъ воздвигнуться основываемому нынѣ памятнику, онъ будетъ возвѣщать непобѣдимое мужество Благословеннаго Царя и съ нимъ вмѣстѣ благословеннаго народа, великія жертвы, принесенныя Царемъ и народомъ для спасенія Отечества, и великое спасеніе, пріобрѣтенное великими жертвами. Поученіе, подлинно достойное вниманія потомства! Такимъ образомъ уже мы па-

ходимъ, что есть памятники, въ гражданскомъ отношеніи священные. Но какъ мы призваны для освященія Христіанскаго, то не умедлимъ показать, что и таковаго освященія могутъ быть достойны гражданскіе памятники, именно тогда, когда глубокимъ основаніемъ ихъ есть благочестіе и благодарность къ Богу, Верховному Виновнику благотворныхъ для общежитія человѣческаго, и по благотворности достопамятныхъ событій.

Въ книгѣ Царствъ, послѣ описанія вторженія иноплеменниковъ во Святую землю и побѣды, одержанной надъ ними по молитвѣ Пророка Самуила, читается слѣдующее: *и взя Самуилъ камень единъ, и постави его между Массифаоомъ и между ветхимъ и нарече имя ему: Авенезеръ; сирѣчь камень помощи; и рече: доздѣ поможе намъ Господь* (1 Цар. VII. 12.). Вотъ памятникъ, безъ сомнѣнія благословенный и священный, потому что имъ благословляется и святится имя Господа Помощника.

Нѣтъ сомнѣнія, и Благочестивѣйшій Николай, указуя сіе мѣсто для памятника, рече въ сердцѣ своемъ: *здѣ поможе намъ Господь.* Человѣкъ, котораго имя не желаю я произнести, прошелъ здѣсь, съ любезнымъ ему опустошеніемъ, сквозь Столицу до близъ лежащаго дома Петрова: сдѣлалъ себѣ кратковременнымъ, достойнымъ себя памятникомъ, пожаръ Петрова дома; доздѣ дошелъ онъ; и уже не дано ему идти далѣе; онъ возвратился, чтобы поспѣшать къ своей собственной погибели. *Отздѣ поможе намъ Господь.*

Вознесемъ убо съ Благочестивѣйшимъ Государемъ и мы благоговѣйныя сердца къ Богу—Помощнику, и вновь призовемъ Его помощь, да воздвигнется сей памятникъ въ благодареніе и славу Ему и въ благодатное наставленіе родамъ грядущимъ.—Да возвѣщаетъ онъ помощь Господню бывшую, и да увѣщаетъ къ упованію и на помощь Господню будущую. Да входитъ сими торжественными вратами многолѣтно въ первопрестольный Градъ Свой Благочестивѣйшій Государь нашъ, со славою побѣдъ, и съ радостію мира. Да не внидетъ никогда сими вратами врагъ, да не убѣгнетъ ими злоумышленникъ. — Да исходитъ ими во вѣки вѣрный Градъ въ срѣтеніе законному и возлюбленному Царю.

Граде, до нынѣ дивно Богоспасаемый! *Да прозовется* и впредь, по Пророку, *спасеніе забрала твоя, и врата твоя* хвала (Исаіи LX. 18).

26. РѢЧЬ

ПРИ БЛАГОДАРСТВЕННОМЪ КЪ ГОСПОДУ БОГУ МОЛЕБНОМЪ ПѢНІИ, ВЪ ВЫСОЧАЙШЕМЪ ПРИСУТСТВІИ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, КЪ СОБРАННЫМЪ ИЗЪ БЕЗСРОЧНАГО ОТПУСКА ВОИНАМЪ, ОКТЯБРЯ 2 ДНЯ, 1843 ГОДА

Предъ лицемъ Бога мира, видя соборъ сыновъ брани, что помыслитъ, что скажетъ Церковь, служительница Бога мира?

Не будетъ ли тѣмъ сильнѣе вопіять къ Богу о мирѣ, чѣмъ явственнѣе напоминаетъ о брани, сіе множество испытанныхъ въ искусствѣ брани, и среди мира и отдыха къ брани готовыхъ?

Когда наконецъ, по пророчеству, *раскуютъ мечи своя на орала, и копія на серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча, и не навыкнутъ къ тому ратоватися* (Ис. II. 4.)?

И кому не пріятенъ, кому не желателенъ миръ, не исключаяи сыновъ брани?

Однако—Господь, нарицаемый *Богомъ мира*, не нарицаетъ ли Себя также *Господомъ воинствъ*?

Не Богъ ли *научаетъ руки* вѣрныхъ Своихъ *на ополченіе, персты на брань* (Псал. CLXIII. 1.)?

Авраамъ, образецъ кроткой вѣры, не воевалъ ли за своихъ родныхъ и за союзныхъ Царей?

Не войною ли, по повелѣнію Божію, народъ Божій пріобрѣлъ землю обѣтованную?

Не Ангелъ ли Божій сдѣлалъ гумно Гедеона военноучебнымъ поприщемъ, и сильнымъ небеснымъ словомъ образовалъ его для побѣды надъ Мадіанитами?

Духъ Божій, Который носился надъ Давидомъ отъ дня помазанія его, не управлялъ ли рукою его, не только тогда, когда онъ извлекалъ изъ десятострунной псалтири пророчественные звуки, но и тогда, когда онъ побѣдоносно стрѣлялъ въ Голіаѳа, хотя не изъ лука стрѣлою, а камнемъ изъ пращи?

Равноапостольный Царь Константинъ, для чего первѣе всего употребилъ крестъ Христовъ, только что имъ познанный?—Для брани и побѣды.

Итакъ — Богъ любитъ добродушный миръ: и Богъ же благословляетъ праведную брань. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ есть на земли немирные люди, мира не льзя имѣть безъ помощи военной. Честный и благонадежный миръ большею частію надобно завоевать. И для сохраненія пріобрѣтеннаго мира надобно, чтобы самый побѣдитель не позволялъ заржавѣть своему оружію.

И такъ, Православные воины, словомъ Давидовымъ говоритъ вамъ Святая Церковь, приглашая

въ то же время и васъ говорить съ нею: *благословенъ Господь Богъ* нашъ, *научаяй руки* ваши *на ополченіе, персты* ваши *на брань!*

Любитъ миръ Самодержецъ Россіи: но по сему самому крѣпко стрежетъ его стражею сильнаго, вѣрнаго, искуснаго воинства.

Любитъ Онъ миръ Царства, и миръ Своихъ воиновъ: и потому-то ускорилъ Онъ вамъ переходъ отъ военныхъ подвиговъ къ мирнымъ занятіямъ, хотя впрочемъ еще находитъ нужнымъ сохранить въ васъ искусство брани: потому что въ мирѣ надобно сѣять, на случай нужды, сѣмена побѣдъ.

Мирные сыны брани! Уразумѣйте, возчувствуйте, оправдайте Царское о васъ попеченіе

Нѣкогда въ Іерусалимѣ одни и тѣ же люди, въ одно и то же время, должны были строить городскія стѣны, и ежеминутно быть въ готовности отразить враговъ: *единою рукою своею творяху дѣло, а другою держаху мечь* (Неем. IV. 17). И сей сугубо тяжкій подвигъ перенесла и совершила любовь къ отечественному граду. Вы можете обѣими руками, безопасно, безпрепятственно, дѣлать предоставленное вамъ дѣло поселянина или гражданина: дѣлайте мирное дѣло ваше спокойно, трудолюбиво, честно, для довольства и блага вашей собственной жизни: но не забывайте и вашего меча, который можетъ еще понадобиться Отечеству.

Духъ порядка, совершеннаго повиновенія, точности въ исполненіи должнаго, который составляетъ одно изъ отличительныхъ достоинствъ военнаго зва-

нія, сохраняйте и въ гражданскомъ положеніи вашемъ, и легкимъ способомъ добраго примѣра простирайте его на другихъ.

Не забывайте, что добрый воинъ, левъ противъ враговъ, долженъ быть агнцемъ между своими. Живите кротко и любовно: а гнѣвъ и грозу берегите для враговъ Отечества.

Паипаче не забывайте, что добрый воинъ Царя Благочестивѣйшаго долженъ быть равномѣрно *добръ воинъ Іисусъ Христовъ*. Надобно ли въ подтвержденіе сего вновь напоминать вамъ о древнихъ побѣдоносцахъ, и увѣрять васъ Апостольскимъ словомъ, что они *вѣрою побѣдиша царствія* (Евр. XI. 33.)? — Вы это ближе и простѣе знаете изъ дѣяній нашихъ предковъ, нашихъ Царей, нашихъ избранныхъ вождей.

Тотъ воинъ истинно не побѣдимъ, которому вѣнецъ мученичества за Вѣру, Царя и Отечество, такъ же любезенъ, какъ и вѣнецъ побѣды.

Тотъ лучшій слуга Царевъ, и надежнѣйшій защитникъ Отечества, кто въ вѣрномъ Богу сердцѣ, въ чистой совѣсти носитъ вѣрную надежду Отечества небеснаго.

Воины Христіане! Се Царь предводитъ васъ не къ подвигамъ браннымъ, но къ Самому Источнику побѣдъ и мира, представляя васъ, и Самъ предстоя съ вами Господу силъ, въ молитвѣ и благодареніи. Какая для васъ награда! Какое утѣшеніе для Церкви! Какая душа не возвысится, въ слѣдъ за симъ высокимъ призваніемъ?—Горѣ сердца! Да испра-

вится молитва, яко кадило! Да пройдетъ небеса! Да пріимутъ ее Архистратиги небесныхъ Силъ, и принесутъ къ престолу Царя царствующихъ! *Господи, спаси Царя! Господи силъ съ нами буди!* Господи, *на людехъ Твоихъ благословеніе Твое.* Аминь.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

СЛОВА

НА ЦАРСКІЕ ДНИ.

Стран.

1. СЛОВО въ день вѣнчанія и помазанія на Царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича, говоренное въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ, Сентября 15, 1821. *О неприкосновенности Помазанныхъ.* 3

2. СЛОВО въ тотъ же день, говоренное въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ, 1823. *О обязанности, видахъ, порядкѣ и цѣли молитвы.* 14

3. СЛОВО въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи, говоренное въ Каѳедральной Церкви Чудова Монастыря, Іюня 25, 1826 г. Изъ словъ. *правда возвышаетъ языкъ.* 26

4. СЛОВО въ тотъ же день, говоренное въ Успенскомъ Соборѣ, 1834 года. *О благочестіи, какъ основаніи прочнаго благоденствія.* 34

II

Стран.

5 СЛОВО въ тотъ же день, 1842. *Вся вамъ любовію да бываютъ.* 45

6 СЛОВО въ тотъ же день, 1843 *Молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ.* 45

7. СЛОВО въ день Тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, говоренное въ Мраинской Церкви Императорскаго Вдовьяго Дома, Декабря 6, 1826 года. *О томъ, что благотвореніемъ вѣрно пріобрѣтается благословеніе Божіе* . . . 65

8 СЛОВО въ тотъ же день и при такомъ же случаѣ, 1834. *О человѣколюбіи въ отношеніи къ болящимъ.* 75

9. СЛОВО въ тотъ же день, при такомъ же случаѣ. Изъ словъ: *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ.* 83

10 СЛОВО въ день восшествія на Всероссійскій Престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, говоренное въ Благовѣщенской Церкви Чудова Монастыря, Ноября 20, 1837 года *О важности доблестей семейственныхъ* 92

11. СЛОВО въ день Священнаго Мѵропомазанія и вѣнчанія на Царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи, говоренное въ Успенскомъ Соборѣ, Августа 22, 1833 г. Изъ словъ: *Побѣждай благимъ зело* 99

12 СЛОВО въ тотъ же день, 1836. *О повиновеніи власти.* 107

13. СЛОВО въ тотъ же день, 1838. *О важности священно таинственныхъ учрежденій.* 118

14 СЛОВО въ тотъ же день, 1842. *О поощреніи другъ друга къ добру.* 129

15. СЛОВО въ день рожденія Наслѣдника Престола, Государя Цесаревича, Великаго Князя Александра Николаевича, говоренное Апрѣля 17 дня, 1835 года. 139

Стран

16 СЛОВО въ день Тезоименитства Благовѣрнаго Государя, Наслѣдника Престола, Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича, говоренное Августа 30, 1832 г. 150

17. БЕСѢДА въ день Торжества о рожденіи Великаго Князя Николая Александровича, говоренная въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ Соборѣ, Сентября 11, 1843 года. 156

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

СЛОВА

НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ.

Стран.

1. СЛОВО на воспоминаніе происшествій 1812 года, говоренное въ 1814 году. *О гласѣ вопіющаго въ пустыни* 165

2 СЛОВО при вступленіи въ управленіе Московскою пастьою, говоренное въ Успенскомъ Соборѣ, Августа 14, 1821 г. *О благодати и мирѣ, какъ предметахъ желанія* 181

3. СЛОВО къ воспріемлющимъ обѣтъ сердобольныхъ вдовъ, говоренное въ Маріинской церкви Императорскаго Вдовьяго Д[illegible] Декабря 12, 1821 года. *О томъ, что дѣла служенія страждущему человѣчеству должны быть одушевляемы любовію къ Богу и ближнимъ.* 193

4. СЛОВО при посвященіи города Серпухова, говоренное въ Высоцкомъ Монастырѣ, Іюня 2, 1822 года. *О главныхъ предметахъ дѣятельнаго ученія спасительной благодати.* 201

5. СЛОВО при открытіи Попечительства о бѣдныхъ Духовнаго званія, говоренное въ Каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ, Декабря 2, 1823 года. . . 213

6 СЛОВО предъ присягою для избранія Судей. . . . 225

Стран.

7. СЛОВО на такой же случай. 234
8 СЛОВО къ новоизбраннымъ Судіямъ предъ произнесеніемъ присяги. 241
9 СЛОВО по случаю возложенія на раку мощей Св. Алексія Митрополита Покрова и медали за Персидскую войну, говоренное въ Каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ, Маія 27, 1828 года. . . 246
10 СЛОВО на заключеніе мира съ Оттоманскою Портою въ 1830 году. 257
11. БЕСѢДА предъ пренесеніемъ памятниковъ прежняго заложенія Храма Христа Спасителя, для приготовленія къ заложенію онаго на новомъ мѣстѣ, говоренная Іюня 20 дня, 1838 года. . . 267
12. БЕСѢДА при посѣщеніи Свято-Троицкой Единовѣрческой Церкви, предъ заложеніемъ на Единовѣрческомъ кладбищѣ Храма Всѣхъ Святыхъ, говоренная Сентября 8 дня, 1840 года. . . 272
13 БЕСѢДА на Сырной недѣлѣ противъ невоздержанія. . 283
14 БЕСѢДА по крестномъ Ходѣ. 291

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

СЛОВА

НАДГРОБНЫЯ.

Стран.

1. СЛОВО при гробѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, говореннос въ Архангельскомъ Соборѣ, Февраля 4 дня, 1826. 305
2. СЛОВО при гробѣ Блаженныя памяти Государыни Императрицы Елизаветы Алексіевны, говоренное въ Можайскомъ Николаевскомъ Соборѣ въ присутствіи Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Маія 26 дня, 1826 года. . . . 317
3. СЛОВО предъ погребеніемъ тѣла Свѣтлѣйшаго Князя Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, говоренное въ С. Петербургскомъ Казанскомъ Соборѣ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государей, Великихъ Князей: Николая Павловича и Михаила Павловича, Іюня 13 дня, 1813 года. 324

ОТДѢЛЕНІЕ X.

БЕСѢДЫ

О РАЗНЫХЪ ИЗРЕЧЕНІЯХЪ СВ. ПИСАНІЯ, И О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ УЧЕНІЯ ХРИСТІАНСКАГО.

Стран

1. БЕСѢДА *о благодарности Богу*. 349
2. БЕСѢДА *о молитвѣ Господнеи*. 1812 года. . . . 360
3. БЕСѢДА *о благословенномъ рожденіи дѣтей*. . . . 374
4. БЕСѢДА *о новомъ рожденіи свыше*. 383
5. БЕСѢДА *о прикосновеніи вѣры ко Христу* . . . 393
6. БЕСѢДА *о молитвѣ съ должнымъ приготовленіемъ*. 401
7. БЕСѢДА изъ словъ Святаго Апостола Павла: *помолюся духомъ, помолюся же и умомъ: воспою духомъ, воспою же и умомъ*. 412
8. БЕСѢДА *о страхѣ Божіемъ*. 421
9. БЕСѢДА *о благомъ игѣ Христовомъ*. 429
10. БЕСѢДА *о нищетѣ духовной*. 439
11. БЕСѢДА *объ очищеніи сердца*. 447
12. БЕСѢДА *о благочестивомъ усердіи*. 453
13. БЕСѢДА изъ притчи: *о плевелахъ*, говоренная 8 Ноября 1825 года. 463
14. БЕСѢДА *о соблазнахъ*. 473
15. БЕСѢДА *о упокоеніи труждающихся и обремененныхъ*. 481
16. БЕСѢДА *о нашемъ житіи на небесѣхъ*. 491
17. БЕСѢДА *о небесной наградѣ*. 498

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

РѢЧИ.

Стран.

1. РѢЧЬ Благочестивѣйшему Государю Императору Александру Павловичу, предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ, Августа 25 дня, 1823 года. 509
2. РѢЧЬ Емуже въ день тезоименитства Его Величества, Августа 30 дня, 1823 года. 511
3. РѢЧЬ при всенародномъ открытіи хранящагося въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, завѣщательнаго Акта въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, о назначеніи на наслѣдственный Всероссійскій Престолъ Его Императорскаго Величества, Благочестивѣйшаго Государя Николая Павловича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, Декабря 18 дня, 1825 г. 512
4. РѢЧЬ Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, предъ вступленіемъ Ея Величества въ Успенскій Соборъ, Апрѣля 30 дня 1826 года. 515
5. РѢЧЬ Благочестивѣйшему Государю Императору Николаю Павловичу, предъ вступленіемъ Его Ве-

Стран.

личества въ Успенскій Соборъ для священнаго Коронованія и Мѵропомазанія, Августа 22 дня, 1826 года. 516

6. РѢЧЬ Емуже при срѣтеніи Его Величества въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, Сентября 25 дня, 1826 года. 518

7. РѢЧЬ Емуже предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій Соборъ, Сентября 29 дня, 1830 г., во время открывшейся въ Москвѣ губительной болѣзни 520

8. РѢЧЬ Емуже при вступленіи въ Успенскій Соборъ, Сентября 20 дня, 1832 года. 521

9 РѢЧЬ Емуже при вступленіи въ Успенскій Соборъ, Сентября 8 дня, 1834 года. 522

10. РѢЧЬ Емуже, по случаю прибытія въ Москву Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Престола, Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича, при вступленіи Его Величества и Его Высочества въ Успенскій Соборъ, Октября 12 дня, 1834 года 524

11. РѢЧЬ Емуже предъ вступленіемъ въ Успенскій Соборъ, Октября 27 дня 1837 года, по возвращеніи Его Величества изъ Закавказскаго путешествія 526

12 РѢЧЬ Емуже при вступленіи въ Успенскій Соборъ, Сентября 4 дня, 1839 года, послѣ открытія Бородинскаго Памятника. 528

13. РѢЧ Емуже при торжественномъ заложеніи Храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ, Сентября 10 дня, 1839 года. 530

14. РѢЧЬ Емуже предъ вступленіемъ Его Императорскаго Величества съ Высоконовобрачными, Государемъ Наслѣдникомъ Престола, Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ и Государынею Цесаревною, Великою Княгинею

Стран.

Маріею Александровною, въ Успенскій Соборъ, Мая 14 дня, 1841 года. 533

15. РѢЧЬ Ея Императорскому Величеству Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, предъ вступленіемъ въ Успенскій Соборъ Августа 4 дня, 1837 года. 535

16. РѢЧЬ Его Императорскому Высочеству, Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Государю Цесаревичу Великому Князю, Александру Николаевичу, предъ вступленіемъ въ Московскій Успенскій Соборъ, Іюля 24 дня, 1837 года. 537

17. РѢЧЬ Ему же предъ вступленіемъ въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру, Августа 2 дня, 1837 года. . 539

18 РѢЧЬ Ему же предъ вступленіемъ въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Государынею Цесаревною Великою Княгинею Маріею Александровною, Маія 8 дня, 1841 года. 541

19 РѢЧЬ къ Преосвященному Епископу Дмитровскому Кириллу, по рукоположеніи Его въ Успенскомъ Соборѣ, Октября 26, дня 1824 года. 543

20. РѢЧЬ къ Преосвященному Епископу Тамбовскому Евгенію, по рукоположеніи Его въ Успенскомъ Соборѣ, Іюня 9 дня, 1829 года. 548

21. РѢЧЬ къ Преосвященному Епископу Томскому и Енисейскому Агапиту, по рукоположеніи Его въ Успенскомъ Соборѣ, Августа 12 дня, 1834 года. 553

22. РѢЧЬ къ Преосвященному Исидору, новорукоположенному Епископу Дмитровскому, Ноября 11 дня, 1834 года. 556

23. РѢЧЬ къ Преосвященному Іосифу, Епископу Дмитровскому, по рукоположеніи Его въ Каѳедральной Церкви Святителя Алексія, Декабря 27 дня, 1842 года. 561

Стран

24. РѢЧЬ при открытіи Дома Трудолюбія въ Москвѣ, Августа 10 дня, 1824 года. 565

25 РѢЧЬ при заложеніи въ Москвѣ Тріумфальныхъ Воротъ, Августа 17 дня, 1829 года. 570

26 РѢЧЬ при благодарственномъ къ Господу Богу молебномъ пѣніи, въ Высочайшемъ присутствіи Его Императорскаго Величества, къ собраннымъ изъ безсрочнаго отпуска воинамъ, Октября 2 дня, 1843 года. 575

ПОГРѢШНОСТИ

въ 1-й части.

Стр.	*Стро.*		*должно читать*
117	1	явленій	явленій
—	4	состоть	состоитъ
175	6	такъ щедро	какъ щедро
353	2	Не голодъ	Но голодъ
420	10	признаю	признано
426	19	начитаетъ	начинаетъ
477	20	можетъ	можемъ
483	14	живущаго	присно живущаго
499	5	подвизать	начинающаго подвизать
502	22	нужда	нужна
525	13	*сему*	*дому сему*

во 2-й части.

97	30	въ сравненіе	въ сравненіи
104	30	на захочетъ	не захочетъ
125	5	бы	бо
162	26	благословеніе.	благоволеніе.
200	13	били	были
330	25	презирай	призирай
347	1	презираяй	призираяй
361	15	такъ	какъ
383	3	самочиненіе	самочиніе
453	23	не меньше,	не меньшіе,

въ 3-й части.

86	14	на горѣ,	поучалъ на горѣ,
230	1	*иному*	*къ иному*
259	2	по ой	покой
328	3	арство	царство
369	21	*ще*	*аще*
548	26	священническихъ,	священничества,
551	29	уничтоженіемъ	уничиженіемъ
554	24	струнами	струями